

Г.З. ИОФФЕ

КОЛЧАКОВСКАЯ
АВАНТЮРА

И ЕЕ КРАХ

Г.З. ИОФФЕ

КОЛЧАКОВСКАЯ АВАНТЮРА И ЕЕ КРАХ

Москва «Мысль» 1983

ББК 63.3(2)712-4
И75

РЕДАКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

доктор исторических наук **Е. Н. Городецкий**,
доктор исторических наук **В. Г. Колычев**

В 1907 г. в статье «Революция и контрреволюция», обобщавшей опыт первой революции в России, В. И. Ленин писал: «Партии пролетариата остается позаботиться о том, чтобы богатые политические уроки нашей *революции* и *контрреволюции* были глубже продуманы и тверже усвоены широкими массами»¹ (курсив мой.— Г. И.). Понятно, что эти ленинские слова в полной мере следует отнести и к двум другим российским революциям — Февральской и Великой Октябрьской.

Богатым урокам революций посвящена огромная литература, которая продолжает непрерывно пополняться. Несколько иначе обстояло дело с уроками контрреволюции 1917 г., периода гражданской войны и иностранной интервенции.

В 20-х годах эта тема довольно активно разрабатывалась, но позднее почти исчезла из поля зрения историков. Гражданская война и интервенция отодвигались, уходили в прошлое; эпоха первых пятилеток, годы Великой Отечественной войны и восстановления разрушенного хозяйства выдвигали на первый план новые идеологические задачи. Но в 60—70-х годах тема российской контрреволюции и ее краха вновь стала вызывать к себе растущий интерес². Какие факторы определяли его? Прежде всего само развитие историографии Великого Октября и гражданской войны. На определенном этапе оно настоятельно потребовало изучения социально-политической сущности контрреволюции, поскольку революция и контрреволюция — два неразрывно связанных процесса и без понимания одного невозможно глубокое понимание другого. Это как раз то, о чем предельно четко говорил В. И. Ленин: «Революция без контрреволюции не бывает и быть не может»³.

Но есть и еще один, может быть, более важный фактор. Вспомним, как тщательно изучал В. И. Ленин опыт европейских контрреволюций. В соглашательской политике меньшевиков и эсеров он видел луиблановщину. Предупреждал, что Милюков и Керенский ищут среди контрреволюционных генералов доморощенного Наполеона, и

раскрывал классовый источник, из которого могут прийти российские Кавеньяки. Позднее он показывал, что именно коалиция «шейдемановцев и каутскианцев (по-русски: «меньшевиков» и «социалистов-революционеров», сторонников Учредительного собрания)» мостит пути к контрреволюционной диктатуре, в частности к власти Колчака⁴.

Но так же как российская контрреволюция впитала в себя опыт предшествовавших контрреволюционных движений в других странах, так и современная империалистическая реакция, развернувшая ныне борьбу с силами социализма и демократии в глобальном масштабе, усвоила немало из того, что было опробовано антисоветизмом и антибольшевизмом более 60 лет тому назад. И это естественно: ведь контрреволюция в России, а затем в эмиграции отнюдь не представляла собой исключительно «русское явление»; она была органической частью (можно сказать — авангардной) международного антикоммунистического фронта. У. Черчилль очень ясно выразил это, когда позднее писал, что в годы гражданской войны и интервенции «русские белогвардейцы сражались за наше дело»⁵.

В политических и идеологических лабораториях «демократической контрреволюции» и «белого дела» были разработаны такие «концепции», которые и по сей день (пусть в модернизированном виде) использует империалистическая реакция. Известный американский советолог Р. Пайпс усмотрел в струвизме эпохи гражданской войны образец единственно правильной политики по отношению к коммунизму: «отбрасывание» «с позиции силы». В милюковской «новой тактике» 1920—1921 гг., рассчитанной на разложение Советской власти «изнутри», он разглядел элементы нынешнего «детанта» (со стороны Запада)⁶. А буржуазно-реставраторские тенденции сменовеховства, усвоившего идею «бессмысленности» революций у «Вех» 1909 г. — этой, по характеристике В. И. Ленина, «энциклопедии либерального ренегатства», сегодня активно внедряются в «теоретические» построения многих зарубежных социологов и политологов.

Таким образом, изучение истории российской контрреволюции актуально не только в научном, но и в политическом отношении. «Необходимо было, — писал В. И. Ленин, — точно представить позицию разных партий, враждебных большевикам». Без этого, считал он, «нельзя

сделать ни шагу вперед в деле определения ближайших задач и тактики пролетариата»⁷.

Как бы в ответ на это ленинское указание появился ряд книг, освещающих главным образом историю мелкобуржуазных, буржуазных и помещичьих партий России периода трех революций⁸. Но политические партии — это лишь, как раньше говорили, головы контрреволюционной гидры. К тому же для партий российской контрреволюции, особенно в послеоктябрьский период, характерным стало стремление к сколачиванию межпартийных или «надпартийных» центров в целях придания себе «общенационального вида». Отсюда необходимость изучения контрреволюционных движений и образований, проявлявшихся, например, в керенщине, корниловщине, деникинщине, колчаковщине и т. д.

Эта книга о колчаковщине, или «колчакии», как ее еще называл В. И. Ленин. Два основных обстоятельства определили выбор именно этой темы. В годы гражданской войны и иностранной интервенции в разных районах бывшей Российской империи возникло несколько контрреволюционных образований, но «колчакия» была крупнейшим из них. Еще существеннее то, что именно колчаковское правление претендовало на «всероссийское» значение и международное признание. К концу лета 1919 г. оно фактически добилось первого (все другие «белые правительства» заявили о своем подчинении «верховному правителю» Колчаку) и было очень близко ко второму. «Колчакия», таким образом, пыталась предстать перед миром «подлинной Россией», борющейся с «незаконной» Советской властью. Вследствие этого колчаковщину надо рассматривать не как локальное, сибирское явление, а как важнейшую часть всероссийской контрреволюции.

Но есть и другое обстоятельство, повлиявшее на выбор темы. История колчаковщины, пожалуй, наиболее полно раскрывает политическую эволюцию российской контрреволюции (впрочем, как и контрреволюции вообще). Говоря о направленности действий «партии порядка», (т. е. контрреволюции), Ф. Энгельс указывал, что она «не может остановиться на достигнутом. Чтобы удержаться, она должна каждый день продвигаться на шаг вперед»⁹.

Пожалуй, с наибольшей полнотой эта определяющая тенденция проявилась именно на востоке страны (в Поволжье, Сибири, на Дальнем Востоке). Здесь контрреволюция выступила под лозунгом «чистой демократии»,

«третьей силы», создав после свержения Советской власти эсеро-меньшевистские правительства. Но это оказалось лишь первой ступенькой той лестницы, по которой за спинами «умеренных социалистов» поднималась кадетско-монархическая белогвардейщина. Контрреволюция в своем развитии почти безостановочно смещалась вправо, пока не дошла до своей крайней точки — кровавой военномонархической диктатуры Колчака, ликвидировавшей и многих из тех, кто пытался сыграть роль «третьей силы».

«Преступно забывать не только о том, что колчаковщина началась с пустяков,— писал В. И. Ленин,— но и о том, что ей помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»)... В России сознательные рабочие и крестьяне поняли, что меньшевики и эсеры суть пособники белогвардейцев, одни — сознательные и злостные, другие — по неразумию и по упорству в старых ошибках... Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса. Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентки, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может... Кто не научился этому из истории всего XIX века, тот — безнадежный идиот»¹⁰.

Мы, говорил В. И. Ленин в декабре 1919 г., «не хотели оказаться — и мы решили, что не окажемся — в том положении, в каком оказались соглашатели с Колчаком в Сибири, в каком завтра будут немецкие соглашатели, воображающие, будто они представляют правительство и опираются на Учредительное собрание, а на деле сотня или тысяча офицеров в любой момент может дать такому правительству по шапке. И это понятно, потому что это офицерство представляет из себя массу обученную, организованную, великолепно знающую военное дело, имеющую в своих руках все нити, превосходно информированную насчет буржуазии и помещиков, обеспеченную их сочувствием»¹¹.

И наконец, последнее (по месту, но не по значению) обстоятельство, повлиявшее на выбор «колчаковской темы». История гражданской войны и интервенции уже давно привлекает внимание буржуазной историографии. Но основное внимание до 70-х годов уделялось все же истории интервенции¹². В последние годы на Западе стали раздаваться призывы ввести на изучение этой проблемы

«мораторий» и активизировать разработку истории собственно гражданской войны, «борьбы белых и красных»¹³. И первые советологические труды об этом уже выходят, причем в некоторых из них определилась явная тенденция к «либерализации» и «демократизации» белогвардейщины. Вот, например, что пишет уже упоминавшийся Р. Пайпс о Колчаке: «...его (Колчака.— Г. И.) политическая и социальная ориентация была глубоко либеральной. Колчак давал торжественные обязательства уважать волю русского народа, выраженную путем свободных выборов. Он также проводил прогрессивную социальную политику и пользовался прочной поддержкой крестьян и рабочих»¹⁴. Отсутствие советских работ о российской контрреволюции не способствует разоблачению подобного рода фальсификаций. Между тем на XXVI съезде КПСС прямо указывалось: «Очень важно, чтобы пропаганда не обходила острых тем, не боялась затрагивать так называемые трудные вопросы... Надо смелее делать это, помня, что если мы не отвечаем на них, то недруги нашей страны постараются воспользоваться этим для клеветы на социализм»¹⁵.

В заключение хотелось бы сделать два замечания. Первое должно яснее очертить основной авторский замысел. Он заключается в показе внутреннего состояния колчаковского лагеря. Поэтому история его разгрома в результате действий Красной Армии и партизан, руководимых большевистской партией, дается здесь лишь в той степени, в какой это необходимо для раскрытия задачи, поставленной автором. История борьбы с колчаковщиной изложена в целом ряде трудов. В них показана роль В. И. Ленина, ЦК РКП(б) в выработке стратегии и тактики борьбы за освобождение Сибири и Дальнего Востока, связи ЦК и его органов с большевистским подпольем в колчаковском тылу, героизм рабочих и крестьян в борьбе с колчаковщиной. Изучена и империалистическая интервенция на востоке (отметим новую обстоятельную работу М. И. Светачева). Все это и дает право сосредоточиться на «внутренней» истории «колчакии».

Но не одинаково освещены здесь и все аспекты истории самого колчаковского лагеря. Колчаковщина просуществовала более года, и около полугода составляет период, фактически являвшийся ее предысторией. Изложить все сложное переплетение событий, охваченных этими

хронологическими рамками, в сравнительно небольшой книге — задача вряд ли выполнимая (для сравнения можно, например, указать, что история Временного правительства 1917 г., находившегося у власти 8 месяцев, имеет обширную литературу, в которой отдельно исследуется его внутренняя, внешняя, экономическая политика и т. п.). Главное, к чему стремился автор, — это осветить политическую историю колчаковщины, основываясь на ленинском подходе к проблеме. Ленин, как известно, характеризуя эволюцию контрреволюционных сил на Востоке, говорил: «Мы знаем, что там организовано было правительство и для начала туда были посланы прекрасные знамена... и на них были лозунги — Учредительное собрание, свобода торговли — чего хочешь, серый мужичок, все тебе напишем, только помоги свалить большевиков! Что же вышло из этой власти? — Вышла вместо Учредительного собрания колчаковская диктатура, — самая бешеная, хуже всякой царской»¹⁶.

Поэтому в центре внимания и оказались такие сюжеты, как возникновение «демократической» (эсеро-меньшевистской) контрреволюции (Комуч, сибирские правительства, Директория) и ее неизбежная смена контрреволюцией буржуазно-помещичьей (кадетско-монархической, белогвардейской); омский (колчаковский) переворот 18 ноября 1918 г. как кульминация этого процесса; внутренняя и внешняя политика колчаковского правления, его разложение и банкротство. Сравнительно много места уделено разгрому, который Колчак учинил «учредивцам» (эсерам и меньшевикам).

В. И. Ленин говорил, что «довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал над рабочими и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам», ибо он (Колчак) «действует теми способами, которые он находит»¹⁷. Но тот факт, что Колчак подверг жестоким репрессиям тех, кто, начав борьбу с большевиками под флагом «чистой демократии», проложил ему путь к власти, весьма примечателен как наглядное свидетельство неизбежного провала «третьего пути», «третьей силы».

Второе замечание касается характера подачи материала. Обилие цитат в тексте — не лучший способ увлечь читателя. Но никто и ничто так беспощадно не разоблачает подлинную сущность контрреволюции, как она сама, как ее собственные свидетельства. Поэтому цитирование архив-

ных документов, исходящих из контрреволюционного, в данном случае колчаковского, лагеря,— наиболее эффективное средство достижения поставленных целей. Только ясно представив себе, что контрреволюция несла стране, можно в полной мере оценить историческое значение победы Советской власти. На это прямо указывал В. И. Ленин. Во время кронштадтского мятежа он говорил рабочим: «Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выписок из белогвардейской прессы... Почему наши газеты уделили этому так много внимания? Правильно ли это? Правильно. Потому, что надо ясно знать своего врага»¹⁸.

«МЫ ВЫЗВАЛИ ЕГО К ЖИЗНИ...»

18 ноября 1918 г. в далеком по тем временам провинциальном Омске произошло событие, ставшее вехой в истории всероссийской контрреволюции: вице-адмирал А. В. Колчак, срочно произведенный в полные адмиралы, ни много ни мало был провозглашен «временным верховным правителем» России.

Правые (кадетско-монархические) газеты торжествовали, били в литавры. Владивостокский «Сибирский путь» 21 ноября радостно возвещал, что «военная диктатура, необходимость которой давно доказывали, которую ждали все жаждущие порядка, осуществлена!». В тот же день «Амурское эхо» в Благовещенске, объявляя колчаковский переворот «давно выношенной и выстраданной идеей», уверяло, что все поддержат власть «верховного правителя», которая только и «отвечает духу и историческому укладу русского народа».

«Демократическая» (эсеро-меньшевистская) печать на первых порах еще не успев ощутить жестокий пресс новоявленной диктатуры, начала было кампанию словесных осуждений. Челябинская «Власть народа» называла переворот «узурпацией народоправства». «Приходится удивляться, — писала она 24 ноября, — на какие силы думает опираться Александр IV? На молодую армию... на союзников... или на демократию? Вся эта история скорее похожа на авантюру». Издававшийся в Уфе «Голос рабочего» 3 декабря категорически утверждал: «Колчак — первая ступень установления монархии, первый шаг к полной и неприкрытой реставрации. Колчак — определенное знамение возвращения дореволюционных времен...»

Некоторые газеты, в частности хабаровское «Слово труда» (20 ноября), вообще недоумевали: «Кто такой Колчак? Какие у него политические заслуги перед Россией? Откуда он взялся? Как смел он объявить себя правителем страны, которая его совершенно не знает?»

А в Омске на Атаманской улице в резиденции «верховного правителя» шли торжественные приемы «представителей общественности», на которых адмирал разъяснял свою политическую программу. С «партийностью» будет

покончено, велеречиво вещал он (имея в виду проэсеровскую политику свергнутой 18 ноября Директории), но и по пути «реакции» он — Колчак — не пойдет. Его власть будет «национальной», властью ради «спасения» и восстановления «великой России» и только, и ничего более. Представители «общественности», чинно сидевшие в приемном зале, одобрительно кивали головами, аплодировали.

На одном из таких приемов присутствовал некий «старый народоволец» А. В. Сазонов. Увы, от его народовольчества не осталось и следа. Он давно позабыл грехи своей молодости и после Февральской революции мирно трудился на ниве сибирской кооперации. Советскую власть встретил враждебно и, используя свое влияние в кооперативных кругах, где верховодили эсеры, субсидировал подпольные контрреволюционные организации Западной Сибири. После переворота он «связал свою политическую работу с адмиралом Колчаком». На приеме, о котором идет речь, в порыве умиления он воскликнул, указывая на адмирала: «Да здравствует русский Вашингтон!»¹

«Верховный правитель» тяжелою поднялся, скупой улыбнулся тонкими губами, обнажив почти беззубый рот. На его смуглом лице с крупным с горбинкой носом проступил легкий румянец. Он наклонил голову с гладко зачесанными черными с сединой волосами; блеснула нить идеального «английского» пробора. Небольшого роста, худощавый, с непропорционально длинными руками, он стоял несколько расслабленно, но его острый, внимательный взгляд быстро и нервно скользил по присутствующим. «Верховному правителю Колчаку — русскому Вашингтону, ура!» — кричали они.

Бывший в тот день на приеме лидер омских кадетов, адвокат В. А. Жардецкий — будущий «баян» Колчака — описал этот пассаж в письме к другому кадету — Н. И. Астрову², находившемуся тогда в Екатеринодаре, у Деникина. «Историческая фраза» о «русском Вашингтоне» пошла в ход...

Спустя примерно месяц после переворота (12 декабря 1918 г.) выходившая в Омске «социалистическая» газета «Заря» напечатала передовую под интригующим заголовком «Наполеон или Вашингтон?». В ней доказывалось, что, для того чтобы «верховный правитель» мог наилучшим образом осуществить свою историческую миссию — покончить с большевизмом в России, он должен идти не по пути

диктатора и «тирана» Наполеона, а по пути «истинного демократа» — американского президента Дж. Вашингтона. «Да будет Вашингтон!» — заклинала «Заря».

Вопрос, поставленный омской газетой, имел важное политическое значение для антисоветского лагеря. Каковы будут последствия омского переворота 18 ноября в случае, если контрреволюция, руководимая «верховным правителем», одержит верх: приведут ли они к реставрации монархии (пусть на несколько обновленных началах), или сохранятся те перемены, которые произошли в результате крушения царизма и которые были приемлемы для кадетов и «умеренных социалистов»? Ответ, конечно, во многом зависел и от личности «верховного правителя», от его политических взглядов и склонностей.

В белоэмигрантской литературе Колчаку даются различные, порой противоречивые характеристики. Некоторые авторы отрицают стремление Колчака вернуть монархию. Другие не столь категоричны. О Колчаке они пишут как о человеке, далеком от политики, военном профессионале, готовом принять любую форму правления после достижения главной цели — победы над большевизмом. Собственно, источником этой версии являются показания самого Колчака на допросе в Иркутске (январь — февраль 1920 г.). Третьи (как, например, генерал М. А. Иностранцев, состоявший при «верховном правителе» в должности генерала для поручений) не сомневались, что Колчака не пленяет слава ни Вашингтона, ни Наполеона — строителей государств «на новых началах», что он — «русский Джордж Монк», генерал времен английской революции, генерал-реставратор, восстановивший на престоле династию Стюартов³.

Но имеются другие источники, способствующие более полному выяснению истины. В архиве сохранились черновики писем Колчака, главным образом близкой ему А. В. Тимиревой и некоторым другим лицам, изложенные в форме дневника-исповеди: адмирал, по-видимому, был склонен к самонаблюдению и самоанализу, результаты которых считал нужным заносить на бумагу⁴. Эти «дневниковые письма» позволяют внести существенные коррективы в мемуары белоэмигрантов и в показания Колчака на допросе. Так, из данных допроса следует, что крушение монархии в 1917 г. Колчак — тогда командовавший Черноморским флотом — «приветствовал всецело», «приветствовал революцию» и считал, что «будет установлен

какой-нибудь республиканский образ правления», отвечающий «потребностям страны»⁵.

Утверждение о приверженности Колчака к республиканскому строю, конечно, является позднейшим преувеличением, но слова о готовности принять какой-нибудь «иной образ правления», вероятно, выражают его настроение. Интересно, что в своей автобиографии, сохранившейся в его личных бумагах периода «верховного правления», Колчак счел необходимым особо отметить следующее обстоятельство. Он пишет, что в конце 1916 г., когда в Крыму на лечении находился начальник штаба верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев, они часто виделись и беседовали «о государственных вопросах, относящихся к периоду, непосредственно предшествующему революции»⁶. Определенная оппозиционность Алексеева к распутинскому «образу правления» последних Романовых является установленным фактом. Весьма вероятно, что оппозиционность такого рода разделял и Колчак, но она никак не шла дальше предположений о возможной смене одного монарха другим. Когда же обнаружилось, что Февральская революция пошла гораздо дальше платонических замыслов либералов, от бывшего генеральского фрондерства мало что осталось. Уже в мартовских письмах 1917 г., написанных в Севастополе или на крейсере «Императрица Екатерина» (как замечает Колчак, «по ходу в море»), он отмечал, что дни Февральской революции кажутся ему «кошмаром», что они стоили ему «невероятных усилий, особенно тяжелых, так как пришлось бороться с самим собою...». Он, привыкший иметь дело с массой, «организованной и приводимой в механическое состояние», чувствовал острую неприязнь к «истерической толпе» с ее «дешевыми восторгами», стремлением к «первобытной анархии». Такие чувства не оставляли Колчака и в дальнейшем; они усиливались по мере развития революционных событий во всей стране и на Черноморском флоте. Происходившее вокруг представлялось ему «политическим сумбуром и бедламом»⁷.

В середине апреля 1917 г. премьер-министр Г. Е. Львов вызвал Колчака для доклада. Он прибыл в Петроград как раз в канун Апрельской демонстрации, приведшей Временное правительство к глубокому кризису. Принял его военный министр А. И. Гучков. Колчаку был предложен перевод на Балтику на пост командующего (вместо вице-адмирала А. С. Максимова) с задачей «подтянуть» этот

флот как наиболее революционно распропагандированный.

Во время пребывания в Петрограде Колчак посетил М. В. Родзянко и... Г. В. Плеханова. Последнее несколько неожиданно, но возможное недоумение рассеивается, когда мы узнаем, что адмирал просил Плеханова содействовать посылке на флот «хороших агитаторов», способных противостоять большевистской пропаганде⁸. Затем Колчак побывал в Пскове, на совещании высшего командования, а после возвращения в столицу выяснилось, что его назначение на Балтику отпало, нужно возвращаться в Севастополь. Как следует из дневниковых записей, сделанных в начале мая, событием, которое больше всего потрясло его в петроградской поездке, стала Апрельская демонстрация. «Этого было достаточно, — писал Колчак, — чтобы прийти в отчаяние»⁹. Интересно отметить такую подробность. Во время апрельских событий на одном из правительственных совещаний Колчак впервые встретился с Корниловым, командовавшим тогда Петроградским военным округом. Корнилов заявил, что у него достаточно средств для вооруженного подавления революционного выступления в столице, и настоятельно просил правительство санкционировать такую меру. Как позднее признал Колчак, он полностью разделял точку зрения Корнилова¹⁰.

Все это — важные свидетельства, раскрывающие февральские и послефевральские настроения отнюдь не только Колчака, но, пожалуй, большинства армейской верхушки: она еще готова была признать смену монарха, но выход на политическую арену революционной демократии, Советов, солдатских комитетов, разрушавших многовековой уклад жизни страны и армии, потряс и в какой-то мере деморализовал ее. В одном из писем, датированном серединой мая 1917 г., Колчак писал: «...я солдат (не имеющий ничего общего с теми, кто носит звание солдатских депутатов), вся деятельность которого и жизнь определяются военными целями и идеалами. Мне приходится переживать трагедию падения этих идеалов, по моему убеждению, неизбежно связанную с государственной катастрофой...»¹¹

Нам нет необходимости сколько-нибудь подробно останавливаться на деятельности Колчака на посту командующего Черноморским флотом в мае — начале июня 1917 г.¹² Весь смысл ее заключался в попытках парализовать неуклонно развивавшийся процесс революционирования, большевизации черноморских моряков и портови-

ков, максимально ограничить функции избранных демократических организаций. Позднее, на допросе в Иркутске, Колчак выражал недоумение по поводу того, что такие его действия на флоте связывались с угрозой военной контрреволюции. Он доказывал матросам, что «вообще какой бы то ни было контрреволюции не существует в природе», потому что все старшие офицеры «лояльны в отношении правительства»¹³.

На этом пути его ждал неминуемый провал, и дело кончилось тем, что под угрозой ареста он вынужден был передать свой пост контр-адмиралу В. К. Лукину. Вольно или невольно спасая Колчака и его начальника штаба М. И. Смирнова от еще более худшего, Временное правительство потребовало их прибытия в Петроград, и в двадцатых числах июня они покинули Севастополь. Уезжал Колчак вместе с американским адмиралом Дж. Гленноном, входившим в состав специальной миссии Э. Рута, которая прибыла в Россию по указанию президента США В. Вильсона. Гленнона направили на Черноморский флот главным образом потому, что он считался «спокойным», в меньшей степени затронутым «беспорядками», чем флот Балтийский. Но события развивались столь стремительно, что, когда в середине июня Гленнон и его небольшой «штаб» прибыли в Севастополь, оказалось, что командующий флотом Колчак только что покинул свой пост в результате этих самых «беспорядков»... И вот теперь американский и русский адмиралы находились в одном вагоне поезда, увозившего их в Петроград. Имеются любопытные воспоминания лейтенанта Д. Федотова, прикомандированного морским ведомством к Гленнону, об этой поездке. «Колчак,— пишет он,— был в нервном состоянии и кипел негодованием как против Совета, так и против Временного правительства... Он был убежден, что Керенский постарается сделать из него козла отпущения, обвинив в том, что он не сумел сохранить дисциплину на флоте...»¹⁴

Колчак и Смирнов проявили интерес к американской морской миссии, и Федотов предложил обратиться к Гленнону. На американского адмирала большое впечатление произвел план русского морского десанта на Босфор, о котором ему рассказал Колчак. Члену «команды» Гленнона капитану Кросли дали понять, что неплохо бы пригласить русского адмирала в США. Гленнон со своей стороны решил, что такое приглашение помимо возможности изучения и дальнейшей разработки секретного «босфорского

плана» будет и «дружеским жестом» по отношению к правительству Керенского¹⁵.

По прибытии в Петроград Колчак писал А. В. Тимиревой: «В субботу 17 (30) июня я имел совершенно секретный и важный разговор с послом США Рутом и адмиралом Гленноном, результатом которого было решение мое принять участие в предполагаемых операциях американского флота. Делу был придан сразу весьма решительный характер, и я уйду в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру...»¹⁶ О каких же «предполагаемых операциях» шла речь?

По свидетельству двух американских историков — Ч. Уикса и Дж. Бэйлена, авторов, пожалуй, единственной работы о пребывании миссии Колчака в США, Гленнон и Колчак обсуждали в Петрограде новый вариант морского десанта на Босфор и Дарданеллы, вариант для американского флота. Однако, оценивая его, Ч. Уикс и Дж. Бэйлен пишут, что было «крайне сомнительно», чтобы американский флот серьезно отнесся к такому проекту. Во всяком случае в архивах США они не обнаружили никаких свидетельств подобного рода намерений, и это естественно, так как главная забота американцев тогда заключалась в борьбе с германскими подводными лодками. И в этой связи Колчак действительно мог представлять интерес для морского ведомства США: он слыл крупным специалистом по минному делу.

Так или иначе, но с разрешения Рута Гленнон обратился в русское адмиралтейство с просьбой о командировании Колчака в Америку. И неожиданно получил отказ. Ему ответили, что Колчак должен «отчитаться» за «некомпетентное командование» в Севастополе¹⁷. Тогда в дело, по-видимому, вмешался сам Рут. Перед своим отъездом в США (21 июля) он обратился к Временному правительству с официальным приглашением Колчака. Об этом Колчак писал той же Тимиревой: «Рут и Гленнон довольно ультимативно предложили Временному правительству послать меня в качестве начальника военной миссии в Америку для службы во время войны в U. S. Navy...»¹⁸ Возникает вопрос: почему Керенский все же «отпустил» Колчака, не учинив над ним предполагаемого дознания по «черноморскому делу»?

Начальник штаба Колчака, уже упоминавшийся Смирнов в своих воспоминаниях писал, что Керенский принял такое решение, после того как был информирован морским

министром «о связях Колчака с контрреволюционными группами»¹⁹. Американские исследователи миссии Колчака в Америке высказывают сомнение в справедливости такого объяснения. Они согласны с тем, что симпатии Колчака находились на стороне Корнилова, а не Керенского, но, если бы Колчак оказался «глубоко вовлечен в антиправительственную деятельность», он, считают Уикс и Бэйлен, вообще не покинул бы Россию²⁰. Между тем имеются факты, свидетельствующие о прямой вовлеченности Колчака в деятельность контрреволюционных организаций, не только антисоветских, но и антиправительственных, несколько позднее сгруппировавшихся вокруг генерала Л. Г. Корнилова.

Стояло лето 1917 г. — время значительной активизации контрреволюционных сил, кристаллизации их главной идеи — идеи военной диктатуры, вырвавшейся из тоски по «сильной личности», «твердой руке», способной восстановить «порядок», покончить с революцией. Уже шел активный поиск будущего диктатора из среды «прочных генералов». Котировался Корнилов, но отнюдь не он один. У него имелись конкуренты, и, пожалуй, первым среди них был Колчак. В кругах тех, кто ненавидел революцию, с восторгом рассказывали о «великолепном», «рыцарском» жесте адмирала, когда он с трагической эффектностью бросил свой кортик в морские воды, протестуя против «анархии» на Черноморском флоте. Факт этот, обрастая драматическими подробностями, превращался в легенду, позднее занявшую прочное место в символике «белого дела». Как пишет Н. И. Иорданский, имя Колчака «стало боевым кличем желтой — большой и малой — прессы. Номера «Живого слова» и «Маленькой газеты» выходили с огромными аншлагами: «Адмирал Колчак — спаситель России», «Вся власть — адмиралу Колчаку» и т. д.»²¹

Поэтому было вполне естественным, что так называемый «Республиканский центр», возникший в Петрограде еще в мае, но окончательно сложившийся в июне 1917 г., прежде всего обратился к Колчаку. В литературе об этом центре известно немного. Обычно он рассматривается в ряду тех правых, главным образом военных группировок, которые сыграли важную роль в подготовке корниловского выступления в августе 1917 г. Это верно. «Республиканский центр» действительно координировал действия этих групп, сплачивая их на платформе борьбы за «национальную диктатуру». Но значение его представляется более

широким. Слово «республиканский» являло собой лишь вывеску, имевшую цель не только легально прикрыть организацию, но главным образом привлечь более широкий круг участников: лидеры центра понимали, что одними попрытавшимися сторонниками «павшего режима» им не обойтись. Вообще следует, по-видимому, считать, что «Республиканский центр» с его программой «твердой власти», военной диктатуры, окончательно не предрешающей форму государственного строя, и с его склонностью к вовлечению в свою организационную орбиту разнородных контрреволюционных и антисоветских элементов стоял у истоков будущего «белого движения».

На допросе в Иркутске Колчак признал, что он участвовал в «нескольких заседаниях Национального (т. е. Республиканского.—Г. И.) центра», но, по его словам, заявил там, что работать в России больше не может и собирается в Америку. В подробности своих связей с «Республиканским центром» он вдаваться не стал. Между тем, по другим данным, они не были столь поверхностными, какими их представлял Колчак в Иркутске.

Первое, «завязывающее», свидание состоялось на Васильевском острове, где Колчак жил тогда на частной квартире. По свидетельству одного из участников беседы, «Колчак был подготовлен к разговору и не колеблясь ответил, что может принять предложение (вступить в «Республиканский центр».—Г. И.), так как вполне сознает необходимость военной диктатуры в России». Однако он заметил, что «ранее решения должен знать, располагает ли Республиканский центр достаточными денежными средствами», имеется ли сколько-нибудь конкретный план действий и т. п. После этого свидания Колчак и люди из его близкого окружения стали бывать на совещаниях «Республиканского центра», «куда специально приглашались разные полезные лица и выработывался план действий»²².

Были и отдельные, державшиеся в секрете встречи, в частности с П. Н. Милюковым и В. В. Шульгиным. К июлю деятельность центра активизировалась. Шли заседания, разрабатывались планы, привлекались новые члены, среди которых было немало авантюристов. По некоторым воспоминаниям, здесь подвизались, например, капитан М. Муравьев — будущий главком Восточного фронта, поднявший в июле 1918 г. восстание против Советской власти, а также «лихой поручик» П. Бермонт-Авалов, ставший позднее одним из главарей северо-западной бе-

логвардейщины²³. Сведения об этом Авалове подтверждают им самим. Он утверждал позднее в своих мемуарах, что летом 1917 г. через неких лейтенантов Папандопуло и Сапсала установил связь с находившимся в Петрограде Колчаком. Переговоры якобы шли о подготовке выступления с целью установления военной диктатуры, однако Колчак, по словам Авалова, считал это преждевременным. Впрочем, свою роль тут сыграли авантюризм и фанфаронство «лихого поручика». Так или иначе, но в августе 1919 г. Бермонт-Авалов, уже командовавший в Прибалтике белогвардейскими русско-германскими отрядами, сообщал Колчаку (тогда уже «верховному правителю»), что рассматривает свою деятельность как продолжение «совместной работы» летом 1917 г.²⁴

Колчака, по-видимому, постепенно вводили в курс дела, ориентировали в политической ситуации. Если верить упоминавшемуся Н. Иорданскому, контрреволюционный ажиотаж вокруг Колчака и его собственные политические связи стали вызывать некоторое беспокойство в правительственных сферах. Ставился якобы даже вопрос о привлечении его к ответственности за связь с генералом В. И. Гурко и другими монархистами²⁵ (Гурко был арестован Временным правительством как раз накануне отъезда Колчака), но проверить эти утверждения Иорданского трудно. В этой связи, однако, следует упомянуть обширную статью некоего «Анка» о Колчаке, написанную, правда, уже тогда, когда он стал «верховным правителем», и опубликованную 2(15) июня 1919 г. в «Сибирской речи» (Омск). В ней, между прочим, имеется такое любопытное утверждение: еще летом 1917 г., когда адмирал находился в Петрограде, именно с ним «как-то сама собой связывалась надежда — не он ли сметет паяца Керенского». Но, пишет автор статьи, «его тогда испугались и выслали (!) в Америку». Тут, возможно, имеется известное преувеличение, но и какой-то элемент правды. В уже упоминавшейся автобиографии Колчак отметил, что правительство Керенского охотно согласилось на его отъезд, так как вообще желало «избавиться» от его присутствия. Так или иначе, но приближавшийся отъезд, вероятно, избавил Колчака от весьма возможных неприятностей.

Итак, в начале августа Колчак отбыл к месту своего нового назначения — в США. В состав его миссии входили: бывший начальник его штаба М. Смирнов, морские офицеры Д. В. Колечницкий, И. Е. Вунч, А. М. Меженцев

и В. В. Макаров. Но заметим: в комитете «Республиканского центра», находившемся в доме «Общества Бессарабской железной дороги» на Невском проспекте, Колчак оставил своего представителя — некоего лейтенанта Фомина²⁶.

В начале же августа 1917 г. Колчак прибыл в Лондон. Отсюда, с дороги, он сообщал в Петроград, что, к его сожалению, и в Англии растет рабочее движение «с тенденцией: создания Советов С. и Р. депутатов». Причины для него, конечно, ясны: это «несомненно немецкая работа», точно так же как и «у нас», где немецкие агенты «чуть ли не входят в правительство». Примечательное единомыслие с Корниловым: тот, как известно, тоже считал, что во Временном правительстве затаились германские агенты.

В Лондоне Колчаку демонстрировали гидросамолеты, новейшие способы бомбометания и т. п. Упомянувшиеся нами Ч. Уикс и Дж. Бэйлен утверждают, что беседы Колчака с англичанами ограничивались военными проблемами и исключали какие бы то ни было «политические дискуссии». Но это не совсем так. Адмиралы Холь и Джеликоу полностью поддерживали своего русского коллегу в убеждении, что лишь военная диктатура — путь к «спасению» России²⁷. Неторопливые, респектабельные беседы в тишине задрапированных кабинетов английских морских лордов, вероятно, не остались бесследными: весной 1918 г., когда Колчак уже будет на Дальнем Востоке, о них, по всей вероятности, вспомнили обе стороны.

В Соединенные Штаты Колчак прибыл в начале сентября. 10-го числа его принял глава американского морского ведомства Дэниельс. На приеме он произнес высокопарный тост. «Самая старая республика Нового Света приветствует самую молодую республику Старого Света», — сказал он. Со своей стороны Колчак с прямолинейностью, более подходящей в других обстоятельствах, продолжал твердить о необходимости установления «союзного контроля над проливами». Это несколько удивило присутствовавших, так как большинство из них толком не знало о целях миссии русского адмирала. Газеты высказывали разные предположения, но в общем сходились на том, что морские офицеры из России прибыли для обмена опытом. Действительно, Колчак и его спутники провели некоторое время в американском морском колледже, участвовали в маневрах атлантической эскадры США, изучали уставы американского флота.

Но относительно плана десанта в проливы вопрос так и не поднимался. Становилось ясно, что миссия в США подходит к концу. Сохранилось письмо Колчака от 1 (14) октября в Россию, некоему «Владимиру Вадимовичу», в котором говорится: «...та задача, которая меня более всего интересовала в Америке и о которой Вы знаете, не получила осуществления и не получит его. Этот вопрос, насколько я знаю, отрицательно решен англичанами на последней конференции в Лондоне, где присутствовал представитель американского флота. Я не знаю, кто был от нас представителем на этой конференции, но я считаю, что с нею кончились наши последние надежды на проливы»²⁸.

Колчак решил возвращаться в Россию через Тихий океан и Дальний Восток. В исторической литературе иногда встречается утверждение, будто он ехал чуть ли не с готовым намерением заняться там подготовкой военного переворота²⁹. Думается, что тут имеется некоторое форсирование. Не зная конкретной политической обстановки в России, Колчак вряд ли мог ставить перед собой подобного рода задачу.

16 октября Колчака принял президент В. Вильсон, а 20-го он выехал в Сан-Франциско, откуда во Владивосток отходил японский пароход «Карио-Мару».

Накануне отъезда в Сан-Франциско Колчак получил телеграмму из Петрограда с предложением выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание от кадетской партии в Балтийском и Черноморском флотах. Он тут же ответил согласием³⁰. Впрочем, и сама телеграмма, и ответ на нее запоздали. Пришло новое сообщение: о свержении Временного правительства, о победе Октябрьской революции. Все планы рушились. Колчак писал: «...я решил вернуться в Россию и там уже разобраться, что делать дальше».

Как и в США летом 1917 г., Колчак ехал из Америки фактически инкогнито. Сохранилась любопытная фотография: на открытой палубе японского парохода небольшая группа людей. В первом ряду сидят две дамы в широкополых шляпах; между ними в плетеном кресле — худощавый человек в штатском пиджачке, на голове кепка с большим козырьком. Человек мрачновато щурится, смотрит куда-то вниз. С трудом узнаешь в нем Колчака, сменившего адмиральский мундир на кучий штатский костюм.

В Японию прибыли в начале ноября, где, по словам Колчака, и застало его «объявление проклятого мира»

(имеется в виду перемирие в Бресте). Он думал недолго. «Я,— писал он,— отправился к английскому послу сэру Грину и просил передать английскому правительству, что я не могу признать мира и прошу меня использовать для войны как угодно и где угодно...»³¹

Пожалуй, полнее всего вопрос о взаимоотношениях адмирала с английскими властями в период между его приездом в Японию и возвращением на русский Дальний Восток исследован в книге американского биографа Колчака П. Флеминга, который использовал для этого сюжета британские и другие западные архивы. Поэтому целесообразно воспользоваться его данными, хотя и их недостаточно для полного освещения всей картины: многое тут обеими сторонами держалось в секрете. Как пишет Флеминг, просьба Колчака в середине декабря была передана министру иностранных дел А. Бальфуру, что свидетельствовало о большом значении, которое ей придавалось³². Через посла Грина английское правительство попросило Колчака остаться пока в Японии: по-видимому, вариант его лучшего использования подлежал обсуждению.

Черновики дневниковых записей и писем Колчака «японского периода» (в Японии он пробыл около двух месяцев) представляют значительный интерес: они помогают раскрыть внутренний мир одного из крупнейших лидеров «белого движения», «верховного правителя» контрреволюционной, антисоветской России и таким образом проливают свет на идеологические и политические принципы «белого дела» в целом. На это обстоятельство позднее, в эмиграции, прямо указывал Г. Лейхтенбергский. Рекомендуя их для издания в «Белом деле», 18 августа 1926 г. он писал редактору сборника А. А. Лампе, что хотя колчаковский дневник хронологически и не имеет прямого отношения к истории белого движения, тем не менее в нем проводятся те же идеи, «которыми живет именно все белое дело», конкретно «борьба с революцией и демократизмом».

В Июкогаме, где остановился Колчак, находилось немало русских. В большинстве это были эмигранты, бежавшие из России от революции. Но в их среду Колчак не стремился. Это общество людей, писал он, «признавших свое бессилие в борьбе, не могущих и не желающих бороться», и оно не вызывало у него ни интереса, ни большого сочувствия. Он поддерживал связи кое с кем из состава русского посольства, но главным образом с английскими и японскими военными. В основном же проводил время за

чтением книг древних китайских стратегов, например Суна, жившего в VI веке до нашей эры, перед которым, по его мнению, «бледнеет Клаузевиц»; изучал «учение секты Зен — воинствующий буддизм». «Война, — писал Колчак, — единственная служба, которую не только теоретически ставлю выше всего, но которую искренно и бесконечно люблю...»³³

Между тем вопрос о судьбе русского адмирала был передан из Форин оффис в военное министерство, которое в начале января 1918 г. сообщило через посольство в Токио, что Колчак принимается «на службу его величества» и должен направиться в штаб Месопотамского фронта, где его назначение будет уточнено. Активных военных действий в Месопотамии не велось, зато там свирепствовала эпидемия холеры. Но это не смутило Колчака. «Неважная смерть, — меланхолически замечал он, — но лучше, чем от рук сознательного пролетариата, красы и гордости революции»³⁴.

Направление Колчака на Месопотамский фронт выглядело несколько неожиданным. П. Флеминг пишет, что оно скорее всего было связано с подготовкой отправки отряда генерала Денстервиля на помощь закавказской контрреволюции. Но предварительно планировалось соединение этого отряда с русскими войсками, еще с царских времен находившимися в Персии. Весьма вероятно, что Колчаку первоначально предназначалась определенная роль в этом предприятии. Косвенное подтверждение этому можно найти в интервью Колчака сотруднику владивостокской «Моей газеты» в Токио летом 1918 г. Там он, в частности, сказал, что отмена его «Месопотамского назначения» (о чем см. далее) произошла по распоряжению английского правительства, «ввиду распада кавказской армии и изменившейся обстановки в Месопотамии...»³⁵.

Путь к месту назначения оказался долгим. В Шанхае пришлось задержаться из-за чумного карантина. Колчак по-прежнему жил замкнуто. Постоянным его собеседником стал японский полковник Хизахиде, знакомство с которым он свел еще в Иокогаме. Хизахиде служил военным атташе на Западном фронте, а затем вернулся в Японию через Скандинавию и Россию. Самурай, ярый последователь той самой воинствующей буддистской секты Зен, учение которой так привлекло Колчака, член «секретного панмонгольского общества», Хизахиде оказал на русского адмирала большое влияние.

Японец, по словам Колчака, прибыл в Шанхай по делам, «связанным с восстанием против существующего правительства Небесной республики». Японский империалист проповедовал Колчаку то, что находило в его сердце самый горячий отклик: «Единственная форма государственного управления, отвечающая самому понятию о государстве, есть то, что принято называть милитаризмом... Ему противопоставляют понятие либерализма и демократии... Текущая война есть борьба демократического начала с милитаризмом, точнее, с аристократическим началом... Опасность — в моральном разложении, вызванном демократической идеологией и связанными с ней учениями пацифизма, социализма и интернационализма».

«Что такое демократия? — вещал японец. — Это развращенная народная масса, желающая власти, но власть не может принадлежать массам, большому числу в силу закона глупости числа... Государственный деятель во время войны должен быть военным по духу и направлению».

Комментируя эту фашистско-милитаристскую проповедь, Колчак писал, что ему нечего было возразить «японскому фанатику», «тяжелой справедливости его слов». «Революционная демократия захлебнется в собственной грязи, — пророчествовал Колчак, — или ее утопят в ее же крови. Другой будущности у нее нет. Нет возрождения нации помимо войны, и оно мыслимо только через войну. Будем ждать новой войны как единственного светлого будущего»³⁶.

Милитаристский угар, в котором пребывал Колчак под влиянием книг «воинствующего буддизма» и разглагольствований фанатичного самурая, ввергал его в мистическое состояние. Еще тогда он стал поклоняться «культу холодной стали» сверкающего японского клинка. В мрачные для себя часы он доставал «клинок Котейсу» и долго смотрел на него, сидя в полутьме у камина. Слабый свет потухающих углей отражался на блестящей полосе клинка, и Колчаку казалось, что на его поверхности появляются какие-то тени, какие-то образы, «непрерывно сменяющиеся друг другом, точно струившаяся полоса дыма и тумана...»³⁷.

Прошел почти месяц, карантин наконец сняли. Можно было двигаться дальше. Но перед самым отъездом из Шанхая Колчак через английского посла Джордана неожиданно получил телеграмму от русского посла в Пекине:

князя Н. Кудашева: он просил адмирала срочно приехать посоветоваться «по весьма важному делу».

Что же случилось? Чтобы понять это, обратимся к событиям на Дальнем Востоке, в полосе отчуждения КВЖД и ее «столице» — Харбине.

После Октября в Харбин устремились те, кто бежал от революции: генералы, офицеры, чиновники, дельцы, «общественные деятели», начиная с черносотенных монархистов и кончая «умеренными социалистами». Значение Харбина как одного из главных антисоветских центров особенно повышалось в связи с близостью к потенциальным интервентам. Главную роль здесь играл управляющий Китайско-Восточной железной дорогой генерал-лейтенант Д. Л. Хорват. Ставленник С. Ю. Витте, он занимал этот пост с 1903 г., с начала эксплуатации дороги, и за прошедшие годы пустил тут довольно глубокие и прочные корни в деловых и дипломатических кругах. После Февральской революции Временное правительство назначило Хорвата своим комиссаром в полосе отчуждения КВЖД.

В начале декабря 1917 г. телеграммой В. И. Ленина вся власть в зоне КВЖД передавалась Харбинскому Совету, Хорват был смещен. Но Советская власть продержалась здесь около трех недель. Поощряемая союзными представителями, местная реакция ликвидировала ее³⁸.

В феврале 1918 г. при содействии Хорвата в Харбине образовался так называемый «Дальневосточный комитет активной защиты родины и Учредительного собрания». Первоначальной его задачей было оказание помощи контрреволюционным воинским формированиям, действовавшим в полосе отчуждения КВЖД и в прилегающих районах. В непосредственном подчинении комитета находился так называемый корпус защиты Учредительного собрания. Но в него удалось наскрести не более 200 человек. Большой численностью и «боевитостью» отличались отряды атаманов Г. Семенова (Забайкалье), И. Гамова (Амурская область), И. Калмыкова (Приморье), полковников Орлова, Маковкина и др., но эта белогвардейская «вольница» не спешила ставить себя под контроль «политиканов» из комитета.

Политически комитет был неоднороден. В нем существовало два «течения». «Либерально-буржуазное» в целях успешной борьбы с Советской властью и большевиками склонялось к коалиции с «демократическими», правосоциалистическими элементами. Видную роль в нем играл

бывший иркутский губернский комиссар (назначенный Временным правительством) И. А. Лавров.

Другое течение, имевшее в комитете явный перевес, занимало крайне правые, монархические позиции. Его возглавляли харбинский адвокат Александров и русский консул в Харбине Попов. Точка зрения этих людей и их сторонников была предельно ясна: никаких соглашений с «социалистами», необходима твердая власть, военная диктатура. Отражавшая их политическую платформу харбинская газета «Призыв» 5 марта 1918 г. в статье «Власть» призывала «обнаружить чрезмерную быстроту в прискании достойнейшего, на плечи которого нужно взвалить это тяжелое бремя». Состоявшаяся в феврале 1918 г. конференция кадетов полностью поддержала эту платформу. В качестве «достойнейшего» на пост диктатора «Дальневосточный комитет» (из которого ушли «либеральные элементы») кадеты выдвигали, конечно, Хорвата. Ему предлагали объявить себя «правителем России»³⁹.

Но в начале марта 1918 г. у «Дальневосточного комитета» и Хорвата объявился соперник. Это была группа министров так называемого Временного правительства автономной Сибири, образованного в январе 1918 г. в Томске, но вынужденного бежать оттуда после того, как там установилась Советская власть⁴⁰. Первоначально эта группа, возглавляемая П. Я. Дербером («маленьким Петей», как его звали в Сибири), намеревалась осесть в Чите, но и там власть взяли Советы. Тогда Дербер и К⁰ направили в Харбин своих эмиссаров — Е. Захарова, Л. Устругова и А. Сталя, которые должны были информировать союзников о создании Сибирского правительства и добиваться их поддержки. Вслед за эмиссарами в Харбин явился и сам Дербер «со товарищи». Возникло своего рода «двоевластие»: с одной стороны, прохорватовский «Дальневосточный комитет», придерживавшийся монархическо-кадетского курса и опиравшийся на «цензовые элементы», с другой — Временное правительство автономной Сибири, состоявшее из правых эсеров-областников.

Поначалу была предпринята попытка добиться компромисса, поощряемая союзными представителями, находившимися в Китае. Выдвинули проект создания единого правительства, в которое должны были войти по четыре человека от «Дальневосточного комитета» и дерберовского правительства плюс два «нейтральных» лица. Компромисс, однако, не состоялся. Генерал В. Е. Флуг (вместе с пол-

ковником В. Глухаревым весной 1918 г. он прибыл в Сибирь и на Дальний Восток в качестве эмиссара командования Добровольческой армии и вскоре стал членом «Дальневосточного комитета») обвинял в этом Дербера. А председатель Сибирской областной думы эсер И. А. Якушев возлагал ответственность на хорватовцев. Дербер, по его утверждению, был готов на коалицию, но «Дальневосточный комитет» отвергал «автономистское движение» в Сибири⁴¹. Суть разногласий была все-таки в ином. Монархисты и кадеты рассматривали группу Дербера как «социалистическую» (так как она состояла из правых эсеров). Напротив, «Дальневосточный комитет» они считали своим. Здесь, таким образом, завязывался тот же самый конфликт, что и в других контрреволюционных центрах: между «демократическим» и буржуазно-помещичьим антисоветскими секторами. Обе группировки искали признания и поддержки у союзных представителей на Дальнем Востоке. Каждая из них рекламировала себя как наиболее представительную и надежную, способную организовать борьбу с Советской властью.

Положение осложнялось еще и ростом «атаманщины». Наибольшую силу приобрел Г. Семенов, явно пытавшийся играть самостоятельную политическую роль. Двойную, если не тройную, игру вели И. М. Гамов, И. М. Калмыков и другие атаманы и атаманчики. Прибрать их к рукам не удавалось ни Хорвату, ни тем более сибирским эсерам-«автономистам».

Между тем союзники готовились к интервенции. Согласно меморандуму А. Бальфура (декабрь 1917 г.), одобренному правительствами Антанты, союзники должны были «оказывать поддержку местным (антисоветским.— Г. И.) правительствам и их армиям»⁴². Но царившая на Дальнем Востоке неразбериха (при наличии своекорыстных интересов у бывших союзников России и довольно острых империалистических противоречий между ними) затрудняла им политическую ориентацию, в известной мере путала карты при решении вопроса о том, на какую же контрреволюционную группировку делать главную ставку. К тому же каждая из держав (Япония, Англия, США и др.) искала «собственных» ставленников, способных по крайней мере уравновесить противодействие своих партнеров-соперников⁴³.

Весной 1918 г., т. е. к тому времени, когда в Харбине сложилось хорватовско-дерберовское «двоевластие», япон-

цы уже сумели довольно прочно «перехватить» Семенова и «забирали» в свои руки «Дальневосточный комитет». «Весной 1918 г., — писал Якушев, — Хорватом были получены заверения Японии о готовности поддержать его». Со своей стороны хорватовцы «подчеркивали возможность и необходимость преимущественного участия японских войск при выступлении организованных в Маньчжурии русских отрядов против большевиков»⁴⁴.

Такой «перевес» японцев не мог не тревожить западных союзников-интервенционистов. Но что они могли противопоставить ему из наличных дальневосточных контрреволюционных сил? Дерберовское правительство, хотя и импонировало им своей внешней «демократичностью», не располагало сколько-нибудь серьезной опорой, явно висело в воздухе. Предпочтительнее выглядел все тот же Хорват, но для англичан в целях усиления собственных позиций желательно было пополнить хорватовскую группу «своим» человеком, причем таким, который мог бы выдвинуться на первый план и объединить вокруг себя соперничающие контрреволюционные группировки.

Трудно сказать, у кого впервые возникла мысль о Колчаке как о фигуре, способной решить эту задачу: в русских ли контрреволюционных кругах Харбина и Пекина или в дипломатических кругах союзников (прежде всего англичан). Колчаковский журналист А. Ган позднее писал, что идея создания объединенного антисоветского фронта на Дальнем Востоке родилась в начале 1918 г. среди «русских общественных деятелей» и они же связали эту идею с именем Колчака⁴⁵. Возможно, так и было, но без согласования с союзниками эта идея не могла обрести плоть и кровь хотя бы потому, что Колчак официально находился на службе «его величества» короля Великобритании.

Такова была предыстория телеграммы Кудашева, направленной Колчаку в Шанхай, с просьбой приехать в Пекин «по важному делу». Колчак ответил, что не может выполнить просьбу, так как его маршрут «уже решен»⁴⁶. Кудашеву пришлось «подключать» к делу англичан. Британский посол Джордан сообщил в Лондон о кудашевской просьбе и отказе Колчака. Пока в Лондоне обсуждали новое обстоятельство и готовили ответ, Колчак уже выехал в Сингапур, куда и прибыл 11 марта. А тем временем англичане приняли решение. Сразу же после торжественной встречи Колчаку вручили телеграмму начальника английской военной разведки, который, по словам Р. Флеминга,

«контролировал передвижение Колчака». В телеграмме указывалось: «Ваше секретное присутствие в Маньчжурии представляется более желательным». Это мотивировалось переменой ситуации на Среднем Востоке, а также приглашением посла Кудашева и — что важно отметить — просьбой русского правления и русских акционеров КВЖД⁴⁷.

«...И вот я,— записал Колчак в своем дневнике,— со своими офицерами оставил «Динега» (пароход, на котором он прибыл в Сингапур.— Г. И.); перебрался в отель «Европа» и жду нового парохода, чтобы уехать обратно в Шанхай, а оттуда в Пекин, где я имею указание получить инструкции и информацию от союзных послов. Моя миссия является секретной, и хотя я догадываюсь о ее задачах и целях, но пока не буду говорить о ней до прибытия в Пекин...»⁴⁸

В чем же состояли конкретные цели и задачи, о которых «догадывался» Колчак, но о которых он «пока» не хотел говорить?

В начале апреля 1918 г. Колчак возвратился в Пекин. В Харбине этот факт был отмечен как дерберовцами, так и в хорватовских кругах. Залучить адмирала рассчитывали как те, так и другие. Дербер дал указание находившемуся в Пекине Устругову предложить Колчаку пост морского министра в его правительстве⁴⁹. Но Хорват и его сторонники действовали оперативнее и решительнее. Хорват сам прибыл в Пекин. Здесь у него были прочные связи как в дипломатических кругах (в частности, с послом Кудашевым), так и в кругах деловых. В Пекине в это время находились такие крупные промышленные и банковские воротилы, как председатель Русско-азиатского банка Путилов, Львов, поддерживавшие Хорвата и «Дальневосточный комитет» против дерберовских «социалистов». Хорват, Кудашев, Путилов и другие несколько раз встречались с Колчаком. Кудашев информировал адмирала о том, что на юге России уже действует Добровольческая армия во главе с Алексеевым и Корниловым (он еще не знал, что Корнилов в конце марта 1918 г. был убит в бою под Екатеринодаром) и что теперь «необходимо начать готовить Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу...».

Замысел рисовался примерно в следующем виде: осуществить формирование и подготовку контрреволюционных войск в полосе отчуждения КВЖД под «видом охраны этой полосы отчуждения, а затем, когда эти войска будут

обучены и подготовлены, двинуть их за пределы китайской полосы на Владивосток или куда-нибудь» (имелось в виду и западное направление — на Иркутск)⁵⁰. Одновременно намечалось согласование действий с Семеновым, орудовавшим в Забайкалье, и другими атаманами. Реализацию этих задач и предполагалось возложить на Колчака. В уже упоминавшемся интервью газете «Моя газета» (летом 1918 г.) он говорил: «В Пекине я встретился с Хорватом и Путиловым, кои решили создать вооруженную силу в полосе отчуждения, чтобы впоследствии двинуть ее для борьбы с немцами и большевиками. Меня пригласили принять командование этими войсками, и я принял командование...» Для «легализации» задуманного плана 14(27) апреля 1918 г. создавалось новое правление КВЖД, в которое помимо Колчака вошли А. Н. Венцель, Хорват (директор-распорядитель), А. И. Путилов, Л. А. Устругов, Н. А. Коновалов и др.⁵¹

Намечалось, таким образом, формирование дальневосточной контрреволюционной армии по типу алексеевско-корниловской на юге России. Но речь шла не только об этом. Планы были более широкие, о чем свидетельствует следующий факт. Когда Колчак прибыл в Пекин и явился в посольство к Кудашеву, здесь его уже ждала секретная телеграмма от русского посла в США Б. А. Бахметьева. Тот сообщал, что в Америке предполагается встреча «русских политических деятелей, находящихся за границей», с целью создания «политического центра», который должен заняться разработкой мероприятий, «необходимых для национального возрождения России». Бахметьев считал необходимым присутствие Колчака и просил его приехать в США «хотя бы на короткое время, но так, чтобы это не было никому известно». Ответ Колчака, посланный в апреле из Пекина, не требует комментариев. «По приглашению Путилова и с согласия британского правительства,— писал он,— я вступил в управление КВЖД, которое стремится... к той же цели, что и Вы: создать политический центр для восстановления России»⁵². Исходя из этого он отказывался от приглашения Бахметьева.

В разрабатывавшемся проекте Колчаку, как видим, отводилась одна из главных ролей. Да и он сам со своей амбициозностью и мессианскими ощущениями не согласился бы на иную... Тем не менее в определенном смысле Колчак направлялся в Маньчжурию как британский агент, как креатура, соответствующая английским интересам. Да

и формально он состоял на службе в английской армии и возвращался теперь на Дальний Восток с ведома и санкции секретных служб Великобритании. Примечательно, что антантовским представителям, находившимся там, было рекомендовано не афишировать связи русского адмирала с союзниками вообще и с Англией особенно. Когда позднее (в июле 1918 г.) корреспондент «Daily Mail» передал в свою газету интервью с Колчаком, в котором адмирал «недипломатично» заявил, что прибыл в Маньчжурию по указанию британского военного министерства, последовало внушение: шеф военной разведки приказал своему агенту в Маньчжурии — капитану Л. Стевени (с ним мы еще встретимся в Омске в момент колчаковского переворота 18 ноября) немедленно «разъяснить адмиралу, что было бы весьма желательно, чтобы он хранил молчание о его связях с нами»⁵³.

Действительность, однако, оказалась сложнее, чем она рисовалась участникам пекинских совещаний. В Харбине, куда он приехал в середине апреля, Колчак попал в засасывающий омут грызни дальневосточной контрреволюции и дипломатической игры «союзников»; готовившихся к открытой интервенции. Ни с кем невозможно было «сработаться». Прежде всего мешало и путалось в ногах сидевшее в Харбине дерберовское правительство. В нем, говорил Колчак корреспонденту «Моей газеты», «были все те же представители крайних социалистических партий (?!), которые однажды уже привели Россию к гибели...». С ними у него разговора быть не могло. Еще хуже — не удалось наладить сотрудничество с Семеновым, располагавшим наиболее крупными вооруженными силами. В интервью Колчак объяснял это главным образом разногласиями стратегического характера и строптивостью Семенова. «В это время, — говорил он, — Семенов развивал свои действия на Запад от Маньчжурии, и японцы поддерживали его. Мое мнение было, что действовать надо по направлению к Владивостоку, а не на Запад. Владивосток... располагающий запасами вооружения, мог служить базой для создания вооруженных сил. В полосе отчуждения ничего серьезного создать было нельзя. Необходимо было перенести все на русскую территорию, лучше всего на восток. Тогда же Семенов, Таскин и др. объявили себя правительством в Забайкалье, а Семенов отказался принять мое командование».

Возникли разногласия и с Хорватом. В том же ин-

тервью «Моей газете» Колчак отозвался о нем, пожалуй, наиболее резко: «О правительстве Хорвата не могло быть серьезного разговора... Это — пародия на правительство. В полосе отчуждения какое может быть правительство? Правительство, какое каждый китайский городской может выселить!»

В чем заключались причины развала хорватовско-колчаковского альянса, заключенного при содействии англичан в Пекине? Они имели как внутривластный, так и внешнеполитический аспекты. Прежде всего Колчак был, по-видимому, недоволен «слабостью» и нерешительностью Хорвата как главы контрреволюционных сил. Позднее на допросе в Иркутске он говорил: «Хорват все время держался странной политики примирения». Мы знаем, что одно время он вел переговоры с Дербером, постоянно стремился сглаживать «острые углы» в отношениях с Семеновым; это, по всей вероятности, раздражало Колчака. У него росло подозрение, что Хорват хочет от него «отделиться»⁵⁴.

Еще важнее были разногласия внешнеполитического характера. Хорват и его сторонники, все глубже втягиваясь в прояпонскую ориентацию, делали ставку на прямое вооруженное вмешательство японских интервентов в борьбу с Советской властью даже за территориальные и иные компенсации. Колчак, ориентируясь на англичан, был осторожнее. Он еще склонялся к мысли, что внутренние контрреволюционные силы должны сами выполнить свою задачу, опираясь в основном на материальную и техническую помощь союзников и на их охрану белогвардейского тыла. По утверждению Колчака на допросе, создание крупных вооруженных сил русской контрреволюции не соответствовало планам японских милитаристов, они старались «дробить» те формирования, которые Колчак пытался объединить, поставив под свой контроль. На этой почве между представителями японской военной миссии и Колчаком возникали столкновения. В Харбине стали распространяться слухи о «японофобии» русского адмирала, что еще больше затрудняло его «работу». Результатом всех этих разногласий стал уход Колчака из хорватовского правления КВЖД. Он уехал в Токио для выяснения отношений с японским генштабом, союзными представителями и заодно для лечения вконец расстроенных нервов. В письме полковнику Орлову из Токио он так объяснял свой отъезд: «Нам нужна материальная помощь иностранцев. И я буду работать в этом направлении!»

Оставил бы Колчак свой харбинский пост, если бы знал, что вот-вот развернутся события, которые внесут существенные перемены в политическую ситуацию в Сибири и на Дальнем Востоке? Еще в Харбине до него доходили сведения о восстаниях чехословаков на Сибирской магистрали, но они были отрывочными и не очень определенными. Между тем в самом конце июня во Владивостоке произошло событие, имевшее важное значение для всей дальневосточной контрреволюции: находившиеся в городе и готовившиеся к эвакуации на Запад чешские подразделения совместно с конспиративными белогвардейскими отрядами свергли Советскую власть. И «странным образом» в момент этого контрреволюционного переворота дерберовское правительство оказалось... во Владивостоке! По-видимому, те контрреволюционные элементы, которые вместе с белочехами заранее готовили выступление во Владивостоке, имели связи с Дербером и его людьми. Без промедления «маленький Петя» объявил свою группу правительством под старым названием — Временное правительство автономной Сибири. Однако буржуазные элементы Владивостока и монархически настроенное офицерство и здесь, точно так же как в Харбине, мягко говоря, косо смотрело на харбинских «социалистов», бежавших из Сибири. Дерберу пришлось с этим считаться, и власть в городе была передана городской думе и областному земству. Как пишет генерал Флуг, консулы союзных держав, «будучи озабочены скорейшим созданием обстановки, благоприятной для предстоящей военной интервенции, санкционировали установившийся порядок, признали областную земскую управу законной местной властью»⁵⁵.

Проворонивший этот дерберовский маневр Хорват спохватился лишь через несколько дней. Только 3 июля, как пишет Флуг, «было обнаружено исчезновение дерберовской группы»: один из ее представителей, случайно задержавшийся в Харбине, рассказал, что его коллеги кружным путем выехали во Владивосток «с целью объявить себя с началом наступления союзников правительством Сибири». Для Хорвата и «дальневосточнокомитетчиков» это был удар. В тот самый момент, когда в связи с белочешским мятежом вот-вот должно было начаться долгожданное союзническое вторжение, именно дерберовские эсеры оказывались под рукой у интервентов в роли русского правительства!

Ответные действия последовали незамедлительно. На север из полосы КВЖД был направлен отряд атамана Калмыкова. За ним двигались основные хорватовские вооруженные силы под командованием сменившего Колчака генерала Хрещатицкого. Они должны были выполнять двойную задачу: отрезать путь советским частям, отходившим на запад, и захватить хоть какую-то часть «собственно русской территории» для провозглашения Хорвата и его сторонников, до сих пор обретавшихся в Маньчжурии, русской властью. Но даже не дожидаясь этого, в начале июля Хорват объявил себя «временным верховным правителем России» и сформировал так называемый «деловой кабинет», в который вошли С. В. Востротин, А. М. Окороков, М. Д. Курский, С. А. Таскин, перебежавший от Дербера А. А. Устругов и алексеевские «добровольцы» — Флуг с Глухаревым.

А Хрещатицкий уже доносил о «победе»: станция Гродеково и участок русской территории, прилегающий к ней, были захвачены Калмыковым. «Деловой кабинет» с «правителем» во главе бросился туда и 9 июля издал официальную декларацию о принятии на себя функций государственной власти. Целью ее объявлялись «установление твердого порядка и доведение страны до Учредительного собрания» — расхожая программа для всего «белого дела». Но гродековский «правитель» России все-таки запоздал. «Правительство» Дербера, начав свой новый, владивостокский период, уже усиленно обрабатывало чешское командование и прибывших во Владивосток союзных интервентов, убеждая их в том, что хорватовский кабинет опирается на офицерство, «жаждущее возвращения к старому режиму», а диктатура Хорвата есть не что иное, как «предтеча будущего монарха»⁵⁶.

Не получил Хорват поддержки от Семенова и даже от Калмыкова. Эти и другие атаманы, снабжаемые сперва англичанами и французами, а затем японцами, все громче говорили о казачьей «автономии», которую они понимали как право творить в своих владениях зверства, шокировавшие даже их иностранных кредиторов.

Между тем, пока две существовавшие на Дальнем Востоке власти, по словам Флуга, «парализовали друг друга», в Сибири набирало силу так называемое Временное Сибирское правительство. Оно образовалось летом 1918 г. в результате белочешского и белогвардейского мятежа из тех дерберовских министров, которые не бежали

вместе с премьером в Харбин, а нелегально, с его ведома остались в Томске и других городах, участвуя в подготовке свержения Советской власти (подробнее об этом см. далее). Возглавил это правительство П. В. Вологодский. Оно обладало обширной территорией и довольно значительными вооруженными силами. Естественно, что оба дальневосточных «правительства» (Хорвата и Дербера, который считал правительство Вологодского своим «филиалом») усиленно перетягивали его на свою сторону. Член хорватовского «делового кабинета» С. В. Востротин телеграфировал «старому товарищу» Вологодскому, приглашая его присоединиться к Хорвату, поскольку дерберовское правительство стало-де «исключительно социалистическим», а всякое «однородное» правительство «не будет признано союзниками»⁵⁷.

В те дни и Кудашев телеграфировал в Омск о том, что правительства Дербера и Хорвата не признают друг друга и просил омское правительство содействовать «единению всех живых сил страны»⁵⁸.

В целях расширения «представительности» и под давлением местных монархистов-черносотенцев Дербер передал пост премьера И. А. Лаврову, сохранив за собой пост министра иностранных дел. Что касается Хорвата, то он тоже перенес свою резиденцию во Владивосток.

Со стороны интервентов была предпринята попытка склонить Хорвата к «соглашению с лавровским правительством». Из Пекина во Владивосток прибыли два дипломата — англичанин Ольстон и француз Мартель — с целью посредничества, но успеха не добились. Дело дошло до того, что в двадцатых числах августа Лавров и земская областная управа обвинили «деловой кабинет» в подготовке государственного переворота. Они утверждали, что Хорват намеревается поставить под контроль подчиненного ему генерала Плешакова все владивостокские воинские части, а затем арестовать членов управы и Временного правительства автономной Сибири.

Представители союзников, демонстрируя, кто в действительности обладает властью в Приморье, приказали разоружить те части, которые признали командование Плешакова. Это разоружение русских белогвардейцев было произведено японцами и китайцами. «Позор» с них был смыт английским генералом А. Ноксом, прибывшим в это время во Владивосток: он распорядился вернуть белогвардейцам оружие.

Прибытие генерала Нокса на русский Дальний Восток было отнюдь не случайным. Он считался одним из крупнейших британских специалистов по России, был прикомандирован еще к царской Ставке, а после Февральской революции установил тесные связи с корниловскими элементами, активно поддерживая их в борьбе за установление в стране военной контрреволюционной диктатуры. Несомненно, что Нокс имел задание разобраться в политической ситуации, разработать рекомендации для контрреволюционного лагеря на Дальнем Востоке и содействовать их реализации. Адмирал Колчак, уехавший в Токио, с этой точки зрения представлял для него особый интерес. В конце августа Нокс уже был в Японии.

А что же сам Колчак, находившийся в Токио уже более двух месяцев? Нервное переутомление, от которого он лечился, не заставило его устраниваться от политических дел. Он упорно стремился рассеять представление о себе, как «японофобе», убеждая правящие верхи Японии, что без ее помощи никогда не мыслил и не мыслит «воссоздание нашей боеспособности». «Совершенно лишне говорить, — уверял он, — о его неприязненном отношении к вопросу о посылке японских войск. Так, например, в бытность мою в Пекине я... выразил надежду, что Япония пошлет в Сибирь сильное войско»⁵⁹.

Такого рода заявлениями он намеревался, по-видимому, исправить просчет, допущенный им во время первой пробы своих политических сил в полосе отчуждения КВЖД. Не терял он связи и с Дальним Востоком. Сохранилось письмо некоего капитана Апушкина, который информировал своего патрона из Владивостока: «Идет издание приказов Хорвата и Сибирского правительства. Их никто не исполняет. Вообще дела подвигаются медленно, больно наш диктатор (Хорват. — Г. И.) слабоват». Далее Апушкин писал: «Об Вас самые разнообразные слухи, говорят о скором Вашем прибытии как главнокомандующего всеми силами...»⁶⁰.

О том же писал Колчаку из Пекина князь Кудашев, бывший одним из инициаторов «переброски» Колчака из Месопотамии на Дальний Восток весной 1918 г. Первая его инициатива не увенчалась успехом, но он не терял веры в будущее. «...Хотя я глубоко сожалею, — писал Кудашев Колчаку в Токио, — что Вам пришлось оставить Маньчжурию и что таким образом Вы обречены до поры до времени на бездействие, лично за Вас я очень рад, что Вы остались

непричастным к рискованному шагу ген. Хорвата, успех которого еще под большим сомнением. Искренне надеюсь, что Вы только временно отошли от активной работы восстановления России и восстановления у нас порядка и власти...»⁶¹

Несомненно, надеялся на это и сам Колчак. Но из его иркутских показаний следует, что в харбинскую или владивостокскую «яму», в которой сидели «опереточное» дерберовское правительство и «пародийное» правительство Хорвата, он уже лезть не намеревался. В Токио до него доходили сведения и об омском правительстве Вологодского и о самарском Комуче, но они были отрывочными, неопределенными. Приходилось ждать дальнейшего развития событий.

В конце августа у Колчака произошла важная встреча. Его собеседником был генерал А. Нокс, прибывший из Владивостока и лично наблюдавший там хорватовско-дерберовскую грызню. Колчак на допросе в Иркутске рассказал об этой встрече в общем-то скупое. По его словам, собеседники пришли к выводу, что «организация власти в такое время, как теперь, возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в ее распоряжении». Другими словами, речь шла о военной диктатуре. Но главное было, пожалуй, не в этом. Достигнуть соглашения о военной диктатуре при таком единомыслии, какое существовало в этом вопросе у Нокса и Колчака, было не таким уж трудным делом. Гораздо большее значение имело то, что Нокс и Колчак согласились «принципиально, что создание армии должно идти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организаций, которые будут вместе с тем снабжать ее оружием...»⁶².

Ни о каких практических выводах из этих переговоров и соглашений Колчак в Иркутске, естественно, не сказал. Имеется, однако, важное свидетельство Нокса, который после беседы с русским адмиралом сообщал начальству: «Нет никакого сомнения в том, что он (Колчак.— Г. И.) является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке»⁶³. Остается фактом, что вскоре после беседы с А. Ноксом в начале сентября Колчак выехал из Токио во Владивосток.

В июне 1919 г., в самый разгар военных успехов колчаковщины, английский военный министр У. Черчилль, выступая в палате общин и говоря о правительстве Кол-

чака, обронил фразу: «Мы вызвали его к жизни...»⁶⁴ Позднее, интерпретируя эти слова, апологет Колчака С. П. Мельгунов пытался убедить читателей, что их следует понимать только в том смысле, что «Великобритания оказала реальную помощь Колчаку» уже тогда, когда он возглавил «белое дело» в Сибири⁶⁵. Но факты свидетельствуют о том, что именно британская рука извлекла Колчака из политического небытия после его приезда в Японию из Америки и неторопливо, но расчетливо двигала его к политической арене.

Но оставим пока Колчака во Владивостоке, куда он прибыл еще как частное лицо, и временно покинем Дальний Восток. Между событиями весны и лета 1918 г. в центре России и в Москве и тем, что должно было совершиться на востоке страны, существовала незримая связь.

В марте 1918 г. Москва стала столицей Советской республики. Здесь, в Кремле, Совет Народных Комиссаров, большевистская партия во главе с В. И. Лениным разрабатывали грандиозные планы социалистического переустройства России, одновременно решая сотни повседневных вопросов, жизненно важных для революции, для трудового народа. А время было суровое. Угрожал германский и антантовский империализм, катастрофически не хватало продовольствия для рабочих, поднимала голову контрреволюция, злобно затаился обыватель.

В Москву в начале 1918 г. перебрались и штабы антибольшевистских партий и групп, начиная от эсеров и меньшевиков и кончая монархистами. На конспиративных квартирах в арбатских переулках, у Яузских ворот, в Хамовниках и в других местах за плотно задвинутыми шторами шла скрытая, но весьма напряженная политическая работа. Как писал член Московского совета в ту пору Г. И. Ломов-Оппоков, новой советской Москве противостояла «другая Москва — озлобленная, ушедшая в себя, не признающая этих идущих «из грязи» большевиков. Эта Москва срыгает, саботирует, борется не на живот, а на смерть»¹.

В феврале — марте 1918 г. первой в Москве сгруппировалась организация под названием «Девятка». Истоки ее шли от так называемого Совещания общественных деятелей, возникшего еще в канун московского Государственного совещания в августе 1917 г. и, в сущности говоря, выражавшего идеологию и политическую платформу корниловщины. В «Девятку» из этого совещания были делегированы три представителя полукадетско-полуоктябристского толка. К ним присоединились по три представителя от ЦК кадетской партии и торгово-промышленной «общественности» (отсюда и название — «Девятка»). Главную роль в ней играли такие люди, как бывший царский министр А. В. Кривошеин, будущий едва ли не главный идеолог «белого дела», ушедший из кадетской партии П. Б. Струве, правый кадет П. И. Новгородцев. Через свою агентуру «Девятка» установила связь с форми-

ровавшейся на Дону белой армией Корнилова и Алексеева; туда начали направлять людей и деньги. Постепенно «Девятка» стала расширяться, в нее вступили представители помещичье-кулацкого «Союза земельных собственников» и других монархических организаций. Преобразованная «Девятка» получила название «Правый центр». Несмотря на усиление реставрационно-монархического крыла, политическое ядро центра пока еще составляли кадеты, преимущественно правого толка. В их среде муслировалась мысль о еще большем расширении антисоветской организации путем создания межпартийного блока с «государственно мыслящими» представителями «социалистических» партий (имелись в виду народные социалисты, эсеры и меньшевики).

Эта мысль вообще проистекала из кадетского представления о себе как об «общенациональной партии». Но была в ней и политическая подоснова. Считалось, что одна из главных причин триумфа большевиков коренилась в «партийном догматизме», «партийном разъединении» их противников. Отсюда следовал вывод: желательно блокирование всех антибольшевистских групп, создание под «национальным» флагом общего контрреволюционного фронта, в котором центральное, скрепляющее звено составляли бы, конечно, кадеты.

Та же псевдонациональная идея, противостоящая интернационализму большевистской партии и Советской власти, возникла и в «левом» крыле контрреволюции: у энесов и эсеров. Как вспоминал впоследствии один из лидеров этого крыла, энес Н. В. Чайковский, уже в начале 1918 г. члены «левых» партий «ясно сознавали настоятельную необходимость образовать как можно скорее политический центр для серьезного противодействия большевизму». Попытка создать такой центр была предпринята через межфракционный Совет Учредительного собрания. В чьей-то докторской квартире на Девичьем поле состоялось несколько совещаний, которые в конце концов привели к решению «организоваться по личному признаку». Исключались левые эсеры, поскольку они находились в блоке с большевиками, крайние националисты и монархисты типа черносотенного «Союза русского народа»². Всем остальным путь в это объединение с «демократической платформой» был открыт. В результате весной 1918 г. возникло конспиративное межпартийное объединение, которое сначала называлось «Левый центр», а затем «Со-

юз возрождения России». В него «на персональных началах» (т. е. с сохранением определенной независимости от своих ЦК) вошли кадеты (более склонные к блоку «налево»), народные социалисты, правые эсеры, а несколько позднее — меньшевики и представители кооперативов. В числе первых здесь оказались Н. И. Астров, Н. Щепкин, Н. М. Кишкин (от правых кадетов — В. А. Степанов). Среди энесов видную роль играли Н. Чайковский, А. Пешехонов, Мякотин, А. Титов. Эсеров представляли Н. Авксентьев, А. Аргунов, правых меньшевиков — А. Н. Потресов. Вступил в «Союз возрождения» и «беспартийный» генерал В. Г. Болдырев. Фактически же он стоял где-то между энесами и кадетами. Выпущенный советскими властями из тюрьмы по болезни, он вскоре начал разработку военных проектов свержения Советской власти.

Обе организации — «Правый центр» и «Союз возрождения» — отнюдь не противостояли друг другу. «Союз возрождения» шел на контакты, как мы уже знаем, по соображениям создания общего антибольшевистского фронта. У «Правого центра» был свой, особый взгляд на необходимость взаимодействия с «левыми». Как сообщал в штаб Добровольческой армии член «Союза возрождения» Титов, «Правый центр усвоил такую точку зрения: не мешать работе левого центра, ибо на их стороне пока больше, может быть, шансов, чем у Правого центра». Таким образом, здесь по-своему учитывалось падение политического и морального престижа правых.

Н. И. Астров свидетельствует, что «связь между Правым центром и Союзом возрождения заключалась в том, что с согласия обеих организаций в ту и другую входило несколько лиц из числа партии народной свободы (т. е. кадетов)». Цель состояла в том, чтобы «согласовать действия той и другой в наиболее ответственные минуты»³. О каких «ответственных минутах» шла речь, видно из уже упомянутого донесения Титова Деникину. Он сообщал, что в обеих организациях «признано необходимым особенно согласование в области военных вопросов, для чего и образовано совещание из представителей от Союза возрождения — генерала Болдырева, от Правого центра — адмирала Немитца и генерала Циховича»⁴. Эти военные устанавливали связи с конспиративными офицерскими организациями, готовыми принять участие в контрреволюционных восстаниях.

Много общего у этих организаций было в програм-

мных установках. Они ставили своей задачей продолжение войны с Германией в единении с союзниками (т. е. придерживались проантантовской ориентации), свержение Советской власти вооруженной силой, после чего предполагалось «учредить новые государственные формы устройства России» посредством выявления «воли народа».

Раз речь заходила о «воле народа», то перед теми и другими вставала идея созыва Учредительного собрания. Но в способе «подведения» страны к Учредительному собранию существовали разногласия. Промонархический «Правый центр» считал, что к Учредительному собранию страна должна быть подведена через единоличную военную диктатуру; «Союз возрождения», более склонный к буржуазно-демократическим формам, высказывался за директорию, т. е. временное правительство, состоящее из нескольких лиц, в том числе «с авторитетным военным».

На этом разногласия заканчивались. Обе стороны четко договаривались, что имеют в виду созыв Учредительного собрания, но не того, которое было создано в январе 1918 г. и затем распущено Советской властью за отказ санкционировать первые завоевания социалистической революции, а совершенно нового, избираемого уже после предполагаемой победы контрреволюции. Таким образом, эсеровское в своем большинстве Учредительное собрание отвергалось. Нетрудно себе представить, что представляло бы собой Учредительное собрание, созданное в результате триумфа белогвардейщины. В. И. Ленин говорил, что оно было бы «собранием медведей, водимых царскими генералами за кольца, продетые в нос»⁵.

Но все это было прожектерством; а пока обе организации активно вербовали людей, изыскивали средства, устанавливали связи с Югом, где уже действовала Добровольческая армия, и Востоком, точнее, с Заволжьем и Сибирью, где в разных городах нелегально формировались белогвардейские отряды. При этом уже тогда наметилось определенное разделение «сфер влияния». «Правый центр» устанавливал связи с Югом, что, по-видимому, объяснялось и наследством «Девятки», первой наладившей контакты с Корниловым и Алексеевым. «Союз возрождения» тяготел к Востоку, вероятно, постольку, поскольку сеть богатой сибирской кооперации находилась под эсеровским влиянием. Туда направлялись его «работники».

Очень скоро обе антисоветские организации попали в сферу деятельности иностранной, союзнической агентуры, усилившей свою активность после того, как попытки Антанты не допустить выхода Советской России из войны закончились провалом. Как свидетельствует Н. И. Астров, «к некоторым участникам центра и союза были как бы приставлены отдельные лица-иностранцы для взаимной информации». «Представители союзников,— пишет Астров,— настаивали на объединении всех антибольшевистских организаций и только при этом условии изъявляли готовность поддержать их и их начинания»⁶. Астров утверждает далее, что основной интерес союзнических представителей сосредоточивался при этом вокруг вопроса о воссоздании Восточного фронта против Германии (вопреки Брестскому мирному договору). Но совершенно очевидно, что достижение этой задачи было немыслимо без свержения Советской власти.

Контакты союзников с «Правым центром» и «Союзом возрождения» с самого начала и главным образом носили антисоветский характер и преследовали интервенционистские цели. Этому соответствовал и план, разработанный генералом Болдыревым: воссоздать «русскую» (т. е. антисоветскую) армию в каком-либо районе (на востоке или на севере), предварительно защищенном союзническим десантом, т. е. интервентами. В «Правом центре» вполне поддерживали эту идею. По свидетельству Титова, деньги, которые были предложены французским консулом Гренаром для ее реализации, были приняты⁷.

Но именно в этот момент (весной 1918 г.) центростремительная сила в лагере контрреволюции начала наталкиваться на силу центробежную. Она исходила из «Правого центра», который «все более загружал себя лицами иногда очень далеко заходящего правого уклона». Астров раскрывает эту расплывчатую формулировку: в руководстве «Правого центра» все более активную роль стали играть такие его «новобранцы», как известные «деятели павшего строя» (царизма) В. И. Гурко и А. Ф. Трепов. Более того, они вступили в переговоры и контакты с Н. Е. Марковым-2-м, священником Восторговым и другими откровенными черносотенцами. В кругах «Правого центра» укреплялось мнение, что начатая царизмом «война с Германией была крупной ошибкой», что союзники после выхода России из войны не выдержат «напора Германии» и потому отныне следует делать ставку не на Антанту, а на Герма-

нию, готовую «низвергнуть власть Советов», только желающую «сделать это руками русских, которым окажет могущественную поддержку»⁸.

Такие настроения усиливались известиями, доходившими до Москвы с юга, с оккупированной немцами Украины и с Дона. В Киеве немцы убрали Центральную раду и вручили гетманский пернач своей марионетке — П. Скоропадскому. Такой же германской марионеткой стал донской атаман Краснов. Доходили неясные слухи, что даже непримиримый «германоборец», кадетский лидер Милюков совершил политический кульбит и начал отстаивать «германскую ориентацию», склоняя к тому добровольческих вождей — Алексеева и Деникина. Это было столь неожиданно, что многие слухам не верили, считая их провокацией, а самого Милюкова — «жертвой интриг». Однако вскоре пришло письмо от самого Милюкова, тесно связанного с «Правым центром». В письме, написанном 7 (20) мая 1918 г. в Ростове и дошедшем до Москвы через Киев, кадетский лидер предлагал «при прямом содействии германцев» восстановить в России конституционную монархию⁹. Некоторые монархические лидеры «Правого центра» (Кривошеин, Римский-Корсаков, Гурко, Нейдгардт и др.) установили прямые контакты с германским послом в Москве и другими германскими представителями. Они, правда, давали в общем уклончивые ответы на настойчивые и назойливые просьбы о помощи в свержении Советской власти, с одной стороны не желая рисковать Брестским договором, а с другой — сознавая шаткость политических позиций правого, монархического сектора лагеря российской контрреволюции. Кадеты казались им более представительными.

Один из руководителей кадетской партии, князь Павел Долгоруков, позднее писал, что на просьбы «германфилов» немедленно направить в Москву «хоть один германский корпус» посол Мирбах отвечал: «Вы, правые, умеете только просить, но за вами никто не стоит. Организуйте сначала в этом направлении общественное мнение. А русское общественное мнение пока против вас... Вот если бы кадеты нас звали — другое дело»¹⁰.

Тем не менее в многочисленных материалах, связанных с деятельностью «Правого центра» (документальных и мемуарных), имеются свидетельства того, что планы свержения Советской власти с помощью Германии разрабатывались и обсуждались. Так, по сведениям Милюкова, герман-

ские представители вели переговоры «с русскими офицерами» о свержении большевиков. «План,— записал Милюков в своем дневнике,— будет обсужден с двумя офицерами германского генштаба, которых командируют Гинденбург и Людендорф... Русские офицеры с германскими пленными захватят все пункты и продержатся сутки, пока из Орши придут германские войска на поддержку... Таковы намерения германской военной партии»¹¹. Прогерманские устремления в «Правом центре» и в связанных с ним офицерских организациях резко усиливались. «Патриоты» и ревнителю «национальной идеи» из этой среды прямо говорили о том, что было бы хорошо, если бы немцы, свергнув Советскую власть, «превратили бы Россию лет на 50 в германскую провинцию»¹². Они призывали офицеров не уходить на Дон, к Алексееву, оставаться в Москве, поскольку недалек тот день, когда здесь при поддержке немцев начнется восстание.

Перемена внешнеполитической ориентации неизбежно влекла за собой и частичную перемену внутривнутриполитической программы. Если до сих пор «Правый центр» в целом так или иначе признавал принцип Учредительного собрания (после военной диктатуры), то теперь возобладали откровенно монархические тенденции, требования безусловной реставрации монархии, может быть с некоторыми послереволюционными коррективами. Так соглашение «Правого центра» и «Союза возрождения» о будущем государственном устройстве России (признание созыва нового Учредительного собрания после свержения Советской власти) дало первую трещину.

Под влиянием таких настроений в «Правом центре» стал ощущаться разброд. Состоявшаяся еще в конце мая в Москве кадетская конференция приняла резолюцию, выдвигавшую задачу образования сильной «национальной власти». Что касается внешнеполитической линии, то резолюция настаивала на том, что «члены партии не могут вступать ни в какие соглашения с германцами»¹³. Декретировалась, таким образом, антантовская ориентация. Но окончательное решение вопроса зависело, по-видимому, не столько от принципиальных соображений, сколько от реального учета сил двух борющихся империалистических группировок (Германии с союзниками и Антанты) и от результатов торга, который «германофилы» вели с немцами. Между тем скоро выяснилось, что в ответ на условия «патриотов» из «Правого центра» (свержение Советской

власти, образование правительства из людей «Правого центра» для восстановления монархии, возвращение оккупированных областей) германские представители требовали временного нейтралитета (до «восстановления порядка»), а затем и активной помощи Германии, дополненной открытием русских границ для беспошлинного ввоза германских товаров¹⁴.

Германские контртребования в случае их выполнения ставили Россию в очевидно зависимое положение, но даже это не сразу разрушило скрепы, сдерживавшие германофилов и антантофилов в одной контрреволюционной организации. На одном из совещаний «Правого центра», как вспоминал Н. И. Астров, «братья Е. Н. и Г. Н. Трубецкие пытались говорить, что вопрос не ясен, что не настало время решать его окончательно, требовали отсрочки, чтобы избежать раскола.

— Я не хочу выходить ни на тот, ни на другой берег,— говорил, волнуясь, князь Е. Н. Трубецкой.— Для России еще не ясно, где ее спасение...»¹⁵

Но возникшая трещина удлинялась и углублялась. В июне 1918 г. разногласия привели наконец к расколу. ЦК кадетской партии дал указание кадетам выйти из «Правого центра». Образовалась новая контрреволюционная организация — «Национальный центр». П. Н. Милюков утверждал, что он был создан «по настоянию союзников»¹⁶. Это очень существенное и важное замечание впоследствии вызвало решительное возражение другого кадета, известного нам Н. И. Астрова. В написанных им в 1927 г. «Некоторых замечаниях на рукопись «При свете 2-х революций», в которой Милюков выдвинул свой тезис, он писал, что речь в крайнем случае может идти лишь о «соглашении с союзниками»¹⁷. Так или иначе, но в обоих случаях признается важная роль, сыгранная Антантой в создании «Национального центра».

Мотивы союзников понять нетрудно. Намерение начать и расширять интервенцию диктовало им необходимость создания внутри России такой контрреволюционной организации, которая могла бы претендовать на роль возможного «национального представительства». Эту роль, по мнению антантовских политиков, лучше всего могли выполнить кадеты. Мы уже видели, что даже для немцев они выглядели лучшей приманкой; что же касается Антанты, то просоюзническая ориентация кадетов снимала все препятствия на пути к тому, чтобы сделать ставку именно

на них. Но этого мало. Союзникам было также хорошо известно, что кадеты фактически занимают центральное место в политическом спектре антибольшевизма и антисоветизма, блокируясь не только с правыми (монархическими), но и с теми «левыми» (умеренно социалистическими) элементами, которые объединились в «Союзе возрождения России». Это, в представлении союзников, могло придать кадетам достаточно широкую «представительную» базу, на которую могла ориентироваться антантовская «демократия» в своем интервенционистском курсе.

Со своей стороны кадеты также стремились получить максимальный политический и материальный кредит у союзников, для чего, по выражению одного из руководителей «Союза возрождения», необходимо было «сцепить левых с правыми»¹⁸. Роль «сцепщика» и взяли на себя кадеты, выступая не под собственной старой вывеской, а под видом «всеохватывающей», «национальной» политической организации. Создание «Национального центра» нанесло серьезный удар по «Правому центру», политические акции которого в Москве стали понижаться, и большинство его членов вскоре (после гетманского переворота на Украине) перебазировалось в Киев.

Неверным было бы, однако, считать, что деятельность «Правого центра» не оставила следа. Как раз в нем началась разработка и формулирование идеологических основ, в сути своей воспринятых «Национальным центром» и составивших ядро так называемого «белого дела» — деникинщины, колчаковщины и т. п. Исходные элементы этой идеологии можно обнаружить еще летом 1917 г., в период подготовки корниловщины, когда кадеты и примыкавшие к ним более правые группы сконцентрировали свое внимание на необходимости создания «твердой власти», способной блокировать и ликвидировать революционную «анархию» в стране. Осуществление этих планов связывалось с промонархической армейской верхушкой. Так, член ЦК кадетов А. Тыркова-Вильямс, возвратившись в Петроград с Государственного совещания в августе 1917 г., говорила, что «если генералы ничего не смогут сделать, то никому не удастся спасти положение, спасти Россию от полного революционного развала...»¹⁹. Из этого «положения» прямо вытекал пересмотр отношения к Учредительному собранию как законодательному органу «народоправства», призванному решать проблемы будущего российского бытия. Вчерашние поборники либерализма

теперь шарахались от демократии как черт от ладана. В статье «В чем революция и контрреволюция», опубликованной в конце ноября 1917 г. в «Русской мысли», П. Струве прямо писал, что революция (он называл ее «погромом») «не может закончиться тем Учредительным собранием, созыв которого во время войны был вынужден угрозами опьяневших революционеров и обезумевших солдат»²⁰.

Сказавший «а», должен был сказать и «б». Когда вскоре после победы Октября (зимой 1918 г.) Совещание общественных деятелей — родоначальник «Девятки» и «Правого центра» — стало нелегально собираться в Москве, его участники уже довольно решительно заговорили о необходимости монархической реставрации. Один из них, П. Н. Виноградский, позднее писал: «Совет приступил к анализу прошедших с 1 марта 1917 г. событий... Обсуждение выявило действительную политическую физиономию его участников, единодушно признавших, что единственно приемлемой формой правления в России может быть наследственная конституционная монархия... Это было нечто среднее между старыми программами октябристов и кадетов»²¹.

Особая роль в кристаллизации этих идей принадлежала П. Б. Струве, который в марте 1918 г. приехал в Москву после пребывания в Добровольческой армии на Дону. К работе «Правого центра» он привлек других политически близких ему людей, связанных с ним еще по «Вехам» 1909 г. В квартире княгини Гагариной, на Поварской улице, на нелегальных собраниях они выступали с докладами и лекциями, часть которых несколько позднее (в августе 1918 г.) вошла в сборник «Из глубины», развивший и продолживший веховские идеи. Авторы его (а часть их после раскола «Правого центра» либо вошла в «Национальный центр», либо была связана с ним) формулировали свое отношение к «старому режиму» — монархии, вскрывали, как им казалось, глубинные «духовные» истоки революции и, главное, давали спасительные идеологические рецепты ее преодоления.

Струве, Бердяев, Аскольдов и другие утверждали, что «старые государственные формы» плохо ли хорошо ли, но сдерживали проявление «худших свойств народа», направляли их «в принудительные границы». Однако русская интеллигенция, поддавшаяся «западным учениям», основанным на индивидуализме, подорвала «коллективный

дух», свойственный «русскому началу». В результате «принудительные границы» рухнули и «злые духи» учинили «погром», разрывая вековые государственные и общественные «скрепы»; чтобы положить этому конец, нужно возродить «национально-религиозную идею» и противопоставить ее интернационализму и классовой борьбе. Таким образом, Струве и его единомышленники выступали за реставрацию «традиционных начал» (монархии), правда с учетом некоторых необратимых перемен, вызванных революционной ломкой 1917 г. (но не далее их кадетско-октябристского рубежа).

Анализ политических программ «Национального центра» показывает, что в основе их лежали эти правоцентристские идеологические установки, которые он «внедрял» непосредственно в «белое движение». Так веховские теоретизирования после революции 1905—1907 гг. обернулись практикой буржуазно-помещичьего контрреволюционного реванша в годы гражданской войны и интервенции.

Между тем деятельность «Национального центра» расширялась. Большинство тайных офицерских организаций отходили под его начало. Велся широкий шпионаж, данные которого затем по секретным каналам направлялись в Добровольческую армию. Осуществлялась подготовка к вооруженному восстанию и т. п. Однако ЧК успешно пресекала эту контрреволюционную работу, одну за другой раскрывая подпольные организации²². «Создалось впечатление, — констатировали лидеры «Национального центра», — что в Москве работать нельзя, новых организаций устраивать не имеет смысла, а если какие-либо организации сохранились и по сие время, то придавать значение их работе не следует, т. к. таковая вряд ли может быть продуктивной»²³. Такой линией, взятой «Национальным центром», во многом объясняется и его позиция по отношению к созданному Б. Савинковым с помощью французских субсидий «Союзу защиты родины и свободы».

Еще в январе 1918 г. Савинков возвратился в Москву с Дона, из Добровольческой армии. Он утверждал, что прибыл как ее представитель, но на самом деле монархически настроенным добровольцам он пришелся не ко двору. В Москве у Савинкова возник новый план — покончить с Советской властью посредством вооруженного выступления здесь, в центре. Ему удалось сколотить военную организацию, в которую входило примерно 3 тыс. человек, преимущественно офицеров. Но он нуждался в политиче-

ской поддержке на случай планируемого успеха. В связи с этим были установлены контакты с «Союзом возрождения». По словам Мельгунова, он сам и Титов «не раз видели Савинкова на его конспиративной квартире»²⁴.

Союз передавал Савинкову часть денег, получаемых от иностранных миссий, но полного единения все же не получилось. У «Союза возрождения» не было собственной сколько-нибудь значительной военной организации, а военной головке савинковского союза, состоявшей из монархистов, вряд ли импонировали «демократические» взгляды союзозрожденцев. Савинков переориентировался на «Национальный центр», одновременно несколько изменив свой план. Теперь он концентрировал свои отряды в городах близ Москвы, чтобы поднять восстание в ряде поволжских городов и тем самым как бы вписаться в проектировавшийся Восточный фронт. Как свидетельствует Астров, он (Савинков) часто появлялся на заседаниях центра, «излагал свой план, просил принять участие в его осуществлении, дать людей для организации власти на местах». И «хотя многие члены центра горячо поддерживали предприятие Савинкова», все же в конечном счете «Национальный центр» предпочел уклониться, считая, что борьба с Советской властью в центральном районе обречена на неудачу. Основное внимание, по мнению Астрова и других, следовало обратить на окраины — юг, восток и север, где все активнее поднималось белогвардейское движение²⁵.

Вместе с тем поощряемые союзниками контакты «Национального центра» и «Союза возрождения» усиливались. По свидетельству С. П. Мельгунова, антантовские представители в равной мере субсидировали все контрреволюционные организации. «Союз возрождения, — писал он, — получил, вероятно, один миллион с небольшим. По словам Федорова (один из руководителей «Национального центра». — Г. И.), приблизительно такая же сумма получена была Национальным центром. Савинков говорит о 2,5 миллионах, полученных от союзников. Гренар говорил мне, что им передано было с.-р. несколько миллионов. Я думаю, что Гренар все объединил в одно»²⁶.

Общие деньги — общие действия. Как отмечается в анонимной записке «Национальный центр», излагающей историю его возникновения и деятельности, на совещаниях обеих организаций был «поднят вопрос о создании все-российского правительства» за чертой Восточного фронта,

который предполагалось создать совместно с антантовскими интервентами²⁷. Сохранился интересный документ, своего рода меморандум, составленный по поручению «Союза возрождения» и «Национального центра» в конце июля — начале августа 1918 г. В нем подчеркивалось, что «Союз возрождения» и «Национальный центр» ведут свою работу по воссозданию русского государства «в полном единении». Затем в концентрированном виде излагалась схема договоренности о «единой платформе», выработанной этими организациями. В ней содержались два основных положения. Первое: «В процессе образования государственности и до установления окончательной формы государственного устройства власть... должна являть собой сильный, наделенный полнотою прав, независимый и способный действовать верховный орган, конструкция которого представляется в форме Директории трех»: одного военного, который должен стать главнокомандующим вооруженными силами контрреволюции (т. е. генерал-монархист.— Г. И.), и по одному представителю «социалистического и несоциалистического течений» («умеренный социалист», скорее всего — эсер и кадет). Так, по мнению лидеров «Союза возрождения» и «Национального центра», должно было быть достигнуто единение «всех общественных сил»²⁸.

Далее (второе) подчеркивалось, что провозглашение неосуществившегося Учредительного собрания 27 октября 1917 г. является «нереальным лозунгом». Окончательную форму государственного устройства могло установить только новое Учредительное собрание, которое созвет Директория после предполагаемого свержения Советской власти и победы контрреволюции.

Почему кадеты — сторонники военной диктатуры — пошли на видимые уступки «Союзу возрождения»? Они были убеждены, что победа контрреволюции создаст такую реальную ситуацию, при которой «социалисты» неизбежно будут отброшены с политической арены более правыми силами. «Роль социалистов,— писали они Милюкову, находившемуся в Киеве,— это роль актеров, уходящих со сцены навсегда. Нужно держать возможно более широкий фронт и не увеличивать оппозиции. Они сами передают фактическую власть кадетам»²⁹.

Но существовала, по-видимому, и другая причина «левого сдвига» кадетизма. Наступило лето 1918 г. Помимо алексеевско-деникинской Добровольческой армии, с

которой у представителей контрреволюционных центров связь была установлена с зимы 1917/18 г., в конце мая — начале июня в Поволжье и Сибири возник еще один крупный антисоветский фронт. Начало ему положил белочешский мятеж, сразу же поддержанный подпольными белогвардейско-офицерскими организациями. Политически здесь верховодили эсеры, имевшие финансовую поддержку богатой проэсеровской кооперации. Этих обстоятельств «Национальный центр» не мог не учитывать, тем более что летом 1918 г. Восточный фронт стал главным, поскольку на нем обозначились наибольшие успехи контрреволюции.

Между прочим, меморандум, о котором мы упоминали выше и который излагал «схему» соглашения «Союза возрождения» и «Национального центра», был написан как раз для «политических деятелей Сибири» с целью разъяснить им, что «происходит в Москве и какие планы сложились в политических центрах».

«Взор населения старой Москвы, — написано далее в меморандуме, — обращается на восток и на север, откуда она ждет помощи и видит живые признаки, что она идет — сильная, бодрая...» В Москве уже знали о попытках двух правительств — Комуча и Временного Сибирского (см. об этом далее) — договориться об объединении в борьбе с Советской властью и торопились довести до их сведения точку зрения «центра». Надо полагать, что, направляя своих представителей на восток (в Поволжье и в Сибирь), «Союз возрождения» и «Национальный центр» снабдили их своим меморандумом, рассчитывая, что именно здесь скорее всего сложится «всероссийский центр» борьбы с Советской властью. По многочисленным свидетельствам, возник даже план перебазирования основных сил с Юга в Поволжье и Сибирь. Астрову и другому кадету — В. Степанову было поручено выехать в Добровольческую армию и «передать генералу Алексееву, что московские организации желают видеть его, одна — в составе Директории, другая — в качестве лица, возглавляющего национальное движение, и что все надеются, что ему удастся соединить его силы с организующимися на Волге силами, принять активное участие в организации временной власти»³⁰.

Этот план вынашивался и в Сибири. Как мы уже знаем, весной 1918 г. командование Добровольческой армии направило своих эмиссаров — генерала Флуга и полковника Глухарева — на восток. В одном из докладов Глухарев

доносил: «Долгом считаю доложить, что приезд генералов Алексеева и Корнилова и перенесение всей центральной организации в Омск являлись бы в высшей степени желательными в общегосударственных интересах и вполне соответствовали бы настроениям и чаяниям государственно мыслящих кругов Сибири». Под этим выводом Глухарева подписался и генерал Флуг³¹.

Но генерал Алексеев был не единственным кандидатом «Национального центра» в состав Директории или — при благоприятных обстоятельствах — в «возглавители национального движения» на востоке страны. Национал-центристы, видимо, учитывали обстоятельства, при которых Алексеев не сможет или не захочет перебросить свои силы в Поволжье или Сибирь. На этот случай еще одним кандидатом в военные диктаторы должен был стать адмирал Колчак.

Известно ли было в «Национальном центре» о его местопребывании летом 1918 г.? Мы уже знаем, что, уезжая летом 1917 г. в Америку, Колчак, связанный с «Республиканским центром», с некоторыми монархическими и кадетскими деятелями, оставил при центре своего «представителя» — лейтенанта Фомина. Да и находясь в США, он не потерял связи с Россией, о чем свидетельствуют его письма к разным лицам в Петроград. Еще в канун Октября, зная, что Колчак предполагает вернуться в Россию, кадеты предложили ему баллотироваться в Учредительное собрание. Позднее, уже весной 1918 г., кадет С. В. Востротин уехал на Дальний Восток, в полосу отчуждения КВЖД, где сотрудничал с генералом Хорватом и членом его «правления» — Колчаком. Летом 1918 г. Востротин, как нам известно, вошел в состав «делового кабинета» Хорвата и, конечно, не мог не знать о всех «заключениях» Колчака в Харбине, об его отъезде в Японию и т. д. Трудно предположить, чтобы Востротин или кто-либо иной не информировали обо всем этом кадетский ЦК, а следовательно, и «Национальный центр» в Москве.

О том, что в «Национальном центре» и в близких к нему кругах с именем Колчака связывались контрреволюционные планы всероссийского масштаба, свидетельствует письмо В. В. Шульгина, написанное Колчаку 8(21) июня 1918 г. Колчак в это время находился еще в Харбине, а Шульгин в Киеве, где создал так называемый Внепартийный блок русских избирателей, вскоре фактически ставший киевским отделом московского «Национального центра»

под названием «Южно-русский национальный центр». Связь с Москвой поддерживалась через шпионско-осведомительную тайную организацию «Азбука», также возглавлявшуюся Шульгиным. С другой стороны, шульгинский «блок» находился в тесных и постоянных контактах с Добровольческой армией, возглавляемой генералами Алексеевым и Деникиным. Поэтому Шульгин представлял собой вполне подходящую фигуру для обсуждения с Колчаком вопроса о перенесении центра контрреволюционной борьбы на Восток.

Прежде всего он напоминал Колчаку о себе, в частности об их встрече в Петрограде в июне 1917 г. на квартире адмирала на Васильевском острове. «Разговор был в гостиной, около окна», — уточнял Шульгин. Далее он информировал Колчака о положении на Дону и на Украине и выражал опасение, что оккупирующие Украину немцы готовят антантофильской Добровольческой армии «какую-нибудь ловушку». В связи с этим, писал далее Шульгин, появилась мысль, «не перебросить ли все это (т. е. боевые силы южной контрреволюции.— Г. И.) на восток, в Сибирь, чтобы антинемецкая база была вне пределов немецкой досягаемости». Мысль эта стала крепнуть особенно после того, как стало известно о прибытии Колчака на Дальний Восток. «Нужны ли мы Вам? — спрашивал Шульгин. — Но нужно выяснить одно обстоятельство: наша группа непоколебимо стоит на союзнической ориентации, но с одной оговоркой: мы все монархисты»³².

Трудно сказать, дошло ли письмо до Колчака, но это и не столь существенно. Важнее другое: письмо показывает, что в высших политических кругах внутренней контрреволюции Колчак рассматривался как фигура общероссийского значения.

Сосредоточивая внимание на Юге, где разворачивалась Добровольческая армия, и командировав туда своих представителей, «Национальный центр» отнюдь не игнорировал и Восток. Туда наряду с посланцами «Союза возрождения» должны были направиться «сам» Милюков, Н. И. Астров, Н. И. Волков, В. А. Степанов и др. Но получилось иначе. По разным причинам эти люди оказались на Юге, а на Восток отправились Л. А. Кроль и В. Н. Пепеляев. В письме, написанном позднее (в марте 1919 г.) и адресованном руководству «Национального центра», Пепеляев прямо писал о цели своей миссии: «Национальный центр командировал меня на восток для работы в пользу едино-

личной диктатуры и для переговоров с адмиралом Колчаком в целях предотвращения соперничества имен Алексеева и Колчака. Со смертью Алексеева (сентябрь 1918 г.— Г. И.) кандидатура адмирала стала бесспорной...»³³

Пепеляев, как мы увидим дальше, и сыграл особо важную роль в «восхождении» Колчака к власти. Но сначала посмотрим, что же происходило в Поволжье и Сибири, куда летом 1918 г. устремились эмиссары «Союза возрождения» и «Национального центра».

**КОНТРЕВОЛЮЦИЯ ПОД ЗНАМЕНЕМ
«ДЕМОКРАТИИ»**

В известном смысле они шли сюда уже на готовое. В то время (весной и в начале лета 1918 г.), когда контрреволюционные организации в центре разрабатывали планы анти-советской борьбы, устанавливали связи с союзнической агентурой, сколачивали боевые группы и т. п., на востоке страны — в Поволжье и в Сибири — развертывались драматические события.

Установление Советской власти в этом огромном регионе несколько затянулось, однако к началу весны 1918 г. она победила там повсеместно¹. Контрреволюция ушла в подполье, но не сложила рук, жаждала реванша. Во многих городах формировались боевые организации из местных и перебрасываемых сюда контрреволюционных элементов. В Поволжье такие организации создавались в Казани, Симбирске, Саратове, Самаре; на Урале — в Уфе, Челябинске, Оренбурге; в Сибири — в Омске, Томске, Новониколаевске, Иркутске, Красноярске и других городах.

В политическом авангарде подполья находились эсеры, но реальную вооруженную силу составляли правые элементы, прежде всего промонархически настроенное офицерство — белогвардейцы. Эта эсерово-монархическая коалиция строилась на взаимных политических расчетах: правые эсеры надеялись использовать белогвардейцев в качестве вооруженной силы для установления своей власти под лозунгом Учредительного собрания, а кадетско-монархические белогвардейцы, со своей стороны, полагали, что, «передвинув» под эсеровским знаменем власть хотя бы на один шаг вправо от большевиков, они затем сами сумеют сделать дальнейшие шаги к ликвидации революционных завоеваний. Центрами контрреволюционного подполья с начала 1918 г. стали в Поволжье — Самара, в Западной Сибири — Томск и Новониколаевск.

Среди населения Среднего Поволжья значительный удельный вес имели зажиточное крестьянство и городская мелкая буржуазия. Уже с ранней весны 1918 г. они стали проявлять недовольство продовольственной политикой

Советской власти. Самара оказалась как бы в кольце восстаний кулаков и богатых казаков. Глухое недовольство росло и в среде самарского обывателя, легко поддававшегося левацкой агитации анархо-максималистских групп.

Антисоветский нарыв, зревший в Среднем Поволжье, активизировал местных эсеров, в том числе и тех, кто вернулся сюда из Петрограда сразу после роспуска Учредительного собрания в январе 1918 г. Вероятнее всего именно они обратили внимание своих столичных руководителей на Самару. Во всяком случае состоявшийся в мае 1918 г. (в Москве) 8-й совет партии эсеров принял решение о переброске своих основных кадров на восток, в частности в Поволжье. В реализации этого плана принимал участие «Союз возрождения России», в руководство которого входили и некоторые члены ЦК эсеровской партии. С «Союзом возрождения» тесно сотрудничал савинковский «Союз защиты родины и свободы», также готовивший антисоветские выступления на Волге. Вначале в качестве центра «военной работы» эсеров намечался Саратов, где вспыхнуло антисоветское восстание. Но там произошел срыв: чекисты раскрыли подпольную эсеровскую организацию. Пришлось переориентироваться на Самару. Эсер П. Д. Климушкин, член Учредительного собрания от Самары, ставший одним из руководителей Комуча, в своих воспоминаниях пишет, что прибывавшие в Самару «деятели столиц» (эсеры, союзозрожденцы, савинковцы) убеждали местных «деятелей», что именно на них «вся надежда», и «вели переговоры о совместной работе»².

Весной в Самаре уже действовала «инициативная группа», своего рода штаб в составе эсеров И. М. Брушви́та, Климушкина, Б. К. Фортунатова и члена Учредительного собрания от Твери эсера В. К. Вольского. Скорее всего вся эта подготовка свержения Советской власти окончилась бы тем же, чем и в Саратове, если бы не событие, которое подобно черной штормовой волне прокатилось по огромной железнодорожной магистрали от Пензы до Дальнего Востока.

Еще при Временном правительстве на Украине из военнопленных и эмигрантов-добровольцев был сформирован Чехословацкий корпус, насчитывавший около 60 тыс. человек. После победы Октябрьской революции по соглашению чехословацкого Национального совета с Советским правительством корпус должен был эвакуироваться из

России через Владивосток, с тем чтобы принять участие в войне против Германии на стороне Антанты. Весной 1918 г. воинские эшелоны чехословаков двинулись на восток. Из-за разрухи на транспорте продвигались они медленно, и не было ни одной крупной станции, где бы не стояли поезда с частями корпуса.

До сих пор некоторые советологи утверждают, что белочешский мятеж, вспыхнувший в конце мая 1918 г., явился якобы «божьим даром» как для внутренней российской контрреволюции, так и для антантовских верхов³. Но мы уже знаем, что идея воссоздания Восточного фронта на русской территории вынашивалась в «Союзе возрождения» и «Национальном центре», тесно связанных с представителями Антанты с ранней весны 1918 г. Напомним, что, например, по плану, разработанному генералом В. Г. Болдыревым, предполагалось создать русскую антигерманскую и антисоветскую армию в восточном (или северном) районе страны, «предварительно защищенном союзническим десантом». В соответствии с этими замыслами контрреволюционное подполье и антантовская агентура активно подготавливали соответствующие силы. Имеется целый ряд данных, свидетельствующих о том, что далеко не последняя роль среди них отводилась Чехословацкому корпусу. Было бы противоестественным иное. Командование корпуса, в состав которого по мере его продвижения на восток вливалось немало белогвардейских генералов и офицеров, не могло оставаться вне сферы внимания тех, кто делал ставку на свержение Советской власти.

11 мая 1918 г. первый лорд адмиралтейства Я. Смэтс и начальник имперского генерального штаба Г. Вильсон представили военному кабинету записку, в которой, в частности, говорилось: «Представляется неестественным, что в тот момент, когда прилагаются большие усилия для обеспечения интервенции со стороны Японии... чехословацкие войска собираются перевести из России на западный фронт». Рекомендовалось, чтобы чехословацкие войска, уже находившиеся во Владивостоке или на пути к нему, были «возглавлены, организованы там в эффективные воинские части... французским правительством, которое нужно просить, чтобы впредь до того, как они будут доставлены во Францию, использовать их в качестве части интервенционистских войск союзников...»⁴. 16 мая британский консул во Владивостоке Ходжсон получил секретную телеграмму из МИДа Англии, в которой прямо указыва-

лось, что корпус «может быть использован в Сибири в связи с интервенцией союзников...»⁵.

Менее известны те конспиративные нити, которые тянулись от антисоветски настроенных генеральско-офицерских верхов корпуса (а среди них были и русские военные) к контрреволюционному подполью Поволжья и Сибири. А они имели для начала мятежа, может быть, не меньшее значение. В. Чернов прямо пишет, что эсеровский ЦК вошел в сношения с командованием чешских легионов, «предупредил о надвигающейся на них грозе (имея в виду приказ об их разоружении.— Г. И.) и предложил им сконцентрироваться по возможности в районе Пенза — Челябинск, где они могут рассчитывать на поддержку зреющего сильного противобольшевистского движения»⁶.

Что касается самарских эсеров, то у Климушкина есть прямое свидетельство, из которого следует, что они «еще недели за полторы-две» знали о том, что в Пензе (там стояли ближайшие к Самаре чешские эшелоны) готовится вооруженное выступление чехов. «Исходя из того, что интересы русского антибольшевистского движения совпадают,— пишет Климушкин,— самарская группа эсеров, тогда уже определенно подготовлявшая вооруженное восстание, сочла необходимым послать к чехам своих представителей...»⁷ В Пензу был срочно направлен Брушвит в сопровождении поручика Взорова и представителя чехов в Самаре — Фишера. Они прибыли на место, когда там уже кипел бой.

Пока в Пензе Брушвит и другие вели переговоры с представителями белочехов — Ленфелатом и Медеком, в Самаре Фортунатов, Климушкин и Вольский спешно заканчивали подготовку собственных сил для выступления в момент подхода чехов. Сформировали две офицерские дружины и одну — «партийную», эсеровскую, всего — более 500 человек. Одновременно разрабатывалась структура будущего государственного управления, в котором большинство мест эсеры отводили, конечно, себе. Вместе с тем как носители идеи «национального единения» они вступили в переговоры с другими партиями, прежде всего с меньшевиками и кадетами. Меньшевики заявили, что не будут препятствовать выступлению, но для окончательного определения своей позиции им необходимы директивы из центра. И хотя «центр» летом 1918 г. высказался против вооруженной борьбы с большевиками, считая ее содействием реакции, местные меньшевики поддержали эсеров.

Кадеты не скрывали, что «принципиально являются сторонниками вооруженной борьбы с Советской властью», окажут эсерам полную поддержку, но успех стопроцентно связывают с действиями чехословаков.

Между тем части мятежного корпуса от Пензы через Сызрань с боями двигались к Самаре. С ними, по признанию Климушкина, находился Брушвит и «люди» Фортунатова. В начале июня пала последняя железнодорожная станция перед Самарой — Липяги. Оттуда, пишет Климушкин, «пробрался к нам делегат от Фортунатова и Брушвита, забрал план Самары, таинственно шепнул, что сегодня ночью «ждите» и ушел обратно...»⁸.

В ночь на 8 июня белочехи ворвались в город. Сразу же все наличные члены Учредительного собрания во главе с Вольским собрались в условленном месте. Туда же явился Брушвит, прибывший с чешскими эшелонами. Под охраной чехов все двинулись в городскую думу. Уже ранним утром 8 июня по городу расклеивалось воззвание Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), призывавшее всех, «кому дороги идеи народовластия», «встать под знамена Учредительного собрания».

Комуч стал одним из первых так называемых областных эсеровских правительств, возникших на территориях, где Советская власть оказалась свергнутой. Но от всех других он отличался тем, что чуть ли не с самого начала заявил о своих «всероссийских претензиях». Правда, подвластная Комучу территория ограничивалась частью Среднего Поволжья, Южного Урала и Екатеринбургской губернии, но это не смущало комучевцев: ведь они представляли всероссийское Учредительное собрание — «хозяина земли русской» — «незаконно» распущенное Советской властью. Себе Комуч присвоил законодательные права, а исполнительная власть вручалась созданному им Совету управляющих ведомствами, фактически Совету министров, в котором все посты занимали эсеры; лишь ведомство труда было поручено меньшевику И. М. Майскому (впоследствии стал большевиком, видным советским дипломатом), позднее разоблачившему антинародную деятельность Комуча в книге «Демократическая контрреволюция».

Какой же политический курс намеревался проводить Комуч? Климушкин в своих мемуарах утверждает, что перед Комучем «открывались три пути». Первый путь — сделать ставку исключительно на трудовые массы, на

рабочих, крестьян и «честную интеллигенцию», что практически значило бы действовать против правых, кадетско-монархических элементов с той же решительностью, с какой «Комуч действовал в отношении большевиков». Наиболее радикальные члены Комуча (их было немного) предлагали идти этим путем, предсказывая, что буржуазия и помещики рано или поздно сами выступят против Комуча.

Второй путь, напротив, предполагал поворот политического курса резко вправо, с тем чтобы привлечь к себе «правые группировки», по крайней мере те, что шли за кадетами. Такой курс требовал значительных уступок буржуазии и помещикам и, по признанию Климушкина, означал бы введение расстрелов, военно-полевых судов и карательных экспедиций против революционных масс.

И, наконец, еще один путь — «наиболее сложный и извилистый» — мог исходить из того, что «умеренные и правые группы кое-чему научились за время революций», поняли, что «вне демократической программы нет спасения для антибольшевистских сил», и согласятся на серьезные уступки трудящимся классам общества. Этот «лавирующий» путь, следовательно, содержал в себе расчет на классовое примирение.

Климушкин писал о «трех путях» как о возможности свободного выбора, имевшегося у Комуча. Но реально выбора не существовало. Комучевские эсеры не могли действовать против правых сил так же, как против большевиков, потому что опирались на поддержку правых. Но и круто свернуть вправо без риска потерять свою «революционную», «демократическую» вывеску они не могли.

Оставался «третий путь» — балансирования между двумя лагерями классовой борьбы, уже принявшей ожесточенные формы гражданской войны. «Мы,— пишет Климушкин,— избрали этот третий путь объединения творческих сил России». Комуч, с одной стороны, заявил, что, разогнав Советы, существовавшие при большевиках, он проведет выборы в новые Советы, будет поддерживать профсоюзы, проведет в жизнь аграрную программу, утвержденную Учредительным собранием (программу социализации земли), окажет содействие местному самоуправлению и т. д. Вместе с тем, с другой стороны, Комуч делал все возможное, чтобы втянуть в орбиту своей деятельности правые, «цензовые», т. е. кадетско-монархические, элементы. В их интересах он проводил денационализацию про-

мышленности, замораживал конфискацию частновладельческих имений, беспощадно репрессировал большевиков и представителей Советской власти⁹.

Но «третий путь» оказывался фикцией. Правая чаша весов явно нарушала балансирование, перевешивала. Иначе и не могло быть: политического блока налево у эсеров из Комуча не было, с большевиками они вели беспощадную войну. А политический блок с правыми явился реальностью: кадеты и монархисты исходя из своих расчетов поддерживали Комуч. В результате — Комуч с «третьего пути» неуклонно сползал на означенный Климушкиным «второй путь». Даже некоторые эсеры были смущены происходившей эволюцией. На собрании самарских эсеров (в августе 1918 г.) раздавались голоса о том, что «Комуч в своей тактике слишком взял крен вправо, привлекая в свои ряды без разбору, и назначал на ответственные посты заведомых черносотенцев, что Народная армия оказалась целиком в руках правого офицерства...»¹⁰.

Комуч, как мы уже знаем, рассчитывал на то, что привлекаемые им реакционные элементы «чему-то научились» за время революции и потому вместе с ним мирно последуют по пути борьбы за «чистую демократию». Но, получив возможность сделать первый шаг, буржуазно-помещичья контрреволюция собирала свои силы, чтобы двинуться дальше. Тот же Климушкин вспоминал свою беседу с близким к кадетам промышленником К. Н. Неклютиным. В «шутливой форме» тот говорил: «Вы работаете на нас, разбивая большевиков, ослабляя их позиции. Но долго вы не можете удержаться у власти, вернее, революция, покотившаяся назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится, так зачем же нам связывать себя с вами? Мы вас будем до поры до времени немного подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму»¹¹.

Такую перспективу рисовали «гражданские» правые, а офицерство, лелеявшее мечты о возвращении царских времен, уже исподволь готовило свержение Комуча.

В июне был раскрыт антикомучевский офицерский заговор, во главе которого стоял сын начальника военных заводов в Самаре поручик Злобин. По признанию Климушкина, руководившего ведомством внутренних дел, решено было «простить» заговорщиков, но не из чувства гуманности, а просто по собственному бессилию, поскольку

сам Комуч в действительности находился «в плену» у монархического офицерства. Приходилось закрывать глаза на многое.

Через месяц возник второй «злобинский заговор», в который оказались замешанными офицерские круги военного штаба, возглавлявшегося полковником Н. А. Галкиным. Цель заговорщиков — свержение власти Комуча и провозглашение военной диктатуры. На этот раз все было подготовлено более основательно. Злобин допустил лишь один просчет: он обратился к командующему группой чешских войск в районе Самары С. Чечеку с просьбой о поддержке. Это и привело к провалу заговора. Главари Комуча Вольский и Климушкин требовали отдачи заговорщиков под суд, но Галкин и Фортунатов настояли на мирном решении «конфликта». Злобина и других заговорщиков отправили на фронт. Обуреваемые воинственными антисоветскими планами, комучевцы не хотели вносить раскол в офицерство.

Сохранился любопытный доклад уполномоченного Сибирского правительства при Комуче Е. Е. Яшнова, воссоздающий политическую обстановку во владениях учредителей. Яшнов приходил к выводу о «шатком» положении Комуча исходя, в частности, из анализа итогов выборов в Самарскую городскую думу, состоявшихся в середине августа 1918 г. «Левые» (к которым Яшнов относил блок меньшевиков, эсеров, энесов и «полускрытых большевиков»), по его данным, получили 56,9 % голосов. Правый блок (кадеты, домовладельцы, некие «ревнители православия», под которыми, вероятнее всего, скрывались черносотенцы, и «прочие») получил 43,1 % голосов.

«Однако на вопрос о том, насколько прочна эта опора,— писал Яшнов,— приходится ответить с большим сомнением. Не говоря уже о рабочих, даже крестьянство... является пока крайне неустойчивым фундаментом власти... Солдат оно дает явно неохотно, налогов не платит, переживает товарный голод... В итоге, я не ошибусь, если скажу, что в сущности Комитет (Комуч.— Г. И.) живет лишь силой инерции и чехословаков»¹².

Тем временем части «народной армии» и белочехи уже рвались к Казани, куда еще раньше Советское правительство эвакуировало почти весь золотой запас России.

Захват Казани не входил в заранее разработанный стратегический план Комуча. Его лидеры склонялись к тому, чтобы развивать наступление в юго-западном направ-

лении, на соединение с Добровольческой армией генералов Алексеева и Деникина. Полковник Галкин писал Алексееву, что в «народной армии» «политика и партийность отброшены» и что в момент, когда начнется создание все-российской власти, военные «нивелируют все попытки в стремлении к сепаратизму и эгоизму со стороны отдельных партий и групп»¹³. Это вполне соответствовало алексеевско-деникинским декларациям. Но обозначился успех в северном направлении, и в Комуче, как пишет Климушкин, стали думать: «Не права ли армия в своем инстинктивном устремлении на Казань — Москву, в сердце России...? Не проще ли всего ворваться в Москву, перебить там всех комиссаров... и конец всему?»¹⁴

Комучевские успехи на фронте повышали его «государственные акции». К Комучу в июле примкнул оренбургский атаман монархист А. И. Дутов, так называемое Уральское областное правительство (с центром в Оренбурге), некоторые другие контрреволюционные областные и националистические образования.

Но главное внимание самарские эсеры обращали на Сибирь. Связь с сибирскими эсерами у них была установлена еще в марте 1918 г. В Томске и других городах нелегально побывал вездесущий И. М. Брушвит. Было договорено, что эсеровская контрреволюция в Сибири не выступит до того момента, покуда не получит «сигнала» с Поволжья и из других мест. И когда в Томске, Новониколаевске и других городах, так же как и в Самаре, произошли антисоветские перевороты, опиравшиеся на чешские и белогвардейские штыки, в Комуче решили, что и в Сибири у кормила власти оказались их товарищи — эсеры. Ожидалось, что эта власть вот-вот примкнет к Комучу как к единственному законному «всероссийскому правительству». Но вышло несколько иначе. Чтобы понять почему, перенесемся теперь в Сибирь.

Сибирское контрреволюционное подполье было разделено на два военных округа: западный — с центром в Томске, а затем в Новониколаевске и восточный — с центром в Иркутске. Западный округ возглавил полковник А. Н. Гришин, скрывавшийся под фамилией Алмазов, восточный — полковник Элерц-Усов. Эти люди придерживались монархических взглядов, но с готовностью принимали политическое руководство эсеров, понимая, что иных политических центров антисоветизма и анти-

большевизма пока нет. Глубоко в подполье шло сколачивание военных организаций. Наибольшее их количество сосредоточивалось в Западном округе. В Омске существовала так называемая «организация 13», насчитывавшая до 3 тыс. человек. В ее руководство входили монархисты-черносотенцы — полковники П. Иванов-Ринов, В. Волков, атаман Б. Анненков и др. В Томске эсеры сколотили отряд из 1,5 тыс. человек; здесь заправляли полковники Сумароков и А. Пепеляев. В других городах (Новониколаевске, Барнауле, Семипалатинске, Красноярске) также существовали контрреволюционные подпольные отряды по несколько сот человек в каждом. Всего в Западной Сибири, по данным упоминавшегося нами И. Якушева, готовилось к антисоветскому мятежу до 8 тыс. бойцов, в подавляющем большинстве офицеров. Иркутская организация насчитывала более 1 тыс. человек. Ею командовали Элерц-Усов и капитан Калашников¹⁵. Кто субсидировал эту западносибирскую и восточносибирскую контрреволюцию? По свидетельству И. Якушева, Гришина-Алмазова и других, деньги главным образом давала кооперация, в которой верховодили эсеры¹⁶. (Согласно архивным данным, в начале 1918 г. существовало около 3,5 тыс. кооперативных обществ с 10 млн. членов и капиталом в 100 млн. рублей.)

В начале мая 1918 г. в Новониколаевске состоялся нелегальный съезд руководителей почти всех местных штабов. Обращает на себя внимание дата этого съезда: он состоялся за две-три недели до того, как на Сибирской железнодорожной магистрали вспыхнул чехословацкий мятеж.

Из доклада Гришина-Алмазова, сделанного им уже в его бытность на юге (в декабре 1918 г.), следует, что он приблизительно в то время (в начале мая) связался с чешским командованием и встретил с его стороны «полное сочувствие», причем особенно «прямолинеен» был капитан Р. Гайда. Это свидетельство полностью совпадает с тем, что пишет И. Якушев: «Некоторые командиры чешских полков (как, например, капитаны Гайда и Кадлец)... вошли в половине мая в неофициальные переговоры с некоторыми представителями Новониколаевского военного штаба... По достигнутому соглашению между штабом сибирской областной организации и чехословацкой группой во главе с Гайдой, полковник Гришин отдал приказ о выступлении в Омске, Томске, Барнауле, Семипалатинске и Новониколаевске...» А теперь снова обратимся к докладу Гри-

шина: «Я решил с Гайдой произвести первый взрыв в Ново-Николаевске. Этот вопрос был тогда же решен и в остальных эшелонах, чтобы показать большевикам нашу силу. Два эшелона во главе с капитаном Клецандой в Мариинске и капитаном Гайдой в ночь на 26-е мая свергли большевиков вместе с моими организациями». «Окружили Совет,— хвастался Гришин,— кое-кого отправили на тот свет...»¹⁷

Как и в Поволжье, решающим фактором в успехе антисоветского выступления в Сибири стал чехословацкий мятеж. Гришин-Алмазов не скрывал этого. Больше всего его тревожило дальнейшее поведение чехов: захотят ли они и в дальнейшем действовать с белогвардейцами или предпочтут «уходить». Он бросился в Томск для переговоров с ними, и тут, по его словам, ему помог американский консул Гаррис. Вначале он будто бы не пожелал говорить с «вождем белогвардейцев», но, когда Гришин устроил в Томске парад своих войск, представившись командующим Западносибирским округом, Гаррис сменил тон. «Я обещаю,— сказал он,— что чехи останутся, пока вы не организуетесь...»¹⁸

В момент белочешско-белогвардейского мятежа из подполья вышел и объявил себя властью Западносибирский комиссариат, действовавший именем Временного правительства автономной Сибири («правительство Дербера»), которое еще зимой 1918 г. бежало в Харбин¹⁹.

Но соотношение политических сил после падения Советской власти быстро менялось. Сибирская буржуазная реакция, чьи интересы выражали кадеты и скрытые монархисты черносотенного образца, не желала отдавать власть «дерберовским эсерам», к тому же находившимся в бегах, когда начался мятеж против Советской власти.

И хотя Западносибирский комиссариат довольно широко привлекал к работе своего «делового кабинета» (к управлению отдельными ведомствами) кадетские и даже откровенно монархические элементы, буржуазия тем не менее считала, что комиссариат слишком «скомучился» и не очень торопится искоренять завоевания революции. В 20-х числах июня Западносибирский комиссариат издал постановление, в котором признавалось, что некоторые преобразования Советской власти «оставили глубокий след» и потому полное «установление прежнего порядка представляется либо уже невозможным, либо нецелесообразным». Комиссариат предлагает «произвести пере-

смотр распоряжений и законов Советской власти», но сохранить в силе те, которые «оказались жизнеспособны»²⁰.

В ответ правые элементы из «делового кабинета» пытались «нейтрализовать» комиссариат, выдвинув план создания так называемого Административного совета, который координировал бы действия всех ведомств и таким образом практически взял бы власть в свои руки. Но эта затея не прошла — эсеры поняли прямую опасность, ее пришлось отложить, правда, как мы увидим дальше, только на время. Пока же реакции приходилось применять иной, обходной маневр, некое половинчатое решение, соответствовавшее еще не полностью нарушенному балансу сил в эсеро-монархическом антисоветском лагере. Это решение было, по-видимому, «счастливым» найдено в замене одних представителей Временного правительства автономной Сибири (т. е. членов комиссариата) другими его же представителями, конкретно — теми, кто не уехал с Дербером на Дальний Восток, а нелегально остался в Сибири. Их было пятеро: П. В. Вологодский, И. А. Михайлов, Г. Б. Патушинский, Б. М. Шатилов, В. М. Крутовский (несколько позднее к ним присоединились И. И. Серебренников и др.). Члены Сибирской областной думы (она была избрана еще в декабре 1917 г.) санкционировали эту замену. В конце июня председатель думы И. Якушев издал в Омске «грамоту», в которой оповещалось, что «по прибытии в Омск достаточного числа членов правительства, избранных Сибирской областной думой, Сибирское правительство в лице П. В. Вологодского, В. М. Крутовского, И. А. Михайлова, Г. Б. Патушинского и Б. М. Шатилова принимает на себя власть по всей Сибири». Главой этого «правительства пяти» стал П. В. Вологодский. Дерберовское правительство, обретавшееся уже во Владивостоке, оказывалось в двусмысленном положении. Замена Западносибирского комиссариата Временным Сибирским правительством означала определенный сдвиг вправо.

Почему же в таком случае эсеровская дума санкционировала эту комбинацию? Дело в том, что первоначальная пятерка вновь созданного правительства Вологодского не была однородной. В ней существовали два крыла.

Левое составляли, так сказать, подлинно правые эсеры или эсерствующие — Б. М. Шатилов, Г. Б. Патушинский и В. М. Крутовский. К правому крылу относились И. А. Михайлов, И. И. Серебренников. Эти люди лишь номи-

нально считались эсерами, но фактически занимали кадетские и промонархические позиции. Особую роль — некоего «центра», поддерживающего баланс двух флангов,— играл П. В. Вологодский.

Такой состав правительства в известной мере отражал пока еще существовавшее равновесие сил в эсеро-кадетско-монархической коалиции. И если эсеровская Сибирская областная дума благословила новое правительство, то, вероятно, она исходила из двух соображений: во-первых, из необходимости сохранения единства с правой «общественностью», за которой шли военные, и, во-вторых, из расчета расширения и укрепления своих позиций в дальнейшем. Сходный расчет был несомненно и у правых. Таким образом, правительство Вологодского (первого состава) можно считать правительством переходного периода, в течение которого неизбежно должна была развернуться острая политическая борьба за господствующее положение в сибирском контрреволюционном лагере. Само правительство также неизбежно должно было превратиться в арену борьбы между мелкобуржуазной (эсеровско-меньшевистской) «демократией» и буржуазно-помещичьей (кадетско-монархической) реакцией. И отнюдь не случайно на посту премьера такого правительства оказался П. В. Вологодский. Его партийная принадлежность неопределенна, смутна. В дни своей юности, в бытность студентом-юристом Петербургского университета, Вологодский был близок к народническим кругам (одно время даже был исключен из университета за «неблагонадежность»), но в дальнейшем каких-либо связей с народниками и эсерами у него не прослеживается. Позднее, уже находясь в эмиграции в Китае, он писал, что «вышел из партии эсеров»²¹.

После краха «белого дела», в годы эмиграции, некоторые публицисты и мемуаристы не без досады вспоминали о Вологодском как о «сибирском Львове», человеке, по их мнению, «толстовского типа» (в расхожем понимании этого выражения), т. е. склонного к морализированию, а не к активным политическим действиям. Полковник Дж. Уорд, командир английского батальона, сыгравший немалую роль в приходе Колчака к власти, называл Вологодского чем-то «средним между методистским священником и плимутским монахом».

На «рыхлость» Вологодского указывалось как на одну из причин, способствовавших пассивности сибирского ан-

тибольшевизма в то время, когда он остро нуждался в «сильной руке», способной придать ему нужный импульс. «Сибирский маслодел» И. Окулич писал 14 марта 1926 г. в белоэмигрантском, струвистском «Возрождении»: «Думаю, что произойди замена Вологодского более волевым человеком, например, В. Пепеляевым весной 1919 г., и история Сибири пошла бы иной дорогой».

Сохранился довольно обширный (неопубликованный) дневник Вологодского за 1918—1919 гг., позволяющий, как нам думается, составить более или менее определенное представление об этой «неопределенной» личности. Нужно, правда, учитывать некоторую тенденциозность дневника (Вологодский, по-видимому, готовил его к печати в 1924 г.): в нем автор предстает едва ли не жертвой «стихий событий», волны которой якобы влекли его в политическую пучину. Дневник полон сетований на плохое состояние здоровья, сомнения, переживаемые автором, отсутствие покоя, отдыха и т. п. Вместе с тем в нем обнаруживается довольно глубокая вовлеченность Вологодского не только в официальную, «видимую» политику, но и в закулисные комбинации и махинации сибирских контрреволюционных группировок.

Вологодского явно «двигали». Этот любопытный феномен имел свою политическую подоснову. В немалой степени он объясняется тактикой антибольшевизма Сибири периода его консолидации. Шла глухая, в значительной мере скрытая борьба между двумя его флангами, представленными, с одной стороны, правыми эсерами и близкими им группами, с другой — буржуазно-помещичьей реакцией. Люди типа Вологодского, имена которых пользовались известностью, представляли собой весьма «удобные» фигуры временного баланса соперничающих политических сил. Практически они служили прикрытием, под которым «реальные политики» исподволь вели «пробу сил» и необходимую подготовку.

Но какая же из двух групп, представленных в этом правительстве, — «левая» или правая — имела больше шансов в борьбе за влияние? Это во многом зависело как от личных качеств министров обеих групп, так и от развития общей политической ситуации, определяемой целым комплексом факторов.

Субъективно эсеровская (точнее, проэсеровская) группа министров уступала своим конкурентам. Единственным «настоящим» эсером в правительстве являлся, пожалуй,

Б. М. Шатилов, но он был «путаником и вздыхателем», человеком слабым и безвольным. Г. Б. Патушинский, формально состоявший в партии эсеров, больше был увлечен областническими идеями; он отличался такими чертами, как самолюбивость и вспыльчивость (его считали «сибирским Керенским»). Сочувствовавший эсерам В. М. Крутовский, обидчивый и капризный, ни с кем не блокировался, так как сам хотел играть первую скрипку²².

Правая часть правительства — И. Михайлов, И. Серебренников, затем Гришин-Алмазов и другие — энергией, изощренностью в искусстве политических интриг явно превосходила своих правоэсеровских коллег. Особую роль здесь играл И. Михайлов. Сын известного народовольца А. Михайлова, в начальный период своей политической деятельности близкий к эсерам, он затем резко повернул вправо, установив тесные связи с торгово-промышленными и военно-монархическими кругами. В эсеровской среде его окрестили «Ванька Каин»²³. По воспоминаниям современников, это был матерый карьерист и интриган с «лицом херувимчика», «сибирский Макнавелли» или «сибирский Борджиа». В самом правительстве, по показаниям сибирского кадета А. Соловейчика, данным, очевидно, в связи с делом об омском перевороте 18 ноября, И. Михайлов постепенно сколотил и возглавил небольшую группу, которую так и называл: «моя группа». В нее позднее входили министры: земледелия — Н. И. Петров, продовольствия — Зефилов, снабжения — И. И. Серебренников, а также управляющий делами Совета министров Г. К. Гинс. Эта группа по существу вела «свою политику». Для «стиля» Михайлова вообще характерно было протаскивание и насаждение повсюду «своих людей», создание внутриправительственной мафии²⁴.

Гришин-Алмазов старался представить себя человеком «широких взглядов», выразителем «национальных интересов». О его политических симпатиях можно судить, например, по тому же дневнику Вологодского. В июле 1918 г. он несколько раз зафиксировал сведения, полученные от министра внутренних дел П. Я. Михайлова. Согласно этим сведениям, Гришин имел тайные связи с хорватовским «деловым кабинетом» и плел заговор против Временного Сибирского правительства. Судя по записям Вологодского, он не придавал большого значения михайловской информации. Хотя, меланхолично помечено в дневнике, Гри-

шин «по типу своему Н. Бонапарт, но еще рано появляться «бонапартам» на сибирском горизонте»²⁵.

С первых же шагов деятельности правительства Вологодского михайловская группа стала брать верх. Объяснялось это, конечно, не только ее «боевитостью» и напористостью. Вся политическая обстановка играла ей на руку. Торгово-промышленные круги и монархическое офицерство, опьяненные успехами в борьбе с Советской властью, властно заявляли о своих вождедениях. Правые газеты все более громогласно требовали установления военной диктатуры в целях полного «возрождения России», что на их языке означало решительное искоренение всех последствий революций 1917 г. Если самарский Комуч (и Западносибирский комиссариат), по словам левого кадета Л. Кроля, хотел держать революцию на грани эсеровских требований, то Временное Сибирское правительство стремилось «назад от революции», даже щеголяя «возвратом к старым внешним формам»²⁶.

Уже в начале июля 1918 г. были приняты постановления об отмене декретов Советской власти и восстановлении законов Российской империи, денационализации промышленности, возвращении всех земель их бывшим владельцам (в том числе и помещикам). В августе правительство отдало приказ о запрещении деятельности Советов и аресте всех представителей Советской власти в Сибири²⁷. По свидетельству эсера А. Аргунова, специально обследовавшего деятельность Временного Сибирского правительства при смене его Директорией, «смертная казнь, военно-полевые суды, репрессии против печати, собраний и пр.— вся эта система государственного творчества быстро расцвела на сибирской земле»²⁸.

Сразу же была начата принудительная мобилизация в сибирскую армию, отданную под начало генералов и офицеров — махровых черносотенцев (уже к осени она была доведена примерно до 200 тыс. человек). И не случайно многие белогвардейцы, оказавшиеся в «народной армии» Комуча, потянулись с Волги в Сибирь: Сибирское правительство было им ближе опостылевшей эсеровской «учредилки».

Нельзя сказать, чтобы эсеровские и проэсеровские члены правительства были пассивны перед лицом наступавшей кадетской и военно-монархической реакции. Стремясь отстоять хотя бы внешние атрибуты послефевральской буржуазной демократии, они (особенно Шатилов)

слабо сопротивлялись, что выражалось в случаях отказа подписать журналы с правительственными постановлениями, в частых отъездах в Томск, под «сень» Сибирской областной думы и т. п. Но министры-эсеры уже не смущали реакционеров из правительства. Иное дело Сибирская дума с ее эсеровским большинством: она продолжала считаться источником власти и могла еще оказывать определенное политическое контрдавление, опираясь на поддерживавший ее Комуч. По ней исподволь и собирались нанести удар. Крайне правые элементы предлагали попросту разогнать ее, но более «проходимым» казался план созыва думы, с тем чтобы на первом же заседании провести законопроект о пополнении ее «цензовыми», т. е. кадетско-монархическими, элементами.

Однако буржуазные круги бойкотировали выборы в думу, демонстрируя свою непримиримость. Когда в середине августа она собралась на заседание, оказалось, что в ней по-прежнему «социалистическое» большинство: из 97 приехавших в Томск депутатов 50 были эсерами, 8 — энесами и 8 — меньшевиками. Пользуясь этим, думцы оказали противодействие реакционным устремлениям правой части правительства, пытавшейся поставить себя над думой. Они твердили о «демократии», «народоправстве», выступали против чрезвычайного положения в тыловых районах, посылали своих представителей в Комуч и т. д. Вологодский выступил в думе в примирительном духе, избрав для этого своеобразный путь. Он говорил о «реакционных вожделениях известных кругов», о том, что «пресыщение революцией достигло чувствительной степени, что жажда сильной власти очень велика». Но именно поэтому он требовал от «левых» умерить претензии, поскольку это может ослабить правительство и еще больше усилить «правые течения». В частных беседах Вологодский высказался более определенно. «Не доросла Сибирь, — говорил он, — до парламента»²⁹.

20 августа правительство прервало занятия думы до 10 сентября. Именно в этот промежуток времени правые члены Временного Сибирского правительства и поддерживавшие их реакционные круги Омска предприняли тот шаг, который им не удался при Западносибирском комиссариате: решено было оживить идею создания «Административного совета» — своего рода рабочего аппарата правительства, который бы практически заменил его. В состав «Административного совета» «Ванька Каин» — И. Михай-

дов — умело провел «своих людей». Теперь на боевой рубеж конфронтации с эсеровской Сибирской областной думой, оттеснив полуэсеровско-полукадетско-монархическое Временное Сибирское правительство, выходил в большинстве своем кадетско-монархический «Административный совет». Решительное столкновение близилось. Первая нелегальная конференция большевистских организаций, состоявшаяся в Томске в августе 1918 г., сделала политический прогноз, оказавшийся точным. В ее резолюции было записано: «Контрреволюция в Сибири, начавшаяся под мелкобуржуазными лозунгами, должна прийти к военной буржуазной диктатуре, к самой свирепой контрреволюции»³⁰. Обе стороны (Сибирская дума и «Административный совет») лишь выжидали подходящий момент для атаки.

Парадокс положения омского правительства (и его «Административного совета») состоял в том, что, борясь за ликвидацию «своего» Комуча (т. е. Сибирской областной думы), оно в то же время должно было вести переговоры об объединении с самарским Комучем, являвшимся цитаделью эсерства в восточных районах страны. Это походило на подготовку к заключению брака по расчету, но отнюдь не по любви. Расчет заключался в стремлении ликвидировать общего врага — Советскую власть. Летом 1918 г. (июнь — август) главную тяжесть борьбы с ней несли самарский Комуч, его «народная армия» и белочешские войска. То было время, когда у комучевцев от успеха кружилась голова, во взбудораженных мечтах уже виделись купола кремлевских соборов, которые колокольным звоном вот-вот встретят «освободителей».

Советская республика переживала один из тяжелейших, если не самый тяжелый, период своего существования. «Как раз в июле 1918 года, — говорил В. И. Ленин, — тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики»³¹. Из всех фронтов, сжимавших пролетарскую революцию, Восточный фронт стал главным. Еще 13 июня 1918 г. Советское правительство создало Реввоенсовет Восточного фронта «для руководства всеми отрядами и операциями против чехословацкого мятежа и опирающейся на него помещичьей и буржуазной контрреволюции...»³². Командованию фронта В. И. Ленин писал: «Сейчас вся судьба революции стоит на *о д н о й* карте:

быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого»³³.

Но обстановка, казалось, складывалась в пользу комучевцев. В начале июля левые эсеры, бредившие немедленной «революционной войной», с провокационными целями убили германского посла В. Мирбаха. Тут же они подняли антисоветский мятеж в Москве. Через несколько дней главком Восточного фронта левый эсер М. А. Муравьев объявил войну «авангарду мирового империализма — Германии» и призвал повернуть красноармейские и белочешские войска на запад.

Авантюристов под ультраревOLUTIONНЫМ знаменем поддерживали авантюристы под контрреволюционным знаменем. В те же дни, когда левые эсеры готовились к атаке на Кремль, а Муравьев наносил предательский удар в спину в Симбирске, савинковский «Союз защиты родины и свободы», поддержанный антантовской агентурой, поднял мятежи в Ярославле, Муроме и Рыбинске. В разных районах запыхали кулацкие восстания.

Железная рука пролетарской диктатуры сокрушила врагов, действовавших внутри осажденной крепости, но положение на Восточном фронте по-прежнему оставалось тяжелым³⁴. Разрозненные части Красной Армии, действия которых осложнялись изменами бывших царских офицеров, отступали. К началу августа 1918 г. в руках белочехов и комучевцев оказалась вся Средняя Волга. 7 августа они захватили Казань. На юго-востоке их фланг подпирали белоказачьи атаманы-монархиста Дутова, который по тактическим соображениям поддержал Комуч. С севера к ним примыкала «народная армия» еще одного Комуча — Прикамского, возникшего после восстания, спровоцированного эсерами в Ижевске.

Войска Сибирского правительства принимали участие в боях в районе Златоуст — Тюмень, наступая на Екатеринбург, который они захватили в 20-х числах июля. Основные же силы Омска, прикрытые войсками Дутова, Самарского и Прикамского Комучей, комплектовались и формировались в разных городах Сибири. Омск не мог не учитывать укреплявшихся позиций Комуча, той роли военно-стратегического прикрытия, которую он играл. Но в Самаре понимали, что летние «ошеломительные» победы имеют нежелательные последствия: фронт и коммуникации неуклонно растягивались, что при наличии относительно небольших сил представляло собой немалую опасность.

Там, за линией фронта (и этого не могли не понимать белочешские, самарские и омские стратеги), большевистская партия с присущей ей негибимой волей мобилизует все силы для решительного отпора врагу. В письме ЦК всем коммунистам, написанном в конце июля, говорилось: «Все члены партии, на каких бы постах они ни стояли,— если это подлинные коммунисты, т. е. беззаветно преданные революционеры, а не мелкие советские карьеристы,— должны подавать пример мужества и готовности бороться до конца»³⁵.

Помимо военных соображений, толкавших Самару и Омск к объединению, были и политические. Как эсеровская контрреволюция, так и омская буржуазно-помещичья реакция остро нуждались в признании и поддержке союзников. С одной стороны, союзники поощряли и поддерживали различные местные правительства и группы исходя из тех опасений, которые у них вызывала перспектива воссоздания единой и мощной России (такая перспектива не способствовала бы проведению интервенционистского курса стран Антанты, укреплению их экономического и политического влияния на более отдаленные сроки). С другой стороны, антисоветские устремления Антанты, желание искоренить «революционную заразу», шедшую из России, настоятельно требовали концентрации всех контрреволюционных сил, и потому союзники поощряли объединение местных правительств, противостоявших Советской власти. Между тем их разобщенность, в частности разобщенность Самары и Омска, дезориентировала антантовскую агентуру в Поволжье и Сибири. Интервенты хотели бы делать ставку с верными шансами на выигрыш, т. е. на те антисоветские силы, которые выглядели бы предпочтительнее с точки зрения успешной борьбы с Советской властью. Бывшие российские послы, оставшиеся в различных столицах Европы, в своих телеграммах контрреволюционным лидерам в России постоянно напоминали об этом. Так, посол в Риме М. Н. Гирс в конце июля 1918 г. телеграфировал послу в Токио В. Н. Крупенскому о том, что союзники готовы на контакт с любым антибольшевистским правительством, но «не могут признать одно из них, прежде чем не узнают шансов принятия его страной и содействия, которое оно могло бы им оказать».

Учитывая двойственность союзнической политики, внутренняя контрреволюция должна была стремиться к сплочению своих рядов любой ценой.

Так Самара и Омск начали свой путь к Уфе, к уфимскому Государственному совещанию, на котором они объединились, создав «временную всероссийскую власть». Однако этот путь не был прям: пришлось преодолеть два промежуточных этапа в виде встреч представителей обоих правительств в Челябинске.

Первая состоялась еще в середине июля 1918 г. «Народная армия» Комуча находилась, как мы знаем, в апогее своих успехов, и комучевские делегаты довольно решительно предложили признать за Самарой всероссийскую власть: Для Сибирского правительства такое предложение было неприемлемо, да и, как выяснилось, его представители не имели официальных полномочий. Пришлось разъехаться.

Отношения между двумя правительствами стали обостряться. Началась, в частности, борьба вокруг «Временного областного правительства Урала», созданного примерно через месяц после захвата Екатеринбурга (оно было коалиционным: в него входили кадеты, народные социалисты, эсеры, меньшевики) ¹.

Сибиряки оказались более напористыми. В Екатеринбург они назначили своего уполномоченного с правом приостановки постановлений «правительства Урала». Таким образом, Урал фактически получал «автономию» в пределах владений правительства Омска. Самарские комучевцы поняли, что опоздали. К тому же сибиряки «незаметно» присоединили еще три уезда (Челябинский, Верхнеудинский и Троицкий). Комуч воспринял все это как вызов, и дело дошло до того, что оба правительства стали реквизировать грузы, направлявшиеся в Поволжье и в Сибирь; банки и почта в Омске и Самаре отказывались оплачивать ассигновки и переводы, выданные соответственно в комучевских или сибирских владениях.

Иногда борьба принимала прямо-таки комический характер. «Мои сношения идут с иностранным ведомством, а не с Комитетом в целом», — сообщал уполномоченный Сибирского правительства при Комуче Е. Е. Яшнов,

которого рассматривали в Самаре как... иностранного посла и не допускали на заседания комучевского правительства. Объясняя это, комучевский министр иностранных дел М. А. Веденяпин с серьезным видом заявил ему, что «международное право не предусматривает случаев, когда иностранные послы участвуют в заседаниях правительства, при котором они аккредитованы»².

Тем временем в Самару явились союзозащитники, эсеры Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов и «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, которая, по остроумному выражению члена Сибирского правительства И. И. Серебренникова, «не склонна была жаловать свою внучку»³. Они направлялись на восток по решению 8-го Совета партии эсеров (май 1918 г.) для руководства эсеровскими организациями, усиления эсеровского влияния на Временное Сибирское правительство и «сношений» с представителями союзников. Эсеры, сторонники В. Чернова, занимавшие в правительстве Комуча довольно прочные позиции, насторожились: они носились с лозунгом «единого социалистического фронта» (без левых эсеров и большевиков), а приезжие, числившиеся на правом фланге эсерства, поддерживали идею коалиции с буржуазией. Но так или иначе в лице Авксентьева и К⁰ сторонники сближения Самары и Омска получили солидное подкрепление. Из Самары Авксентьев и другие двинулись в Сибирь.

Между тем наступил август, а с ним, после захвата Казани, положение Комуча на фронте стало ухудшаться. Советская республика непрерывно направляла подкрепления на Восточный фронт. В предписании Высшему военному совету от 10 августа 1918 г. В. И. Ленин предлагал разработать и в кратчайший срок осуществить переброску наибольшего числа воинских частей с запада на восток⁴. Велась напряженная организационная и политическая работа, цементирующая ряды красных бойцов Восточного фронта. Он готовился к нанесению решительного контрудара.

Комуч становился сговорчивее; в том же направлении на него оказывали давление антантовские представители и белочехи, среди которых усиливалось разложение и которые все настойчивее требовали смены.

В 20-х числах августа 1918 г. состоялась вторая челябинская конференция. Съехались члены Самарского, Сибирского и Уральского правительств, представители ЦК эсеров (он находился в Самаре) и примыкавшего

к эсерам «Комитета национальных групп». От чехословацкого Национального совета приехал Б. Павлу, были здесь и представители союзных миссий. Дискуссии развернулись вокруг вопросов о перевозке в Омск золотого запаса, захваченного в Казани и теперь находившегося в Самаре, об объединении военного командования, о создании всероссийской власти и месте созыва Государственного совещания, которое и должно было образовать такую. Сошлись на Уфе. По сему случаю был дан, как писала 8 сентября 1918 г. омская газета «Заря», «обед с вином».

Разгорячившийся Гришин-Алмазов в грубой форме стал упрекать союзников за пассивность в борьбе с большевиками. Получился дипломатический скандал. Последовала нота протеста омскому правительству. После долгих колебаний оно предложило Гришину подать в отставку. Однако он был не из тех, кто уходит сам. Совет министров фактически раскололся. Его правое крыло — Михайлов, близкий ему Серебренников и другие — настаивало на сохранении Гришина в правительстве. «Левые» требовали его незамедлительного ухода. Премьер Вологодский, как всегда, мучился и колебался, грозил собственной отставкой. Правительство переживало кризис. Ликвидировать его удалось с большим трудом, но сибирскому «Наполеону» в начале сентября 1918 г. все же пришлось уйти (вскоре он уехал на юг). Однако это ни в коем случае не было уступкой «левым». Потеряв Гришина, «михайловцы» взяли реванш с лихвой: на его место они сумели добиться назначения генерала Иванова-Ринова, откровенного черносотенца. С его приходом сибирская армия быстро утратила последние внешние черты «демократизации». Иванов вернул в армию царские погоны, все другие атрибуты, ставившие солдата в полное подчинение монархическому офицерству.

Участники 2-го челябинского совещания, стремясь не потерять темпа, решили сразу ехать в Уфу для создания «всероссийской власти»; но из-за военных действий им пришлось задержаться на две недели.

И вот Уфа сентября 1918 г. По воспоминаниям одного из современников, в то время она «напоминала загаженный и заплеванный Петербург дней власти Керенского». По улицам шлялись тысячи людей в солдатских и офицерских шинелях; они наполняли рестораны, чайные, пьянствовали и безобразничали. Всюду царил беспорядок.

Лишь «Сибирская гостиница» 8 сентября была окружена усиленными воинскими нарядами. Внутри царило необычайное оживление. По коридорам в большом ажиотаже сновали люди в штатских пиджаках и белых манишках, в офицерских мундирах со скрипящими ремнями, в казачьей форме и даже в национальных костюмах. Это были делегаты (142 человека), съехавшиеся на уфимское Государственное совещание, которому предстояло создать «временную общероссийскую власть». Совещание открыла все та же свадебная «бабушка революции» Е. Брешко-Брешковская. Затем избрали президиум. Председателем совещания стал Н. Авксентьев, его заместителями — Е. Ф. Роговский (со стороны Комуча) и И. Михайлов (от Омска). Однако «Ванька Каин» не приступил к своим обязанностям: вся сибирская делегация отсутствовала, она явно не спешила в Уфу. Не исключено, что тут имелся сознательный расчет: «народная армия» терпела поражение, позиции Комуча шатались, повышая ставку Омска. Правые сибирские газеты вообще высказывали сомнение в необходимости Уфимского совещания, настойчиво пропагандировали идею военной диктатуры. Та политическая борьба, которая велась в московских контрреволюционных организациях («Правом центре», «Национальном центре» и «Союзе возрождения») вокруг вопроса о создании власти, способной сокрушить Советскую власть, нашла теперь отражение и продолжение в Уфе.

Споры в сущности шли между двумя реальными силами: с одной стороны, Комучем, отстаивавшим эсеровскую и в значительной степени союзозрожденческую точку зрения, и с другой — Временным Сибирским правительством, в целом выражавшим «концепцию» «Национального центра». Все остальные делегации, по словам Н. Авксентьева, были лишь спутниками, вращавшимися в орбите этих двух «светил»⁵. «Расклад» сил складывался в пользу союзозрожденческой ориентации. Посланцы «Союза возрождения» давно дружно прибыли в Уфу и активно действовали там. «Восточные эмиссары» «Национального центра» (а их было всего два: кадеты Л. Кроль и В. Н. Пепеляев) не проявили к Уфе такого же единодушного интереса. Кадет «левого уклона» Л. Кроль прибыл в Уфу, но большинство кадетов дезавуировало его как представителя кадетского ЦК. Фактически он выступал там как частное лицо. Пепеляев же, побывав на одном из челябинских совещаний, решил, что предстоящее уфимское «дей-

ство» не будет соответствовать взглядам кадетизма, все более и более эволюционировавшего вправо. В Уфу он просто не поехал.

Прибывшие в Уфу посланцы «Союза возрождения» (Авксентьев, Болдырев, Брешко-Брешковская и др.) тем не менее стремились сыграть роль центра и во что бы то ни стало сомкнуть два «светила»: Самару и Омск. Главной фигурой среди союзозрожденцев был Н. Авксентьев, как-никак бывший министром внутренних дел Временного правительства Керенского, председателем пресловутого Предпарламента и председателем «Комитета спасения родины и революции», пытавшегося сбросить Советскую власть в первые же послеоктябрьские дни. Правда, все эти организации не вызывали почтения в рядах сибирской контрреволюции; смущала также эдакая хлестаковская легкость авксентьевской натуры, напоминавшая чем-то недоброй памяти Керенского. Один из кадетских лидеров, Павел Долгоруков, в конце 1917 — начале 1918 г. сидел в одной камере Петропавловки с Авксентьевым. Он, вспоминал Долгоруков, стал «душой общества», «оказался милым и прелестным эсером, отлично рассказывал армянские и еврейские анекдоты, пел куплеты...»⁶.

Нет необходимости подробно освещать ход работы Уфимского совещания. Это сделано в трудах советских историков⁷. Мы коснемся этой темы лишь для того, чтобы не прерывать описания событий, разыгравшихся вокруг проектов организации «всероссийской власти», изложенных в Уфе представителями «Союза возрождения» и «Национального центра».

Совещание открылось выступлениями делегатов, читавших декларации направивших их правительств и организаций.

Наиболее развернутую декларацию от имени Комуча зачитал В. К. Вольский. В ней говорилось о необходимости сохранения принципа преемственности власти, верховной законодательной власти того Учредительного собрания, которое было вызвано к жизни актом отречения великого князя Михаила Александровича. Отказываясь от принятия престола, он, как известно, 3 марта 1917 г. поручил Временному правительству созвать Учредительное собрание, призванное выработать конституцию Российского государства. Такое Учредительное собрание было избрано всеобщим голосованием в ноябре 1917 г. Именно ему и должна принадлежать вся власть, а до того, как оно будет

созвано, — съезду его наличных членов и его комитету — Комучу.

Удивительная аргументация! Представитель эсеров обосновывал право на власть «революционной демократии», той самой демократии, которая свергла монархию, ссылкой на «волю» несостоявшегося монарха Михаила Романова!

Декларацию Сибирского правительства зачитал Серебренников. Он предлагал создать новую власть — Директорию из 5 лиц, входящих в нее «персонально» (не по партийному признаку), но вместе с тем в соответствии с инструкциями Вологодского решительно заявил, что Директория должна быть ответственна только перед «будущим полномочным органом правильного волеизъявления народа». Учредительное собрание ноября 1917 г. отвергалось. «Национальный центр», как мы помним, разделял именно такую точку зрения.

Были зачитаны декларации и других делегаций, но они в основном повторяли проекты Комуча и Временного Сибирского правительства.

На Директорию фактически соглашались все. Но «левые» требовали ее ответственности перед «старым», т. е. существовавшим Учредительным собранием или съездом его членов; правые же настаивали на «неответственности» Директории перед каким-либо представительным органом, соглашаясь лишь на новое Учредительное собрание в будущем.

Политический смысл этих двух позиций понять нетрудно: эсеры и меньшевики, упорно считавшие себя «третьей силой», пытались закрепить доминирующую роль своих партий и теперь, и после свержения Советской власти. Напротив, буржуазно-помещичьи круги и реакционная военщина резервировали себе дополнительные возможности реставрации монархии после предполагаемого разгрома Советов. Тем не менее почва для соглашения между ними существовала.

Как раз в дни работы Уфимского совещания Красная Армия одержала ряд выдающихся побед на Волге. В сентябре были освобождены Казань и Симбирск. Учредилковские пропагандисты объясняли это «особой тактикой», но такие объяснения напоминали анекдот о бравом генерале, который кричал при виде своих бегущих солдат: «Правильно, ребята! Заманивай! Заманивай!» Отряды комучевской «народной армии» таяли на глазах. Фронт приближался

к Самаре. Войска прикамского Комуча были изолированы; екатеринбургский фронт белых держался с большим трудом. В Сибири разгоралась партизанская война, руководимая большевиками⁸. Все это вынуждало Омск и Самару спешить с переговорами.

Борьба в Уфе, на первый взгляд несколько неожиданно, нашла отклик, свое выражение в другом месте — в Омске. Как мы уже знаем, там еще с лета 1918 г. развертывался конфликт между собственной «демократической» контрреволюцией во главе с Сибирской областной думой, а также эсеровскими министрами омского правительства, с одной стороны, и кадетско-монархической контрреволюцией во главе с «Административным советом» правительства — с другой. Вполне естественно, что обе стороны, соперничавшие в Уфе, должны были стремиться использовать все политические резервы для укрепления и расширения собственных позиций в предстоявшем им альянсе. Для Комуча таким резервом была эсеровская областная дума, находившаяся в Томске. А для «Административного совета» дума представляла собой фактор подрыва его полномочий. И в то самое время, когда в Уфе в «Сибирской гостинице» шли заседания Государственного совещания, в Омске, где находился «Административный совет», и в Томске, резиденции областной думы, развернулись драматические события, дошедшие до кровопролития. «Административный совет» во главе с И. Михайловым надеялся «извести» думу с ее эсеровским большинством, что, несомненно, укрепило бы позиции сибирской реакции и после образования «всероссийской власти» в Уфе. Как писал впоследствии И. Серебренников, бывший одно время главой «Административного совета», для него («Административного совета») Сибирская дума представлялась «своего рода историческим пережитком, обликом недавнего прошлого, как и ее старший брат по несчастью — самарский Комуч»⁹. Эта точка зрения находила полную поддержку в буржуазных и военно-монархических кругах Омска и других городов Сибири. В глазах этих людей время эсеров уже проходило, если уже не прошло.

Сибирская областная дума, возглавляемая ее председателем И. Якушевым, со своей стороны готовилась нанести удар «Административному совету» как «гнезду реакции», узурпатору власти Временного Сибирского правительства, «демократическим» путем созданного думой еще в январе 1918 г.

Нет данных, свидетельствующих о том, что оба заговора прямо инспирировались из Самары, Уфы или Омска, но П. Д. Климушкин пишет, что в эсеровских кругах Самары постоянно обсуждались те меры, которые следует предпринять для ликвидации омского «Административного совета». Предлагалось даже направить в Омск «дружину Учредительного собрания», с помощью областной думы арестовать некоторых сибирских министров (И. Михайлова и др.) и доставить их в Самару. Климушкин утверждает, что у этого плана было довольно много сторонников, но начавшееся в Уфе совещание заставило с ними повременить. С другой стороны, по его словам, в Уфе раскрыли заговор, целью которого был арест членов Учредительного собрания и объявление военной диктатуры. Расследование будто бы установило, что корни заговора тянулись в Омск. В связи с этим Вольский, находившийся в Уфе, писал Климушкину в Самару, что из Уфимского совещания, вероятно, ничего не получится и что, «может быть, придется прибегнуть к оперативному методу»¹⁰.

Как свидетельствует автор воспоминаний о гражданской войне на востоке страны, «заседавшие в Уфе эсеры с нетерпением ждали известий о перевороте» (в Омске.— Г. И.), рассчитывая, что верх возьмет Сибирская областная дума. Правый эсер А. Аргунов, который позднее был командирован Директорией в Омск для расследования дела об убийстве Новоселова (об этом см. ниже), писал, что «совпадение переворота в Омске 20 сентября (речь идет о конфликте областной думы и «Административного совета». — Г. И.) с последними днями Уфимского совещания не случайное...»¹¹.

В середине сентября (совещание в Уфе, как мы знаем, уже шло) в Томск на имя губернского комиссара А. Н. Гаттенбергера пришла телеграмма за подписью заместителя министра внутренних дел А. А. Грацианова и И. Михайлова (на посту главы «Административного совета» он замещал уехавшего в Уфу И. Серебренникова) с запросом о наличии в городе необходимых сил на случай роспуска Сибирской областной думы. Это каким-то образом стало известно в думских кругах и вызвало там сильнейшее раздражение против «Административного совета», уже фактически присвоившего себе функции Совета министров без какой-либо санкции думы. Положение в Омске действительно было таково, что иной власти, кроме «Административного совета» во главе с И. Михайловым, там не

существовало: глава правительства П. Вологодский еще в начале сентября выехал на Дальний Восток; И. Серебренников и некоторые другие члены правительства делегировались в Уфу, а три министра — Крутовский, Шатилов и Патушинский — еще раньше из-за несогласия с засильем «Административного совета» и «михайловцев» и сознавая слабость своей позиции покинули Омск.

Думские лидеры в Томске забили тревогу, а может быть, лишь ждали момента для этого. По уверению сибирского кадета А. Соловейчика, председатель думы Якушев, согласовав свой «план» с комучевцем Брушвитом, решил дать Михайлову и К⁰ встречный бой. Захватив с собой «омских беглецов» — Крутовского, Шатилова и Патушинского, он 19 сентября прибыл в Омск¹². Там ожидалось присоединение к этим трем еще одного бывшего министра Временного Сибирского правительства эсера-областника А. Новоселова¹³. В Сибири это имя было широко известно. Писатель, этнограф, вышедший из группы Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева, Новоселов оказался в составе еще дерберовского правительства и вместе с ним после победы Советской власти в Сибири уехал на Дальний Восток. Но ко времени Государственного совещания в Уфе он вернулся, правда без большого желания заниматься политикой. Однако старые друзья-областники все же втягивали его вместе с Крутовским и другими в состав Временного Сибирского правительства, что должно было ликвидировать особое положение «Административного совета». А. Соловейчик уверяет, что цели «заговора» шли еще дальше: добиться ответственности правительства перед Сибирской думой и обеспечить «главенство Самарского Комуча»¹⁴.

Соотношение наличных сил, казалось, складывалось в пользу Якушева: отсутствие Вологодского и Серебренникова лишало Михайлова сильных сторонников. 20 сентября состоялось заседание Совета министров, на котором прибывшие в Омск довольно решительно высказались против «направления деятельности Административного совета» и потребовали ввести в Совет министров Новоселова. Тогда Михайлов умышленно сорвал заседание Совета министров. Используя свои связи в среде монархического офицерства, он решил действовать напролом. По распоряжению начальника Омского гарнизона полковника Волкова Якушев, Крутовский, Шатилов и Новоселов были арестованы по обвинению в подготовке государственного

переворота в согласии с Самарским правительством¹⁵.

Крутовскому и Шатилову буквально под дулами пистолетов приказали официально сложить с себя звания министров и немедленно покинуть Омск. Подлежал высылке и Якушев, но, по его словам, он не подчинился и немедленно связался с представителями чехословацкого Национального совета в Омске Ф. Рихтером и Р. Дворжаком. Они гарантировали Якушеву и его друзьям неприкосновенность, но Шатилов и Крутовский все же решили подобру-поздорову убраться из Омска (еще раньше отошел в сторону Патушинский). Теперь Михайлову мог противостоять только Якушев, укрывшийся в городе от ареста. Новоселов находился в тюрьме, его дело передали прокурору с обвинением «в сношении с большевиками». Кажется, Михайлов и К⁰ вот-вот одержат верх. Но Сибирская дума все еще находилась вне прямой их досягаемости. 22 сентября «Административный совет» отдал распоряжение о перерыве заседаний думы в Томске на том основании, что ее состав «неполон, поскольку целые группы населения в ней не представлены» (имелись в виду «цензовые элементы». — Г. И.), но дума не подчинилась (провинциальный вариант «бунта» Государственной думы 27 февраля 1917 г.) и в тот же день собралась на чрезвычайное заседание. На нем было принято постановление: «Административный совет» упраздняется, выступившие против думы Михайлов и другие исключаются из правительства и отдаются под суд, Временное Сибирское правительство восстанавливается в основном в том составе, в каком оно было сформировано думой еще в январе 1918 г., т. е. до его бегства на Дальний Восток. Для осуществления этих постановлений и контроля за их выполнением создается чрезвычайный думский комитет¹⁶.

Но и омские «администраторы» не намеревались отступить. Здание в Томске, где 23 сентября предполагалось заседание только что созданного комитета, было оцеплено войсками, и все находившиеся там члены думы попали под арест. «Можно было бороться», — уверяет Якушев. Однако думские деятели не рискнули сделать решительный шаг. Якушев задним числом объяснял это нежеланием развязать еще одну гражданскую войну, что в тех условиях «знаменовало бы срыв работы в Уфе и борьбы на фронте с большевиками»¹⁷. Последнее особенно верно: борьба «демократической» контрреволюции с кадетско-монархической реакцией имела свой предел; как только она угро-

жала «срыву» антибольшевистских усилий, ее потенциал падал и верх брали блокистские тенденции.

А тем временем в Омске разыгралась кровавая драма. 23 сентября арестованный Новоселов был убит сопровождавшими его конвоирами — поручиком Семченко и адъютантом Волкова хорунжим Мефодиевым. Труп его бросили в овраг.

В тот же самый день эсеры Н. Авксентьев, В. Зензинов и другие с трибуны уфимского Государственного совещания напыщенно разглагольствовали о единении всех сил во имя «спасения» России от большевизма и о преданности этой задаче «общероссийской власти», сформированной как раз 23 сентября. Только возникнув, Директория фактически тут же столкнулась с кризисной ситуацией.

В чем же был выход? И. Якушев пишет, что на помощь пришли чехи. Уже утром 24 сентября в Омск и Томск вместе с сообщением об образовании Директории из Челябинска поступила телеграмма чешского генерала Я. Сыровы об аресте Михайлова и заместителя министра внутренних дел Грацианова. На основании этого приказа начальник военного контроля полковник Заичек арестовал Грацианова; Михайлов скрылся. Климушкин в своих воспоминаниях пишет, что представители чешского Национального совета в Уфе Б. Павлу и Р. Медек даже предложили Авксентьеву свои войска для ликвидации «путча» «Административного совета»¹⁸.

Если это так, то перед вновь созданной «верховой властью» открывалась благоприятная возможность нанесения удара «зарвавшейся» омской реакции. Однако Авксентьев уклонился под предлогом невозможности вмешательства иностранцев во внутренние дела «всероссийской власти». Но это был лишь формальный предлог. Фактически же Директория ни в коем случае не хотела нарушать с большим трудом достигнутый компромисс между Самарой и Омском.

Следуя своему центристскому курсу балансирования между учредительщиной и белогвардейщиной, глава новоизбранной Директории Авксентьев по телефону просил Якушева о мирном улаживании кризиса, сообщив, что уже отдано распоряжение об освобождении арестованных членов думы и ее чрезвычайного комитета. С другой стороны, не подтверждался приказ Я. Сыровы об аресте Михайлова и Грацианова. По-видимому, по просьбе Авксентьева делегация омского отдела «Союза возрождения», кооперации

и других организаций настояла на отмене этого приказа. Выйдя из «подполья» и появившись в «Административном совете», Михайлов «наказал» Волкова за «превышение полномочий». Для окончательной ликвидации конфликта в Сибирь командировался А. Аргунов. Его полномочия сводились к тому, чтобы, во-первых, ограничить функции «Административного совета» только «чисто деловой работой», во-вторых, упразднить думский комитет, а окончательное решение вопроса о существовании Сибирской областной думы отложить до фактической передачи всей власти в руки Директории. Такими жестами направо и «налево» Директория надеялась ликвидировать кризис.

Томско-омские события 19—24 сентября можно рассматривать как своего рода пробные шары, пущенные договаривавшимися в Уфе сторонами — эсерами-учредителями и кадетско-монархической белогвардейщиной. На первый взгляд казалось, что их столкновение закончилось «вничью». Фактически же омская реакция одержала верх: состав Временного Сибирского правительства остался неизменным, его «Административный совет» продолжал действовать. В то же время Сибирская областная дума вскоре прекратила свое существование: в Томск явился Н. Авксентьев и после переговоров с Якушевым добился «самороспуска» думы в связи с созданием «демократической всероссийской власти». Такой итог конфликта, разыгравшегося в Томске и Омске, не мог не сказаться уже в ближайшем будущем.

Пока в Уфе шло Государственное совещание и только что созданная Директория разбиралась в омско-томском инциденте, Временное Сибирское правительство торопилось укрепить свой тыл на востоке, с тем чтобы встретить создающуюся «всероссийскую власть» с максимально прочными позициями. Эта важная миссия была возложена на главу правительства П. В. Вологодского, заместителя министра иностранных дел Головачева и управляющего делами правительства Г. Гинса¹⁹. В чем заключались главные задачи миссии? Во-первых, необходимо было «привести в подчинение» Омску соперничавшие на Дальнем Востоке правительства Дербера — Лаврова и Хорвата и, во-вторых, укрепить связи с представителями союзников, находившимися на Дальнем Востоке, с тем чтобы активизировать их интервенционистские усилия. Обе задачи были выполнены. Во время встреч с Вологодским в Никольск-Уссурийске, а затем во Владивостоке глава

Временного правительства автономной Сибири Лавров признал полномочие Временного Сибирского правительства. Затем заявил о своем подчинении Омску и Хорват.

20 сентября у Вологодского во Владивостоке состоялась встреча с Колчаком. Адмирал в начале этого месяца прибыл сюда вместе с английским генералом А. Ноксом из Японии. Судя по показаниям Колчака в Иркутске (в феврале 1920 г.), эта встреча не имела сколько-нибудь существенных последствий. Колчак будто бы выразил «сочувствие» Сибирскому правительству, заверив, что морские части во Владивостоке безусловно ему подчинятся. Примерно то же отмечается и в дневнике Вологодского. Сам адмирал, кажется, не произвел на сибирского премьера большого впечатления. Он отметил лишь его «испытанной и суровой вид». Но все ли рассказали Колчак и Вологодский об этой встрече? Ведь их будто бы случайное свидание во Владивостоке в сентябре 1918 г. не более чем через месяц завершилось вступлением Колчака в правительство Вологодского.

Примечательно, что сам Вологодский, пожалуй, наиболее важным результатом своей миссии считал не столько подчинение дальневосточных «правительств», сколько укрепление связей с союзниками. В его записной книжке отмечено: «Что достигнуто поездкой? 1) обещание 200 тыс. ссуды, 2) обещание займа до 1 млрд., 3) обещание Англией амуниции (100 тыс. комплектов), 4) посылка эшелонов — французов, американцев, итальянцев»²⁰. Большую роль в достижении этого дипломатического успеха Вологодского сыграл оказавшийся здесь же, на Дальнем Востоке, бывший премьер-министр Временного правительства князь Г. Е. Львов. Фактически он посредничал между Вологодским и союзными представителями, убеждая их всемерно поддержать Сибирское правительство. Это — лишнее свидетельство того, что Омск, уже зная о создании в Уфе «всероссийской власти», рассчитывал на свое решающее влияние в ее системе.

Г. Е. Львов попал на Дальний Восток отнюдь не случайно. Сохранилось его письмо президенту В. Вильсону от 19 ноября 1918 г., т. е. написанное в США. Он писал, что предполагал выехать в Америку еще в начале 1918 г., но был арестован и оказался на свободе лишь летом, после захвата белыми Екатеринбурга. Уже в августе Львов находился в Омске и с готовностью принял предложенное ему правительством Вологодского поручение. Суть его

излагалась в «мандате»: Сибирское правительство просило правительства США, Англии, Франции и Японии принимать князя Львова «как его представителя, аккредитованного вести переговоры и действовать от его имени»²¹. Документ был выдан Львову в середине сентября, как раз в те дни, когда уже было ясно, что в Уфе вот-вот возникнет «всероссийская власть» — Директория. Поэтому Львов не преминул связаться с ее будущим главой Н. Авксентьевым, чтобы получить и его «добро». В телеграфных переговорах Авксентьев в ответ на сообщение Львова о том, что он направляется за границу с целью получения союзнической помощи, передал: «Ваша поездка вызывает наше сочувствие». Попутно Авксентьев поручил Львову официально встретить и приветствовать союзные воинские подразделения, направлявшиеся в Сибирь. Для организации встречи Уфимское совещание выслало на станцию Оловянная полковников Лебедева и Акинтиевского.

В начале октября 1918 г. Львов был уже в Японии и готовился к отъезду в США. В письме к Ч. Крэйну (близкий друг президента В. Вильсона, побывавший в России в составе миссии Э. Рута) из Токио он «требовал и взывал к интервенции», просил убедить американские власти, что «водворение порядка, организация лучших сил в России возможна только в присутствии организованной армии»²².

После приезда в США в письме В. Вильсону Львов писал, что прибыл с целью «по возможности устранить естественные сомнения для интервенции союзников». Интервенция чехов, убеждал он, была для России «актом божьего милосердия», но на них рассчитывать далее трудно: силы белочехов тают, «они изнемогают», без союзного вмешательства погибнут и они и вся антибольшевистская Россия, стоящая на страже «западной цивилизации»²³.

Имеются собственноручные записи, сделанные Львовым после бесед с Ллойд-Джорджем, Клемансо и другими лидерами Антанты, после того как из Америки он прибыл в Европу. Из них видно, что бывший глава Временного правительства слезно молил этих «вершителей судеб» послевоенной Европы поддержать Сибирское правительство, а затем Директорию вооруженной интервенцией против собственной страны.

23 сентября 1918 г. уфимское Государственное совещание завершило свою работу. На заключительном заседании выступил Н. Авксентьев. Он говорил о том, что правительство твердо пойдет по пути выполнения своего долга,

не останавливаясь ни перед чем. При этом он решительно стучал кулаком по столу и, как пишут участники Уфимского совещания, в этот момент «чрезвычайно походил на Керенского, когда последний выступал на московском Государственном совещании...».

В прокламированной программе Директория в качестве главных своих задач выдвигала борьбу за свержение Советской власти, аннулирование Брестского мира и продолжение войны против Германии совместно с союзниками. Что касается внутренних задач, то Директория формулировала их крайне неопределенно, растворяя конкретный смысл в пустопорожней словесной шелухе, заимствованной из правозсеровского и частично кадетского лексикона. В итоге почти двухнедельных заседаний главное решение, принятое в Уфе, сводилось к следующему: «временное всероссийское правительство» должно представлять собой директорию из пяти человек (и ее «делового кабинета» — Совета министров), персонально избранную на Уфимском совещании и ни перед кем не ответственную до 1 января 1919 г. К тому времени должно быть созвано «старое» Учредительное собрание, если в наличии будет 250 его членов. Если же этого количества к указанному сроку собрать не удастся, то срок созыва Учредительного собрания отодвигается еще на месяц, и к 1 февраля 1919 г. оно будет считаться полномочным с кворумом в 170 человек. Только тогда Директория и сложит перед ним свою власть.

В состав Директории были избраны Н. Авксентьев, Н. Астров, В. Болдырев, П. Вологодский, Н. Чайковский. Но поскольку некоторые «директоры» отсутствовали, в Директорию пришлось ввести заместителей. Так, Астрова, находившегося на юге, заменил В. А. Виноградов (впоследствии, когда стало известно об отказе Астрова войти в Директорию, Виноградов стал ее полноправным членом). Вместо Вологодского, находившегося с особой миссией на Дальнем Востоке, в Директорию временно ввели В. В. Сапожникова, а вместо Н. Чайковского, возглавлявшего «Северное правительство», — В. М. Зензинова. Таким образом, в первоначальном виде Директория имела следующий состав: Авксентьев, Виноградов, Болдырев, Зензинов, Сапожников. Через некоторое время (после возвращения с Дальнего Востока) Вологодский занял свой пост вместо Сапожникова.

Определить партийный состав Директории не так просто. Все ясно с Авксентьевым и Зензиновым — оба были

«чистыми» эсерами. Не вызывает сомнения и Виноградов. Он кадет, правда левого, «некрасовского» уклона, в дофевральский период близкий к Керенскому. Труднее обстоит дело с Болдыревым и Вологодским.

Болдырев — «сын сызранского хлебороба» — окончил военную академию, дослужился до генерала. Его сослуживец — генерал Гончаренко (литературный псевдоним — Н. Галич) — писал, что до свержения царизма Болдырев «исповедовал монархические принципы», однако после Февраля повернул «влево». Впрочем, таков был путь не только Болдырева. Среди бывших царских генералов имелось немало таких, кто, походящему выражению того времени, принадлежал к партии КВД — «куда ветер дует». В начале 1918 г. Болдырев втянулся в орбиту деятельности «Союза возрождения России» и в качестве одного из видных его членов прибыл в Самару, а затем в Уфу. Только номинально Болдырева можно было числить эсером. О Вологодском речь уже шла. Он также обретался где-то между правыми эсерами и кадетами (даже монархистами), причисляя себя к некоей категории «государственно мыслящих людей».

Поскольку Болдырев все же тяготел к эсерам, а Вологодский к кадетам, то соотношение сил в Директории можно как будто бы расценить как 3:2 в пользу эсеровской или проэсеровской ориентации. Но квалифицировать политический итог Уфимского совещания исходя только из этих формальных выкладок было бы неверным. «Математический подсчет» все-таки не позволяет ответить на весьма важный политический вопрос: означало ли создание Директории победу «демократической» контрреволюции, концентрировавшейся вокруг бывшего Комуча, или верх взяли те кадетско-монархические элементы, которые стояли за Временным Сибирским правительством? В нашей литературе нет единства в ответе на этот вопрос.

Одни считают, что Директория была «буржуазно-кадетским правительством», и эсеры «при его образовании сдали свои позиции реакции»²⁴. Другие полагают, что точка зрения, согласно которой при образовании Директории эсеры «проуфили», не полностью соответствует реальной ситуации. Иначе трудно объяснить отрицательное отношение кадетов к власти, созданной в Уфе²⁵.

Вероятно, наиболее точной является следующая оценка: Директория «представляла собой временный и неустой-

чивый компромисс между буржуазией и мелкой буржуазией (в лице соглашательских партий)»²⁶.

В сущности говоря Комуч и Временное Сибирское правительство пошли на создание Директории исходя из формулы «постольку-поскольку». Учредиловцы поддержали ее, поскольку она, по их расчетам, могла сдерживать и умиротворять буржуазно-помещичью реакцию, консолидировавшуюся вокруг Омска. А она, со своей стороны, видела в Директории наименьшее из зол и готова была терпеть ее до завершения полной мобилизации своих сил. В. Чернов в воспоминаниях так определил существо уфимского компромисса: «Директория была для «учредиловцев» последней попыткой спасти дело демократии (имеется в виду эсеро-меньшевистский антибольшевизм.— Г. И.) уступками его врагам справа. Они надеялись, что Директория овладеет всеми ресурсами освобожденных территорий и двинет их в новом порыве под освободительными, демократическими лозунгами. Их враги, наоборот, видели в Директории средство ликвидации «учредиловской» эпохи безболезненно, без вооруженного столкновения; Директория была для них полустанком на пути к военной диктатуре»²⁷. Но важно определить другое: находились ли обе чаши весов уфимского компромисса в равновесии или одна из них все же несколько перевешивала?

Решить этот вопрос можно лишь исходя из прямого сопоставления главного политического итога Уфы (образование Директории) с тем соглашением об «организации власти», которое было достигнуто между «Союзом возрождения» и «Национальным центром» в Москве еще в начале лета 1918 г. В основе того соглашения, как мы знаем, лежал компромисс. Он заключался в следующих двух пунктах: 1) Учредительное собрание, избранное в ноябре 1917 г., признается неправомочным. Речь может идти только о новом Учредительном собрании, созванном после свержения Советской власти; 2) созданная власть должна представлять собой трехчленную Директорию, состоящую из военного (правого), либерала (кадета) и «социалиста».

Эта схема, как уже отмечалось, была изложена в специальном документе «Союза возрождения» и «Национального центра», предназначавшемся для «политических деятелей» восточного региона страны. Возможно, что он фигурировал уже на втором челябинском совещании. Но в Уфе формула «московского соглашения» оказалась нарушенной. Была создана пятичленная Директория с некото-

рым эсеровским преобладанием. Кроме того (и это главное), признавалась правомочность «старого» Учредительного собрания или даже съезда наличных его членов. Тут был явный отход от формулы соглашения между «Союзом возрождения» и «Национальным центром» и отход в сторону первоначальной (до соглашения) союзозорожденческой платформы.

«Не трудно было установить,— писал эсеровский лидер В. Чернов,— кто победил на Уфимском совещании: это так называемый Союз возрождения»²⁸. Лидер энесов — другого участника «Союза возрождения» — В. А. Мякотин держался такой же точки зрения. Сохранилось его чрезвычайно интересное письмо кадету Н. Астрову, который, будучи заочно избранным в уфимскую Директорию, отказался занять свой пост в знак протеста против ее учредительской «левизны». В начале декабря 1918 г. Мякотин писал Астрову в Екатеринодар: «В Уфе, несомненно, было нарушено московское соглашение, и я... указывал на это во всех организациях Союза возрождения... В Москве мы ведь признали в Союзе возрождения, что правительство должно быть создано в виде трехчленной директории, символизирующей известное соглашение общественных сил... Достигнуто было на этот счет соглашение Союза возрождения с Национальным центром».

Но письмо Мякотина интересно не столько констатацией факта нарушения «московского соглашения», сколько попыткой оправдать и, следовательно, объяснить его. Из письма следует, что отказ кадетов поддержать политический компромисс с «левыми», достигнутый в Уфе, объяснялся далеко не одними формальными соображениями (нарушено соглашение «Союза возрождения» с «Национальным центром»). Мякотин с упреком писал Н. Астрову о том, что здесь, на юге, в районе деникинщины, кадеты, представляющие «Национальный центр», со своей стороны, также нарушили и нарушают соглашение, заменив формулу «трехчленной директории» формулой единоличной военной диктатуры. «Приходится как будто заключить,— писал Мякотин,— что весь Национальный центр перешел к отстаиванию единоличной диктатуры». И, таким образом, на юге, по его мнению, только «с другого фланга» повторяется нечто подобное тому, что произошло в Уфе. Мякотин предупреждал Астрова, что, отвергая Уфу за «нарушение соглашения» и выдвигая идею военной диктатуры, кадеты рискуют лишиться поддержки «слева» и

остаться в «деле государственного строительства» либо одни, либо получить «сотрудников справа» (т. е. монархистов-белогвардейцев). «Они уже и есть», — констатировал он²⁹.

Таким образом, Уфа явилась определенной победой «Союза возрождения», движущей пружиной которого был «персональный» эсеро-энесовский блок, и определенным проигрышем «Национального центра», мотор которого составляли кадеты. Отсюда и различное отношение эсеров и кадетов к только что созданной «всероссийской власти» — Директории. Как показала Н. Г. Думова, реакция кадетов «не оставляет сомнений в том, что соглашение (в Уфе. — Г. И.) расценивалось ими отнюдь не как победа над «социалистической» частью совещания, но как в корне неприемлемая для них комбинация»³⁰. Н. И. Астров в письме В. Пепеляеву клеймил Уфу как «попытку воскрешения непохороненного трупа, даже не всего трупа, а его случайного куска» (речь шла об Учредительном собрании. — Г. И.). Сам Пепеляев и другие «восточные» кадеты решительно игнорировали Уфимское совещание; по словам Пепеляева, Уфа стала не чем иным, как «социалистической Каноссой» для «государственно мыслящих элементов», группировавшихся в Сибири³¹.

Но, несмотря на столь отрицательную позицию, кадеты не предлагали немедленно рвать с Директорией. В. А. Степанов в письме члену Директории кадету В. А. Виноградову подчеркивал, что, не признавая Директорию «всероссийским правительством», не нужно исключать «возможности контакта и соглашений с ней». Такого же мнения держался Астров: «... необходимо сделать неотложные шаги к установлению соглашения и объединения с уфимским правительством»³².

Противоречие тут только кажущееся. Как бы ни была Директория чужда кадетам, «Национальному центру» и монархистам, она все-таки была еще одной ступенькой консолидации антибольшевистских сил на востоке. И реакция готова была временно ступить на нее, чтобы затем сделать шаг на следующую ступеньку, шаг к полному захоронению «учредилковского трупа», в могилу которого они уже собирались вбить осиновый кол белогвардейской диктатуры. Сохранилось письмо В. В. Шульгина, написанное в конце октября 1918 г. в Екатеринодаре и отправленное в Париж В. Маклакову, Г. Е. Львову и другим, копию которого они затем переслали в Омск. Шульгин

писал, что в политических кругах деникинщины Директорию не признают, так как она поддерживает старую «учредилку». Здесь, на юге, большинство стоит за монархию, но пока не хочет навязывать ее. «Программа Деникина,— писал Шульгин,— бить большевиков, а потом сажать капусту... Мое мнение: бить большевиков и ждать монархического прилива». А пока «пусть Директория возится над приведением России в порядок»³³.

Отношение эсеров к Директории было не столь однозначным. Здесь обнаружили две точки зрения. Одну из них представлял М. Я. Гендельман, руководивший эсеровской фракцией в согласительной комиссии Уфимского совещания. Он считал, что учредиловцы вопреки всем трудностям одержали в Уфе победу: им удалось отстоять Учредительное собрание в существовавшем составе, добиться признания членов Учредительного собрания «государственным учреждением», провести в состав Директории двух своих членов, которые вполне могли «положиться» и на остальных трех. Большого, считал Гендельман, и добиваться было невозможно³⁴.

Другую точку зрения отстаивал В. Чернов. Уфу он считал «тяжелым поражением демократии в лице партии социалистов-революционеров», а ее решения — «клочком бумаги». Часть меньшевиков также отвергала Уфу за «сдвиг вправо по ряду важных вопросов». И все-таки точка зрения Гендельмана взяла верх. Эсеровский ЦК, обсудив результаты Уфы, вынес постановление о полной поддержке Директории, хотя и подчеркнул, что следует «стремиться к выпрямлению линии ее поведения» и потому партия не откажется «от своего права критики»³⁵.

Итак, если кадеты, отвергая Директорию, рассчитывали в подходящий момент «выпрямить» ее «линию поведения» вправо, то эсеры, поддерживая Директорию, намеревались выправить ее «линию» в противоположную сторону — «влево».

За кем же была перспектива? Если подходить к оценке Уфимского совещания с этой точки зрения, то В. Чернова и тех, кто с ним соглашался, следует признать более дальновидными. Уфимский компромисс, давший конъюнктурный, тактический выигрыш учредиловской, «демократической» контрреволюции, потенциально, стратегически нес в себе успех кадетско-монархической реакции. Но если бы Директория с самого начала, как это иногда утверждается в литературе, являлась буржуазно-помещичьим прави-

тельством, если бы большинство в ней имели «кадеты и монархисты»³⁶, то последующие события, вероятно, развивались бы не в том направлении, как это произошло в действительности: для правых, кадетско-монархических сил в Сибири не было бы нужды в насильственном устранении Директории. В записке «Чехословаки в России», составленной для будущего колчаковского министра внутренних дел В. Н. Пепеляева и содержащей обзор событий с весны 1918 до середины 1919 г., прямо указывалось: «Переворот 18 ноября (свержение Директории.— Г. И.) был, само собой разумеется, не случайным явлением, а явился результатом упорной борьбы между государственно мыслящими элементами и партией эсеров»³⁷. Победа эсеров в Уфе была все-таки их победой, но победой пирровой: она несла в себе поражение.

Между тем советские войска подходили к «столице» Комуца — Самаре. В особняке мукомола Наумова — резиденции правительства — царило уныние. Борцы за «чистую демократию» справляли по ней поминки со спиртным...

За несколько дней до падения Самары (7 октября) съезд членов Учредительного собрания (около 100 чел.) и Совет управляющих ведомствами уехали в Уфу, под крыло Директории, но и здесь нельзя было оставаться: в направлении на Уфу наступали две советские армии: 1-я и 5-я. Белый волжско-уфимский фронт рухнул. Успешно продвигались красноармейские части и на левом, камском крыле Восточного фронта. В Уфе началась паника. Богачи, офицеры, чиновники по невероятно высоким, спекулятивным ценам покупали билеты на поезда, в спешке уходящие на восток. Лучшие пассажирские вагоны захватывали белочехи, чьи коменданты бесконтрольно распоряжались на станциях. Новый главнокомандующий, член Директории генерал Болдырев срочно отбыл в Омск, так как сибирские войска являлись теперь главной ударной силой только что созданного «временного всероссийского правительства». За ним решила ехать и вся Директория.

В. Чернов следующим образом характеризовал будущую «директоральную» столицу: «В эпоху после изгнания большевиков Омск стал обетованною землей для нищущей применения своим силам пестрой толпы беглецов. Город был набит до отказа офицерами, деклассированной «чернью высшего класса», создавшей спертую атмосферу

лихорадочной борьбы разочарованных честолюбий, горечи обманутых надежд, атмосферу схваток, взаимных интриг и подвохов разных котерий и камарильи и карьеристских потуг непризнанных гениев, у каждого из которых был свой план спасения и даже «воскрешения» России плюс неутолимая жажда выкарабкаться выше всех. Здесь потерпевшие от большевиков спешили вознаградить себя за лишения, здесь шел «пир во время чумы», здесь кишмя кишели спекулянты попеременно со спекулянтами политическими, бандиты просто и бандиты официальные, жаждущие денег и чинов и готовые в обмен за них вознести как можно выше своего «патрона». Здесь царили «мексиканские» нравы, здесь неудобные люди исчезали среди бела дня, бесследно, похищенные или убитые неизвестно кем»³⁸.

Авксентьев охотно соглашался с тем, что Омск «кишит вооруженными реакционными и даже монархическими бандами», а находившееся там Временное Сибирское правительство — «источник реакции». Но он, по его словам, разработал тактику «обволакивания» омской реакции³⁹. Участник Уфимского совещания Кроль говорил Авксентьеву, что, направляясь в Омск, он сует голову в волчью пасть. Авксентьев возразил: «Мы должны сунуться волку в пасть — или он нас съест, или он нами подавится». «Будьте уверены, — ответил Кроль, — что неизбежно первое»⁴⁰.

В Омске «всероссийскую власть» встретили прохладно. Оказавшийся в Омске по делам службы генерал М. А. Иностранцев пришел на вокзал, чтобы присутствовать при «историческом» событии. Его воспоминания рисуют унылую картину. На перроне не было никаких «приготовлений», «запоздал» почетный караул, никто не сказал ни слова приветствия. Только Авксентьев напыщенно произнес речь, состоявшую из общих и пустых фраз...

А съезд членов Учредительного собрания отправился на Урал. 19 октября члены съезда прибыли в Екатеринбург, где хозяйничали белогвардейцы, чинившие в городе и его окрестностях кровавую расправу за расстрел Романовых⁴¹. Эсеровских учредителей встретили здесь крайне хмуро, но все же позволили им собираться на «частные» совещания.

Итак, два основных центра «учредителей» разделились: съезд членов Учредительного собрания оказался в Екатеринбурге, а Директория — в Омске, где ей предстояло создать свой «деловой кабинет» — Совет министров.

В Уфе продолжал функционировать «деловой кабинет» Комуца — Совет управляющих ведомствами.

Спустя несколько дней после прибытия Директории в Омск тут произошло событие, никак не отмеченное в местных газетах, да и вообще затерявшееся в сутолоке, суматохе и торжествах, связанных со встречей новой — «всероссийской» власти. Лишь некоторые из военных, завсегдатаев омских ресторанов, заметили в одном из них небольшого худощавого человека в морской форме, всегда появлявшегося в сопровождении двух-трех офицеров. Но это незаметное событие очень скоро привело к последствиям, коренным образом изменившим всю структуру власти, столь долго и трудно создававшуюся контрреволюционными силами в Самаре, Омске, Челябинске, Уфе и снова в Омске. Неприметным худощавым человеком, не очень уверенно чувствовавшим себя в незнакомом для него городе, был адмирал А. В. Колчак. Мы оставили его во Владивостоке в сентябре 1918 г. после беседы с приезжавшим туда главой Сибирского правительства П. В. Вологодским. Каким образом теперь, в первой половине октября, он оказался в Омске?

На допросе в Иркутске Колчак утверждал, что, покидая Дальний Восток, он не собирался задерживаться или тем более оставаться в Сибири. Его план был иной: пробраться на юг, в расположение Добровольческой армии, к генералу Алексееву, которого он по-прежнему считал главнокомандующим русской армией. Это подтверждается и письмом Колчака к жене Софье Федоровне (она с сыном находилась во Франции и охотно давала там интервью о скором возвращении монархии в России), написанным в октябре 1919 г. «13 октября,— писал он,— исполнился год, как я приехал в Омск, намереваясь пробраться на юг, к ген. Алексееву...»⁴²

Но те встречи, которые состоялись у Колчака в Токио, а затем во Владивостоке, дают основание предположить, что наряду с «алексеевским вариантом» вполне мог существовать и другой вариант — сибирский. Мы знаем, что в Токио Колчак встречался с английским генералом А. Ноксом и что собеседники принципиально договорились о необходимости военной диктатуры, опирающейся на союзную, прежде всего английскую, помощь. Эта встреча была в августе, когда в Поволжье, на Урале, в Сибири и на

Дальнем Востоке существовали еще областные правительства и перспективы их объединения оставались неясными. Тем не менее именно по совету Нокса Колчак вернулся в Россию. Во Владивостоке он встречался с Вологодским (в сентябре), который «ликвидировал» здесь хорватовское и дерберо-лавровское правительство и сообщил о предполагавшемся создании Директории.

Не менее важной для Колчака была и встреча с чешским генералом Р. Гайдой. Для характеристики его политической физиономии следует отметить, что позднее, уже в 1926 г., он, будучи начальником штаба чехословацкой армии, завязал тесные связи с фашистскими элементами которые искали «своего генерала». Тогда состоялся шумный судебный процесс и Гаиду уволили из армии. Но это будет через восемь лет, а пока Гаيدا замышлял авантюры здесь, на русском Дальнем Востоке. Он подробно поведал Колчаку о мятеже белочехов, о свержении Советской власти в Поволжье, на Урале и в Сибири. Он говорил, что есть «постановление союзного командования, чтобы чехи не уходили из России... а чтобы они шли на Урал, что на Урале теперь образуется чешско-русский фронт, который будет продолжать борьбу с большевиками». Колчак слушал с напряженным вниманием, задавал вопросы о Сибирском правительстве, о только что образовавшейся в Уфе Директории, которая, по словам Гаиды, есть «образование несомненно нежизненное»⁴³.

Из показаний Колчака можно сделать вывод, что никаких практических договоренностей между ним и Гайдой не состоялось: беседа свелась лишь к взаимной информации и выявлению точек зрения по вопросу о деятельности военной диктатуры. Но имеется записка состоявшего при Колчаке капитана А. Апушкина, предназначенная генералу Деникину. Автор записки сообщает, что «во Владивостоке Гаيدا предложил Колчаку работать с ним на Екатеринбургском фронте, на что Колчак и согласился... В первых числах (октября.— Г. И.),— писал далее Апушкин,— я с адмиралом выехали... Он ехал к ген. Гаيدا, а я с определенным решением. В это время Директория переехала в Омск, и мы решили посетить правительство»⁴⁴.

Это свидетельство по крайней мере дает основание предположить, что после беседы с Гайдой Колчак не исключал возможности остаться в Сибири, на белогвардейско-белочешском фронте. После Нокса Гаيدا был

второй важной фигурой, обладавшей реальной силой и готовой положить свой камень в создание контрреволюционной военной диктатуры.

Колчак не знал, что, покинув Владивосток и направляясь на Запад, Гайда в пути встретится с кадетом В. Пепеляевым — посланцем ЦК кадетской партии и «Национального центра» в Сибирь. Ему не было известно, что кадетский гонец сообщил белочешскому «Наполеону» о готовности сибирской «общественности» поддержать Колчака, если он согласится на роль диктатора. Он ехал в Сибирь, еще не оставляя мысли о юге, Добровольческой армии и генерале Алексееве.

Но, когда Колчак прибыл в Омск, повторилась примерно та же картина, что и в Пекине ранней весной 1918 г. Тогда Кудашев, Путилов и другие уговаривали Колчака остаться «работать» на Дальнем Востоке, так как на юге уже «работают» Алексеев и Корнилов; и Колчак дал себя «уговорить». Теперь в Омске он вновь стал объектом усиленного давления и уговоров, цель которых заключалась в том, чтобы «закрепить» его здесь, в Сибири. Приходили генералы и офицеры, убеждавшие, что ему незачем ехать на юг, так как там уже «идет своя работа», а здесь необходим он. «Они говорили, — показывал Колчак в Иркутске, — что Директория — это есть повторение того же самого Керенского, что Авксентьев — тот же Керенский; что, идя по тому же пути, который пройден уже Россией, они неизбежно приведут ее снова к большевизму и что в армии доверия к Директории нет»⁴⁵. Из этого логически следовало, что Колчаку предлагалось остаться в целях укрепления и возглавления тех правых сил, которые были враждебно настроены к Директории.

По-видимому, Колчак колебался. Об этом свидетельствует его письмо генералу Алексееву от 14 октября (Колчак еще не знал о том, что он умер в начале октября 1918 г.): «После попытки работать на Дальнем Востоке, — писал он, — я оставил его, решив ехать в Европейскую Россию с целью повидать Вас и вступить в Ваше распоряжение». Но далее следовало несколько иное: «Сейчас в Омске создалась первая власть, имеющая государственный характер в лице Сибирского правительства под председательством Вологодского и Всероссийского правительства с верховным командованием в лице ген.-лейт Болдырева... Я не имею пока собственного суждения об этой власти, т. к. только что прибыл в Омск, но, поскольку

могу судить, эта власть является первой, имеющей все основания для утверждения и развития...»⁴⁶

Закулисные уговоры и переговоры в Омске увенчались успехом. Неизвестно лишь, по каким конкретно каналам те, кто исподволь готовили устранение сибирской керенщины — Директории, провели своего протеже в формируемый ею Совет министров.

Создание Совета министров оказалось делом крайне трудным. Омская «общественность», прежде всего в лице кадетов, категорически требовала, чтобы Директория «восприняла неприкосновенным административный аппарат Временного Сибирского правительства и продолжала линию его политического поведения». По свидетельству И. Серебренникова, сибиряки особо настаивали на назначении И. Михайлова министром внутренних дел, Л. А. Устругова — министром сообщений, Б. В. Савинкова (он в это время находился в Омске) — министром иностранных дел и Колчака — военным и морским министром⁴⁷.

Директория отводила Савинкова, на Михайлова соглашалась только в роли министра финансов или промышленности и торговли, да и то лишь после окончательного расследования «новоселовского инцидента». Со своей стороны, она особенно настаивала на создании министерства полиции во главе с эсером Роговским (бывший петроградский градоначальник при Керенском). Роговский же для сибиряков был костью в горле. Назревал кризис еще не сформированного правительства. В начале ноября был, наконец, достигнут компромисс: сибиряки пожертвовали Савинковым, который был направлен Болдыревым на запад «в целях интервенции»⁴⁸ (министром иностранных дел стал Ю. В. Ключников), пошли на частичные уступки в отношении Михайлова (ему дали пост министра финансов), но зато Роговский получил пост лишь управляющего департаментом милиции. Фактически же почти весь состав Сибирского правительства вошел во «всероссийский» кабинет.

Это взбудрило уральскую и сибирскую буржуазию. В начале ноября «Уральское беспартийное общество Возрождение России» направило делегацию в Омск для передачи Директории своего «наказа». В нем выдвигалось требование создания особой комиссии по пересмотру закона о выборах в Учредительное собрание. Новый закон должен был повысить возрастной ценз, устранить от вы-

боров армию, установить ценз оседлости, заменить пропорциональную систему выборов по партийным спискам мажоритарной системой с делением на округа и персональными кандидатами, ввести двухстепенные выборы. Органы местного самоуправления, согласно наказу, должны переизбираться на тех же основаниях, что и Учредительное собрание. Поскольку все это на практике означало бы ликвидацию Учредительного собрания «образца 1917 г.», члены общества настаивали на удалении из всей прифронтовой полосы «членов Учредительного собрания во главе с Черновым».

Наказ уральских «возрожденцев» был тут же поддержан екатеринбургским «Союзом домовладельцев». Повторив почти все требования общества «Возрождение России», домовладельцы решительно заявили об исключении «дальнейшей допустимости углубления революции и социалистических экспериментов»⁴⁹.

Буржуазия, таким образом, требовала перерубить шланг, еще соединявший Директорию с эсеро-учредительщиной, оставив новое «всероссийское правительство» один на один с кадетско-монархической реакцией.

А Омск тем временем все больше наполнялся бежавшими из Москвы, Петрограда, Поволжья и Урала контрреволюционерами. Как к магниту тянулись сюда со всех сторон, в том числе и из «народной армии» Комуца, монархисты-офицеры, заполнявшие штабы Сибирской армии и многочисленных казачьих «партизанских» отрядов (Красильникова, Анненкова и др.). В ресторанах, клубах и кафе они устраивали пьяные оргии, во все горло распевая «Боже, царя храни».

Меньшевистская газета «Голос рабочего», издававшаяся в Уфе, касаясь политического положения в Сибири, отмечала 30 сентября (13 октября) 1918 г.: ни для кого уже не тайна, что там «среди духовенства, среди офицерства и мелкой буржуазии, среди бывших помещиков, среди многих и многих обиженных, испуганных и озлобленных революцией растет и крепнет самая своекорыстная и жестокая реакция, самое беспощадное и беспросветное мракобесие».

Черносотенно-монархические настроения, доминировавшие в буржуазно-помещичьей и офицерской среде Омска и других сибирских городов, нашли свое выражение в новом убийстве, совершенном озлобленной белогвардейской военщиной. Одной из первых жертв монархической

белогвардейщины был, как мы помним, эсер Новоселов. Теперь за ним последовал другой видный эсер — Б. Н. Моисеенко, бывший на уфимском Государственном совещании его секретарем. В середине октября он вместе с отрядом члена Комуча Роговского прибыл в Омск из Уфы. При нем находилась касса съезда членов Учредительного собрания — 3 млн. рублей. Через несколько дней Моисеенко предполагал выехать из Омска в Екатеринбург, где уже находились учредилоры. 24 октября, когда он выходил из здания омского Коммерческого клуба, его окружили военные, насильно усадили в автомобиль и увезли. Через несколько дней обезображенный зверскими пытками труп Моисеенко нашли в Иртыше, в «республике Иртыш», как цинично говорили черносотенцы. Следствие, как стало обычным в Омске, не смогло установить всех мотивов и участников этого убийства. По словам Н. Святицкого, в Омске и некоторых других городах существовала тайная организация офицеров-монархистов, поставившая своей целью физическое истребление членов Учредительного собрания⁵⁰. «К ней,— писал другой учредилорец, Д. Раков,— примыкает высшее кадровое офицерство, видные деятели Союза русского народа и бывшие люди самодержавной бюрократии». По сведениям Ракова, в эту организацию входили, в частности, такие генералы-монархисты, как Розанов, Лебедев, Иванов-Ринов, Дутов, Семенов, Красильников, Анненков, Калмыков и др. Организация располагала значительными средствами, получаемыми, между прочим, и от «Союза земельных собственников». Убийства Новоселова и Моисеенко, по убеждению Ракова, были делом рук именно этой монархической организации⁵¹.

Факт ее существования подтверждается не только сообщениями эсеров-учредилорцев, но и тех, кто непосредственно принадлежал к колчаковскому лагерю. Так, Г. Гинс пишет, что у правых «были свои военные организации, своя контрразведка, свои люди в правительственных учреждениях». Английский полковник Дж. Уорд, в дни колчаковского переворота фактически являвшийся телохранителем будущего «верховного правителя», также указывает на существование в Омске офицерско-монархической «террористической организации». Об этой организации сообщает и генерал Гоппер, бывший комендантом ставки генерала Болдырева⁵². Это была та самая социальная среда, в которой зрели силы, вскоре свергнувшие Директорию.

**«ПАРТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕРЕВОРОТА»**

Омский переворот называют колчаковским: он привел к власти Колчака. Но не только адмирал был «героем» этого переворота. Существовал еще один человек, который с полным правом также мог бы претендовать на такое звание. Если Колчак пожал плод переворота, то этот посеял его зерно, в дальнейшем оставшись в адмиральской тени. В. Н. Пепеляев — преподаватель из Бийска, депутат IV Государственной думы. Из молодой кадетской поросли. Тяжелая коренастая фигура. Лицо бульдожьего типа. Маленькие глазки прячутся за стеклами пенсне. Зычный голос: как раз для митинговых выступлений. После Февральской революции он становится комиссаром Временного правительства не где-нибудь, а в кипящем революционными страстями Кронштадте¹. В августе 1917 г. Пепеляев всей душой с корниловцами. Ко времени Октября он уже член ЦК кадетской партии. По свидетельству члена кадетского ЦК В. А. Оболенского, перед открытием Учредительного собрания кадеты вели конспиративную работу по организации «вооруженного сопротивления» Советской власти. Работа эта была поручена П. В. Герасимову и Пепеляеву, которые «составляли в Петрограде офицерские кадры, готовые поднять восстание»².

Летом 1918 г. Пепеляев — один из наиболее деятельных членов «Национального центра». Сохранился дневник В. Н. Пепеляева, начатый им в середине сентября 1918 г., в период Уфимского совещания, и доведенный почти до конца октября 1919 г., т. е. до того времени, когда Пепеляеву, вероятно, было не до дневниковых записей: колчаковский фронт рухнул, откатывался все дальше на восток.

В сочетании с другими материалами (главным образом архивными и газетными) дневник проливает свет на очень важную сторону подготовки колчаковского переворота — политическую, в чем огромную роль сыграли сибирские, прежде всего омские, кадеты, и особенно сам Пепеляев — их признанный лидер. По всем данным именно он и его кадетские «сотоварищи» явились архитекторами и строителями того политического моста, по которому к креслу

«верховного правителя» прошел Колчак. И эта четкая позиция сибирских кадетов по отношению к готовившемуся в военно-монархических кругах перевороту, их собственный вклад в него имели важное значение для его исхода.

Кадеты взяли старт в борьбе за свержение Советской власти буквально в первый же день после победы Октября. Вместе с эсерами они участвовали в контрреволюционной деятельности «Всероссийского комитета спасения родины и революции», в организации саботажа чиновников, устанавливали связь с калединским Доном, вместе с другими организовали антисоветскую демонстрацию в поддержку Учредительного собрания в конце ноября 1917 г. В ответ на эти действия Советское правительство 28 ноября объявило кадетскую партию партией врагов народа³.

Кадеты ушли в подполье. Перед ними со всей остротой вставал вопрос о выработке новой политической линии.

Напомним, что в мае 1918 г. в Москве состоялась кадетская конференция, среди других вопросов обсуждавшая и этот. Прошла резолюция, предложенная П. И. Новгородцевым. Она призывала «объединить все имеющиеся силы вокруг власти одного лица и установить временную военную диктатуру». «Старое» Учредительное собрание признавалось утратившим свое значение. Кадеты должны были поддержать идею созыва новой национальной ассамблеи, которая и определит будущее государственное устройство России, — но только после победы контрреволюции. Характеризуя свою резолюцию, Новгородцев признал, что практически она означает отказ от «традиционных принципов демократического самоуправления и гражданских свобод», за которые кадеты боролись в дореволюционный период.

Через год после майской конференции кадетов, в мае 1919 г., выступая на 3-й сибирской кадетской конференции в Омске, А. К. Клафтон говорил: «Революция с огромной силой ударила по нашей программе и по нашей привычной идеологии. На московской конференции (в мае 1918 г.— Г. И.) отчетливо можно было видеть выражение новых настроений, которое дал в своем изумительно тонком докладе П. И. Новгородцев. Он призвал партию совершить над программю тот «взлет», который может дать национальное объединение, объединить вокруг государственно

мыслящих элементов страны наибольшее количество живых сил...»⁴

Как писал тогда же сибирский кадет Н. Устрялов, потребовалась революция, чтобы интеллигенция «познала плоды дум и дел своих». Наступил «катарсис» русской интеллигенции (читай — кадетизма. — Г. И.), т. е. время покаяния и очищения (от демократических и свободолюбивых «увлечений») ⁵. Партия «народной свободы» быстро дрейфовала в правый лагерь с его монархической идеологией, сердцевину которой составлял великодержавный шовинизм.

Но последовательное проведение новгородцевского курса осложнялось обстановкой на местах. Когда Л. Кроль и В. Пепеляев направились на восток, там в авангарде контрреволюционных сил еще шла «демократическая», эсеровская контрреволюция, опиравшаяся на Волге на Комуч, а в Сибири на Сибирскую областную думу и частично на «левое» крыло Временного Сибирского правительства. Эсеры поддерживало и русское отделение чехословацкого Национального совета, в распоряжении которого находились крупные вооруженные силы. Вместе с тем здесь же довольно быстрыми темпами шла консолидация сил буржуазно-помещичьей реакции с центром в Омске. Пути Л. Кроля и В. Пепеляева разошлись.

Позднее, вскоре после колчаковского переворота в Омске, уже знакомый нам Клафтон писал Н. И. Астрову в Екатеринодар: «Резолюции майской конференции доставлены сюда Пепеляевым и Кролем». Но оценка их действий в письме Клафтона резко расходилась. Кроль «в ходе событий занял странную и вредную роль, дискредитируя и партию, и ее работу: он все еще в шорах прошлого и во власти фантастики» ⁶. Под «шорами» и «фантастикой» Клафтон имел в виду старые принципы буржуазной демократии, Учредительное собрание и т. п.; что же касается замечания о «странной и вредной роли», то оно станет понятным, если мы вспомним о том, что Л. Кроль в Уфе подписал без санкции своего ЦК «Акт об образовании верховной власти» — компромиссной Директории.

Оценку деятельности Кроля, которую дал Клафтон, полностью поддержали и другие сибирские кадеты, в том числе В. К. Жардецкий, возглавивший кадетскую группу в Омске. В этом, собственно, не было ничего неожиданного: сибирские кадеты давно стояли на правом краю кадетизма. Еще в дни корниловщины в своей газете «Сибирская речь»

(выходила в Омске) они клеймили «безвластие» Временного правительства и решительно высказывались за «твердую», диктаторскую власть; позднее у себя в регионе на роль диктатора они прочили генерала Хорвата, отвергая эсеровские правительства. Даже Сибирское правительство, хотя оно и занимало правые позиции, критиковалось ими за связь с Сибирской областной думой. Кадеты требовали порвать эту связь, распустить думу как «социалистическую». В цитированном письме Астрову Клафтон, характеризуя настроение партийных групп кадетов в Сибири, отмечал наличие здесь «сильных реакционных течений».

По-иному, чем Кроль, повел себя другой кадетский посланец — В. Пепеляев. Он пристально следил за пред-уфимскими совещаниями в Челябинске, видел, что дело клонится к «гнилому компромиссу», результатом которого, по его мнению, мог быть только новый вариант ненавистной для него керенщины, и делал все возможное, чтобы не допустить его. В конце июля 1918 г. Пепеляев оказался в Уфе, где выступил с докладом, который изложила 23 августа омская «Сибирская речь», издававшаяся кадетами с лета 1917 г. Пепеляев охарактеризовал общее политическое положение в России, сообщил о двух антисоветских центрах — «Национальном» и «Союзе возрождения», подчеркнув, что у них общая цель, состоящая в «возрождении России как единого государства», а это «возможно при создании твердой, облеченной диктаторскими полномочиями государственной власти». Расхождение, говорил Пепеляев, в одном: кому должна быть вручена эта власть — одному лицу или нескольким. Так или иначе, власть «должна отвечать лишь перед своей совестью», но отнюдь не «перед отдельными группами населения или партиями», и, конечно, не перед Учредительным собранием. В такой интерпретации политических проектов «московских центров» содержалась известная подтасовка: Пепеляев хорошо знал, что между «Союзом возрождения» и «Национальным центром» достигнуто соглашение о формировании власти в виде трехчленной Директории с дальнейшим созывом нового Учредительного собрания. Он, однако, явно ориентировал своих слушателей на курс установления контрреволюционной военной диктатуры. Пепеляев призывал к созданию мощной, боеспособной армии, свободной от всякого рода комитетов, по его словам, разрушивших армию в 1917 г. Основу такой общероссийской армии он видел в Сибирской армии.

В Уфе московский посланец не задержался, хотя, конечно, не мог не знать планов, связанных с созывом Государственного совещания. Но может быть, именно эти планы и являлись одной из причин, гнавших его дальше на восток. Имея прочные связи с Сибирью, с ее кадетскими организациями, Пепеляев хорошо знал господствовавшие там настроения. Еще 12 июля «Сибирская речь» в статье «Опасности момента» писала, что принцип коалиции с социалистическими элементами показал свою «нежизнеспособность», что время «социалистических опытов» прошло и потому «непримиримые социалисты потеряли право на руководство в новом государственном строительстве России». «Сибирская речь» была полна нападок на «социалистов» и Комуч. Все же кадеты допускали коалиционный принцип в том случае, если он «будет олицетворять собой одно настроение и одну волю, независимо от той или иной партийной идеологии отдельных лиц, входящих в коалиционное правительство».

И некоторые омские эсеры и меньшевики с готовностью демонстрировали такое настроение и такую волю. Газета «Заря», имевшая подзаголовок — «орган социалистической мысли», 19 июля резко нападала на Советы, утверждая, что они «изжили» себя, что «рабочие должны организовывать свои силы и бороться за свои экономические интересы при посредстве профсоюзов, воспитываться и действовать политически при помощи партий и клубов»; Советы же теперь «стали ненужными, потеряли всякий *raison d'être*». За день до этого, 18 июля, острой критике подвергала «Заря» и Сибирскую областную думу, которая, по ее словам, не отражает настроений всех «живых сил» и представляет собой «предбольшевистский предпарламент». С такими «социалистами» кадетам было по пути.

В начале августа в омских газетах появилось сообщение о создании «Отдела всероссийского Союза возрождения России», которое подписали представители эсеров, энесов, социал-демократической группы «Единство», а также кадетской группы⁷. В последнем не было ничего неожиданного. Опубликованное «Обращение» «Союза возрождения» кроме категорического заверения вести борьбу с большевизмом «до победного конца», носило расплывчатый, неопределенный характер. Требования создания сильной армии и твердой всероссийской власти были облечены в уже набившие оскомину фразы о «народопрямстве», о доведении страны до Учредительного собрания,

избранного «по четыреххвостке» и т. п. Кадетов привлекало прокламирование невозможности «правильного созыва» Учредительного собрания «в настоящее время», и поэтому они сквозь пальцы смотрели на беспредметное заявление о том, что созыв членов Учредительного собрания все же не исключается «по условиям переживаемого момента».

Между тем в Омске происходили дела, оказавшие немалое влияние на ход дальнейших событий. 21 августа в здании городской биржи открылась конференция кадетских организаций Сибири и некоторых других местностей, где Советская власть была свергнута белочехами и белогвардейцами (кроме Омска были представлены еще 16 городов). Первоначально предполагался даже созыв съезда, так как имелись сведения, что в Омск намеревался прибыть кадетский ЦК (ожидался даже Милюков), но этого не получилось.

Настрой конференции задал председатель омской группы кадетов адвокат В. К. Жардецкий. Сохранилось письмо бывшего члена Временного Сибирского правительства Крутовского П. В. Вологодскому с красноречивой характеристикой Жардецкого: «Человек он наглый, продажный прохвост, без чести и убеждений и запятнал себя целым рядом подлостей...» Крутовский далее отмечал его «политическую нечистоплотность, граничащую с провокаторством». В первую русскую революцию Жардецкий фактически примыкал к черносотенцам, «призывал к физическим расправам с революционерами»⁸.

Суть его политического доклада на конференции выражалась просто и прямо: главная, «верховная» задача переживаемого момента — это устройство общероссийской, общегосударственной власти. Не вдаваясь в детали, Жардецкий заявил, что для этого «должны быть признаны все приемы воздействия... хотя бы перед мыслью об этих приемах не только бледнело наше лицо, но и обескровливалось в мучительном сжатии, в трепете застывающее наше сердце». «Любовь к России требует лишнего всякой чувствительности отношения к ее мятежному населению. Человеколюбие в данных условиях требует суровости»⁹.

Но кто же должен составить эту новую власть, образуемую путем «суровости» по отношению к населению? Жардецкий ничего не сказал о предстоящем в Уфе объединении временных местных правительств, но прямо потребовал,

чтобы эсеровская Сибирская областная дума — это «при-
скорбное недоразумение» — была как можно скорее «уб-
рана из жизни». Лицо самого Жардецкого не побледнело
и тогда, когда он говорил, что при создании общероссий-
ской власти требуется прямое содействие бывших союзни-
ков России, теперь в качестве интервентов пришедших на
ее территорию: «Все, что нам сочувствует, пусть лучше
будет менее учтиво в отношении фикции нашего суверени-
тета, но более деятельно и более демонстративно в друже-
ственной деятельности помощи нам, в устройстве наших
внутренних дел... Русский народ в своих исторических
воспоминаниях благословит всякую силу, которая сейчас
спасет ему жизнь государства, хотя бы этикет междуна-
родный и был бы несколько этим нарушен»¹⁰.

Доклад Жардецкого ориентировал кадетские организа-
ции Сибири на откровенно реакционный курс, как внутри-
политический, так и внешнеполитический. Сам докладчик
отлично понимал, что его призывы и та форма, в которую
он их облакал, резко расходятся с привычными кадетскими
догматами, в которых всегда содержались элементы бур-
жуазного демократизма. Но это не смущало его. «Для
воссоздания России,— восклицал он,— нужно пойти на
все меры и на все средства, на все самоограничения, хотя
бы для этого пришлось всю партию народной свободы
возвести на костер!»¹¹

Однако на конференции оказались кадеты, не намере-
вавшиеся идти на «самосожжение». Так, томский делегат
И. А. Некрасов возражал против «призвания варягов», как
он назвал призыв Жардецкого обратиться за помощью
к иностранцам, в деле восстановления «российской госу-
дарственности». Это звучит, говорил Некрасов, так: «Отец,
приди и надери нам уши». Соглашаясь с тем, что власть
должна быть «национальной и твердой», он указывал, что
у Жардецкого нет конкретного плана создания такой
власти¹².

Пожалуй, еще критичнее выступили барнаульский
делегат С. Б. Свержинский и иркутский делегат Горчаков.
Последний соглашался с принципом «твердой власти», но
заметил, что то, о чем говорил Жардецкий, есть не что
иное, как диктатура, а это опасный путь, поскольку нужно
все-таки считаться с настроениями масс, «которые, худо
ли, хорошо ли, успели проникнуться идеями народоправ-
ства», нельзя также «забывать, что эти идеи нам, как
партии демократической, также близки». Впрочем, Горча-

ков поддержал Жардецкого в том, что «социалисты» не должны иметь значительного влияния в будущем правительстве, которое можно создать путем переговоров Кому-ча и Сибирского временного правительства. Свержинский призывал только тогда пойти на «тяжеловесное введение диктатуры», если не окажется иных способов, таких, которые «не заставят нас в силу призрачного forse majeure делать шаги, противные духу партии Народной свободы». Отвергая Учредительное собрание старого созыва, он тем не менее высказался в пользу того, чтобы образуемая путем объединения местных правительств новая власть была связана с идеей созыва нового Учредительного собрания¹³.

Таким образом, на конференции в какой-то мере столкнулись две линии, два подхода в оценке политической ситуации и ее ближайших перспектив. Правое крыло, ведомое Жардецким, решительно выступало за блок с монархическими элементами для установления реакционной военной диктатуры. «Левая» группировка, не отвергая идею «твердой национальной власти», предлагала поискать и иные пути, позволяющие кадетской партии хоть в какой-то мере сохранить демократическое реномэ. Но позиция этого крыла была явно непоследовательной, слабой, ее сторонники не ощущали уверенности в себе, делали всевозможные оговорки. Делегаты из Красноярска, Семипалатинска и других мест сразу дали резкий отпор «левакам». Красноярец Лавров недоумевал «по поводу боязни диктатуры со стороны ораторов, возражавших Жардецкому». Некий «господин Клепацкий» вскрыл причину этой боязни; они, говорил он, боятся «возврата к монархии времен дофевральского переворота». В таком же духе выступали и другие сторонники Жардецкого¹⁴.

«Умеренные тезисы» Свержицкого были отвергнуты. Сибирские кадеты в большинстве своем пошли за Жардецким. А через некоторое время эта его победа была подкреплена прибытием «самого» В. Пепеляева. Он объявился в Омске вскоре после окончания конференции и уже 28 августа выступил с докладом как член кадетского ЦК. К этому времени обозначились более четкие очертания проектировавшегося в Уфе Государственного совещания, и потому Пепеляев начал именно с него. В отчете о докладе «Сибирская речь» писала 30 августа 1918 г.: «На предстоящее Государственное совещание господин Пепеляев смотрит пессимистически. Говоря теоретически, результатом

его может быть: 1) создание единой твердой власти, 2) полная неудача, 3) создание власти, неспособной действовать. Последний результат — худший, первый был бы чудом». Отсюда было ясно, что Пепеляев отвергал создание власти путем компромисса, намечавшегося в Уфе, и предлагал искать иные пути для решения этой задачи. Какие же? «Социалисты мыслят,— говорил он,— да здравствует революция, хотя бы погибло государство. Мы же говорим: да здравствует государство, хотя бы погибла революция».

Эта рассчитанная на ораторский эффект фраза, ставшая чуть ли не афористической в белом движении, была по существу лживой. Социалисты (Пепеляев прежде всего имел в виду большевиков) выступали за слом старого буржуазно-помещичьего государства и создание нового государства в результате революционного обновления России. Что же касается кадетов и еще более правых элементов, от имени которых говорил В. Пепеляев, то они боролись за возрождение такого государства, в котором навсегда были бы закреплены их классовые привилегии. Да, и те, и другие боролись за Россию, за Российское государство: но одни за Россию новую, социалистическую, другие — за старую, буржуазно-помещичью.

Из Омска, сославшись на болезнь, Пепеляев не поехал в Уфу, где, казалось бы, и предстояло создавать желанную для него «общероссийскую» власть: эта компромиссная — «полусоциалистическая», полубуржуазная — власть была ему не нужна. Он двинулся в противоположном направлении — на восток. Какую же цель преследовал он теперь? Ведь основная его задача — консолидация кадетских сил Сибири — была выполнена: на августовской конференции они фактически сплотились на новгородцевско-пепеляевской платформе «национальной диктатуры». Что же дальше?

Американский историк У. Розенберг в своей обширной работе, посвященной истории кадетизма (в том числе и сибирского) периода революции и гражданской войны в России, пишет, что для кадетов Колчак явился случайной фигурой¹⁵. Но мы уже писали о том, что кадеты из «Национального центра» и связанных с ним организаций, по всем данным, держали Колчака в поле зрения по крайней мере с момента его прибытия на Дальний Восток летом 1918 г. Иначе трудно объяснить, например, цитированное

выше письмо к нему В. В. Шульгина из Киева и тем более письмо В. Пепеляева, направленное руководителям «Национального центра» осенью 1918 г., находившимся в денкинском Екатеринодаре. Пепеляев писал тогда: «Национальный центр в свое время командировал меня на восток для работы в пользу единоличной диктатуры и для переговоров с адмиралом Колчаком в целях предотвращения соперничества имен Алексея и Колчака». Правда, в данном случае нельзя не принять во внимание даты пепеляевского письма (март 1919 г.): в это время выгодно было подчеркивать свою роль в деле установления диктатуры в Сибири, ибо Колчак находился тогда в зените своих успехов. Тем не менее ссылка Пепеляева на прямую директиву, данную ему «Национальным центром» в отношении Колчака, вряд ли могла быть обращена к людям, способным в ней усомниться. Еще важнее то, что сходная по содержанию запись имеется в дневнике Пепеляева еще до колчаковского переворота 18 ноября (см. об этом далее).

На восток Пепеляев выехал 16 сентября (в Уфе в это время Государственное совещание шло к концу) в одном вагоне с бывшим главой Временного правительства Г. Е. Львовым, который, как мы уже знаем, с санкции Сибирского правительства и с одобрения Авксентьева (из Уфы) направлялся за границу (прежде всего в США) для переговоров о расширении иностранной интервенции. Львов наставлял Пепеляева на более твердый и последовательный реставрационизм, как старший и более опытный предупреждал его от либеральных грехопадений. Расставаясь с ним на станции Маньчжурия (Пепеляев сделал здесь остановку), Львов, согласно записи пепеляевского дневника, сказал ему: «Желаю Вам успеха насчет монархии...»¹⁶ На том расстались. Пепеляев остался хлопотать «насчет монархии» на Дальнем Востоке, Львов двинулся дальше — помогать этим «хлопотам» из-за границы.

Пепеляев ехал по сибирской магистрали почти как шеф-ревизор. Некоторые местные руководители кадетских организаций даже выезжали встречать его на станции, и он поучал и наставлял тех из них, кто еще был склонен проявлять некоторую слабость к «социалистам», Сибирской областной думе, Уфимскому совещанию и всякому иному «викжеланию», как отмечено в его дневнике. Этим встречам он, видимо, придавал небольшое значение, записи о них короткие, в лучшем случае в несколько строк.

Но вот 28 сентября, все на той же станции Маньчжурия, где 22-го Пепеляев попрощался с Львовым, в дневник внесена пространная запись о встрече с генералом Р. Гайдой, ехавшим на запад. Мы уже знаем, что до этой встречи Гаида виделся и беседовал во Владивостоке с Колчаком (и с Вологодским) и они достигли единства взглядов в вопросе о военной диктатуре. Знал ли Пепеляев об этой встрече? Трудно сказать, но, так или иначе, он нанес визит Гаиде в его поезде. Удлиненно-лошадиное, похожее на маску лицо Гаиды имело надменное выражение. Тихим, размеренным (по воспоминаниям знавших его, «почти нежным») голосом он говорил Пепеляеву, что ни Хорват, ни Семенов не удовлетворяют ни чехов, ни союзников. Возле Хорвата «вьются мелкие честолюбцы и интриганы из военных кругов», а кроме того, все они, как и Семенов, «в руках японцев». «...Перешли к вопросу о власти,— записал далее Пепеляев.— Я сказал, что не поехал на Уфимское совещание, ибо не верю в создание таким путем прочной власти, и что спасение в единоличной военной диктатуре, которую должна создать армия».

— Выдвигайте лицо,— сказал Гаида.

Никто из собеседников долго не хотел первым называть имя Колчака, оба совершали вокруг него дипломатические круги. Наконец Гаида как бы неопределенно заметил: «Вот едет Колчак» *. Запомним: это было сказано в 20-х числах сентября, т. е. почти за два месяца до омского переворота.

«На это,— записал далее Пепеляев,— я сказал, что в Москве наметили генерала Алексеева, но с ним нет никакой связи. Между тем время идет. Колчак имелся в виду, но как второй кандидат. Его возможно поддержать. Но когда это может быть?»

Гаида: «Дней через 20. Чехов мне удастся убедить».

Пепеляев: «А ...также думает?» **

Гаида: «Мы одинаково думаем. Он меня поддержит» ¹⁷.

Соглашение относительно личности диктатора фактически было достигнуто, и Гаида обещал дать телеграмму Колчаку, который тоже через 2 — 3 дня выезжал на запад, с просьбой встретиться с Пепеляевым здесь же, на станции Маньчжурия. Но не все происходило так, как планирова-

* В опубликованном варианте дневника напечатано: «Вот идет Колчак». А в рукописи — «Вот едет Колчак!».

** В опубликованном дневнике это место выглядит так: «А он как думает?» Отточие в рукописи дневника позволяет предполагать, что здесь имелось в виду какое-то иное лицо.

лось. Эта встреча не состоялась: Пепеляев и Колчак пока разминулись.

По выходе из вагона Гайды Пепеляев узнал, что уфимское Государственное совещание закончилось: образована Директория. С досадой и сарказмом он записал: «Итак, государственные элементы (т. е. кадеты и монархисты.— Г. И.) пошли в социалистическую Каноссу. Соглашение с привидением состоялось»¹⁸. Но для него это уже не имело слишком большого значения, иные планы теперь двигали им.

4 октября Пепеляев прибыл во Владивосток. Состоялись встречи с Хорватом и членами его еще не распущенного «кабинета», с местными кадетскими деятелями. Разговоры шли о Колчаке. Мнение хорватовцев об адмирале оказалось не очень благоприятным: «человек с совершенно издерганными нервами». В общем это было справедливо: вспомним мистические «оцепенения» Колчака во время его японского «сидения», неуживчивость и «дерганья» в период пребывания здесь, во Владивостоке. Но Пепеляев не очень-то принимал это во внимание. Для него важнее было то, что повсюду, как он записал, «левое течение побледнело. Ко всероссийскому правительству (т. е. к Директории.— Г. И.) в большинстве относятся отрицательно»¹⁹.

Далее в дневнике имеется, на наш взгляд, важная запись: в связи с окончательным «побледнением» левого течения «все,— отметил Пепеляев,— хотят съезда». Однако он предложил созыв кадетского съезда отсрочить до 15 ноября, что и было принято. Из дневника неясно, чем руководствовался Пепеляев в этом своем намерении. Можно лишь строить догадки с той или иной степенью обоснованности. Одна из них может, вероятно, состоять в том, что Пепеляев хотел как-то связать кадетский съезд в Омске с той договоренностью, которая была достигнута во время встречи с Гайдой. Вспомним, как, имея в виду установление диктатуры, он спросил у Гайды, сообщившего, что «едет Колчак»: когда это может быть? И получил ответ: дней через 20. Как увидим дальше, эти два события совпали.

1 ноября В. Пепеляев был в Омске. Колчак также находился там, готовился принять пост военного министра Директории. Под первым числом в рукописи дневника Пепеляева стоит такая запись: «Говорил с Михайловым

(министр финансов, известный нам «Ванька Каип». — Г. И.). Соглашение состоялось. Персонально состав готов»*. Конспирация, центром которой он, по-видимому, себя считал, расширялась, делала следующий важный шаг: в нее уже был втянут и Михайлов. А 5 ноября, т. е. через четыре дня, состоялась «долгая и интересная беседа с адмиралом Колчаком». Примечательно, что в ходе допроса в Иркутске Колчак не упомянул о ней. Из дневниковых записей Пепеляева можно восстановить содержание этой беседы.

Колчак в этом разговоре взял осторожную линию. «По его мнению, — записано в дневнике, — в настоящее время нужно оказать поддержку власти (т. е. Директории. — Г. И.)». Но... в дальнейшем все дело состоит в том, будут ли Авксентьев и Зензинов связаны со своей партией. Если «да», то с ними невозможно, если «нет» — все бы пошло спокойнее. «Установка», как видим, несколько уклончивая, дипломатическая, но отнюдь не исключающая действий против Директории при определенных условиях. Пепеляев это, конечно, прекрасно понял и перевел беседу в конкретную плоскость. «Выполняя поручение Национального центра, — занес он в дневник, — я сказал ему, какие надежды центр возлагал на Алексева. Сказал ему, что центр упоминал и Колчака, но просил меня переговорить с ним в тех целях, чтобы эти имена не стали друг против друга»²⁰. На это Пепеляеву было сказано, что он, Колчак, отдает приоритет Алексеву как бывшему главнокомандующему, но все же, если будет нужно, он «готов принести эту жертву», хотя и не считает необходимым форсировать события.

Буквально через несколько дней в Омск с Кубани пришло сообщение: Алексей умер после длительной болезни 25 сентября (8 октября) 1918 г.; белогвардейские вооруженные силы юга России возглавил Деникин. Таким образом, вопрос приоритета той или иной кандидатуры в диктатора отпадал сам собой. Можно предположить, что известие о смерти Алексева имело важное значение не только для Колчака, но и для участников той конспирации, которая зрела вокруг его фигуры.

Между тем Пепеляев работал не покладая рук. В соответствии с курсом, выработанным майской (1918 г.) конференцией кадетской партии в Москве, он и другие

* В опубликованном тексте дневника последняя фраза выглядит иначе: «Персонально советовался. Готов».

кадеты вели линию на сколачивание и укрепление в Омске (да и во всей Сибири) так называемого «национального блока». В нем объединялись как «деловые», так и политические элементы, начиная с монархистов и кончая «государственно мыслящими» «умеренными социалистами». Необходимым условием являлось признание задачи «воскрешения и воссоздания России, ее национальной государственности и ее великодержавия»²¹. Позднее (в марте 1919 г.) председатель омского комитета кадетов и товарищ председателя Восточного отдела ЦК Жардецкий в письме к Н. И. Астрову характеризовал этот блок как «Union Sacrée (священный союз.— Г. И.), всероссийский по природе, объединяющий республиканскую и монархическую демократию»²².

Если говорить конкретнее, в этот «священный союз» вошли 14 организаций, в том числе (слева направо): правозеролевские представители Всесибирского Совета съездов коопераций, группа социал-демократического «Единства», народные социалисты, кадеты (спустя некоторое время возглавленные Восточным отделом ЦК кадетской партии), представители уже известного нам омского отдела «Союза возрождения», Всероссийского Совета съездов торговли и промышленности, Военно-промышленного комитета, казачьих войск — Сибирского, Семиреченского, Иркутского, Енисейского, Забайкальского. Участие в этом блоке некоторых «социалистов» не смущало кадетов. Мы уже в общих чертах знакомы с политической линией органа «социалистической мысли» Омска — газеты «Заря» и омского отдела «Союза возрождения». В упоминавшемся письме Астрову Жардецкий разъяснял, что не кадеты, а «социалисты делают уступки». «Социал-демократы (меньшевики) и подобные им элементы эсеров пребывают в законной оппозиции, т. е. шипят и умеренно злословят...»

С другой стороны, промонархические элементы блока в ожидании «естественного» установления диктатуры предпочитали не показывать свое истинное лицо: поддерживая кадетов, они тоже выступали как «демократы» (отсюда выражение Жардецкого — «монархическая демократия»). Таким образом, в центре сибирского «священного союза» находились кадеты, ведомые посланцем «центра» В. Пепеляевым, сибиряком В. Жардецким и др. (номинальным председателем блока был кооператор А. А. Балакшин). Надо, однако, отметить особую роль, которую играл в блоке министр финансов «Ванька Каин» — Михайлов.

Как свидетельствовал А. Соловейчик, блок являлся «послушным орудием в руках Михайлова». Представители как «левой», так и «правой» части блока приходили к всесильному министру не только за информацией, но и за инструкциями, в соответствии с которыми блок затем делал свои «политические представления». При этом в случае колебаний «левой» части Михайлов не гнушался шантажом. Так, он, в частности, грозил востребовать с кооперации ее долги правительству, закрыть новые кредиты и т. д.²³ В дальнейшем все это скажется при осуществлении переворота 18 ноября, в котором скрытно руководимый Михайловым омский блок сыграет свою роль.

8 ноября Пепеляев внес в дневник довольно подробную запись о своей беседе с главой Сибирского правительства — П. В. Вологодским. Судя по записи, для Пепеляева она была своего рода зондажом, имеющим цель определить позицию Сибирского правительства или по крайней мере его руководящей части по отношению к Директории. Пепеляев прямо заявил Вологодскому, что, с точки зрения кадетов, результат Уфимского совещания — «недопустимый компромисс», что к Директории они относятся отрицательно. Лучший выход, по их мнению, заключался в том, чтобы Сибирское правительство просто провозгласило себя всероссийской властью; но оно пошло иным путем: согласилось на роль «рабочего правительства» при Директории. Этим ошибка Уфимского совещания «ослаблена» лишь частично. Пепеляев просил разъяснить некоторые вопросы политического характера, в частности отношение Сибирского правительства к областной думе и к съезду членов всероссийского Учредительного собрания.

Вологодский разъяснил, что дума будет терпима только в том случае, если останется в «намеченных для нее пределах», что же касается учредиловцев, то о них, согласно записи Пепеляева, было сказано следующее: «...будем следить и против их вмешательства протестовать. Вообще я против Учредительного собрания данного состава. Но думаю, что надо созвать. Конечно, вряд ли в январе сможет собраться. Но если члены Учредительного собрания пойдут за ЦК эсеров, то мы не постесняемся и с Учредительным собранием».

«Я спросил, — следует далее в дневнике, — до каких, по его мнению, пределов целесообразно противопоставлять Совет министров Директории». Вологодский ответил, что

«резко противопоставлять не стоит». Тогда Пепеляев, по его словам, «изложил всю конструкцию». «Вологодский слушал, улыбаясь, и потом сказал, что в таких выражениях это вполне возможно»²⁴.

В каких пределах изложил Пепеляев Вологодскому «всю конструкцию», сказать трудно, но, безусловно, дал ему понять, что имеются силы, отвергающие Директорию и готовые действовать. Главное же заключалось в том, что Пепеляев уяснил позицию Вологодского; «сибирский Львов» был в своем стиле: говорил об условиях компромисса, соглашения и т. п., но все-таки допускал возможность пепеляевской «конструкции». И в этом было главное.

9 ноября, согласно дневнику Пепеляева, был избран президиум Восточного отдела ЦК кадетской партии. Председателем его, конечно, стал Пепеляев, товарищами председателя Жардецкий и самарский кадет А. К. Клафтон, секретарем — также кадет из Самары А. С. Соловейчик. Эта организационная мера осуществлялась в прямой связи с предстоящим открытием 15 ноября 2-й сибирской конференции кадетов. А параллельно шла активная деятельность за кулисами. Заговорщики «прощупывали» и «готовили» Виноградова — кадетского члена Директории, вялого человека, по мнению Пепеляева совершенно не понимавшего обстановку. К нему непосредственно перед открытием первого заседания конференции явились Пепеляев, Востротин, Н. А. Бородин и др. По записям Пепеляева, Бородин настаивал, чтобы Виноградов и в Директории поднял вопрос о ликвидации съезда членов Учредительного собрания; Востротин был откровеннее, доказывая, что всякие частичные меры бесполезны, ибо они лишь на несколько дней «отсрочат вопрос о диктатуре». «Я, — записал Пепеляев, — больше молчал и лишь заявил, что Виноградов обязан иметь план действий, между тем, он его не имеет и, видимо, не хочет иметь, последствием чего может быть такая обстановка, в которой решение придется принимать в 5 минут»²⁵.

В передаче Бородина роль Пепеляева выглядит по-другому. Он прямо-таки «наседавал» на Виноградова, говоря о необходимости либо ухода эсеров из Директории, либо усиления ее «умеренными элементами». Иначе, грозил Пепеляев, не миновать катастрофы, которую готовят в офицерских кругах. И Бородин заключает: «Видимо, он был в курсе всей махинации»²⁶. Эти записи свидетельствуют о том, что подготовка переворота к 15 ноября зашла

очень далеко и фактически подошла к той грани, за которой вот-вот должно было последовать открытое выступление. Действительно, Директории оставалось жить два дня.

Вечером 15 ноября открылось заседание 2-й сибирской кадетской конференции. Присутствовали представители девяти местных комитетов (Омска, Казани, Самары, Иркутска, Харбина, Симбирска, Владивостока, Челябинска, Уфы). После решения ряда организационных вопросов и формирования восточного отдела ЦК с докладом выступил его новоизбранный председатель — В. Пепеляев. Сохранился подробный конспект этого выступления. Пепеляев поставил задачу «борьбы за национальное воскрешение России», подчеркнув, что она должна достичь «наивысшего напряжения». Решающим средством такого напряжения является военная диктатура. «Партия, — говорил Пепеляев, — должна заявить, что она не только не страшится диктатуры, но при известной обстановке считает ее необходимой...» С этой точки зрения он решительно осудил Уфимское совещание, на котором, по его словам, «государственные силы допустили ошибку, пойдя на компромисс с... антигосударственными элементами, завершившийся уступкой в пользу Учредительного собрания настоящего, полубольшевистского состава». Пепеляев открыто критиковал Директорию — плод Уфимского совещания, но утешал своих слушателей тем, что эта «ошибка», по крайней мере частично, исправлена переформированием «государственно-действующего Сибирского правительства... во Всероссийский Совет министров»²⁷. Партия, заявил в заключение Пепеляев, «не признает государственно-правового характера за съездом членов Учредительного собрания и самый созыв Учредительного собрания считает вредным и недопустимым»²⁸.

Тезисы доклада В. Пепеляева (диктатура, осуждение Уфимского совещания, поддержка Совета министров) были приняты конференцией для «руководства к действию». К действию. И он, Пепеляев, действовал, успевая повсюду: выступив с трибуны, он удалялся в «неизвестном направлении», чтобы принять участие в таких совещаниях, куда не проникал посторонний глаз. В дневнике его 17 ноября записаны телеграфно короткие, возбужденные слова: «Я ушел с конференции на совещание. Совещание. Участвовали... Все решено. Я поехал к П. Полная налажен-

ность. Описать потом»²⁹. Но этого описания, к сожалению, нет. В подлиннике дневника Пепеляева после фразы «описать потом» идут незаполненные страницы. А сразу же после пропуска — запись: «Переворот произошел».

Кадетская, пепеляевская политика запустила военномонархический мотор заговора. 5 декабря Пепеляев записал в дневнике: «Мы ответственны (и особенно я) за переворот, и наш долг укреплять власть. Поэтому должны брать самые ответственные посты, даже с риском погибнуть...»³⁰ Как видно из этой записи, Пепеляев был в ажиотации, ему представлялось, что он совершил высокий жертвенный подвиг, рисовались картины будущих великих свершений.

Сибирские кадеты полностью признавали его заслугу. Вскоре после переворота Клафтон сообщал Астрову на юг: «Организовали мы здесь конференцию в ноябре, которая провела идею диктатуры и решила переворот и свержение Директории. Во главе переворота стоял Пепеляев...»³¹

Выступая на 3-й сибирской конференции кадетской партии (май 1919 г.), тот же Клафтон (сменивший Пепеляева на посту председателя бюро Восточного отдела ЦК) горделиво заявил собравшимся: «Вы помните вечер воскресенья, когда эта формула (установление диктатуры.— Г. И.) была принята в этой самой зале единогласно и, казалось, сами события словно ждали нашего решения, ибо на следующий день Директория пала... Мы стали партией государственного переворота»³².

Механизм Омского переворота изучен далеко не полно. Правда, можно назвать ценные труды П. С. Парфенова, Л. М. Спирина, М. Е. Плотниковой, В. В. Гармизы, Н. Г. Думовой и других советских ученых, проливающие свет на тот или иной аспект предыстории и истории переворота 18 ноября в Омске¹. Имеется ряд работ, в которых переворот освещается, так сказать, с другой стороны, т. е. в разные годы написанных белоэмигрантскими и иностранными историками и мемуаристами². Но они дают ограниченную, а главное, тенденциозную характеристику этого важного в истории российской контрреволюции события. Суть ее сводится к изображению переворота 18 ноября как результата чуть ли не стихийного развития событий, в которых сам Колчак не играл сколько-нибудь существенной роли вплоть до самого последнего момента³. Сохранились, однако, некоторые архивные и другие материалы, которые опровергают такую трактовку.

Уже с первых дней пребывания в Омске Директория обнаружила свое бессилие. В сущности она оказалась расколотой. «Левая» часть ее (Авксентьев, Зензинов), так или иначе, была связана с эсеровскими центрами: правой группировкой в ЦК, Советом управляющих ведомствами бывшего Комуча и съездом членов Учредительного собрания. На правую часть (Вологодский, Виноградов) сильное давление оказывали кадеты с В. Н. Пепеляевым во главе и, пользуясь «слабостью» этих двух «директоров», достигли немалых успехов: Вологодский, а за ним и Виноградов не проявляли сопротивления активизации правых, кадетско-монархических сил. В центре находился главком Болдырев, терявший власть вследствие постепенной концентрации генеральско-офицерской верхушки вокруг нового военного министра — Колчака. В результате деятельность Директории оказывалась близкой к состоянию паралича. В записке, составленной летом 1919 г. для «Русского политического совещания», представлявшего белогвардейские правительства в Париже, указывалось, что накануне

падения у большинства членов Директории «в смысле текущей административной и организационной работы были пустые столы». Автор записки, Ю. Ключников, перешедший на службу к Колчаку, отмечал, что главной причиной падения Директории была ее «органическая неработоспособность»⁴.

Контрреволюции с немалыми трудностями в сентябре 1918 г. удалось как-то соединить свои силы под «всероссийской властью» в лице уфимской Директории. С этим прежде всего связывались надежды на изменение хода военных действий в ее пользу, но все оказалось тщетным. Красная Армия продвигалась почти на всем протяжении Восточного фронта. 7 ноября белые потеряли Ижевск, 12-го — Воткинск.

Но нельзя не учитывать, что Директория создавалась не только, так сказать, по внутривластным и военным соображениям. Не меньшее значение имели и внешнеполитические расчеты: союзники хотели иметь дело с максимально «представительным» антибольшевистским правительством. Директория, созданная как «всероссийское правительство», претендовала на признание ее в качестве такового западными союзниками.

Вопрос о признании был одним из самых «больных» для Директории. Уже после того как она была свергнута, многие ее сторонники обвиняли колчаковцев в том, что переворотом 18 ноября они якобы сорвали почти уже решенный вопрос о признании Директории союзниками и тем самым нанесли «антибольшевистской борьбе» непоправимый удар. Некоторые данные как будто подтверждают это. Так, когда советник министерства иностранных дел Директории во Владивостоке сообщил союзным «верховным комиссарам» об омских событиях 18 ноября, они, согласно его докладу Вологодскому, отнеслись к этому вполне спокойно. Вместе с тем, выразив надежду на «благополучный исход», англичанин Эллиот и француз Мартель «присовокупили, что признание Директории было совершенно близко к осуществлению, что теперь потребуется опять время, чтобы державы признали новое правительство»⁵.

Через несколько дней после переворота посол в Лондоне К. Набоков телеграфировал в Омск: «Правительство (английское. — Г. И.) было склонно к признанию Директории, факт ее устранения поведет к усугублению свойственной англичанам осторожности, особенно в такой критический момент, когда по внутривластным причи-

нам для здешнего правительства опасен упрек в поощрении реакционной перемены в России»⁶.

Примерно в таком же духе сразу после переворота информировали Омск и послы в Париже (В. Маклаков), Риме (М. Гирс), Мадриде и других столицах. Из их первых донесений следовало, что события в Омске, по всей вероятности, «побудят союзников быть еще более осторожными в вопросе о признании правительства»⁷.

Но такого рода информация поступала от русских дипломатических представителей уже после переворота. До него их сообщения носили несколько иной характер. Из анализа дипломатической переписки министерства иностранных дел Директории с посольствами в Лондоне, Париже и других западных столицах за октябрь — ноябрь 1918 г. не следует, что речь о признании Директории действительно вошла в плоскость практического решения. Так, В. Маклаков 5 ноября 1918 г. телеграфировал в Омск членам Директории: «Союзники хотели бы избежать положения, при котором правительство, признанное официально за всероссийское, будет оспорено на самом конгрессе (в Версале.— Г. И.) такими крупными территориями, с мнением которых нельзя не считаться. Признание сделалось бы гораздо легче, если бы имелось соглашение с Югом России, Украиной, Крымом, Доном, Кавказом...»⁸

В другой телеграмме, отправленной в Омск 20 ноября, т. е. после переворота, о котором в Париже еще не знали, Маклаков сообщал, что «вопрос о признании... принимает значительный поворот к лучшему», но предупреждал о возможных «политических осложнениях и кризисах в Сибири», которые могут затруднить признание⁹.

Но, пожалуй, наиболее яркий свет на «больной» вопрос о признании Директории проливает докладная записка «директорального» министра иностранных дел Ю. Ключникова, предназначенная членам Директории. Это исключительно интересный документ, и мы остановимся на нем подробнее. Но прежде отметим, что Ключников составил свою записку спустя несколько дней после перемирия в Компьене и капитуляции Германии. Все свои доводы и предложения Ключников теснейшим образом связывал с этим событием глобального значения. Он писал, что прекращение войны приведет к изменению международного положения вообще и России в частности. Прежде всего оно будет заключаться в том, что «юридическая основательность акта 23 сентября» (т. е. решение Уфим-

ского совещания о создании Директории и ее полномочиях) окажется неубедительной для определенных политических кругов на Западе. Почему? Во-первых, потому, что далеко не все регионы бывшей Российской империи признают «Уфу», а во-вторых, за границей знают, что Директории, даже на подконтрольной ей территории, оказывается «противодействие как справа, так и слева». В связи с этим, писал Ю. Ключников, союзники «или отсрочат признание Временного Всероссийского правительства, или вовсе откажут ему в признании».

Где же выход из этой «коллизии»? Ключников рекомендовал сделать заявление о том, что «акт Уфимского совещания может быть в близком будущем восполнен новым конституционным актом», признающим, что созыв Учредительного собрания (1917 г.— Г. И.) «неправомерен и осуществлен не будет», а съезд членов Учредительного собрания «прекращает свои полномочия»¹⁰. Таким образом, предлагалась фактическая самоликвидация созданной в Уфе «временной всероссийской власти», ее трансформация в нечто иное, но во всяком случае не связанное со знаменем «народоправства», под которым возникла и существовала Директория. Но то, о чем Ключников писал для обсуждения в закрытом, фактически секретном заседании Директории, в тот же день, 16 ноября (за день до переворота!), не дипломатическим, а «открытым текстом» появилось в омской печати! Газета «Заря» опубликовала передовую статью под многозначительным заголовком — «Положение чревато переменами».

Какие же перемены усматривала «Заря» в создавшемся положении? «Интересы держав-победительниц,— говорилось в передовой,— делают для них необходимым не только продолжение военных операций в России с целью ликвидации большевизма, но и усиление таковых ради обеспечения должной быстроты достижения поставленной цели». Дальше следовала «проекция» этого вывода на собственно сибирскую почву: для освобождающихся союзных сил более достижимыми и потому более удобными регионами могут оказаться Юг и Запад (Черное и Балтийское моря). Сибирь же в таком случае станет «совершенно второстепенным театром их (т. е. союзников.— Г. И.) военных действий». Соответственно может переместиться и «центр тяжести идущей к возрождению своего единства России: южный и западный политический центры получают значительно больший вес, чем центр сибирский». Тут, как

видим, звучала ничем не прикрытая тревога в связи с возможным понижением роли сибирской контрреволюции в общей системе антисоветизма и антибольшевизма.

Что же предлагала «Заря» для отведения этой опасности? Предложение стоит того, чтобы процитировать его целиком. «Таким образом,— говорилось в статье,— может в конце концов получиться положение, что вопрос о всероссийской власти подвергнется коренному фактическому изменению и работа Уфимского совещания со всеми результатами ее утратит значение. А с изменением фактического положения вещей может стать на очередь и формальный вопрос — о новой организации всероссийской власти. Приходится в силу всего этого быть готовым к изменению и политической роли всероссийской власти, пребывающей на территории Сибири. Возможные перемены международного и внутреннего характера могут изменить и существо ее компетенции и формальную сторону ее положения».

Читая все это, нельзя не прийти к мысли, что газета сознательно ориентировала на изменение «компетенции» и «формального положения» существующей власти. Более того, статья фактически звучала как призыв к такому изменению, обосновывая его политическую необходимость! Но и это еще не все. «Заря» в сущности подсказывала, каким должно быть это изменение, откуда, с какой стороны оно должно последовать. Она указывала на то, что эсеровская партия уже делает для себя определенные выводы, о чем якобы свидетельствует ее кампания, проводимая «в целях подготовки переворота в пользу самарского обломка Учредительного собрания». Но, разъясняла газета, кампания эта «волею судеб становится работой в пользу организации новой центральной власти, облик которой должен быть для эсеров, так же как и для всех, покрыт пока мраком загадочной неизвестности».

Было, однако, ясно, что для самой «Зари» «мрак неизвестности» не являлся таким уж непроницаемым. Ирония истории, указывалось в заключение статьи, готовит эсеровским «государственным потугам ту же участь, которую претерпел недавно на Дальнем Востоке великолепный фрак Дербера, приобретенный им для должной представительности в исполнении высоких обязанностей главы Сибирского правительства».

Вот где была зарыта собака! Дабы не потерять своего значения как серьезной антибольшевистской силы в глазах антантовских союзников, «директоральный», авксентьев-

ско-зензиновский Омск должен стать не эсеровским, не «черновским», а, напротив, сместиться в противоположную сторону — вправо. По своей «социалистической» стыдливости «Заря» делала вид, что пока еще не различает контуров этой новой власти, но правее авксентьевско-зензиновской Директории не было никого, кроме кадетско-белогвардейских элементов. Короче говоря, предлагалось поднять политические акции сибирской контрреволюции в глазах интервентов путем установления их диктатуры. Но были ли основания для подобного рода рекомендаций? Не противоречили ли они «русской политике» западных союзников? В этой связи интересно привести свидетельства А. Ф. Керенского.

Еще в конце октября 1917 г. он бежал из Гатчины, переодевшись матросом. Менее известно о его дальнейших похождениях. А он тогда сбежал недалеко, скрывался под Петроградом. Весной 1918 г. Керенский нелегально переехал в Москву, где установил тесные связи с «Союзом возрождения». В июне, после того как Поволжье и Сибирь оказались во власти эсеровских правительств, он решил двинуться туда. Но ЦК эсеров через Е. Брешко-Брешковскую высказался против поездки Керенского на Волгу: он был там нежелательным лицом¹¹. Тогда Керенский, также нелегально, выехал в Европу, откуда намеревался двинуться в США. О цели своей миссии Керенский писал Н. В. Чайковскому в августе 1918 г.: «...чтобы добиться немедленной интервенции в условиях, выработанных «Левым центром» (т. е. «Союзом возрождения». — Г. И.) по соглашению с представителями французской дипломатии в Москве, представляющими, по их словам... союзные правительства». «Вместе с тем, — писал далее Керенский, — я должен был отстаивать перед правительствами необходимость закрепить еще прочнее соглашение с «Левым центром» и действовать с ним солидарно как с единственной силой, представляющей всю антибольшевистскую, негерманофильскую и нереакционную Россию»¹².

Все необходимые сведения Керенский, по его словам, должен был сообщать в Москву шифром по союзным дипломатическим каналам. Однако когда бывший премьер инкогнито прибыл в Лондон, а затем в июле 1918 г. в Париж, то союзники отказались предоставить ему эти каналы. Более того, и Д. Ллойд Джордж и Ж. Клемансо дали понять Керенскому, что они вообще очень плохо информированы о «Левом центре», почти «ничего о нем не знают».

Объясняя это изменение позиции союзников, Керенский указывал на «влияние русской чиновной и военной реакции», т. е. монархистов, окопавшихся в Европе. Но главный фактор перемены он все же усмотрел в ином. В Париже министр иностранных дел Пишон заверял его, что Франция, как и другие союзники, желает сотрудничать с «русской демократией» и не хочет «поддерживать какие-либо монархические тенденции». Однако для Керенского стало ясно, что этот «ход» — «обман», что на самом деле «с начала августа курс Англии и Франции в русских делах решительно направляется в сторону консервативно-монархическую». «Во всяком случае,— писал Керенский,— «Союз возрождения России» должен знать, что все его переговоры и соглашения с представителями союзников в России здесь, в Париже и Лондоне, никакого значения не имеют». С другой стороны, ему «известно, что существуют особые отношения с монархическими антантофильски настроенными группами, в частности с группой Алексева (речь идет о Добровольческой армии.— Г. И.), которая особо субсидируется...»

Таким образом, Керенский констатировал весьма важный сдвиг политической ориентации союзников слева направо: от поддержки «демократической контрреволюции», олицетворявшейся проэсеровским «Союзом возрождения», они переходили к поддержке буржуазно-помещичьей, кадетско-монархической контрреволюции, представленной «Национальным центром» и еще более правыми группами. Это явилось следствием определенного разочарования в возможностях меньшевиков и эсеров и понимания того, что за ними стоят иные контрреволюционные силы, которые неизбежно выйдут на авансцену в условиях обострявшейся гражданской войны в России. Союзники опасались «упустить» их и потому склонялись к своевременной переориентации. И Керенский бил тревогу. «Оповестите обо всем Самару и всех наших,— писал он Н. В. Чайковскому.— Пусть будут они осторожны и каждый день готовы к неожиданности à la Чаплин... (имеется в виду переворот в Архангельске, где офицеры-монархисты под руководством капитана Г. Чаплина свергли правительство энеса Н. В. Чайковского.— Г. И.). Эпизод, который случился с вами в Архангельске, при первом удобном случае повторится и в Омске и Самаре — это я категорически утверждаю».

Несколько позднее свои тревожные сигналы Керенский

стал направлять непосредственно в Омск. Впоследствии, в 20-х годах, он утверждал, что примерно за месяц до колчаковского переворота предупреждал о нем членов Директории. В частности, в конце октября 1918 г. он будто бы послал «с верным человеком» письмо Н. Д. Авксентьеву, в котором, в частности, писал: «С июля здесь в Лондоне и Париже работал «X» со своими друзьями. Он имел исключительное положение у «Z» и теперь едет к вам, чтобы в широких размерах повторить *coup d'Etat* в Архангельске, совершенный с ведома и по предварительному соглашению с английскими военными властями... Новое повторение корниловской попытки может окончательно разрушить и добить Россию. Будьте особенно внимательны к деятельности генерала Н. ...»¹³

В своих последних мемуарах Керенский раскрыл некоторые буквенные обозначения. Под «X» он имел в виду пресловутого Завойко (адъютанта Корнилова), который летом 1918 г. жил в Англии под именем «полковник Курбатов». «Генерал Н» — это Нокс, по словам Керенского, один из главных организаторов колчаковского заговора¹⁴. Ничего не сообщил Керенский о «Z», но С. П. Мельгунов, опираясь на воспоминания русского посла в Лондоне К. Набокова, называет и его: английский военный министр лорд Мильнер¹⁵. Роль Завойко Керенский, по-видимому, преувеличил, но в отношении Нокса (а значит, и Мильнера), как мы увидим дальше, во многом оказался прав.

О том же самом, что и Авксентьеву, Керенский неделей раньше сообщил в Париж В. А. Маклакову. Тот фактически отмахнулся от Керенского, ответив, что он «стреляет по воробьям...».

Но перенесемся в Екатеринбург, где, как мы знаем, находился съезд членов Учредительного собрания. 27 октября сюда прибыл В. Чернов. За ним сразу установили наблюдение. Сохранилась сводка сведений этого наблюдения, из которой видно, что военная контрразведка всячески старалась преувеличить «черновскую опасность». Сообщалось, что в гостинице «Пале-Рояль», где обосновались учредилловцы, имеется много оружия (даже пулеметы), что в конце октября — начале ноября у Чернова в номере происходили какие-то совещания, из чего явствует, будто его группа «ведет какую-то подпольную работу», хочет втянуть в нее «молодые русские войска» и даже чехов¹⁶.

Все это, конечно, было, мягко говоря, преувеличением, хотя определенное давление на Директорию екатеринбургские учредилловцы действительно пытались оказывать. Эсеровский ЦК уже имел свой «счет» к Директории. Там были недовольны переездом ее в Омск, что считалось, по словам В. Чернова, «просто роковым, отдающим Директорию в плен». Вызывало острую критику и решение Директории о роспуске всех областных правительств, что прежде всего означало «умерщвление Комуча» в то самое время, как ликвидация Сибирского правительства на деле была лишь «деноминацией»: фактически именно оно составило «деловой кабинет» Директории. Капитулянтской уступкой считалось согласие Директории на роспуск Сибирской областной думы.

Как писал позже В. Чернов, свою оценку общего положения, содержащую как критику действий Директории, так и напоминание о необходимости ее поддержки во имя «принятых в Уфе перед демократией обязательств», эсеровский ЦК решил дать в особом директивном письме к партийным организациям. В основу письма был положен проект, написанный самим В. Черновым¹⁷. При обсуждении он был несколько смягчен, решительность критической части «приглушена», несмотря на то что документ предназначался для «внутреннего употребления». Но внутрипартийные отношения, как впоследствии жаловался В. Чернов, были ненормальными, и документ каким-то образом проник в печать. 5 ноября он был опубликован в Уфе в виде прокламации и вызвал настоящую газетную бурю. В нем, в частности, говорилось, что в Сибири вообще и в сибирском офицерстве в частности усиливаются монархические, реакционные настроения и потому «в предвидении возможных политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, следует создавать вооруженные отряды».

Практически призыв этот мало что значил. Во-первых, он исходил лишь от той части партии, которая группировалась вокруг Чернова, во-вторых, сколько-нибудь значительных сил у эсеров уже не было. Но с тактической точки зрения, как впоследствии писал глава Директории Авксентьев, «лучшего подарка реакция ждать не могла». Она была «счастлива этой прокламацией», и многие офицеры-монархисты даже сами активно распространяли ее. Они истолковывали ее в том смысле, что ЦК партии эсеров обращается «с открытым призывом к вооруженной борьбе

с верховной властью и к созданию партийного эсеровского войска, т. е. нелегальной воинской силы»¹⁸.

В раздражении командующий екатеринбургским фронтом Р. Гайда приказал проверить у всех учредителей документы и выслать их в Курган, Тюмень, Челябинск, Омск. Только вмешательство чешского Национального совета временно приостановило приказ Гайды. Учредители пока остались в Екатеринбурге. Но, пожалуй, не менее Гайды были раздражены прокламацией члены Директории. Болдырев в своих воспоминаниях утверждает, что вопрос об аресте Чернова «был предрешен» и лишь отсрочен по просьбе Авксентьева до предстоящего «самороспуска» Сибирской областной думы¹⁹. Авксентьев и позднее считал чуть ли не главным виновником свержения Директории не столько колчаковцев, сколько эсеровский ЦК во главе с В. Черновым²⁰.

Позднее, на допросе в Иркутске, Колчак, со своей стороны, также придавал черновской прокламации значение чуть ли не решающего звена в цепи событий, приведших к падению Директории. Она была, говорил Колчак, «глубоко оскорбительной для всего офицерства», так как в своей массе оно «вело борьбу с большевизмом, не преследуя никаких политических целей»²¹. Но это утверждение опровергается другими показаниями Колчака, признающими, что острое недовольство Директорией в среде правых элементов Омска существовало задолго до обнародования эсеровского обращения.

Авксентьев, Зензинов и другие «директоры» отмежевались от него, и, таким образом, вопрос можно было считать исчерпанным. Но все дело заключалось в том, что риторический призыв эсеров упал на вполне подготовленную почву.

В эти дни военные и чиновничьи круги Омска пребывали в праздничном настроении. Только что наконец был сформирован «директоральный» Совет министров, в который вошли почти все министры Временного Сибирского правительства; из дальневосточной поездки с «триумфом» вернулся Вологодский, «подчинивший» правительства Лаврова—Дербера и Хорвата, а также снискавший благорасположение союзников. Это демонстрировалось посылкой в Омск иностранных воинских частей. Первым прибыл английский батальон, за ним — французский. Начались торжественные встречи. 13 ноября в честь французского батальона в гарнизонном собрании дали пышный банкет.

Приглашенные белогвардейские офицеры быстро перепились и, как они это обычно делали в подобных случаях, потребовали исполнения «Боже, царя храни». Последовали как крики одобрения, так и возгласы протеста. Возникло замешательство. Присутствовавший на банкете эсерствующий профессор Н. Я. Новомбергский, читавший в Омске лекции о необходимости «народоправства», попытался разрядить обстановку. Он произнес речь, смысл которой состоял в том, что, поскольку русский народ еще не сложил нового гимна, ему не хочется расстаться с «дивной музыкой» старого. Однако войсковому старшине Красильникову этих «увещеваний» показалось недостаточно. Будучи, как и многие другие, в сильном подпитии, он выхватил пистолет и направил его на ораторствующего профессора. Начался скандал. Глава французской миссии Реньо покинул зал.

Вечером в тот же день состоялся обед в Коммерческом собрании. Инцидент продолжился и тут. Когда официальный представитель правительства Тренденбах потребовал прекратить исполнение царского гимна, разгневанные офицеры из окружения Красильникова крикнули ему: «Пошел прочь, паршивый эсер!» Скандал принял настолько вызывающий характер, что член Директории главком В. Г. Болдырев был вынужден отдать распоряжение о расследовании и наказании виновных. Но никто не спешил его выполнять. В дневнике П. Вологодского имеется весьма многозначительная запись от 15 ноября. Оказывается, в этот день заместитель министра внутренних дел, эсер Е. Ф. Роговский доложил главе правительства о том, что у него имеются агентурные сведения о готовящемся правыми кругами свержении Директории. Ему предложили «усилить разведку», но в общем отнеслись к сообщению «довольно спокойно»²².

За несколько дней до переворота почти одновременно Омск покинули военный министр Колчак и главком Болдырев. Независимо друг от друга они направились на запад, в прифронтовые районы. Путь Колчака лежал в Екатеринбург; с ним ехал английский Мидлсекский батальон под командованием полковника Дж. Уорда. Есть свидетельства, что поездка Колчака была задумана с целью согласования предстоявшего переворота с фронтовыми генералами. Р. Гайда в своих воспоминаниях позднее

писал, будто Колчак приехал на Урал «уже с готовым решением» и получил от него, Гайды, согласие на «нейтралитет»²³. Проверить точность этого свидетельства трудно, но сам Колчак в Иркутске признал, что при встречах с Гайдой, А. Пепеляевым, М. Дитерихсом и другими вопрос об установлении диктатуры неоднократно затрагивался и все «определенно говорили, что только военная власть может теперь поправить дело»²⁴. Об этом же на многочисленных банкетах прямо говорил и английский полковник Дж. Уорд.

В Петропавловске Колчак встретился с Болдыревым. По-видимому, в окружении Колчака ожидалось, что Болдырев, скорее всего информированный о планах заговорщиков, во всяком случае о «диктаторских речах» в ходе инспекционной поездки адмирала, предпримет какие-то предупредительные шаги. Сопровождавший Колчака бодро настроенный Уорд на всякий случай даже приказал «зарядить ружья». Но Болдырев лишь мрачно выговаривал министру за его «излишнюю активность».

Случайным или преднамеренным был отъезд Колчака из Омска за несколько дней до переворота? Не создавали ли заговорщики, с одной стороны, алиби для будущего диктатора, а с другой — не хотели ли воспользоваться отсутствием Болдырева? А самое главное — знал ли Колчак о том, что должно произойти в Омске? Анонимный автор обширных мемуаров о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, сотрудник уфимских «Отечественных ведомостей» (издавались членом «Национального центра», правым кадетом А. С. Белоруссовым) писал: «Трудно поверить, чтобы до решительного заседания Совета министров и ареста членов Директории адмирал Колчак не понимал, что готовится переворот. Может быть, для г-на Гинса все, что случилось в дневном заседании Совета министров 18 ноября, и было неожиданностью, но для активно действующих лиц все было заранее предусмотрено и все роли заранее распределены...»²⁵

Такого же мнения придерживается и уже упоминавшийся И. Серебренников. По его убеждению, Колчак был осведомлен о заговоре «и дал заговорщикам свое согласие принять на себя бремя диктатуры». В связи с этим Серебренников вспоминает небольшой, но весьма показательный эпизод, который произошел с ним в ночь на 18 ноября. Он возвращался из гостей и неожиданно был арестован военным патрулем. Освободил его случайно проезжавший

казачий наряд во главе со знакомым Серебренникову есаулом Поротниковым. На недоуменный вопрос: «Что происходит?» — есаул сообщил, что только что арестована Директория. «Кто же будет?» — спросил Серебренников и тут же получил категорический ответ: «Будет адмирал Колчак!»²⁶

Автор упомянутых мемуаров о гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке сообщает, что в 1921 г. он беседовал с двумя лицами, «заслуживающими полного доверия» и стоявшими близко к перевороту. По утверждению одного из них, «адмирал накануне переворота был предупрежден о готовящемся акте». Он в принципе не возражал против «реконструкции власти», но по вопросу о его личной кандидатуре несколько колебался. Поставил условие: личная безопасность членов Директории, поскольку, по его мнению, политически важна была бескровность переворота. Ему дали в этом заверения, и он согласился.

Другое лицо, с которым беседовал автор воспоминаний, сообщило, что в среде заговорщиков имелось сильное течение (ему особенно сочувствовали командиры казачьих отрядов), настаивавшее на том, чтобы члены Директории и вообще учредилорцы были ликвидированы решительно и беспощадно. Косвенное подтверждение тому — письмо Вологодского Колчаку, написанное на другой день после переворота — 19 ноября. Вологодский ставил в нем условием своего пребывания в Совете министров «сохранение жизни Авксентьева, Зензинова, Аргунова, Роговского». Он просил «принять меры к охране жизни и здоровья этих лиц и предоставить им возможность вполне приличного существования, хотя бы в условиях изоляции»²⁷. Вологодский, по-видимому, знал о том, что нависало над головами «директоров».

Ход переворота свидетельствует о том, что верх все же взяли «умеренные», те, кто стремились придать ему максимум «легальности». Действительно, на первый взгляд все выглядело так, будто офицеры самочинно арестовали Директорию, вследствие чего она «распалась», перестала существовать; затем Совет министров вступил в свои права и «законно» передал власть диктатору — «верховному правителю». Не так уж трудно понять, почему Колчак настаивал именно на таком или примерно таком варианте: он должен был придать случившемуся некую «демократическую» видимость, что было важно как с точки зрения

внутренней, так (может быть, еще важнее) и внешней политики, отношений с союзниками. И все же, как мы увидим дальше, другое, крайнее течение не осталось полностью неудовлетворенным: спустя месяц (в декабре 1918 г.) черносотенно настроенные офицеры зверски расправились с группой эсеров-учредителей, находившихся под арестом в Омске после событий 18 ноября.

В соответствии с сохранившимся в архиве письмом квартирмейстера Сибирской армии полковника А. Д. Сыромятникова И. Михайлову («Ивану Андреановичу» — как сказано в письме) тремя главными организаторами ноябрьского переворота были В. Н. Пепеляев, фактически руководивший кадетскими организациями Сибири, И. Михайлов и он сам, Сыромятников. Они представляли три силы внутренней контрреволюции, на которых базировался переворот: политическую — сибирских кадетов, социальную — торговцев-промышленников и финансистов и военную — офицеров-монархистов. Обязанности организаторов были определены довольно четко. Пепеляев должен был «вызвать в политических кругах благожелательное отношение к перевороту»²⁸. И. Михайлов помимо финансового обеспечения взял на себя задачу «склонить Совет министров к передаче всей полноты власти адмиралу Колчаку»²⁹. Сыромятников отвечал за организацию переворота «в военном отношении», поддерживал связи с офицерами академии Генерального штаба, возглавляемыми генералом Андогским³⁰.

Как пишет Сыромятников, все эти задачи были теснейшим образом связаны. Когда одному из главных исполнителей переворота, полковнику Волкову, предложили осуществить центральный пункт плана — арестовать членов Директории, он поставил несколько условий: дать заверение в сочувствии перевороту «общественных групп», обязательное личное участие Пепеляева, гарантии в том, что союзники не будут предпринимать какие-либо контрмеры, и, наконец, важное для самого Волкова условие: производство его в генералы. Были приняты все условия, в том числе и относительно позиции союзников.

Вопрос об их отношении к колчаковскому перевороту имел, как видим, исключительно важное значение. Ясно, что без их поддержки «переворотчики» вряд ли решились бы действовать. Собственно, одно из условий, выдвинутых Волковым, прямо свидетельствует об этом. Но входили ли союзнические агенты непосредственно в состав «пере-

воротной команды»? На этот счет имеются различные точки зрения.

Авксентьев (как, впрочем, и другие члены свергнутой Директории) уверял, что переворот «подготовили некоторые из союзников, которые имели в Сибири «переворотчика» — генерала Нокса, как в Архангельске они имели «переворотчика» — генерала Пуля»³¹. Однако в обоснование этого тезиса не приводилось конкретных данных.

Французские представители в Сибири (главнокомандующий союзными войсками генерал М. Жаннен и его штабные офицеры) «инженерами» омского переворота считали своих коллег — англичан. В своих мемуарах Жаннен писал, что Колчак находился у них «в кармане»: генерал Нокс провел необходимую подготовку еще в октябре, когда находился в Омске, а один из его офицеров — капитан Л. Стевени — принял участие в детальной разработке плана переворота. Такого рода свидетельства можно найти в воспоминаниях французского посла Ж. Нуланса и др.

Английская сторона, естественно, не склонна была подтверждать их. Но ведь именно по непосредственному указанию английской военной разведки Колчак был «повернут» из Месопотамии на Дальний Восток — в Маньчжурию, а его поездка в Сибирь осенью 1918 г. была «проконсультирована» генералом А. Ноксом именно в тот самый период, когда, как мы уже знаем, англичане и их союзники по Антанте переориентировались с «демократической контрреволюции» внутри России на правое крыло антибольшевистского фронта — на кадетско-монархическую контрреволюцию. Случайно ли, что вскоре по прибытии в Омск Колчак был взят под охрану английского батальона полковника Уорда? М. Жаннен писал, что близость Уорда — «этого ничтожества» — к адмиралу объясняется тем, что он находился под влиянием своих переводчиков — четы Франк, «реакционеров и германофилов», конкретнее тем, что мадам Франк состояла в большой дружбе «с любовницей адмирала»³². Это, конечно, нивное объяснение. Но Уорд безусловно подчинялся Ноксу.

Кроме Уорда в Омске во время переворота находились еще два английских офицера: уже знакомый нам капитан Л. Стевени (он всюду следовал за Колчаком) и полковник Дж. Нельсон. Оба хорошо говорили по-русски (Стевени долго жил в Москве) и, без сомнения, располагали достаточной информацией о положении Директории. В книге

П. Флеминга — американского биографа Колчака — приведены интересные материалы о деятельности этих офицеров и их шефа — генерала Нокса (в момент переворота он находился во Владивостоке), почерпнутые из английских архивов. Воспользуемся ими, правда несколько опережая события.

Уже ранним утром 18 ноября в английской военной миссии знали о свержении Директории: эту новость сообщил своим коллегам капитан из французской миссии З. Пешков. Полковник Нельсон сразу же направился в Ставку. Колчак (он только что вернулся в Омск) сидел у себя в кабинете в английском френче, но с русскими погонами. После взаимного приветствия новоявленный «верховный правитель» предложил поднять бокал вина за дружбу и победу. Принесли шампанское, зазвучали тосты...

На другой день Нельсон сообщил Ноксу во Владивосток о случившемся, подчеркнув, что, с его точки зрения, это «абсолютно честная попытка восстановить порядок»³³. Но шеф Нельсона, по-видимому, уже был в курсе дела. С. П. Мельгунов — автор ряда работ по истории революции и гражданской войны, написанных им в эмиграции, — широко пользовался таким источником, как личные опросы участников событий: тогда они еще были живы. Выясняя историю причастности англичан к колчаковскому перевороту, он интервьюировал и А. Нокса. По словам Мельгунова, Нокс сказал, что о готовившемся в Омске перевороте знал за 2—3 дня до него, находясь в Маньчжурии. Одним из его информаторов был якобы генерал К. Сахаров. При этом Нокс не отрицал, что члены его миссии, особенно полковник Нельсон, вполне могли принимать участие в каком-либо совещании, где обсуждалось предстоящее свержение Директории³⁴.

Получив депешу Нельсона, Нокс направил соответствующее донесение в Лондон и через несколько дней получил ответную шифровку за подписью начальника генерального штаба генерала Г. Вильсона. Он требовал от Нокса предупредить полковника Нельсона, что его «деятельность... рассматривается в Форин оффис как в высшей степени необдуманная и компрометирующая правительство его величества», поскольку она может вызвать подозрение о вмешательстве во внутренние дела «на стороне одной из партий Сибири». И хотя усердие и энергия Нельсона высоко ценятся, он тем не менее в дальнейшем «должен быть

осторожным». От Нельсона потребовали отчета о его деятельности. В январе 1919 г. отчет был представлен в Лондон. Главный его тезис заключался в утверждении, согласно которому «англичане не принимали участия» в перевороте, хотя и располагали некоторыми данными о его подготовке. Суть резолюции начальства по докладу Нельсона сводилась к тому, что полковник может считать себя «полностью оправданным»³⁵.

Приведя все эти данные, свидетельствующие о безусловной вовлеченности англичан в колчаковский переворот, Флеминг тем не менее стремится представить дело таким образом, что она в значительной мере была «самодетельностью» британских агентов «на месте». Что же касается «больших политиков», то они якобы не санкционировали такую «вовлеченность» и после переворота будто бы выражали даже свою неудовлетворенность, поскольку уже готовились признать Директорию. Но версии такого рода слишком банальны, чтобы их принимать всерьез. Щекотливые дела всегда берут на себя «стрелочники», хорошо понимающие, что от них требуется, и дающие алиби своему начальству.

Английский историк Р. Уллман в своем исследовании англо-русских и англо-советских отношений 1917—1920 гг. также считает, что в перевороте непосредственно были замешаны полковник Дж. Нельсон и капитан Л. Стевени³⁶.

Тот факт, что союзники сыграли свою роль в перевороте, подтверждается и свидетельством самих «переворотчиков». Полковник Сыромятников, по его признанию, информировал полковника Нельсона и капитана Стевени о предстоящем перевороте и получил от них заверение в том, что «англичане, а следовательно, и французы могут гарантировать свой нейтралитет».

Поскольку Сыромятников отвечал за военную сторону «вопроса», в его письме именно эта часть освещена наилучшим образом. Он называет нескольких офицеров, выполнявших по его указаниям определенные задания, связанные с конкретной организацией переворота: капитаны Симонов, Щепин, Буров, Гриневиц (или Гриневский), Чайко и И. Бафталовский (будущий автор воспоминаний «18 ноября 1918 г.», написанных в эмиграции, в Тунисе).

Симонов, выясняя настроение частей Омского гарнизона, принимал меры к обезвреживанию комиссара «государственной охраны» Директории — Роговского — и уста-

навливал местонахождение ее членов, подлежавших аресту. Важное задание получил капитан Щепин. Он должен был взять под свой контроль транспорт и связь. О Щепине пишет и Мельгунов. Он встречался с ним уже в эмиграции, и Щепин рассказал ему, что некий офицер был специально прикомандирован к поезду Колчака во время его инспекционной поездки на фронт в канун переворота. Офицер этот должен был поддерживать связь с организаторами переворота, координировать их действия с Колчаком, повернув его поезд в надлежащий момент в Омск. Мельгунов, приводя эти сведения, не очень охотно верит им. Сам Колчак отрицал, что во время поездки на фронт у него имелась какая-либо связь с Омском³⁷.

Но рассказ Щепина находит неожиданное подтверждение в письме Сыромятникова; правда, в несколько иной версии. По Сыромятникову, Щепин назначил связного офицера не в поезд Колчака, а в поезд главнокомандующего, члена Директории, генерала Болдырева (он тоже в это время, как мы знаем, уехал из Омска в Челябинск). Этот офицер — поручик Выдовский — должен был «по получении шифрованной телеграммы в момент ареста Директории... задержать все получаемые и отправляемые ген. Болдыревым телеграммы»³⁸, т. е. фактически блокировать поезд главкома. Расхождение между версиями Щепина (в передаче Мельгунова) и Сыромятникова может быть объяснено двумя обстоятельствами: либо Мельгунов допустил ошибку в изложении рассказа Щепина, либо следует предположить, что связные офицеры имелись как в поезде Болдырева, так и в поезде Колчака, но в передаче участников событий произошло какое-то соединение этих двух вариантов в один.

Важную роль играл капитан Буров. Через него осуществлялась связь между руководителями переворота и его непосредственными исполнителями — полковником Волковым и казачьим атаманом Красильниковым. Кроме того, с помощью Бунова реализовывалась такая важная часть плана, как вывод из Омска «неблагонадежных» (для заговорщиков) войсковых частей и, напротив, намеренное задержание в городе тех, которые, по данным контрразведки, были настроены против Директории (например, морская флотилия, следовавшая в Красноярск).

Капитану Бафталовскому (в паре с другим офицером — Гриневским) вменялась весьма важная задача: не допустить попыток каких-либо воинских частей помешать

перевороту, аресту Директории или освобождению ее после того, как она будет арестована. Такие попытки заговорщики ожидали, в частности, со стороны командира 2-го Степного корпуса генерала Матковского и его начальника штаба полковника Василенко. Сыромятников утверждает, что такая попытка в действительности имела место: получив сообщение об аресте Директории, Матковский и Василенко будто бы отдали приказ «выступить из казарм для действия оружием» против казачьих отрядов, свергнувших Директорию. Однако мерами, принятыми Бафталовским, якобы «удалось предотвратить кровопролитие на улицах, и уже выступившая сербская рота штаба корпуса была возвращена в казармы, а распоряжения прочим частям гарнизона отменено»³⁹.

Воспоминания Бафталовского в основном подтверждают картину подготовки переворота, нарисованную Сыромятниковым. «План переворота предусматривал малейшие детали грядущих событий... В штабы армий и корпусов были командированы заслуженные офицеры с секретными инструкциями...» О содержании их мы уже знаем из письма Сыромятникова. Но в воспоминаниях Бафталовского имеются существенные дополнения.

Например, в оценке позиции союзников. Если Сыромятников констатирует их «благожелательный нейтралитет», то, по свидетельству Бафталовского, батальон полковника Уорда готов был «по первому приказу Ставки ликвидировать контрсопротивление Директории». Свою роль Бафталовский освещает с существенными подробностями. Например, утром 17 ноября Бафталовский и Буров были вызваны в Ставку к Сыромятникову. Волнуясь, он сказал: «Господа, все, к чему мы готовились в течение последнего месяца, должно сегодня ночью свершиться. Помните, что в случае провала нас всех ждет веревка...»⁴⁰

Вечером 17 ноября, в 17 час. 30 мин., за несколько часов до начала переворота, в Омск возвратился Колчак. Удивительное совпадение! Нанесшие ему визиты генералы и офицеры Ставки и Омского гарнизона (Андогский, Сурин, Лебедев, Волков, Катанаев, Красильников и др.) в один голос «определенно говорили, что Директории осталось жить недолго и что необходимо создание единой власти». При этом визитеры прямо заявили Колчаку: «Вы должны это сделать»⁴¹. Об этом он сам рассказал на допросе.

Около часу ночи Бафталовскому, находившемуся в Ставке, сообщили, что «дело сделано». А в 3 часа ночи

раздался звонок Матковского. Узнав об аресте Директории, он приказывал начальнику штаба Василенко «принять срочные меры к ее освобождению». Однако Бафталовский, по его словам, сумел быстро склонить Василенко на сторону заговорщиков, из чего следует, что никаких серьезных попыток к освобождению «директоров» предпринято не было. Это подтверждается и свидетельством самого Колчака: когда в ночь с 17-го на 18 ноября ему сообщили о перевороте, то он сейчас же связался по телефону с начальником штаба главкома Болдырева генералом Розановым. На вопрос, что происходит в городе, Розанов ответил, что «в городе полное спокойствие, разъезжают усиленные патрули, но что он никак не может добиться ни штаба, ни Ставки, ни управления казачьими частями, т. к. их телефоны, по-видимому, бездействуют»⁴². Об этом позаботились, очевидно, Бафталовский и другие.

Отряд примерно в 300 пехотинцев и всадников в полной темноте морозной ночи подошел к дому, где жил товарищ министра внутренних дел, заведующий департаментом полиции эсер Роговский. Тем, кто командовал этим отрядом, уже было известно, что у Роговского находились два эсеровских члена Директории — Авксентьев и Зензинов, члены ЦК эсеров М. Я. Гендельман и Д. Ф. Раков, а также только что прибывшие из Архангельска представители так называемого верховного управления Северной области М. А. Лихач, С. С. Маслов и Я. Т. Дедусенко.

Этим людям было что рассказать Авксентьеву и Зензинову. Совсем недавно они пережили монархическо-офицерский переворот в Архангельске, свергнувший правительство Чайковского, и были возвращены после изгнания на Соловки лишь благодаря вмешательству английских интервентов.

В разгар беседы дверь в комнату, где сидели члены Директории, эсеровские цекисты и посланцы из Архангельска, была чуть ли не сорвана с петель и к ним ворвалась группа офицеров с револьверами в руках. Что произошло? 26 ноября 1918 г. уфимская эсеровская газета «Народ» опубликовала рассказ поручика Малышева, офицера «батальона государственной охраны», приставленного к Директории. Это, кажется, единственный рассказ о бесславном конце «всероссийского правительства», прекратившего свое существование так же невыразительно и да-

же уныло, какими были его возникновение в сентябре 1918 г. и два месяца существования, сначала в Уфе, а затем в Омске.

Примерно в четверть второго ночи, рассказывал Малышев, к зданию Директории на Атаманской улице подошли две роты отряда Красильникова и конный казачий отряд, быстро окружили дом. Затем группа прибывших вошла в помещение; начальнику караула было заявлено, что получены сведения о возможном аресте членов Директории и они прибыли сюда для того, чтобы взять их охрану на себя. «Переворотчики», таким образом, прибегли ко лжи. Что-то заподозривший начальник караула все же сумел послать юнкера на вокзал, близ которого находились казармы «батальона государственной охраны». Его командир капитан Калинин поднял батальон по тревоге, но было уже поздно. К казармам подошли конные и пехотинцы с пулеметами. Один из их офицеров вступил в переговоры с Калининым. Он предложил его людям сдать оружие и не сопротивляться, поскольку «министры» Директории уже арестованы и идет заседание правительства, которое создает новую власть. В случае неподчинения офицер грозил открыть огонь. Калинин пытался оттянуть время, заявив, что ему необходимо «переговорить с чехами». Тогда по казарме начали стрелять. Один солдат-чех оказался раненым. Это, кажется, была единственная жертва, принесенная во имя спасения Директории.

Фактически никакого сопротивления «батальон государственной охраны» не оказал. Около сотни его кавалеристов и пехотинцев были быстро разоружены и взяты под стражу. Впрочем, через несколько дней по приказанию начальника гарнизона Омска их отпустили.

Дальнейшие события также разворачивались с калейдоскопической быстротой. Арестовав «директоров» (одновременно в гостинице «Россия» был арестован еще один эсер — заместитель Зензинова по Директории Аргунов), офицеры под конвоем отправили их в штаб красильниковского отряда.

Рано утром появился начальник штаба, некий капитан Герке, и заявил, что арестованным предлагается выбор: либо они будут препровождены в тюрьму («со всеми возможными последствиями», многозначительно добавил Герке), либо их вышлют за границу. Выбор, естественно, был не сложен: члены Директории без колебаний выбрали второе. Под усиленной охраной арестованных доставили

на квартиру Авксентьева, где они пробыли до 20 ноября. Здесь и состоялось подписание «соглашения» между старой и новой властью: Авксентьев и К^о отправлялись за границу с условием, что они не будут вести политической деятельности против Колчака и его правительства. Вечером 20 ноября поезд уносил членов бесславной Директории в Китай, откуда они кружным путем должны были добраться до Франции. Французское правительство дало на это согласие в ответ на запрос министра иностранных дел Ю. Ключникова через «русского посла» в Париже В. А. Маклакова.

Ну а победители, триумфаторы? Где были они и что делали? Министры ехали на заседание, когда город еще спал: было темно и пустынно. Очертания губернаторского дома возле собора, где находился Совет министров, расплывались в морозном мраке. Здание оцепили солдаты сербской роты, офицеры придирчиво изучали документы.

Присутствовали 12 человек: члены Совета министров и некоторые военные чины. По свидетельству И. Серебренникова, стенограмма этого совещания не велась. В мемуарных же описаниях имеются некоторые разночтения. Тем не менее можно все же выявить то основное, что составляло его содержание. Колчак в своих показаниях представлял дело таким образом, что чуть ли не подавляющая часть присутствовавших находилась в состоянии полного неведения и смятения. Никто толком вначале якобы не знал, кем произведен арест четырех «директоров», где они теперь находятся и т. п. Примерно в таком же духе пишет в дневнике Вологодский: случившееся для него — главы правительства — явилось будто бы полной неожиданностью.

Основной вопрос, который обсуждался на заседании, сводился к следующему: какие выводы должны быть сделаны из факта ареста части Директории? Сами собой напрашивались два вывода. Первый сводился к тому, что, поскольку три члена Директории (Вологодский, Болдырев и Виноградов) остались на свободе, арест остальных не означает ее распада и она должна функционировать. Если все то, что произошло ночью, действительно было неожиданностью для участников совещания, то естественным и логичным для них было бы именно такое решение.

Между тем большинство усматривало иной выход, полностью соответствовавший намерениям тех, кто совершал переворот: поскольку власть не сумела противодей-

ствовать аресту, она должна сложить свои полномочия и уйти. Тут же возникал вопрос о новой власти, и, конечно, в виде диктатуры. Помог Виноградов, который, по характеристике В. Пепеляева, никогда ничего не понимал. А на сей раз понял все. Виноградов заявил, что после случившегося он слагает свои полномочия как член Директории. Это означало, что в ней остаются лишь двое: Вологодский и Болдырев, который к тому же отсутствовал. Вопрос о возможности сохранения Директории отпадал, таким образом, сам собой. И тогда на обсуждение поставили одно предложение: об объединении гражданской и военной власти в одном лице, т. е. об установлении диктатуры. «Кем был поставлен этот вопрос,— говорил Колчак на допросе,— я точно не могу сказать, но кажется, что он был поставлен одним из военных»⁴³.

Из воспоминаний Бафталовского следует, что этим военным являлся все тот же Сыромятников. Он якобы заявил, что у него на руках имеются документы, свидетельствующие о «сильном брожении в рабочей массе, о пропаганде в армии» и, главное (это была фальшивка), о «намерении эсеров и других революционных элементов захватить власть». Выход из этой «катастрофической ситуации» предлагался один: «необходимо установить единоличную власть». Сыромятников будто бы тут же был поддержан генералом Розановым — начальником штаба Ставки. Он «стукнул кулаком по столу и сказал, что от имени армии требует диктатора». Сразу же было названо имя Колчака, однако Розанов будто бы «опять стукнул кулаком и от имени армии потребовал Болдырева». Ввиду возникшего разногласия министр финансов И. Михайлов произнес «с улыбкой»: надо баллотировку⁴⁴. Он, конечно, знал, почему улыбался, да и другие присутствующие знали это: исход баллотировочной комедии был уже, по-видимому, всем ясен.

По свидетельству будущего управляющего делами колчаковского правительства Г. Гинса, Колчак, когда был военным министром, вел замкнутый образ жизни, «выходил мало», а на заседаниях правительства, на которые неохотно являлся, «довольно угрюмо молчал». Это подтверждает И. Серебренников, присутствовавший на заседании, состоявшемся сразу после переворота. Он пишет, что против обыкновения Колчак вдруг «с пафосом» произнес речь. Он говорил об искоренении большевизма, об усилении тыла и фронта, о борьбе с эсерством. Он, пишет

Серебренников, «торопил Совет министров с решением обсуждаемого вопроса»⁴⁵.

Когда подсчитали голоса, оказалось, что за Колчака подано 10 голосов, за Болдырева — один *. Поскольку, как мы знаем, в заседании участвовали 12 человек, один голос «исчез». Бафталовский утверждает, что это был голос генерала Матковского, который перед голосованием «поспешил немедленно исчезнуть из зала заседания, ибо не был твердо уверен, в какую сторону уклонится чаша весов...»⁴⁶. Он снова появился, когда голосование было уже окончено. Небольшой комический штрих в наскоро разыгранной оперетке «исторического» совещания. Другим таким же штрихом было присвоение Колчаку звания полного адмирала за победу, которую одержала его «переворотная команда» на суше.

Итак, все было кончено. Совет министров принял единственно возможное решение. Если бы он, утверждает Серебренников, принял какое-то иное решение, его немедленно разогнали бы те же силы, которые в ночь на 18 ноября совершили переворот; министры были бы арестованы, а Колчак все равно был бы провозглашен диктатором и сам сформировал бы Совет министров⁴⁷.

Одновременно с высылкой Авксентьева, Аргунова, Зензинова и Роговского новоявленный «верховный правитель» учинил комедию суда над главными «путчистами»: командующим Сибирской казачьей дивизией полковником В. И. Волковым, командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка войсковым старшиной А. В. Катанаевым и командиром партизанского отряда войсковым старшиной И. Н. Красильниковым. Разыскивать их не пришлось: 19 ноября они сами явились к министру юстиции Старынкевичу, а затем и к Колчаку с «повинной». Юридический фарс превратился в суд над высланными членами Директории, которые были обвинены в том, что, находясь «в плену ЦК партии эсеров», вели «антигосударственную работу»⁴⁸.

Таким образом, Волков, Катанаев и Красильников представлялись чуть ли не героями, предупредившими некий переворот, якобы готовившийся эсерами. Но, даже

* В дневнике Вологодского содержатся другие сведения. В баллотировочных записках, по его словам, было вписано два голоса за генерала Хорвата, находившегося на Дальнем Востоке. О баллотировке Хорвата пишет в своих воспоминаниях и Серебренников.

будучи высланными из Сибири и оказавшись в Европе, Авксентьев и Зензинов доказывали, что их основной заботой являлась борьба с Советской властью и большевизмом ⁴⁹.

Ну а остатки Директории и те эсеры, которые цеплялись за нее, что предприняли они? Главком Болдырев фактически не шевельнул пальцем для ликвидации переворота. Сообщение об омских событиях застало его в Уфе на банкете с участием членов эсеровского Совета управляющих ведомствами (бывших комучевцев) и офицеров самарской группы войск во главе с генералом С. Войцеховским. В разгар пышных тостов вбежал офицер, что-то шепнул Войцеховскому, тот Болдыреву. Главком сразу же вышел.

Как свидетельствует присутствовавший на банкете П. Д. Климушкин, Болдырева пригласил к прямому проводу находившийся в Омске Колчак, уже объявленный верховным правителем. В ответ на жалкие сентенции Болдырева об угрозе новой гражданской войны и т. п. он резко оборвал его: «Генерал, я не мальчик! Я взвесил все и знаю, что делаю! Благоволите немедленно выехать из Уфы...» ⁵⁰

И Болдырев покорно подчинился. Его ближайший сотрудник генерал Гоппер писал: Болдырев «пришел к заключению, что для отечества ничего хорошего такая борьба на два фронта не принесет и что это приведет только к победе большевиков. Поэтому он посоветовал фронтовикам слушаться Колчака» ⁵¹. Вскоре Болдырев уехал в Японию. В письмах к нему, написанных летом 1919 г., Н. Чайковский и Е. Брешко-Брешковская писали, что они с пониманием относятся к его «этическим переживаниям», связанным с омскими событиями, но вместе с тем призывали бывшего главкома вновь «идти и бороться» с большевиками ⁵².

Таким образом, полуэсеровская-полукадетская Директория, эта сибирская керенщина, которая всей своей политикой по существу подготовила новую корниловщину — колчаковщину, фактически без сопротивления ушла в политическое небытие.

Никто в Омске, как мы видели, не оказал сколько-нибудь серьезного сопротивления «переворотчикам». Но существовали два центра, откуда павшим «директорам», казалось бы, должны были подать, пусть даже запоздалую, руку помощи: Екатеринбург и Уфа, где сконцентрировалось то, что еще сохранилось от бывшей эсеровской власти в Поволжье.

Напомним, что после того, как в 20-х числах сентября в Уфе была создана Директория, а в начале октября 1918 г. Красная Армия отбила захваченную белочехами еще в июне Самару, в Уфу перебрались и остатки Кому́ча — съезд членов Учредительного собрания и «деловой кабинет» Кому́ча — Совет управляющих ведомствами. Но к середине октября их пути разошлись. Пять «директоров», как мы знаем, отбыли в Омск, члены съезда — эсеры направились в Екатеринбург, куда и прибыли 19 октября. В Уфе остался лишь Совет управляющих ведомствами. Таким образом, эсеры-учредиловцы ориентировались на треугольник: Омск, Екатеринбург, Уфа. Теперь Омск пал.

В Екатеринбурге, где хозяйничал генерал Р. Гайда, учредиловцев встретили хмуро, но все-таки разрешили собираться на «частные совещания». В конце октября, как мы уже знаем, сюда с некоторыми другими членами ЦК эсеров прибыл «сам» В. Чернов. С его приездом деятельность учредиловцев перед лицом белогвардейско-монархической опасности, нависавшей над Директорией, несколько активизировалась.

Сообщение об омском перевороте было получено здесь уже 18 ноября. Сразу же съезд избрал исполнительный комитет («комитет сопротивления», по определению В. Чернова), в который вошли семь человек: от съезда — В. Чернов, В. Вольский и И. Алкин, от ЦК эсеров — И. Иванов, Ф. Федорович, Н. Фомин, И. Брушвит¹. Чернов в своих воспоминаниях уверяет, что комитет развил «кипучую деятельность».

Комитетчики приняли велеречивое обращение ни мало ни много «Ко всем народам России», в котором грозились ликвидировать заговор в Омске, строго наказать виновных

и «восстановить законный порядок». Но это обращение даже не было опубликовано. Гайда, который, как мы знаем, еще в начале ноября пытался выдворить учредителей из Екатеринбурга, распорядился задержать публикацию обращения. Члены съезда бросились в филиал чехословацкого Национального совета², чтобы добиться от него заявления о непризнании колчаковского переворота. Два представителя этого совета — Р. Медек и Свобода — действительно заявили, что чехи не признают диктатуру Колчака и окажут поддержку «русской демократии»³. Это был успех, так как учредители из Екатеринбурга намерились, по свидетельству В. Чернова, направить сводный отряд войск для «восстановления в Омске революционного порядка и законности»⁴. Однако такой отряд можно было взять только с фронта, и, следовательно, без согласия военных, в том числе чешских, обойтись было невозможно.

Кто же из них мог помочь Чернову и К^о? Северным участком (екатеринбургским) командовал Р. Гайда, средним (уфимским) — только что сменивший чешского полковника С. Чечека полковник русской службы С. Войцеховский, южным — атаман А. Дутов. Все они подчинялись командующему фронтом чешскому генералу Яну Сырову, контролировавшему и железнодорожную магистраль, по которой передвигались войска. Ближе всех находились Гайда и Войцеховский. И хотя отрицательное отношение первого к эсеро-меньшевистским учредителям в общем-то не вызывало сомнений, все же к Гаюде направили известного в Сибири эсера-кооператора Н. Фомина, считавшегося чуть ли не его личным другом. Но Фомин, вернувшись, принес весть, что «Гайда — сфинкс», что он не желает вмешиваться. Сходную позицию занял и С. Войцеховский. «Сводного отряда» учредителям выслать не удалось. Наоборот, отряд был выслан против них.

Большинство членов съезда Учредительного собрания проживало в гостинице с пышным названием «Пале-Рояль». На другой же день после получения сообщения об омских событиях вечером у ее подъезда стала сгущаться толпа военных. Как потом выяснилось, это были горные стрелки 25-го Екатеринбургского полка. Они ворвались в «Пале-Рояль» в полном вооружении, многие со штыками наперевес. Особенно настойчиво искали В. Чернова. Один из офицеров кричал на бегу: «Помните, номер третий, самый главный... Хорошенько там поработайте штыками!»

С шумом и треском взламывались двери, откуда-то летели вороха бумаги, раздавались крики, топот. Кто-то начал стрелять, даже взорвалась граната. Член Учредительного собрания эсер Максудов был смертельно ранен выстрелом в упор.

Те, кто непосредственно предводительствовал погромом в «Пале-Рояле», после выполнения своей «задачи» использовали тот же самый трюк, что и непосредственные омские «переворотчики» Волков, Катанаев и др. В опубликованном письме Р. Гайде они объясняли свои действия стихийным возмущением «предательскими воззваниями» эсеров, что якобы и заставило их нарушить воинскую дисциплину «без санкции командования», но сохранилось письмо генерал-квартирмейстеру штаба Верховного главнокомандующего, подписанное управделами Совета министров Федосеевым и отправленное из Омска 19 ноября. В нем предписывалось «принять меры к немедленному аресту Чернова и других активных членов Учредительного собрания, находящихся в Екатеринбурге». Эти меры, по всей вероятности, и вылились в разгром «Пале-Рояля». Но погромщики били себя в грудь и просили предать их суду, который должен вынести «свой суровый приговор»⁵. Никто, конечно, и не думал выносить «храбрым» горным стрелкам «сурового приговора».

Захваченных в гостинице учредиловцев занесли в особые списки и арестовали. По свидетельству В. Чернова, все они ожидали «бойни», но на сей раз она не произошла. Колчаковцев, по всей видимости, удерживало от расправы отсутствие полной уверенности в позиции чехов, особенно представителей филиала Национального совета. Оттуда, вероятно, оказали определенное давление на Р. Гайду, в результате чего последовал его приказ о выселении членов Учредительного собрания из Екатеринбурга в Челябинск, где находился филиал Национального совета.

Как сообщала 3 декабря 1918 г. уфимская эсеровская газета «Народ», на последнем заседании перед отъездом члены съезда, обсуждая дальнейшую тактику, разделились во мнении. Одни требовали развертывания борьбы на два фронта: и против Советской власти, и против Колчака. Другие (меньшинство) утверждали, что «прикрывать фронт грудью», для того чтобы «в тылу организовались силы реакции», невозможно. Их вывод был пессимистическим: необходима ликвидация съезда.

20 ноября начался бесславный «исход» учредиловцев

(60—70 человек) из Екатеринбурга. Секретарь съезда Н. Святицкий оставил красочную картину этого «исхода». Заарендовали почти всех екатеринбургских извозчиков. К каждому посадили по одному депутату и чешского солдата с винтовкой. Вереница повозок, растянувшаяся на целую версту, двигалась при свете яркой луны. Было что-то зловещее и в то же время ироничное в этом шествии. «Кто такие в этих телегах? — вопрошал Святицкий. — Первые в России народные избранники! От кого они убегают? От русских солдат! Кто их защищает? Иностранцы, какие-то чехи. А сами-то чехи друзья или враги, «конвой» или «охрана»? Мудрый Эдип, разреши! Поистине есть чему удивляться в России, в этой стране неограниченных возможностей!»⁶

С извозничьих повозок учредиловцев перегружали в грязные, разбитые теплушки под усиленной чешской охраной. Наконец засовы теплушек плотно закрыты; лязгнув буферами, эшелон пошел на Челябинск. Казалось, опасность миновала. Но, как писал впоследствии В. Чернов, «игра еще не была окончена». По прибытии поезда в Челябинск Национальный совет и командующий Я. Сыровы под предлогом большей безопасности распорядились перебросить учредиловскую группу в Шадринск. Во исполнение этого распоряжения начальник штаба Я. Сыровы генерал М. Дитерихс приказал везти Чернова и К^о в Шадринск... через Омск. Пока же никто не должен был выходить из вагонов, не рискуя быть объявленным дезертиром. Было ясно, что из Омска члены съезда Учредительного собрания живыми уже не уйдут. С помощью чешских представителей Чернову и еще некоторым эсерам все же удалось добиться отмены дитериховского маршрута. Поезд с учредиловцами пошел в Уфу.

Но что происходило в Уфе, где заседал Совет управляющих ведомствами? В него теперь входило всего лишь несколько человек: эсеры В. Филипповский, П. Климушкин, И. Нестеров, В. Вольский и др. Фактически совет являл собою одно из областных правительств, подлежащих ликвидации согласно указу Директории. Такой указ последовал еще 4 ноября: Совет управляющих упразднился. Однако члены совета под предлогом ожидания специальной комиссии, которая должна принять у него дела, продолжали собираться. «На всякий случай» сохранили они и кое-что от «народной армии», которая тоже ликвидировалась. Под их непосредственным контролем остались

два так называемых батальона Учредительного собрания, насчитывавших примерно 1,5 тыс. человек, и конный отряд Фортунатова (120—150 человек). По сравнению с сибирской армией новоявленного «верховного правителя» Колчака это были, конечно, ничтожные силы, да и на них надежда у учредителей была плохая.

Получив известие о перевороте, Совет управляющих ведомствами выпустил «Обращение к населению», в котором, квалифицируя омские события как контрреволюционные, заявил, что берет на себя всю полноту власти на территории бывшего Комуча и «вступает в сношения» со съездом членов Учредительного собрания (он еще находился в Екатеринбурге), а также филиалом чехословацкого Национального совета и чешским штабом в Челябинске. В то же время в «Обращении» специально подчеркивалось, что борьба с большевиками не прекратится и войска, верные Учредительному собранию, с фронта сняты не будут. Затем в Омск на имя «верховного правителя» Колчака и его «премьера» Вологодского из Уфы пошла телеграмма. В ней говорилось, что «узурпаторская власть... никогда не будет признана» и что против «реакционных банд Красильникова и Анненкова Совет управляющих готов выслать свои добровольческие части».

Предлагалось немедленно освободить арестованных членов Директории и объявить о «восстановлении прав Всероссийского Временного правительства». В противном случае Филипповский, Климушкин и К° грозились объявить Колчака и Вологодского «врагами народа» и призвать все еще существующие областные правительства выступить «против реакционной диктатуры в защиту Учредительного собрания». Но даже комучевский управляющий внутренними делами П. Климушкин позднее назвал эти и им подобные заклинания не более чем «литературно-агитационной работой». Реальных сил для борьбы с Колчаком у Совета управляющих не существовало. Пришлось снова идти на поклон к старым союзникам — чехам. Совет телеграфировал филиалу чехословацкого Национального совета просьбу о «всяческой поддержке» в деле борьбы против «изменников родины».

Но бывшие комучевцы отлично понимали, что чехи теперь уже далеко не те и что за ними стоят настоящие хозяева положения — антантовские союзники. П. Климушкин в своих воспоминаниях пишет, что все его коллеги по Совету управляющих не верили в то, чтобы союзники

могли поддержать колчаковский переворот: ведь он совершен реакционерами-монархистами, с которыми «западная демократия» не должна иметь что-либо общее. Поэтому одновременно с телеграммой в филиал чехословацкого Национального совета Совет управляющих направил срочные депеши дипломатическим представителям США, Англии, Италии, Бельгии, Японии и др. В них указывалось, что на Уфимском совещании в деле создания «всероссийской» Директории объединились все силы, борющиеся «за торжество демократии».

И вот теперь «остатки реакционно-монархических сил, сплотившихся постепенно в Сибири вокруг Сибирского правительства, составили заговор и, свергнув Всероссийское правительство и объявив военную диктатуру адмирала Колчака, пытаются захватить власть над всей Россией для восстановления отжившего и ненавистного всей демократии монархического строя». Но эти силы, указывалось далее в «Обращении», «прикрываются демократическими лозунгами», говорят о народовласти и уверяют, что «действуют с ведома и одобрения союзников». Молчание официальных представителей союзных правительств может создать впечатление, что так оно и есть, и поэтому Совет управляющих просил правительства и парламенты всех союзных стран прийти на помощь «русской демократии в ее трудной борьбе».

Особая телеграмма была направлена американскому президенту В. Вильсону. Ее 29 ноября 1918 г. опубликовала уфимская газета «Народ». Омский переворот в ней рассматривался как дело рук монархистов. А монархическая Россия, писали эсеры, «будет служить вечной угрозой международному миру, вечным источником международных интриг и завоевательных искушений». Поэтому они просили Вильсона «возвысить свой голос на защиту прав и законности, нарушенных омской монархической авантюрой».

«Литературно-агитационная» работа членов Совета управляющих ведомствами продолжалась. 24 ноября они собрали в городе митинг; в своих выступлениях кляли омский переворот, уличая в нем кадетов, монархистов, буржуазию, призывали держаться «до поддержки от западной демократии» (все еще продолжали верить!). Но уфимская меньшевистская газета «Голос рабочего» еще 26 ноября уныло констатировала, что настроение на митинге было «в высшей степени сдержанное: ораторы выслуши-

вались молча, аплодисменты почти отсутствовали». Всем было ясно, что с трибуны витийствуют люди вчерашнего дня.

25 ноября было решено созвать в Уфе совещание представителей всех еще сохранившихся областных правительств, земств, городов, а также «национальных правительств». План намечался следующий. Пусть Колчак считает себя верховной властью в Омске, а Совет управляющих и съезд членов Учредительного собрания провозгласят себя властью в районах Волги и Камы, в результате чего произойдет возврат к положению, существовавшему до Уфимского совещания и создания Директории: Поволжье и Сибирь вновь «разойдутся». Впредь до восстановления всероссийской власти временно в каждой области должна быть восстановлена власть областных правительств. На территории Комуча — власть съезда членов Учредительного собрания и его исполнительного органа — Совета управляющих ведомствами⁷.

Однако никто из «общественности» не прореагировал на это «мудрое» решение. Все ждали, что скажут чехи и Антанта.

Находившийся в Уфе уполномоченный чехословацкого Национального совета Власек, по свидетельству П. Климушкина, сообщил Совету управляющих, что Национальный совет не признает Колчака и готов оказать Совету управляющих полную поддержку, в том числе и военную. Из Екатеринбурга также пришла телеграмма, в которой говорилось, что русский филиал чехословацкого Национального совета «не может и не будет ни содействовать, ни сочувствовать насильственным переворотам». Филиал совета выражал надежду, что «кризис власти, созданный арестом членов Всероссийского временного правительства, будет разрешен законным путем, и потому считает кризис незаконченным»⁸.

Таким образом, позиция политического руководства Чехословацкого корпуса поначалу казалась вполне обнадеживающей для учредиловцев. Но легионерская военная верхушка, тесно связанная с русской белогвардейщиной, явно не спешила предпринимать какие-либо действия по восстановлению власти Директории. Правда, командующий корпусом генерал Я. Сыровы отдал приказ о том, что все части на территории до реки Иртыш подчиняются лишь его приказаниям⁹, но практически трудно было сказать против кого он в большей мере направлен — против колча-

ковцев или Совета управляющих. Не случайно 27 ноября в разговоре по прямому проводу с членом филиала Национального совета И. Куделой член Совета управляющих Веденяпин протестовал против действий Сыровы. Он жаловался на то, что Сыровы стесняет деятельность Совета, вводя свою цензуру, лишая его связи с воинскими частями и т. д.¹⁰

Некоторые учредилловцы объясняли позицию Я. Сыровы тем, что он оказался под влиянием русского генерала монархиста М. Дитерихса. Исключить этого нельзя, но у Сыровы была точная инструкция, полученная от главкома всеми союзными войсками в Сибири французского генерала М. Жаннена, предписывавшая ему во что бы то ни стало удержать чешских легионеров на фронте¹¹. Так или иначе остается фактом, что верхи Чехословацкого корпуса в сущности уклонились от реальной помощи учредилловцам и тем самым помогли Колчаку стабилизировать его власть. Бумажные протесты против омского переворота, заявлявшиеся представителями филиала чехословацкого Национального совета под давлением учредилловцев, были не чем иным, как «ударом кулака по воде»¹².

Почему же те, кто выдавал себя за «демократических борцов», «гуситов XX в.», фактически молчаливо пропустили вперед черносотенно-кадетскую реакцию? Причин, видимо, было несколько. Они заключались, конечно, в поражениях, понесенных «директоральными» войсками на фронте, в отсутствии морально-политического престижа власти Директории, в усилившихся процессах разложения внутри самих чешских войск, в их усталости, нежелании ввязываться в новые политические авантюры и т. д. Но решающей причиной оказалась все же позиция антантовских союзников. П. Климушкин в своих воспоминаниях уверяет, что английский генерал А. Нокс якобы прямо заявил чехам, что, поскольку переворот в Омске осуществлен «не без ведома правительства его величества», он не допустит ничего такого, что не соответствовало бы английским интересам. Климушкин пишет, что уже в эмиграции, в Праге, он беседовал с бывшими членами чехословацкого Национального совета доктором Павлу и полковником Медеком и они подтвердили ему достоверность демарша Нокса¹³.

Позиция союзников в конце концов и решила исход дела. «Литературно-агитационная» деятельность учредилловцев (Совета управляющих ведомствами и членов съез-

да Учредительного собрания) ни к чему не привела. Анализ уфимских, иркутских, хабаровских и других эсеро-меньше-вистских газет первых «послепереворотных» дней показывает, что они не жалели громких слов в оценке омского переворота; квалифицируя его как акцию «тайных и явных монархистов», крайне правых, склонных «видеть в этом событии прелюдию к монархизму», начало «углубления реставрации, возвращения к дореволюционному состоянию». Но все это были лишь пустые словеса, за которыми скрывались бессилие и обреченность. Ближайшие события со всей очевидностью подтвердили это.

Если перелистать омские газеты («Свободная речь», «Заря» и др.) за последнюю декаду ноября 1918 г., то обращает на себя внимание обыденность их содержания и тона: как будто ничего не произошло, сменилась какая-то часть Совета министров, ушли одни министры, появились другие. Это было следствием того, что уже 18 ноября министр внутренних дел Гаттенбергер воспретил «обсуждение в печати и на собраниях происшедшего».

А между тем за кулисами политической сцены Омска шла лихорадочная работа. Уже в ночь на 19 ноября В. Пепеляев прибыл к Колчаку. Сюда же срочно вызвали генералов Андогского и Лебедева. Вчетвером они сели сочинять «Обращение к населению». Примечательна запись В. Пепеляева в дневнике: «Колчак сказал, что обращение нужно немедленно для союзников, причем они хотят, чтобы было сказано о демократии, отсутствии реакционных намерений... Так и составили». Составили, как они — союзники — хотели! Когда же на другой день «Обращение» появилось в газетах, согласно записям того же Пепеляева, англичане были довольны, а французы «доброджелательно нажимали на чехов (телеграмма М. Жаннена Я. Сыровы.— Г. И.) в целях их нейтрализации»¹⁴.

Существовал и другой фактор, требовавший внесения в «Обращение» псевдодемократической приправы. Политически, как мы знаем, переворот опирался не только на черносотенных монархистов, но и на кадетов, а также на те «социалистические» группы, которые шли за ними и входили в руководимый ими омский «национальный блок». Составители «Обращения» не могли не учитывать этого. В результате в нем заявлялось, что Колчак, «приняв крест власти», не пойдет «ни по пути реакции, ни по гибельному

пути партийности». Своей главной задачей он объявлял создание боеспособной армии, победу над большевизмом и «установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать образ правления, который он пожелает»¹⁵. Но об Учредительном собрании в «Обращении» вообще не говорилось ни единого слова, и было очевидно, что переворот означает конец учредилщины, по крайней мере в Сибири и на Дальнем Востоке.

28 ноября «верховный правитель» принял представителей прессы. Беседа с ними была выдержана уже в более определенных и решительных тонах. От слов Колчака даже веяло некоей «величественностью», подобающей его положению. «Меня называют диктатором, — вещал он, — пусть так, я не боюсь этого слова... Как Сенат Древнего Рима в тяжкие минуты государства назначал диктатора, так Совет министров Российского государства в тяжчайшую из тяжких минут нашей государственной жизни... назначил меня верховным правителем». И далее перед почтительно внимавшими ему репортерами Колчак «набрасывал» свой политический курс. Он говорил, что сам был свидетелем того, как «гибельно сказался старый режим на России», и потому не будет стремиться к тому, чтобы «снова вернулись эти тяжелые дни прошлого». Это с одной стороны. А с другой — он является сторонником беспощадной, неумолимой борьбы с большевизмом. Только его полный разгром обеспечит «порядок и закон». И только тогда, когда они будут установлены, «возможно будет приступить к созыву Национального собрания». «Я, — разъяснял Колчак, — избегаю называть Национальное собрание Учредительным собранием, т. к. последнее слово слишком скомпрометировано... Вместо Учредительного собрания собралось партийное, которое запело «Интернационал» и было разогнано матросом. Повторение такого опыта недопустимо. Вот почему я говорю о созыве Национального собрания»¹⁶.

Итак, созыв «национального собрания» мог состояться только при условии установления «порядка и закона». А поскольку наводить их должна была кадетско-монархическая контрреволюция, то нетрудно себе представить политический облик и функции этого собрания, если бы даже оно в действительности было создано.

Но одно дело — официальные заявления перед «общественностью» и печатью, а другое — реальная политика. В письме из редакции колчаковского «Правительственного

вестника» (того самого, где была помещена беседа Колчака 28 ноября, в которой он уверял, что не будет стремиться к реставрации «тяжелого прошлого») на юг, Деникину, разъяснялось: «Наш метод государственной работы — планомерное восстановление старого аппарата управления, сломанного в минуты революционных увлечений, проявление твердой и беспощадной власти...»¹⁷

Некоторое время, не желая дразнить союзнических и белочешских «гусей», в Омске сумрачно взирали на екатеринбургско-уфимскую возню эсеров из съезда членов Учредительного собрания и Совета управляющих ведомствами. Но когда стало ясно, что «западная демократия» без особых сожалений сняла свою ставку на «русскую демократию» в политической игре, колчаковцы решительно взялись за дело.

Если учредиловцам и удалось избежать «дитерихсовского маршрута» (в Омск), который сразу подводил их головы под топор омской монархической военщины, то это отнюдь не значит, что путь в Уфу оказался спасительным. Из Омска пристально следили за тем, что происходит в Уфе. Н. Святицкий писал, что в городе явно увеличивалось число сибирских офицеров, «шушукающихся по кафе». Некоторые учредиловцы узнавали среди них и тех, кто совсем недавно громил в Екатеринбурге «Пале-Рояль»¹⁸. Эти люди явно ожидали сигнала к тому, чтобы начать действовать.

30 ноября последовал грозный приказ «верховного правителя» из Омска: пресечь деятельность бывших членов «Самарского комитета», членов съезда Учредительного собрания и Совета управляющих ведомствами, не стесняясь применением оружия; они должны быть арестованы и преданы военному суду «за попытку поднять восстание и вести разрушительную агитацию среди войск»¹⁹.

Вечером 2 декабря Совет управляющих ведомствами, как обычно, собрался на заседание. Присутствовал и ряд членов съезда Учредительного собрания. В тот же день особый колчаковский отряд, совершивший рейд из Омска в Уфу, «накрыл» это заседание. Более 20 человек были арестованы. Кое-кому, в том числе Чернову, Вольскому, Климушкину, Веденяпину и др., в последний момент удалось бежать и скрыться на нелегальных квартирах. Те же, которые оказались не столь проворными, под конвоем были отправлены в омскую тюрьму, где их присоединили к эсе-

рам и меньшевикам, арестованным в Челябинске и Омске. К их судьбе мы еще вернемся несколько позже, а пока останемся с укrywшимися в подполье где-то на глухой окраине Уфы. О том, что там происходило, подробно рассказали в своих мемуарах Н. Святицкий, П. Климушкин и некоторые другие учредилловцы.

На первом же совещании учредилловских нелегалов присутствовали Чернов, Веденяпин, Вольский, Климушкин и др. После короткого обмена мнениями вынесли «боевую» резолюцию, содержание которой свидетельствует о том, что те, кто ее принимал, еще не полностью осознали масштаб понесенного ими поражения. Первый пункт резолюции признавал, что борьба с большевиками сорвана; из нее выводился второй пункт, гласящий, что партия эсеров и комучевцы прекращают борьбу с большевиками, ибо в сложившихся обстоятельствах она означала бы содействие реакции, «завершением коей несомненно будет восстановление монархии».

Поздно же эти эсеры осознали истину, о которой В. И. Ленин и большевики говорили с самого начала революции!

Третий пункт резолюции предлагал снять войска с антибольшевистского фронта и бросить их против колчаковского Омска. Н. Святицкий в своих воспоминаниях добавляет к этому, что замышлялся даже противоколчаковский переворот в Уфе, главный политический смысл которого состоял в том, чтобы при подходе к городу красных можно было «на равных» вступить с ними в переговоры²⁰. Через два дня собрались вторично. Третий пункт резолюции на сей раз вызвал особые возражения; присутствовавшие указывали на его очевидную нереальность: вооруженных сил у эсеров практически нет, сила на стороне сибиряков. Третий пункт резолюции был снят полностью, а остальные два также подверглись переработке. Ручаясь за точность смысла, Климушкин по памяти так передает новый текст резолюции: «Партия эсеров и Комуч ввиду происшедшего реакционного переворота в Омске выходят из гражданской борьбы, не участвуя ни с той, ни с другой стороны, и предлагают своим членам сохранять силы для будущего».

Эта резолюция отражала глубокий пессимизм эсеров-учредилловцев, признание банкротства всей их предшествующей борьбы и в сущности обрекала на пассивность. Она была как бы распиской в полном крахе «демократической

контрреволюции», выступившей летом 1918 г. под знаменем Учредительного собрания 1917 г.

Теперь, меланхолично писал Климушкин, осталось только вести «частную жизнь» на нелегальных уфимских квартирах. Но и в этой частной жизни прожженные политики не могли позабыть о политике. Бывший председатель Комуча Вольский и другие продолжали взвешивать шансы дальнейшей борьбы.

Н. Святицкий, примкнувший к группе «Народ», заявившей о сотрудничестве с Советской властью, утверждал, что Вольский и другие будто бы сразу взяли антиколчаковский и просоветский курс²¹. Однако Климушкин, живший с Вольским на одной квартире, свидетельствует об ином. По его словам, Вольский, размышляя над вопросом: «Что лучше для России — большевики или Колчак с его диктатурой», все-таки отдавал «предпочтение последнему»! Он говорил, что Колчак «неизбежно, во имя собственного самосохранения должен будет курс своей политики повернуть налево; если он этого не сделает, то, конечно, погибнет...»²².

Когда уфимские левые эсеры вступили в контакт с Вольским и другими учредилловцами, чтобы сообщить им важную информацию из Москвы, первая реакция Вольского была отрицательной.

«Что они хотят от меня? — говорил он. — Уж если идти с кем, то я лучше предпочту Колчака, чем большевиков...»²³ Мрачное настроение, вызванное банкротством всех планов и надежд, порождало у Вольского неожиданные aberrации. Писатель Иван Наживин, осенью 1918 г. встретившийся с Вольским, в эмиграции вспоминал, что Вольский тогда с интересом читал стенограммы речей черносотенца Маркова-2-го и очень жалел, что раньше он и его друзья не слушали «этого умного человека». Поэтому понятно «потрясение» Климушкина, уже на Дальнем Востоке узнавшего о той перемене, которая произошла с Вольским и некоторыми другими учредилловцами: они выехали в Москву.

Что же стало решающим обстоятельством, определившим этот неожиданный поворот? Свержение Директории, разгон съезда членов Учредительного собрания, арест учредилловцев и т. д. — даже все это не привело таких людей, как Вольский, к окончательному пониманию того, что представляет собой колчаковщина. В глубине души они, по-видимому, сознавали, что своей политикой в значитель-

ной мере сами породили ее, и им очень хотелось верить в ее эволюцию «влево». Нужны были еще какие-то события, чтобы все окончательно стало на свои места. Такими событиями стали, по словам Климушкина, «омские убийства на Иртыше... Как блеск молнии осветили они психологию этих людей» (речь идет о колчаковцах.— Г. И.)²⁴.

В то время, когда эсеры-учредилорцы в Екатеринбурге, Уфе и других городах сотрясали воздух громогласными декларациями о своей борьбе с колчаковской контрреволюцией, самоотверженную борьбу с ней развернули большевистские организации Сибири. Уже 23 ноября 1918 г., т. е. через пять дней после событий в Омске, в Томске состоялась вторая нелегальная конференция большевистских организаций Сибири. Она дала точную классовую характеристику колчаковского переворота как победы крайней реакции, держащейся массовыми расстрелами, тюрьмами, порками, карательными экспедициями. «Демократические» иллюзии, которые сеяли эсеры и меньшевики, рассеялись полностью. Конференция приняла решение о подготовке общесибирского восстания против колчаковского режима, за восстановление Советской власти и предложила партийным организациям начать подготовку к восстаниям на местах. Эта героическая работа в условиях разгула жесточайших репрессий велась под руководством Сибирского бюро ЦК РКП(б). Активно действовали омские большевики. Они установили связи с солдатами Омского гарнизона, железнодорожниками и военнопленными, размещенными в лагерях. Однако колчаковской контрразведке удалось узнать о готовившемся восстании. 21 декабря в городе начались массовые облавы и аресты. В связи с этим штаб повстанцев отдал распоряжение об отмене восстания, но в некоторые районы эта директива пришла с опозданием. В ночь на 22 декабря рабочие омского предместья Куломзино и часть рабочих города выступили с оружием в руках²⁵.

Прежде всего они решили подать помощь всем политическим заключенным, находившимся в омской областной тюрьме. Из официальных документов колчаковских судебных властей вырисовывается детальная картина случившегося²⁶. В 2 часа ночи на 22 декабря к тюрьме подошла группа вооруженных людей; часть из них была в солдатской форме, часть — в рабочих поддевках. Звонком вызвали дежурного привратника Сысуева, сказали, что

пришли сменить караул. Когда тюремщик отворил калитку и направился к проволочному ограждению, чтобы взять у того, кто говорил с ним, соответствующее предписание, ему быстро скрутили руки, обезоружили, отобрали ключи. Оказавшись во внутреннем дворе, прибывшие разоружили всю стражу, на квартире арестовали начальника тюрьмы Веретенникова. Надзиратели сами указывали камеры политических.

«В числе освобожденных... — отмечается в представлении прокурора омского окружного суда Казакова, — были и все арестованные в ночь на 3 сего декабря в г. Уфе бывшие члены Учредительного собрания, управляющие ведомствами и другие, задержанные вместе с ними. Освобождены также все большевики и видные деятели советских организаций, за исключением находящегося в заражном бараке больного сыпным тифом К. Попова и четырех женщин...»²⁷ Всего около 200 человек.

Итак, те самые учредилловцы, которые вымостили путь Колчаку к власти и были затем брошены им в тюрьму, где ожидали суда, получили свободу из рук повстанцев, возглавляемых большевиками. Но к утру 22 декабря стало очевидно, что восстание обречено, колчаковцы торжествовали победу. Утром 22 декабря в Омске уже был опубликован приказ № 81 «верховного правителя». Второй параграф приказа гласил: «Всех, принимавших участие в беспорядках или причастных к ним, предать военно-полевому суду». Суд должен быть коротким: три дня на рассмотрение всех дел. Возглавил суд генерал-майор Иванов. Во исполнение приказа начальник Омского гарнизона генерал В. В. Бржезовский и его начальник штаба полковник Н. Г. Сабельников немедленно опубликовали распоряжение, предписывавшее всем освобожденным «добровольно явиться к караульному начальнику областной тюрьмы, коменданту города или в участок милиции». За невыполнение приказа Бржезовский и Сабельников угрожали расстрелом²⁸.

В этой угрозе не было, конечно, ничего удивительного. Удивительно было другое: значительная часть эсеров и меньшевиков (среди них находились представители прессы, арестованные за публикацию газетных протестов против омского переворота) подчинились приказу и один за другим или группами потянулись к воротам тюрьмы! Правда, до этого некоторые из них через третьих лиц связались по телефону с министрами Михайловым и Ста-

рынкевичем, которые будто бы пообещали им неприкосновенность в случае добровольной сдачи. Но так или иначе, они, как ранее Вольский в Уфе, по-видимому, еще верили в «демократичность» колчаковской власти.

Как видно из рапорта прокурора омской судебной палаты Коршунова, почти вся «группа Учредительного собрания» (в том числе Брудерер, Басов, Девятов, Марковецкий, Фомин и другие эсеры) уже к утру 23 декабря явилась в тюрьму сама. Лишь некоторые из этой группы были доставлены туда властями²⁹. Как овцы, безропотно шли они на заклание.

То, что произошло с ними дальше, долгое время не укладывалось даже во многих учредилловских головах. Им казалось, что ужасная смерть их товарищей, случившаяся в ту же ночь, — результат самосуда пьяных офицеров-черносотенцев, и никак не более. Даже Святицкий писал: «В отместку за восстание группа пьяных офицеров произвела дикий налет на арестованных, увела 9 заключенных (на самом деле, как мы увидим, их было больше. — Г. И.) и зверски их перебила»³⁰.

Версия «офицерского самосуда» была широко распространена в Сибири и, естественно, поддерживалась колчаковскими властями. Позднее она перекечевала и в белоэмигрантскую литературу. Но уже эсер Е. Колосов усомнился в ней, правильно отметив, что при самосудах просто убивают на месте³¹.

По мнению публикатора следственных материалов по делу освобожденных учредилловцев М. Константинова, «не имеет ни малейшего значения особенно разбираться в вопросе о том, что собою представляли омские события 22—23 декабря 1918 г., — самосуд... или не самосуд». Это, конечно, не так. Установление подлинной природы варфоломеевской ночи, учиненной над учредилловцами, помогает выявить классово-партийное лицо колчаковщины, ее истинные политические цели.

Итак, ночь с 22-го на 23 декабря. К утру в тюрьму явился поручик Ф. Барташевский из отряда уже хорошо известного нам атамана Красильникова в сопровождении шести солдат. Приказал тюремному чиновнику Хлыбову выдать ему под расписку шесть арестованных. Сведения о том, на каком основании эти люди были ему выданы «под расписку», расходятся. «Справка», подписанная прокурором омской судебной палаты, утверждает, что Барташевский предъявил «бумагу», подписанную председателем

военно-полевого суда генералом Ивановым. Сам Барташевский в своих показаниях уже в марте 1919 г. заявил, что распоряжение об «изъятии» заключенных он действительно получил от Иванова, но не помнит, была ли у него при этом какая-нибудь официальная бумага. Так или иначе, получив этих людей (Бачурина, Маевского, Винтера, Руденко, Фатеева и Жарова), Барташевский повел их в гарнизонное собрание, где обычно бывали балы и благотворительные вечера, а теперь заседал военно-полевой суд. Один из них — красноармеец Руденко — будто бы при попытке к бегству был убит по дороге, остальных пятерых Барташевский все же довел до суда. Через некоторое время ему сообщили, что все (кроме Винтера, который был провокатором) осуждены (Маевский приговорен к каторге, остальные — к расстрелу), и приказали ехать в тюрьму за «новой партией».

Но пока он «возился» с первой партией и находился в гарнизонном собрании, в тюрьме побывал некий капитан П. Рубцов, начальник унтер-офицерской школы. По его показаниям, вечером 22-го он был вызван к командующему войсками Омского военного округа генералу Матковскому, где шло совещание «высших начальников», докладывавших о событиях предыдущей ночи. После совещания Бржезовским и Сабельниковым Рубцову было приказано идти с конвоем в тюрьму, куда должны привести более 40 «членов совдепа», там присоединить к ним еще несколько человек, сидящих в тюрьме, и привести в исполнение приговор суда. «Экспедиция» Рубцова и его помощников Ядрышникова, Кононова и Бобыкина с конвоем в 30 солдат началась.

Поименный список тех, кого Рубцов должен был присоединить к «44-м», был вручен капитану уже в тюрьме поручиком Фриде. Как указывается в справке, подписанной прокурором омской судебной палаты, «свое требование» Рубцов «основывал на личном приказании верховного правителя»³² (сам Рубцов позднее это, естественно, отрицал).

Когда начали выяснять наличие пяти указанных во «фридевском» списке лиц, то оказалось, что в тюрьме имеются только двое — меньшевик Кириенко и эсер Девятков. Делать было нечего — взяли этих двоих. Их предписывалось вместе со всей партией довести до здания военно-полевого суда. Как раз в это время конвойные пригнали к тюрьме уже приговоренных к расстрелу сорок четыре

большевика. Кириенко и Девятова присоединили к этой группе, и по приказу Рубцова Ядрышников повел всех в Загородную рощу, ту самую, где в сентябре, еще при Временном Сибирском правительстве, офицеры-монархисты застрелили эсера Новоселова и сумели замести следы. Ядрышников через некоторое время вернулся и доложил, что по дороге Девятов и Кириенко пытались распропагандировать солдат и «оскорбляли верховного правителя», почему их и пришлось ликвидировать по пути. Все остальные были расстреляны на «законном основании».

Не успел Ядрышников доложить об «исполнении», как в тюрьму вновь явился поручик Барташевский. Любопытно, что, согласно уже цитированной справке прокурора омской судебной палаты, на этот раз Барташевский, точно так же как и Рубцов, потребовал выдачи ему арестованных, «основываясь на личном распоряжении верховного правителя»³³. В показаниях самого Барташевского отсутствует что-либо по этому поводу. Отметим лишь весьма примечательный факт: если Рубцову «помогали Ядрышников и др.», то «подручным» Барташевского при посещении им тюрьмы был некий поручик Черченко, состоявший в личном конвое Колчака.

Теперь Барташевский «взыскивал» трех человек: Кириенко, Девятова и К. Попова. Но вышла неувязка: первых двух, как мы знаем, уже выдали Рубцову и Ядрышников увел их на смерть, а Попов находился в тифозном бараке. Тогда Барташевский лично отобрал членов Учредительного собрания эсеров Н. Фомина, Брудерера, Сарова, Локтева, меньшевиков Барсова, Марковецкого, Лиссау, фон Мекка, выдал расписку в «получении» и приказал вести их в то же самое гарнизонное собрание на «суд». Но они пришли в суд, как отмечается в справке прокурора омской судебной палаты, «по закрытии последнего». Тогда Барташевский вывел на улицу эту восьмерку вместе с теми, кого он доставил в суд ранее и кого уже осудили. Всех сбили в одну кучу, окружили конвойными и погнали на берег Иртыша. Здесь Барташевский привел приговор в исполнение над всей группой разом (к трем приговоренным ранее к расстрелу Барташевский присоединил также Маевского и Макова, судившегося вместо убитого «при попытке к бегству» Руденко. Маевского осудили на каторгу, а дело Макова направили на «доследование», но Барташевский не стал «разбираться»). 13 человек были расстреляны или убиты штыковыми ударами.

Даже в секретной сводке, составленной лично для Колчака, все происшедшее характеризовалось как «вопиющее нарушение». Ведь некоторые из погибших вообще не предстали перед судом, а относительно других «непонятно, в силу какого распоряжения суд приступил к слушанию этого дела»³⁴. Самое же главное, вопрошал автор сводки, по чьему распоряжению действовал Барташевский и другие, кто стоял за ними?

Убийство учредилловских «социалистов» вызвало взрыв возмущения «общественности». Те, кто массовое убийство «членов совдепа», т. е. большевиков и представителей Советской власти (в дни восстания в Омске погибло более тысячи человек), считали хотя и нежелательным, но все-таки неизбежным явлением и потому молчаливо принимали его, бурно протестовали против варварской расправы над «избранниками народа» — учредилловцами³⁵. Чрезвычайная следственная комиссия (под председательством сенатора Висковатова), созданная Колчаком, в известной мере и была ответом на эти протесты. Мы уже знаем, что, по некоторым данным, забирая заключенных из тюрьмы, Рубцов и Барташевский, действовавшие вместе с офицером конвоя Колчака Черченко, ссылались на самого «верховного правителя». Рубцов, правда, при допросе отрицал это, показав, что приказание получил из штаба гарнизона, лично от генерала Бржезовского и полковника Сабельникова.

Допросы этих двоих и председателя военно-полевого суда Иванова мало что прибавили к уже имевшимся данным. Иванов заявил, что он в ту ночь был очень усталым, кроме того, «ранен и сильно контужен в голову» и многое у него «не удержалось в памяти». Бржезовский и Сабельников ссылались на приказ командующего войсками Омского военного округа направлять в военно-полевой суд «всех задержанных», «бежавших из тюрьмы», но отрицали факт отдачи ими каких-либо распоряжений Рубцову и Барташевскому.

Барташевский со своей стороны ссылался на некий приказ, «поступивший по телефону» и требовавший «нарядить команду в распоряжение председателя военно-полевого суда для конвоирования». Следствие, таким образом, обрывалось: дальше имени генерала Матковского оно не шло. Впрочем, по-видимому, было сделано все, чтобы остановить его где-то не выше этого уровня.

Немаловажную роль тут сыграл уже знакомый нам

глава омских кадетов колчаковский «баян» В. А. Жардецкий. В своих показаниях, данных 26 декабря, он сообщил, что «как политический работник» был известен «верховному правителю» и потому решил, несмотря на его болезнь (Колчак действительно в это время был болен.— Г. И.), потревожить его непосредственно: через адъютанта довел до сведения Колчака о «возможной катастрофе с учредилловцами». Из этого показания совершенно ясно, что в политических кругах Омска полностью сознавали возможную судьбу арестованных «социалистов», а может быть, и были о чем-то информированы, иначе трудно объяснить «представление» Жардецкого лично Колчаку. Он, по его словам, просил отдать распоряжение о том, чтобы они были «выделены в особую категорию и приостановлены во всех стадиях производства». Через некоторое время адъютант сообщил, что такое распоряжение отдано³⁶.

Действительно, сохранилась почтотелеграмма Бржезовского начальнику областной омской тюрьмы. Бржезовский приказывал всех находящихся в тюрьме бывших «членов комитета г. Уфы» и «могущих быть еще приведенными выделить в отдельную группу, сделав распоряжение о невыдаче их без моего (Бржезовского.— Г. И.) письменного ордера. Основание: приказание Верховного правителя»³⁷.

Вероятнее всего, это и был ответ на демарш Жардецкого, но последовал он... 24 декабря. Оказалось, сокрушался Жардецкий, что в «отношении члена бывшего Учредительного собрания Фомина и некоторых других заключенных уфимской группы принятые меры были запоздалыми, так как катастрофа постигла их уже в ночь на 23 число»³⁸.

Никто из тех, кто непосредственно казнил учредилловцев и кто стоял за их спиной, не был предан суду и не пострадал. Иначе и не могло быть. Слишком большие услуги оказали ранее Колчаку их прямые покровители, чтобы он мог пойти на прямой конфликт с ними.

В своих воспоминаниях В. Чернов, говоря об эсеровском проигрыше на уфимском Государственном совещании, писал, что он уже тогда предвидел, к чему приведет Уфа. «Пока безвластный съезд членов Учредительного собрания будет готовить съезд законного, но полувластного его кворума, фактическая власть и реальная сила будут захвачены, при попустительстве пестрой и бесхарактерной, крелящей вправо Директории, самыми настоящими врагами демократии. При таких условиях никогда

Учредительное собрание созвано не будет, а если, вопреки всему, попытается собраться, то будет разогнано не хуже, чем при большевиках»³⁹.

Чернов ошибся в своих прогнозах. Действительность оказалась мрачнее. Когда в начале января 1918 г. Советская власть распустила Учредительное собрание, ни один волос не упал ни с одной головы учредилловца. Но те из них, которые имели несчастье после омского переворота попасть в руки колчаковцев, лишились своих голов.

Такова была трагедия «демократической контрреволюции»: по существу она сама вложила топор в руки своего будущего палача. Конечно, под удар этого топора попала лишь малая часть учредилловцев. Большая их часть уже с момента омского переворота 18 ноября, сознавая опасность, нависшую над «демократией», начала рассеиваться, уходить в подполье. По свидетельству Е. Колосова, колчаковцы первоначально предполагали расстрелять всех учредилловцев «без изъятия» и лишь обстоятельства помешали осуществить этот замысел. Но главное — в другом. События 22—23 декабря в Омске как бы окончательно подвели черту под целой эпохой в истории российской контрреволюции. До этого времени значительная ее часть искренне или неискренне шла под знаменем Учредительного собрания ноября 1917 г., восстановления его прав как будущего «хозяина земли русской». После 22—23 декабря с этим было покончено. Фактически никогда больше на всем протяжении гражданской войны флаг «старого Учредительного собрания» не поднимался над лагерем российской контрреволюции. Только в 1921 г., уже в эмиграции, была предпринята бесплодная попытка возродить идею учредилловцев: состоялась конференция членов Учредительного собрания (33 человека), принявшая решение о создании своего постоянного органа⁴⁰. Однако даже большинство эмигрантов квалифицировали его как «фикцию такого явления, мимо которого давно уже прошла русская жизнь».

В марте 1920 г., уже после разгрома колчаковщины, образовавшийся в Иркутске ревком изучил дело Чрезвычайной следственной комиссии сенатора Висковатова о расстрелах 22—23 декабря и доследовал его.

Губревком пришел к твердому выводу, что колчаковская комиссия была занята «не столько выяснением истины, сколько... укрывательством и попустительством». Действительно, в качестве обвиняемых были привлечены лишь

Барташевский и другие непосредственные убийцы, но они уже вскоре были освобождены под надзор... Бржезовского и Сабельникова, а потом надежно «укрыты» в отряде Анненкова. Следствие Висковатова, говорилось в постановлении губревкома, даже «не пыталось выяснить тех организаторов и вдохновителей, которые стояли выше генерала Бржезовского и полковника Сабельникова, может быть, потому, что за этим следствие слишком близко подходило бы: 1) к Матковскому... 2) к штабу и ставке верховного главнокомандующего, которой, по словам Матковского, был в то время непосредственно подчинен начальник гарнизона Бржезовский»⁴¹.

Еще до того, как губревком занялся исследованием кровавого дела об учредилловцах, в сущности говоря «замятого» комиссией Висковатова, в Иркутске по поводу омских событий 22—23 декабря был допрошен сам Колчак. Он отрицал какую бы то ни было причастность к ним, ссылаясь на то, что во время предварительного расследования «был болен и едва дышал», вследствие чего ему было трудно входить во все детали. Он говорил о нерасторопности следствия, несовершенстве судебного аппарата и т. п. Вместе с тем он высказал мысль, которая в какой-то мере проливает свет на организаторов «акции 22—23 декабря» и, что еще важнее, на ее политическую цель. Колчак заявил, что трупами учредилловцев крайне правые силы рассчитывали дискредитировать его режим и его лично в глазах как союзников-иностранцев, так и той «общественности», которая выразила ему доверие после переворота 18 ноября⁴².

Колчак имел в виду так называемый омский национальный блок, в котором верховодили кадеты и которых поддерживали союзозрожденческие «социалисты». Но если они подготовили политическую основу омского переворота 18 ноября, то сам переворот практически был совершен более правыми силами, ударный кулак которых составляли монархисты черносотенного образца. Эти хмуро смотрели не только на «социалистов», но и на «всяких там либералов». Многие из них косо поглядывали даже на самого Колчака. В «салонах» без особого стеснения говорили о «верховном правителе», что это «Федот, да не тот». Колчак в этих кругах рассматривался как «выскачка», продвинутый англичанами и вместе с ними болтающий что-то о народоправстве, демократии и т. п. Особое недовольство вызвали его первые беседы с представителями прессы,

в которых он заверял, что не пойдет ни по пути партийности, ни по пути реакции, созовет национальное собрание и т. д.

По Омску распространялись стихи некоего фельетониста, писавшего под псевдонимом Конек-Горбунок; он довольно точно передал настроения крайне правых элементов Омска, разочарованных итогами переворота 18 ноября. Герой стихотворения «ворчит зло и хмуро»:

Разве это диктатура?
Надо было просто цыкнуть
И в бараний рог согнуть,
Чтоб никто не смел ни пикнуть,
Ни вздохнуть и ни чихнуть.
Из одиннадцати десять
Надо было бы повесить...⁴³

Примечательно, что некоторые сибирские кадеты признавали крайнюю, черносотенно-монархическую угрозу. 5 декабря 1918 г. В. Пепеляев записал в дневнике, что на одном из заседаний бюро Восточного отдела ЦК кадетов Клафтон и другие высказывали «опасение, что реакция перекатится через наши (т. е. кадетские.— Г. И.) головы» и ему, Пепеляеву, «не устоять перед ней»⁴⁴.

Но Пепеляев, да и кадеты в целом были слишком тесно связаны с волковыми, красильниковыми и бржезовскими, слишком большую ставку сделали на них в борьбе за военную диктатуру. Сказав «а» 18 ноября, «партия государственного переворота» должна была сказать и «б»: идти дальше по пути военно-монархической реакции вместе с «переворотной командой». Это нашло свое отражение в довольно острой полемике между кадетской (а фактически — правокадетской) «Сибирской речью» и «социалистической» «Зарей».

В декабре 1918 г. в «Сибирской речи» появились статьи некоего Г. Анна и В. Ж. (за этим псевдонимом скрывался В. Жардецкий), в которых выдвигалось требование усиления диктаторской власти и соответственно резкого сокращения функций самоуправления путем установления над ним военно-административного контроля.

«Заря» вполне обоснованно усмотрела в этом отражение реставраторских тенденций и 14 декабря опубликовала передовую, в которой констатировалось «пробуждение темных сил политического болота, именуемого реакци». Но главное было в другом. «Заря» бросала упрек кадетам

за сползание в лагерь самой черной реакции. «Вы страстно жаждали государственного переворота,— говорилось в передовой,— и на вашей омской конференции, предшествующей ему, достаточно прозрачно призывали диктатора. Вы ежедневно проповедуете на страницах вашего органа сокрушение завоеваний революции в смысле сужения прав самоуправляющихся земств и городов, в смысле возвращения всего вашего административного аппарата ко времени губернаторов и исправников... Но вот власть перешла в новые руки, и вы надеялись, что эти руки будут «тянуть» сугубо вправо, но разочаровавшись, вы снова тянете вправо, все правее, назад, все назад...»

В полемическом запале «Заря» несколько перегибала палку. Но она в целом правильно уловила, с одной стороны, сползание кадетов ко все большему монархизму, с другой — рост и усиление черносотенно-монархических элементов.

Между тем для них первый месяц, прошедший со дня переворота, принес определенные разочарования. Совершив переворот, они рассчитывали продвинуться еще правее, чем это произошло на самом деле.

В конце 1918 г. глава колчаковского правительства Вологодский получил, по его словам, из самых достоверных источников информацию о том, что в правых офицерских кругах некая группа, «недовольная нерешительностью Колчака по отношению к левым, поставила своей целью ликвидацию Колчака, вплоть до насильственных мер против него». Группа будто бы возглавлялась генералом Ивановым-Риновым⁴⁵.

В белоэмигрантской печати (берлинское «Возрождение», 19 марта 1926 г.) проскользнули сведения относительно второго переворота, будто бы замышлявшегося в Сибири. Уже упоминавшийся И. Окулич поведал, что в апреле 1919 г. в Омск приехал пресловутый Завойко, человек, с именем которого была связана провалившаяся авантюра генерала Корнилова. На сей раз он именовался полковником Курбатовым, тем самым, о котором писал Керенский в Сибирь еще до колчаковского переворота. В вагоне английского генерального консула и в присутствии некоторых иностранных дипломатических агентов якобы состоялась секретная встреча этого «Курбатова» с представителями сибирской казачьей конференции — неким есаулом «Е» и самим Окуличем. «Курбатов» сделал им «определенные предложения», но они, как пишет Оку-

лич, «уклонились от этой темы», заявив, что «казаки пойдут за адмиралом». Вместе с тем им хорошо была видна «слабость правительства».

Внутренние противоречия расшатывали контрреволюционный лагерь, но антибольшевизм скреплял его. В одну колымагу впрягались все, кто ненавидел Советскую власть. Всеми силами они старались дотянуть эту колымагу до Москвы.

Переворот 18 ноября ликвидировал «уфимскую конституцию» 23 сентября 1918 г., по которой законодательная власть вручалась пятичленной Директории, долженствующей передать ее к началу 1919 г. съезду членов Учредительного собрания, избранного в ноябре 1917 г. Сразу после переворота Совет министров, осуществлявший при Директории исполнительную власть, утвердил новую «конституцию» — «Положение о временном устройстве государственной власти в России». В соответствии с ним верховная государственная власть «во всем ее объеме» передавалась «верховному правителю»; ему также подчинялись все вооруженные силы.

Правда, титул «верховный правитель» сопровождался эпитетом «временный»; это означало, что по установлении в стране «законности и порядка» (т. е. после свержения Советской власти в общероссийском масштабе) власть должна быть передана некоему «представительному собранию», которое учредит форму государственного строя и примет основные законы страны. Вскоре после прихода к власти Колчак создал «Подготовительную комиссию по разработке вопросов всероссийского представительного собрания учредительного характера» (председателем ее был назначен кадет А. С. Белецкий (Белоруссов)). Это длинное, бюрократическое название, с одной стороны, порывало с самим термином «Учредительное собрание», вызывавшим ненависть у Колчака и его окружения, а с другой — по политическим и дипломатическим соображениям все же включало нечто отдаленно напоминающее его. В некоторых документах «подготовительной комиссии» иногда использовалось другое название — «национальное учредительное собрание». Такая неопределенность, конечно, не была случайной; она, так сказать, юридически давала военно-монархической верхушке возможность для политических махинаций с будущим «представительным органом». Некоторые члены комиссии неоднократно указывали Совету министров на то, что в этой неопределенности многие «ищут заднюю мысль».

Материалы, сохранившиеся от «подготовительной комиссии», наглядно свидетельствуют о ее подлинной роли. Члены комиссии где-то на задворках добросовестно писали бумаги с проектами положения о будущем «представительном собрании учредительного характера», которыми мало кто интересовался. Все же небезынтересно посмотреть на то, в каком виде мыслился «хозяин земли русской» колчаковскими учредилками. Разработанные комиссией «общие положения» и многочисленные докладные записки на имя председателя Совета министров дают такую возможность.

Избирательное право предполагалось предоставить лицам не моложе 25 лет, поскольку-де «молодежь наименее государственна». Военнослужащие, по приказу Колчака от 21 ноября 1918 г. объявлявшиеся «вне политики», лишались права выборов; сформированной лично «верховным правителем» «национальной гвардии» вменялась лишь «почетная обязанность» охраны «национального учредительного собрания». Только населению крупных городов, согласно проектам, следовало дать право прямых выборов; остальному населению (т. е. подавляющему большинству) предлагалась двухступенная система: сначала избирались выборщики, а затем члены «собрания»¹.

Но все это было лишь бумажными проектами на отдаленные времена, а пока «верховный правитель» сосредотачивал в своих руках полную власть. Надо было, однако, добиться, чтобы ее признали «белые регионы», уже существовавшие в России: на юге — денкининщина, на севере — Временное правительство Северной области. Да и на самой территории, формально подведомственной свергнутой Директории, фактически вполне независимо существовали белоатаманские владения, прежде всего «читинского царька» Г. Семенова.

В должности верховного уполномоченного Сибирского правительства на Дальнем Востоке находился бывший претендент в «верховные правители» генерал Хорват, владения которого в шутку называли хорватией. Сам Хорват в основном занимался переговорами с союзниками, а делами вершил его помощник, некий Гаврилёнок, «подверженный слабости кутежа»². Были на Дальнем Востоке и другие генералы и атаманы, считавшие себя не ниже Колчака (Иванов-Ринов и др.).

Позднее, когда в августе 1919 г. на северо-западе по бесцеремонной указке английского генерала Марша обра-

зовалось правительство Лианозова—Юденича, Колчак должен был «присоединить» и его.

Первыми признали Колчака Хорват и Иванов-Ринов, о чем уже 19 ноября сообщил Вологодскому советник МИДа во Владивостоке Гревс. С Семеновым пришлось изрядно повозиться. Он и его окружение не признали переворот 18 ноября, отдавая предпочтение генералу Хорвату, в котором видели более близкого себе сторонника японской ориентации. Некоторые советники Колчака (Тельберг, Лебедев, Сукин и др.) настаивали на принятии самых решительных мер против «бунтовщика». Семенов был «отрешен» от командования 5-м корпусом, а генералу Волкову, назначенному генерал-губернатором в Читу, приказывалось «привести в повиновение всех не повинующихся верховной власти». В январе была даже создана чрезвычайная следственная комиссия по «семеновскому делу». Конфликт разрешился благодаря давлению, оказанному на Семенова, с одной стороны, японцами, с другой — колчаковскими генералами Ивановым-Риновым и Дутовым. Семенов признал Колчака в обмен на отмену обвинений его в «измене».

Значительно более важная политическая задача состояла в том, чтобы обеспечить признание Колчака со стороны деникинского правления, Временного правительства Северной области, а затем и Северо-западного правительства Лианозова—Юденича.

Особую роль в этом сыграло упоминавшееся «Русское политическое совещание», штаб-квартира которого находилась в Париже. Оно образовалось в конце 1918 г. и включало в себя ряд бывших российских послов в странах Европы и США, представителей «Национального центра», «Союза возрождения», некоторых политических деятелей прошлого «с именами», промышленных воротил и банкиров эпохи царизма и Временного правительства. При «совещании» работало несколько постоянных комитетов и комиссий (финансово-экономическая, снабжения, дипломатическая и др.). Но всю деятельность «совещания» определял его исполнительный орган — «Русская политическая делегация» (на Парижскую мирную конференцию), куда входили бывший премьер-министр Временного правительства Г. Е. Львов, бывший царский министр иностранных дел С. Д. Сазонов, посол Временного правительства во Франции правый кадет В. А. Маклаков, бывший глава архангельского правительства союзозрожденцев

Н. В. Чайковский. Несколько позднее в состав делегации был введен Б. В. Савинков, уехавший, как мы знаем, на Запад еще при Директории. Все эти люди, представлявшие дореволюционную Россию, были официально утверждены Колчаком. В апреле 1919 г. Совет министров постановил ежемесячно отпускать на расходы «Политического совещания» 400 тыс. франков.

Как свидетельствует Н. В. Чайковский, «совещание» одной из своих главных задач считало содействие «объединению всей русской государственности (контрреволюционной.— Г. И.) в одном централизованном правительстве»³. С самого начала «совещанием» была сделана ставка на Колчака. Уже в конце декабря 1918 г. Сазонов поручил бывшему русскому посланнику в Афинах передать через бывшего посла Кудашева в Пекине Колчаку в Омск: «Признаем верховную власть, принятую Вашим превосходительством, в уверенности, что Вы солидарны с основными началами политической и военной программы Добровольческой армии»⁴. 10 января Колчак тем же путем телеграфировал свой ответ Сазонову: «Признание Вами верховной власти, выросшей на востоке России, знаменует собой великий шаг к национальному объединению... Основные начала Добровольческой армии разделяются мною»⁵. Сразу же Сазонов был назначен министром иностранных дел колчаковского правительства, сохранив при этом должность управляющего отделом внешних сношений деникинского «особого совещания».

В апреле 1919 г. «политическое совещание» выпустило обращение к местным антисоветским правительствам с призывом признать «верховного правителя» Колчака.

Еще в начале января 1919 г. Деникин через Сазонова и посланника в Афинах телеграфировал Колчаку о своей готовности к «полному и нерушимому согласию». Но, как сообщал Деникину военный представитель белогвардейских армий при союзном верховном командовании генерал Д. Щербачев, тогда эта телеграмма в сумятице событий «прошла малозаметной». Щербачев рекомендовал Деникину «резко подчеркнуть признание Колчака за всероссийскую власть»⁶. Совет был принят, но не без сложностей. Некоторые политики из окружения Деникина не склонны были отдавать пальму первенства в Сибирь. В феврале 1919 г. глава «Национального центра» М. Федоров заявил представителям прессы, что всероссийское правительство должно возникнуть на юге. А в мае один из

лидеров «Совета государственного объединения России» (СГОР), Н. Чебышев, на заседании «особого совещания» внес резолюцию о преждевременности подчинения Колчаку. Тем не менее в конце мая 1919 г. Деникин торжественным актом признал власть Колчака «верховой» и «всероссийской». На состоявшемся по этому случаю в Екатеринодаре заседании руководства СГОРа, «Национального центра» и «Союза возрождения» кадет Н. И. Астров назвал шаг Деникина «великим историческим моментом». «...Не слышим ли мы, — взывал он, — далекого благовеста скрывавшегося от нас святого града Китежа? Не звон ли это московских святых колоколов?»

В ответ по указу Колчака от 17 июня 1919 г. Деникин был назначен заместителем «верховного правителя» с оставлением в должности главнокомандующего вооруженными силами юга России. Связь с Деникиным осуществлялась главным образом через специальных курьеров-офицеров, которые доставляли разного рода секретные материалы, газеты и т. п. В Одессе сидел постоянный омский резидент, некто Песоцкий. В августе в Омск из Екатеринодара прибыли члены правления «Национального центра» и члены ЦК кадетской партии А. А. Червен-Водали и А. А. Волков. В беседе с корреспондентом РТА они заявили, что прибыли в Омск как от деникинского «особого совещания», так и от «Национального центра» с задачей налаживания политической связи между Екатеринодаром и Омском.

Несколько ранее, в конце апреля 1919 г., так называемое Временное правительство Северной области, возглавлявшееся генералом Е. К. Миллером, также приняло постановление «признать объединяющей и главенствующей властью ныне действующее правительство в Омске как Временное всероссийское национальное правительство»⁷. Со своей стороны Омск, конечно, приветствовал это «мудрое решение», предписав поддерживать еженедельную связь «через северный отряд полковника Бордзиковского»⁸. Позднее между Архангельском и Омском была установлена и телеграфная связь, осуществлявшаяся через специального представителя Временного правительства Северной области при Колчаке князя Куракина.

В августе 1919 г., как уже отмечалось, в Риге было создано так называемое Северо-западное правительство во главе с Лианозовым. В качестве военного министра

и главкома в него вошел генерал Юденич. Как сообщал в Омск бывший русский посланник в Швеции К. Н. Гулькевич, лианозовское правительство приняло декларацию, в которой объявляло себя временным и заявляло о «своем единстве с адмиралом Колчаком и программой, принятой последним и ген. Деникиным»⁹. Колчак, однако, не признал правительства Лианозова. В телеграмме, направленной в Париж С. Д. Сазонову, он разъяснял, что лишь «временно воздержался от выражения отрицательного отношения к лианозовскому правительству, не желая обострять обстановки». Все свои сношения с северо-западной белогвардейщиной Колчак вел только через генерала Юденича и предписывал по взятии Петрограда его войсками передать ему всю власть¹⁰.

Таким образом, планы «Национального центра» были близки к осуществлению: в Сибири образовалась контрреволюционная военная диктатура, признанная как всероссийская другими контрреволюционными образованиями: на Дальнем Востоке, севере, юге и северо-западе. «Верховный правитель» Колчак был призван консолидировать и координировать все основные антибольшевистские и антисоветские силы не только в военном, но также в политическом и идеологическом отношениях.

На ступень ниже «верховного правителя» находился Совет министров («Временное российское правительство»). Председателем его остался все тот же «слабый» и «старый» П. В. Вологодский. Почему Колчак не отказался от него? Генерал Сахаров вспоминал, что, когда Колчаку указывали на непригодность Вологодского и его бывшее «эсерство», тот отвечал: «Да какой он эсер! Он уже стар и ото всех дел отошел... Но понимаете, он здесь необходим как *le vieux drapeau*... (старое знамя.— Г. И.)»¹¹. Наиболее ответственные посты в правительстве в разное время занимали В. Н. Пепеляев (министерство внутренних дел), И. Михайлов (министерство финансов), И. Сукин (управляющий министерством иностранных дел), Д. Лебедев (военный министр), Г. Тельберг (министр юстиции), Л. А. Устругов (министр путей сообщения), Н. И. Петров (министр земледелия и колонизации) и др.

Каков был партийный состав Совета министров? Большинство было правокадетским или промонархическим, но поскольку Колчак громогласно заявил, что его правительство находится «вне партийных течений», то, «беря министерские посты», кадеты формально выходили из партии.

Пример тому подал В. Пепеляев. Примечательно, однако, что, желая придать своему правительству максимально представительный характер прежде всего в глазах иностранцев, Колчак пытался изобразить дело таким образом, что в его Совете министров есть и «социалисты». Кто же числился в «социалистических» министрах?

Когда бывший посол в Лондоне К. Набоков в январе 1919 г. запросил Омск, кто в правительстве «принадлежит к нашим социалистическим партиям» («чтобы побороть недоверие социалистических организаций Англии к правительству Колчака»), Г. Гинс ответил: Вологодский и Старынкевич — эсеры, Шумиловский, Петров, Грацианов — социал-демократы, Зефи́ров — энес и Михайлов — «беспартийный социалист»¹². В Омске при этом, вероятно, полагали, что там, в Лондоне, вряд ли будут разбираться «кто есть кто»: главное — на указанных лиц повесить «социалистическую» бирку.

Некоторые «левые» газеты (в частности, екатеринбургский «Наш Урал», 13 июня 1919 г.) советовали для скорейшего признания колчаковской власти союзниками привлекать «к государственной работе не только деятелей самодержавного режима, но и деятелей послереволюционного периода, например кн. Львова, Керенского, Некрасова и др.». Но официозная пресса резко отвергала эти рекомендации. Владивостокская «Дальневосточная окраина» 2 июня 1919 г. писала: страна никогда «не призывает к управлению... тех, кому не властвовать, а под суд идти надлежит».

Партийно-политическое лицо колчаковского Совета министров довольно метко охарактеризовал генерал А. Будберг, одно время занимавший пост управляющего военным министерством. Даже его, закоренелого монархиста, поражала «реакционность, неискренность и умышленная недоговоренность некоторых речей», произносимых министрами-кадетами и «социалистами». «Общее заключение из того, что я сегодня слышал,— записал Будберг в дневнике в июне 1919 г.,— сводится к выводу, что большинство Совета настроено враждебно против всяких общественных организаций... но в то же время боится поставить точки над «і» и получить упрек в недемократичности». Впрочем, дело даже не в партийности Совета министров, составлявшегося по принципу безусловной лояльности «верховному правителю»¹³.

Г. Гинс (о нем говорили, что у него никогда не узнаешь:

то ли он тебя поцеловать хочет, то ли яду подсыпать) отмечал, что в послепереворотном статусе Совета министров заключалась некая неопределенность. С одной стороны, он сам явился источником власти «верховного правителя» и разделял с ним эту власть, так как участвовал в рассмотрении и обсуждении законов, а с другой — при концентрации всей власти в руках «правителя» фактически превращался в орган, «не ответственный за внутреннюю и внешнюю политику»¹⁴.

Это противоречие являлось неизбежным следствием не ограниченной законами единоличной диктаторской власти. Делами все больше и больше вершило не официальное правительство — Совет министров, а правительство, так сказать, неофициальное, в известной мере закулисное. Такую роль играл учрежденный в начале 1919 г. «Совет верховного правителя». В эту, по характеристике того же Гинса, «звездную палату» в разное время входили такие проходимцы, как «Ванька Каин» — Михайлов, черносотенцы Д. Лебедев, Г. Тельберг и др. Но помимо некоторых министров в заседаниях «Совета верховного правителя» участвовали и «политические деятели» вроде начальника личной канцелярии Колчака генерала Мартьянова, начальника личной охраны Колчака ротмистра Удинцова и др.

Главнокомандующий союзными войсками в Сибири французский генерал М. Жаннен писал в своем дневнике: «...давление на правительство оказывает группа министров во главе с Михайловым, Гинсом, Тельбергом; эта группа служит ширмой для синдиката спекулянтов и финансистов... Этот синдикат имеет чисто реакционную тенденцию. В нем, как и среди офицеров, наряду с монархистами или людьми, озлобленными потерями и страданиями, причиненными революцией, встречаются также и барышники»¹⁵. Генерал Будберг констатировал, что Колчак был «пленен ставочной и омской камарильей»¹⁶. Именно она и делала «большую политику», которая на практике оказывалась глубоко противоречивой.

С одной стороны, Колчак в своих официальных заявлениях клялся и божился, что не помышляет о полной реставрации¹⁷. Но с другой стороны, стремясь осуществить свою главную цель — искоренить большевизм и ликвидировать Советскую власть, Колчак и его правительство последовательно и неотвратно шли по пути реставрации режима, сокрушенного еще в Феврале 1917 г.¹⁸

Логика классовой борьбы не позволяла остановиться на «промежуточных станциях».

Перейдем теперь к характеристике той политики, которую проводили «верховный правитель» и его Совет министров.

Советский Декрет о земле не только нанес сокрушительный удар по всей аграрной структуре дореволюционной России и кардинальным образом перестроил ее в интересах широчайших крестьянских масс (крестьяне получили более 150 млн. десятин земли, и в их руках оказалось до 97 % земельного фонда всей страны; они освободились от уплаты помещикам ежегодной арендной платы в 700 млн. рублей и от долгов на сумму 3 млрд. рублей золотом¹⁹).

Декрет о земле, как это выяснилось уже в начале гражданской войны и иностранной интервенции, имел еще и колоссальные политические последствия: в сущности говоря, он выбивал почву из-под ног внутренней контрреволюции. В такой стране, как Россия, где от позиции крестьянства, от того, на чьей стороне оно в конечном счете окажется — Советской власти или антисоветских правительств, Декрет о земле практически парализовал любую аграрную политику контрреволюционного лагеря. Даже при желании дать крестьянам больше, чем дал им советский Декрет о земле, было попросту невозможно. В лучшем случае, так сказать теоретически, можно было лишь подтвердить, санкционировать его, но политический эффект и от такого шага равнялся бы нулю: земля уже была получена крестьянами из рук Советской власти.

А ведь цель контрреволюции состояла в ликвидации завоеваний Октября, т. е. в попятном движении. Вот почему аграрный вопрос как для «демократической», так и для буржуазно-помещичьей, кадетско-монархической контрреволюции стал форменным проклятием, заколдованным кругом, из которого они во что бы то ни стало хотели найти выход, но которого на деле не существовало.

Позднее, уже в эмиграции, когда бывшие военные и политические руководители «белой борьбы» искали объяснение своим поражениям, кадет Н. И. Астров в письме А. И. Деникину напомнил о «трагической шутке» А. В. Кривошеина — бывшего сподвижника П. А. Столыпина по аграрной реформе. Рассуждая о том, как в условиях гражданской войны белые могут решить «мучительный»

для них земельный вопрос, Кривошеин говорил: «В этом вопросе нужно поступить так, как ответил Кутузов Александру I на вопрос последнего: может ли он победить Наполеона? На этот вопрос Кутузов ответил: победить не могу, а обмануть постараюсь»²⁰.

Кривошеинская шутка указывала главный путь, по которому должна была идти аграрная политика контрреволюции: попытаться нейтрализовать эффект Октября не на прямых, а на глубоко обходных, фланговых путях.

Свержение власти Советов в Сибири летом 1918 г. привело белогвардейщину в состояние контрреволюционной эйфории вообще и в аграрном вопросе в частности. Уже в начале июля 1918 г. Временное Сибирское правительство, не колеблясь, издало закон о возвращении владельцам их имений вместе с живым и мертвым инвентарем. Все практические вопросы этой аграрной реставрации должны были решать комиссии, специально образуемые земствами. Конечно, в этом акте сказалось не только контрреволюционное упоение. Временное Сибирское правительство, несомненно, учитывало особенности сибирского землевладения, отсутствие в Сибири значительного помещичьего хозяйства, подвергшегося разделу. Но так или иначе, земельный закон этого правительства принадлежал к числу таких, которые со всей очевидностью обнаруживали его реакционную суть.

Однако того, на что могло решиться областное Сибирское правительство (хотя и питавшее определенные великодержавные вождедения), не мог себе позволить всероссийский «верховный правитель» Колчак. Для него Сибирь была лишь плацдармом, и двигаться с этого плацдарма дальше, в Европейскую Россию с аграрным законом Вологодского и К°, декларирующим восстановление прежнего аграрного строя, было бы безумием. И Колчак, придя к власти, делает то, что, казалось бы, он не должен был делать в силу еще большей своей правизны: 5 апреля 1919 г. Совет министров «верховного правителя» в постановлении за подписью министра земледелия Н. И. Петрова сообщил об отмене июльского 1918 г. указа Временного Сибирского правительства о возвращении владельцам их имений и ликвидировал соответствующие комиссии²¹. Через три дня, 8 апреля, была широко опубликована «Грамота верховного правителя о земле». Она начиналась словами: «Армии Российского правительства продвигаются в пределы Европейской России. Они приближаются

к тем коренным русским губерниям, где земля служит предметом раздора...»²² Далее кратко излагались основные положения колчаковского аграрного законодательства.

За разработку его министерство земледелия активно принялось еще с начала 1919 г. Оно было изложено в основном в четырех обширных документах: «Записке о направлении аграрной политики правительства», «Основах аграрной политики правительства», «Положении об обращении во временное распоряжение государства земель, вышедших из обладания их владельцев» и «Объяснительной записке к нему», «Правилах о порядке производства и сбора посевов в 1919 г. в местностях, освобожденных от Советской власти». Их мы главным образом и будем анализировать.

Аграрные акты Советской власти объявлялись незаконными. В каком же случае тогда решение земельного вопроса, по мнению колчаковского правительства, могло считаться законным, кто мог придать ему законную силу? Некий «хозяин земли русской» — «Национальное российское собрание», которое будет созвано лишь после восстановления «порядка». Следовательно, кардинальное решение аграрной проблемы во всероссийском масштабе откладывалось на неопределенное будущее. Это обстоятельство имело важное значение: оно должно было дать колчаковскому режиму столь необходимый для него выигрыш времени. В этом смысле Колчак (как «верховный правитель») инструктировал и другие белогвардейские правительства. Так, например, в телеграмме А. И. Деникину он особо подчеркивал, что из-за «сложности земельного вопроса» представляется «невозможным его разрешение до окончания гражданской войны»²³.

Но белогвардейские «аграрники» — советники Колчака — хорошо понимали, что ограничиться одним лишь «законным» уклонением от решения жгучего вопроса они не смогут. В «Записке о направлении аграрной политики правительства», разработанной в начале 1919 г., говорилось: «Вопрос — како веруеши, что нам ждать от тебя в этой области — будет первым вопросом, с которым подойдут к правительству все прикосновенные к земле люди... Настало время определить принципиальное отношение правительства к аграрному вопросу, наметить ясную линию поведения...»²⁴ Именно эта задача и представляла особую трудность для колчаковского режима,

являла собой уравнение со многими неизвестными. Понятным было лишь одно, и об этом Колчак прямо писал в цитированном письме Деникину: недопустима «земельная политика, которая создает у крестьян представление помещичьего землевладения».

Поиск соответствующего решения приводил колчаковских специалистов по земельному вопросу к все той же концепции столыпинской аграрной реформы, правда с известными поправками, диктуемыми послереволюционной обстановкой, сложившейся в стране вообще и в деревне в частности. «Записка о направлении аграрной политики» прямо подчеркивала, что если «старое (т. е. царское.— Г. И.) правительство не принимало достаточных мер к содействию крестьянству в приобретении им земли, будучи связано общей тенденцией к поддержанию дворянского землевладения», то теперь, после революции, «всколыхнувшей народные массы», дворянство «должно уступить свое место крестьянину, без опоры на которое немыслимо никакое будущее бытие Российского государства». И «Записка» указывала, что единственный путь к этому — подтвержденное столыпинской реформой «создание мелких крепких трудовых хозяйств, владеющих землей на праве частной собственности и свободной от принудительной опеки общины». Авторы «Записки» настаивали на длительности этого процесса; для его естественного завершения, считая с 1911 г., по их мнению, требовалось... «примерно 42 года». Тем не менее перспектива «поглощения крупного землевладения мелким» должна была, по расчетам колчаковцев, внести определенное успокоение в крестьянские массы.

Но и это еще не давало ответа на главный вопрос, который больше всего волновал крестьян сейчас, сегодня: как же поступит колчаковская власть с теми землями, которые уже, т. е. в результате революционных преобразований, фактически перешли в их владение? Пожалуй, именно тут белые правители оказывались в положении героя басни Эзопа, похвалявшегося, что на Родосе он однажды совершил прыжок на огромное расстояние, и ссылавшегося при этом на свидетелей; один из присутствующих на это сказал: «Тебе не нужны свидетели. Здесь Родос, здесь и прыгай».

И «Записка о направлении аграрной политики» совершила «прыжок»: «Не уничтожая формально права собственности на земли их прежних владельцев, опасно в то же время отстранять от пользования этими землями

фактических, хотя и самоуправных пользователей... Но надо твердо и ясно определить границы и основания прав этих пользователей»²⁵.

Упомянутые нами документы, касающиеся аграрного вопроса, пытаются определить эти «границы» и «права». Ключевым среди них являлось признание права сбора урожая 1919 г. за теми крестьянами, которые произвели посевы на перешедшей к ним земле. В специально разработанных на сей счет «Правилах» (они были введены в апреле 1919 г.) разъяснялось, что все «посевы... составляют полную и неотъемлемую собственность тех лиц, трудами и средствами которых означенные посевы произведены». Практически же этот «колчаковский дар» мужику выливался в длинную бюрократическую волокиту. Каждый «пользователь» новой земли обязан был сделать соответствующее заявление сельскому старосте, а тот — вести «книгу посевов» и представлять ее сведения в волостное правление. Оттуда эти данные надлежало представлять в уездный по земельным делам совет. За пользование «захваченной» землей в депозит таких советов вносилась определенная плата. Вся эта процедура устанавливалась сознательно: «пользователь» должен был чувствовать сугубо временный характер своих прав. Впрочем, чтобы не оставлять никаких сомнений, министерство земледелия разъяснило, что «пользование землей в порядке сих правил не устанавливает для пользователей в дальнейшем никаких прав на владение или пользование этой землей»²⁶.

Фактически (да и юридически) новые «пользователи» земли переводились на положение ее арендаторов. В «Объяснительной записке к законопроекту» отмечалось, что временный перевод «захватчиков» в арендаторы определенно укажет им, что «право собственности на эти земли им не принадлежит»²⁷. Правда, тут же делалась прямо рассчитанная на крестьян оговорка: чтобы у них создавалась «уверенность для спокойной работы», за ними в будущем признавалось преимущественное право на приобретение находящейся в их пользовании земли.

Две цели преследовал этот шаг, пожалуй, наиболее «радикальный» в колчаковском подходе к аграрному вопросу. Прежде всего — политическую: правительство всеми силами стремилось показать, что оно «не думает о реставрации старого положения вещей». Но была в этом шаге и вынужденная экономическая необходимость: в условиях военных действий Колчаку нужно было максималь-

но использовать сельскохозяйственные угодья для обеспечения нужд армии.

Вернемся, однако, к тому, как разработчики колчаковского аграрного законодательства пытались решить проблему приобретения крестьянами той земли, с которой им пока разрешалось собирать урожай на правах арендаторов. Они прекрасно понимали, что этот процесс не может не сопровождаться острыми конфликтами между «новыми пользователями» и «бывшими владельцами». Поэтому прежде всего подчеркивалось, что он не должен форсироваться, а идти «естественным путем».

Три обстоятельства здесь выдвигались как определяющие. Первое — положение о трудовой норме землевладения. В соответствии с ним пользователь земли не мог приобрести ее сверх нормы. Пределы ее, правда, точно не определялись, но подчеркивалась недопустимость «карликовых, нищенских хозяйств».

Далее, законопроект назначал определенный срок, в течение которого владельцы, фактически потерявшие свои земли, и вообще крупные землевладельцы, с одной стороны, и крестьяне, будущие обладатели «трудовой нормы», — с другой, должны урегулировать свои отношения на договорной основе, точнее, путем продажи земли мелким собственникам (на условиях, выработанных государством). Не было ни малейшего сомнения в том, что бывшие крупные владельцы сделают все возможное, чтобы затянуть эту куплю-продажу. Поэтому для них предлагалось ввести «побудительную меру» — высокий прогрессивный налог. Но если и он в назначенный срок не дал бы результата, тогда должны были вступить в силу «меры принудительные».

Третий момент, планировавшийся колчаковским режимом, состоял в том, что земли, утраченные их бывшими владельцами, формально переходили в распоряжение государства, и оно в принудительном порядке (естественно, за выкуп) могло произвести отчуждение земли для последующей ее продажи будущему «трудовому собственнику» (в этих видах предполагалось создать Государственный земельный банк)²⁸.

Эти положения «Записки» были зафиксированы и конкретизированы в 10 пунктах другого документа — «Основы аграрной политики правительства», относящегося к весне 1919 г. Но в нем говорилось и о землях, «вообще не подлежащих принудительному отчуждению» (земли об-

ществленные, владения отрубников, земли государственного значения и т. д.), и о сохранении «наиболее жизненных крупных владений земель».

В «Объяснительной записке» с особой силой подчеркивалось, что «обращение во временное владение государства земель, вышедших из обладания их владельцами», ни в коем случае не распространяется на будущее. «Записка» грозно предупреждала: «Самовластные захваты земли, причинение убытка и ущерба владельцам после очищения местности от большевиков войсками Российского (т. е. колчаковского.— Г. И.) правительства будут преследоваться по всей силе гражданских и уголовных законов»²⁹.

Когда рассмотренные нами аграрные законопроекты были переданы в юрисконсульскую часть министерства земледелия, она без особого труда усмотрела их глубокую внутреннюю противоречивость. С одной стороны, указывали авторы юридического заключения, окончательное решение аграрного вопроса правительство передает будущему «Национальному собранию», а с другой — в ряде документов вообще ничего не говорит об этом и не оговаривает предлагаемые им мероприятия как временные. Документы эти, делала вывод юрисконсульская часть, «являются совершенно отдельными проектами, построенными на разных основных началах, частью существенно противоречащих друг другу. И Совет министров, не впадая ни в какое противоречие, может принять один и отвергнуть другой»³⁰.

Колчаковские юристы-аграрники усматривали неопределенность и противоречивость аграрных проектов «верховного правителя» и его Совета министров главным образом в их несовершенстве с чисто юридической точки зрения. На самом деле причина лежала гораздо глубже. Самое это «несовершенство» являлось неизбежным следствием классовой позиции буржуазно-помещичьей диктатуры Колчака. Эта позиция оказалась довольно четко очерченной в декларации «От Российского правительства», включавшей в себя основные положения рассмотренных нами документов. Заявляя о том, что должна быть «определенная и ясная политика, не допускающая никаких кривотолков», колчаковский Совет министров тут же «разъяснял», что правительство «не пойдет ни по пути партийности, ни по пути защиты интересов отдельных групп населения; оно не пойдет ни вправо, ни влево»³¹.

Политически такой курс означал отсутствие какой-либо конструктивной линии, топтание на месте, попытку поддержания статус-кво в расчете на принятие какого-либо решения в более благоприятном будущем. Но в пору гражданской войны, когда все классовые противоречия обострились до максимального предела, такой курс, и прежде всего в жгучем аграрном вопросе, не мог иметь каких-либо перспектив. Переломные эпохи требуют ясной, четкой, последовательной политики, бескомпромиссно ориентирующейся на передовой класс. Только такая политика может рассчитывать на успех. Между тем стремление и удержать крестьян на своей стороне, и каким-то образом перерешить аграрный вопрос, решенный Великим Октябрем, заводило аграрную политику колчаковщины в тупик. Напрасно Колчак, действуя по законам бонапартистской демагогии, взывал к «крестьянам-сибирякам». В сентябре 1919 г. он «повелел» собрать в Омске съезд «выборных от народа» (по два человека от каждой волости), чтобы дать на нем крестьянам указания, как им «жить и работать спокойно, по правде божьей, на пользу себе, и ближнему, и всему государству»³².

Никто не обращал внимания на эти «обращения». Сохранились весьма ценные для историка обзоры сводок отдела печати управления делами «верховного правителя», характеризующие политические настроения в «колчакии». Согласно этим обзорам, массы крестьян были настроены «оппозиционно и антигосударственно». В их среде неуклонно росло недовольство, причинами которого были бесчинства карателей, расправлявшихся и с правым, и с виноватым, «беспощадное взыскивание податей и недоимок», бесчисленные поборы, а проще сказать, грабежи, учиняемые белогвардейцами, и т. п. Все это свидетельствует о том, что на деле колчаковцы вели себя в деревне отнюдь не по правилам, выработанным в их же министерстве земледелия. Бывшие владельцы «огнем и мечом» возвращали свое, невзирая ни на какие законы.

В силу ряда причин (прежде всего недовольства продразверсткой) среднее крестьянство, в том числе и Сибирь, весной и летом 1918 г. колебнулось в сторону контрреволюции. Но как указывал В. И. Ленин, сравнение колчаковского режима с Советской властью быстро отрезвило крестьянские массы³³. Уже к концу 1918 — началу 1919 г. обозначился их поворот на сторону Советской власти, что проявилось в антиколчаковском партизан-

ском движении, охватившем огромные районы Урала, Сибири и Дальнего Востока³⁴.

Если на аграрной политике колчаковского режима явно видны следы растерянности и неуверенности в эффективности ее результатов, то на «рабочей политике» «верховного правителя» лежит четкая печать безнадежности.

Еще в октябре 1918 г., т. е. примерно за месяц до колчаковского переворота, докладная записка Иркутского комиссариата труда, направленная в «центр», в таких непроглядно пессимистических тонах рисовала положение пролетариата Сибири: «В настоящее время в промышленных предприятиях наблюдается такой хаос, рабочие находятся в таком положении, что если бы руководствоваться хотя бы законами о промышленном труде дореволюционного времени, то пришлось бы ответственных управителей громаднейшего большинства фабрик и заводов предать суду за нарушение этих законов». Записка констатировала, что санитарные условия на предприятиях «ниже всякой критики», полностью отсутствуют меры предохранения от несчастных случаев, законы о женском и детском труде «находятся в полном забвении», а в отношениях между «нанимателем и нанимаемыми» господствует полнейший произвол³⁵. Таким был результат хозяйничанья «демократической контрреволюции» в сфере промышленного производства и в рабочем вопросе.

В «верхах» «колчакии» отлично понимали, что завоевать на свою сторону пролетарскую массу — дело бесконечно трудное, если не невозможное. В сводках управления делами «верховного правителя» за 1919 г. неоднократно констатировалось: рабочие не скрывают своих симпатий к большевикам, ждут их, «как светлого дня»; «являются наиболее революционно настроенной группой населения», с готовностью откликающейся на большевистскую пропаганду³⁶.

Тем не менее правительство Колчака не могло, конечно, отказаться от попыток повлиять на рабочий класс в нужном для себя направлении. Эту задачу возложили на министерство труда, во главе которого был поставлен преподаватель правописания Барнаульского реального училища Л. И. Шумиловский. Он числился в «беспартийных меньшевиках» и достался Колчаку от Временного Сибирского правительства и Директории, при которых

занимал тот же пост. Правда, в конце 1918 г. Шумиловский вознамерился было подать в отставку ввиду, как он писал, обнаружившихся расхождений между его взглядами и взглядами большинства Совета министров «по основным вопросам внутренней политики»³⁷. Но на заявлении нет никаких резолюций Вологодского или Колчака. Видимо, оно так и не было подано или одной устной беседы с Шумиловским оказалось достаточно, чтобы примирить его с колчаковским большинством.

По свидетельству многих мемуаристов, министерство труда «так и осталось в эмбриональном состоянии»³⁸, влачило жалкое существование: все оно в полном составе размещалось в одной комнате, где-то в бывших торговых рядах³⁹. Другие ведомства мало считались с ним, и на горы бумаг, исходивших из его отделов, далеко не всегда считали нужным отвечать. Министерство быстро превратилось в насквозь бюрократическое учреждение, в сущности работавшее на холостом ходу.

В справке, составленной для премьер-министра Вологодского, указывалось, что социальная политика министерства труда определяется двумя основными принципами. Во-первых, признанием того, что положение рабочего класса может быть улучшено только тогда, когда «в стране будет развиваться промышленность, дающая должный простор применению наемного труда». Во-вторых, безусловным требованием того, что «все рабочее движение должно протекать в рамках строго организованной государственности». Практически это означало, что берется курс на всемерную поддержку буржуазии, предпринимателей и на подчинение требований рабочего класса их интересам.

В осуществление первого принципа министерство, как указывалось в справке, «резко отрицательно относится к многообразным и непродуманным поборам с буржуазии, которые во времена Советской власти были так заманчивы для пролетариата...». Отменялись взносы на содержание профсоюзов, органов рабочего контроля (система которого «безусловно отрицалась»); предполагалось значительно уменьшить вклады на больничные кассы и т. д.⁴⁰

Но особое внимание министерство уделяло реализации второго принципа. Как неоднократно заявлял Шумиловский, основная задача министерства и его представителей на местах — инспекторов труда состояла в том, чтобы искоренить большевизм, парализовать «противогосудар-

ственные тенденции» в рабочем движении и перевести его в русло чисто «деловой», «практической» работы, ничего общего не имеющей с политикой. Эта линия опиралась, с одной стороны, на беспощадное искоренение октябрьских завоеваний пролетариата, начатое еще эсеровскими правительствами (денационализация, ликвидация революционных рабочих организаций), а с другой — на использование рабочего законодательства, доставшегося Временному Сибирскому правительству, Директории и Колчаку от царизма и в большей степени — от послефевральского буржуазного Временного правительства. В это «рабочее законодательство» вносились лишь некоторые «технические» поправки.

Еще перед самым переворотом, 14 ноября 1918 г., «директоральный» Совет министров утвердил закон о биржах труда, который вошел в силу уже при Колчаке. Их основная функция сводилась к учету непрерывно возрастающего числа безработных и содействию в найме рабочей силы. Советы бирж, как правило, состояли из двух представителей от профсоюзов, двух — от «торгово-промышленного класса» и по одному — от городской думы, земства и министерства труда. Таким образом, в этих «пролетарских органах» явно преобладали непролетарские элементы (пять против двух) ⁴¹.

8 января 1919 г. Совет министров (уже колчаковский) утвердил закон о больничных кассах — органах страхования рабочих. Министерство труда вынуждено было признать, что после свержения Советской власти больничные кассы «оказались в крайне тяжелых условиях»: большинство предпринимателей резко снизили свои вклады в кассы, а многие вообще перестали их вносить. Не помогали даже «принудительные меры», хотя предпринимательские взносы официально были снижены до 5 %. Закон 8 января пытался вернуть больничные кассы к состоянию, «бывшему при Керенском». В соответствии с ним значительную часть средств в кассы должны были вносить сами рабочие; предприниматели по-прежнему уклонялись от внесения своей урезанной доли. Но это не помешало им настойчиво требовать введения в правление касс своих представителей и представителей властей ⁴², и тут они находили полную поддержку министерства труда.

Для разбора постоянно возникавших конфликтов между рабочими и предпринимателями создавались примирительные камеры, третейские суды и т. п., также обычно

бравшие сторону капиталистов. Не посмело посягнуть колчаковское «верховное правление» и на одно из важнейших послефевральских завоеваний пролетариата — 8-часовой рабочий день. Было объявлено, что министерство труда готовит соответствующий проект закона, но принят он так и не был. Фактически же предприниматели, поддержанные властями, под разными предлогами ликвидировали 8-часовой рабочий день⁴³.

Формально при Колчаке сохранялись и профсоюзы. По данным справки, составленной, по-видимому, для министра внутренних дел В. Н. Пепеляева летом 1919 г., к концу 1918 г. на Урале и в Сибири имелось 184 профсоюза, причем в большинстве из них числилось по несколько тысяч членов⁴⁴. В июне 1919 г. Колчак соизволил принять делегацию от омского Союза печатников. Во время приема, продолжавшегося не более 20 минут, он, как сообщалось в газетах, высказал «сочувствие мысли о легализации профессиональных союзов»; говорил даже о том, что право стачек не встречает у него «принципиальных возражений», хотя теперь они «совершенно недопустимы по условиям военного времени» (в марте 1919 г. специальным приказом «верховного правителя» стачки запрещались).

Основываясь на этих указаниях «верховного правителя», Шумиловский широко заявлял, что без профессиональных союзов «деятельность министерства труда и его органов на местах совершенно парализуется», а это недопустимо. Формально не ликвидировались даже фабзавкомы. Весной 1919 г. министерство труда особым письмом разъясняло Совету профессиональных союзов Сибири (находился в Томске), что постановления Временного правительства (Львова—Керенского) обязательны к исполнению, если они не отменены особым указом. Поэтому сохраняется в силе и постановление Временного правительства от 23 апреля 1917 г. о фабзавкоммах, которое, как известно, запрещало им вмешиваться в производство.

Итак, внешний декорум «демократичности» колчаковского правительства в «рабочем вопросе» был как будто налицо. На первый взгляд могло сложиться впечатление, что в рабочем вопросе Колчак продолжал линию буржуазного Временного правительства. Но только на первый взгляд. В делах министерства труда сохранилась масса интереснейших документов, проливающих яркий свет на то, что творилось в действительности.

В январе 1919 г. Шумиловский обратился с письмом

в министерство внутренних дел, в котором в общем виде характеризовал работу профсоюзов и еще раз высказывал свою точку зрения относительно желательной политики по отношению к ним. Министр утверждал, что «оздоровление» рабочего класса, несомненно, уже началось, что большинство профсоюзов лояльно сотрудничают с министерством труда, его органами на местах, а также с больничными кассами, биржами труда и т. п. И тем не менее, констатировал Шумиловский далее, они нередко подвергаются «репрессиям и терроризированию» со стороны властей, прежде всего военных. Выражая опасение, что в результате этого рабочее движение вновь примет «определенно политический характер» и большевизируется, Шумиловский советовал предоставить профсоюзам «возможность работать», если, конечно, они не выходят за рамки «деловой работы», носящей строго экономический характер⁴⁵.

В упоминавшейся справке для министра внутренних дел Пепеляева (составлялась скорее всего в министерстве труда) подчеркивался «индифферентизм» рабочих, их интерес к профсоюзам якобы только «с точки зрения самого узкого практицизма» и указывалось на меньшевистское руководство большинством профсоюзов. Большевики же характеризовались как партия хотя и оппозиционная правительству, критикующая его за «уклонение в сторону от демократизма», но все же призывающая рабочих не выходить за рамки экономической борьбы. Совсем другой характер, отмечалось в справке, имеют те профсоюзы, которыми руководят большевики (Владивосток, Сучан, Черемхово и др.): здесь идет политическая борьба с «верховным правителем», готовятся вооруженные восстания.

По некоторым данным, министерство внутренних дел, возглавляемое В. Пепеляевым, склонно было поддержать Шумиловского и его коллег, правда с поправкой на необходимость установления более бдительного контроля над профсоюзами со стороны властей. Когда в июне Шумиловский направил Пепеляеву официальное письмо с просьбой разрешить открытие профсоюзного съезда, что, по его словам, должно содействовать борьбе с «противогосударственными элементами», Пепеляев, быстро усвоивший бюрократический язык, наложил резолюцию: «Не встречается возражений в предположении, что можно... обеспечить соблюдение строго деловой программы, которая имеет быть представлена мне и вам»⁴⁶.

Однако даже эти профсоюзы, руководимые «лояльно-

оппозиционными» меньшевиками и контролируемые пепеляевскими чиновниками, вызывали сильнейшее раздражение и злобу у монархически настроенной военщины. В материалах министерства труда имеются поразительные по своей откровенности «отношения» Шумиловского, направленные им в разное время в военное министерство по вопросу о положении сибирских профсоюзов. Первое письмо отправлено еще при Директории (2 ноября 1918 г.). В нем Шумиловский сообщал, что к нему отовсюду поступают сведения о «значительных стеснениях» профессиональных организаций со стороны военных властей. Да, конечно, он знает, что некоторые из профсоюзов являются «легальным убежищем большевизма» и с ними должна вестись «беспощадная борьба», но другие (а их большинство) преследуют исключительно экономические цели и потому «отводят рабочее движение от бесплодных политических прений в русло деловой работы». Ввиду этого «рабочий министр» просил «более осторожно (!) применять репрессивные меры к профессиональным союзам». Никакого ответа, по-видимому, не последовало, так как в начале января 1919 г. (уже при Колчаке) Шумиловский вновь обратился в военное министерство с раболепной просьбой «более осторожного применения репрессий»⁴⁷.

Но «осторожных репрессий» у колчаковщины не получалось. В том же январе исполком Совета профессиональных союзов Сибири сообщал в министерство труда, что повсюду от Урала и до Владивостока идет «усиленное преследование профсоюзов», выражающееся в арестах и избиениях профсоюзных работников, закрытии и ограблении профсоюзных помещений и т. п. Весной 1919 г. (в апреле), а затем летом (в июне) исполком Совета профсоюзов вновь сообщал министерству труда о «бесчинствах, насилии и преследовании как в отношении профессиональных союзов и их руководителей, так и в отношении отдельных рабочих, творимых властями на местах». Губернские, областные и уездные инспекторы труда, призванные осуществлять надзор за исполнением законов о труде, оказывались полностью бессильными что-либо сделать, чтобы остановить разгул бесчинств. При этом, как особо подчеркивалось в обращениях исполкома, «борьба идет не с большевизмом, а с профессиональными союзами... независимо от того, какую работу ведет профсоюз»⁴⁸.

Бесчисленные протоколы и жалобы, свидетельствующие о полном произволе администрации, военных и мили-

цейских отрядов, прилагались к этим обращениям. Приведем только одно, весьма типичное и характерное. Некий Узюмов, как он именуется себя, — председатель рудничного отдела Союза рабочих металлистов — в марте 1919 г. слезно жаловался в окружное правление союза Златоустовского горного округа (оттуда его жалоба, видимо, и была переправлена в министерство труда): на рудник явился отряд во главе с поручиком Кузьминым и, узнав, что Узюмов — «профсоюзный деятель», приказал «всыпать» ему 25 плетей, после чего «солдаты мигом приступили к наказанию». Узюмов не столько переживал факт избияния, сколько, по его мнению, необоснованность наказания. В своем заявлении он клялся и божился, что всегда «боролся с игом большевизма»⁴⁹.

Бедный Узюмов не хотел понять, что для монархических офицеров из армий «верховного правителя» слова «рабочий» и «профсоюз» были идентичны слову «большевик». Состоишь в профсоюзе да еще ходишь в каких-то «председателях» — получай плети — таков был прямолинейный ход их мысли.

Исполком Совета профессиональных союзов Сибири прямо писал Шумиловскому, что «все военные и гражданские учреждения и инстанции на местах выработали себе по отношению к профессиональным организациям рабочего класса вполне определенный отрицательно-боевой взгляд»⁵⁰. Что мог ответить Шумиловский? Его реляции в военное министерство не получали ответа. И он успокаивал профсоюзных деятелей из Совета жалким обещанием создать междудементственную комиссию, которая «ставит своей задачей выработку единообразной политики по отношению к рабочим организациям». Поручики кузьмины плевать хотели на эту комиссию, даже если бы она и была создана.

Осенью 1919 г. в докладной записке Вологодскому Шумиловский фактически признавал полный крах своей рабочей политики. «...Я должен, — писал он, — констатировать полное крушение моих прежних надежд... Министерство труда оказалось в положении инородного тела, с которым не может сжиться общественный организм, взятый в его целом». И далее Шумиловский сообщал о гонениях и преследованиях его «агентов», на которых смотрят как на «сохранившихся по какому-то недоразумению пережитков советских порядков». Их арестовывают, предают военно-полевому суду; «систематически отвергаются даже самые

скромные попытки... внести частичные улучшения в социальную обстановку». Излагая все это, Шумиловский вновь просил об отставке. И снова взял ее обратно, продолжая покорно плестись в колчаковском обозе⁵¹.

Между тем положение пролетариата после свержения Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке неуклонно ухудшалось. Экономическая разруха, рост безработицы приводили к падению реальной заработной платы рабочих. Денежная реформа сибирского «финансового гения» Михайлова привела к невероятной инфляции. Введенные им новые денежные знаки на сумму 4 млрд. рублей быстро превратились, как говорили в Сибири, в «запачканные бумажки». Цены катастрофически росли. Даже колчаковский «Правительственный вестник» вынужден был признать, что «далеко не всегда заработная плата поспевает за прожиточным минимумом... Существуют категории рабочих, которые должны перебиваться на так называемом полуголодном или голодном минимуме»⁵².

Результатом были восстания (в большинстве случаев руководимые большевиками), сотрясавшие «империю» Колчака. Мы уже писали об омском восстании в двадцатых числах декабря 1918 г. Вслед за ним произошли Канско-Иланское (27 декабря 1918 г.), Бодайбинское (26 января 1919 г.), Тюменское (13 марта), Кольчугинское (7 апреля), Красноярское (12 августа 1919 г.) и другие восстания⁵³.

Для краткой характеристики колчаковского режима следует сказать еще несколько слов о его национальной политике. В ней таилось такое же глубокое внутреннее противоречие, как и в политике аграрной и рабочей. Действуя под лозунгом «единой и неделимой России», Колчак в то же время не мог не учитывать разбуженного революцией стремления народов бывшей Российской империи к свободе и независимости. Сразу же после переворота министр иностранных дел Ю. Ключников сделал заявление, в котором «самоопределение народов» не отвергалось «как идеал», но тут же подчеркивалось, что «крайние выводы из него» (образование самостоятельных государств на территории бывшей Российской империи.— Г. И.) «не привлекают уже больше общественного внимания России»⁵⁴.

Выходом из создавшейся коллизии была все та же

знакомая нам «спасительная» отсылка к «Национальному (или Учредительному) собранию», которое Колчак обещал собрать после того, как в стране будут установлены «законность и порядок». В этом духе по его поручению действовало и «Русское политическое совещание» в Париже. В начале марта оно изложило общую точку зрения в вопросе о национальных окраинах. Затем в течение апреля—мая последовали его декларации о русско-польских и русско-финских отношениях, о прибалтийских «провинциях» и др. Но все эти декларации и разъяснения не находили отклика у делегаций буржуазных правительств «окраинных народов» на Версальской мирной конференции. В июне делегации Азербайджана, Эстонии, Грузии, Латвии, Северного Кавказа, Белоруссии и Украины выступили с заявлением о немедленном признании их независимости. Одна из главных причин этого, по мнению Чайковского, состояла в том, что белые правительства и их представитель Сазонов продолжали «понимать задачу собирания русского государства в смысле приемов 16 и 17 веков, что ставит все дело... на мертвую точку»⁵⁵.

Пожалуй, полнее всего колчаковское правительство очертило свою национальную политику в ответе на союзническую ноту летом 1919 г. (подробнее о ней речь пойдет ниже). В нем было еще раз подчеркнуто, что решение всех кардинальных вопросов «послереволюционного бытия» России будет принадлежать Учредительному или «национальному» собранию. Не составит исключения и национальная проблема. Будучи вынужденным продемонстрировать перед союзниками антиреставрационный характер своего правления, Колчак по сути дела проводил весьма двусмысленную политику в отношении народов бывшей Российской империи. Омское правительство готово было признать фактически существующее финляндское правительство и обеспечить ему полную независимость во внутренних вопросах; однако окончательное решение о Финляндии будет принадлежать Учредительному собранию.

Спустя некоторое время Колчак наглядно показал, что стоят его двусмысленные обещания в отношении Финляндии.

Во время подготовки второго наступления генерала Юденича на Петроград Маннергейм довел до сведения Колчака, что он согласен двинуть в поддержку Юденичу 100-тысячную армию. Единственным условием он ставил

официальную декларацию «верховного правителя» о признании независимости Финляндии. Напрасно сам Юденич, члены «Русского политического совещания» в Париже и дипломатические советники в Омске доказывали ему, что такое заявление равным счетом ничего не будет значить, что от него под благовидным предлогом можно будет отказаться и т. п. Ничего не помогло. Колчак твердо стоял на своем, заявляя, что идеей единой и неделимой России он не поступится ни при каких обстоятельствах и ни за какие «минутные выгоды»⁵⁶. Военный министр генерал Будберг с негодованием записал в своем дневнике: «Какой ужас и какой идиотизм»⁵⁷.

Касаясь судьбы других окраин, Колчак в ответе союзникам разъяснял, что его правительство готово разработать решение относительно Бессарабии, «прибалтийских государств, кавказских и закаспийских народностей». Он уверял, что уже теперь осуществляются автономные права национальностей, находящихся на «его» территории, хотя пределы и характер этих автономий каждый раз должны определяться отдельно, а в особо спорных вопросах и при содействии Лиги наций⁵⁸.

Провозглашение «внутренней автономии» «инородцев» необходимо было Колчаку по тем же самым причинам, по которым он заявлял о наделении крестьян землей и обеспечении «законных прав» рабочих: армии нужны были солдаты. В письмах Колчака к бухарскому эмиру и хивинскому хану, отправленных в конце сентября 1919 г., говорилось, что Бухара и Хива, находясь под «исключительным покровительством Российского государства», могут пользоваться в своих внутренних делах самостоятельностью по договорам, заключенным до революции. А далее в письмах шло главное. Колчак выражал уверенность, что при вступлении его войск в Среднюю Азию с целью ликвидации там Советской власти хан и эмир примут в этом «живое участие». Заранее же в Хиву и Бухару командировались военные миссии для формирования белогвардейских отрядов⁵⁹.

На сходных условиях Колчак обещал внутреннюю «автономность» якутам, башкирам и некоторым другим народам, оказавшимся на территории «колчакии». Заявляя о том, что уже теперь, не дожидаясь окончательных решений «Национального учредительного собрания», предпринимаются меры по реализации автономных начал для «инородцев», колчаковское правительство говорило

неправду. Это наглядно подтверждается длинной бюрократической перепиской между «национальным управлением мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири» (буржуазно-националистическим органом, созданным еще в конце 1917 г.) и колчаковским главным управлением по делам вероисповеданий, возглавлявшимся П. А. Прокошевым.

Летом 1919 г. Прокошев представил Совету министров обширный доклад, характеризующий развитие движения «тюрко-татар» за культурно-национальную и духовную автономию и выдвигаемые им требования. Подводя итоги, главноуправляющий делал вывод: «В настоящее время... автономия тюрко-татар во всей ее целостности, включая и тесно связанное с сущностью всей «автономии» положение об организации духовного управления тюрко-татар, не может быть принята впредь до переработки проекта в том смысле, чтобы эта автономия не затрагивала интересы других национальностей и не противоречила государственным законам». В этом месте доклада премьер Вологодский не удержался от того, чтобы не начертать на полях одобряющую резолюцию: «Правильно!»⁶⁰.

Но «национальное управление» не сдавалось. В записке, поданной в правительство 5 октября 1919 г., оно в который раз униженно просило рассмотреть вопрос о культурно-национальной автономии тюрко-татар. В ответ главноуправляющий делами Совета министров Г. Гинс официально сообщил, что вопрос о «вероисповедной автономии» разрабатывается главным управлением по делам вероисповеданий, а вопрос о культурно-национальной автономии находится «в компетенции всероссийского учредительного собрания, созыв которого может быть осуществлен только по окончании гражданской войны»⁶¹.

«Национальное управление» в записке от 7 октября 1919 г. вынуждено было констатировать, что и Комуч, и Директория все же более сочувственно относились к идее «национальной экстерриториальной автономии», чем «нынешнее правительство» (т. е. правительство Колчака). Оно указывало на то, что такое отношение «нервирует» мусульманское население, и верноподданнически просило о «скорейшем принципиальном признании культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири»⁶².

Заметим, что все это происходило в середине октября 1919 г., т. е. колчаковское правительство даже в канун

крушения не пожелало отступить от своих великодержавных позиций. Н. Устрялов (в октябре 1919 г. сменивший Клафтона на посту председателя Восточного отдела кадетского ЦК) писал 18 октября 1919 г. в колчаковском офицозе газете «Русское дело»: «Пора понять, что удельно-вечевой период русской революции давно кончился. Новая Россия ждет своего Калиту, и дело национального возрождения может вестись лишь под знаменем государственного объединения. Разумеется, именно это знамя (белогвардейское знамя «единой и неделимой России». — Г. И.) развеивается над резиденцией верховного правителя».

В том же самом ответе на союзническую ноту Колчак в самом общем виде разъяснял позицию своего правительства в вопросе местного самоуправления. Он заявлял, что его режим не ставит каких-либо препятствий городским думам и земским управлениям; напротив, оказывает им широкую поддержку. Но это было сказано главным образом для «внешнего употребления». Реальная же политика в сфере самоуправления, проводившаяся министерством внутренних дел (министры-кадеты Гаттенбергер, затем В. Пепеляев), направлялась к всемерному ограничению деятельности органов местного самоуправления. Всевозможные цензы были значительно повышены, с тем чтобы оградить городские думы и земские управы от «наплыва» представителей трудовых слоев. Выступая 16 февраля 1919 г. перед «общественностью» Екатеринбургa, Колчак заявил, что новые выборы в органы самоуправления предусматривают повышение возрастного ценза, введение «условия оседлости», отмену пропорциональной избирательной системы.

Как писала 21 марта 1919 г. маринская газета «Звено», при царе власти имели право «пресекать преступления» органов местного самоуправления; теперь же они получили право не только «пресекать», но и «предупредить» их. Результатом явился почти полный абсентеизм населения в ходе выборов, проводившихся летом 1919 г. там, где их удалось провести. Думы и земства оказались в руках преимущественно буржуазно-кадетских элементов. Правда, наряду с ними определенные позиции в органах самоуправления сохранили и правые эсеры, те, кто непосредственно не был связан со съездом членов Учредительного собрания, ликвидированным Колчаком.

Меньшевики, которые, по данным колчаковских властей, вели свою основную работу в профсоюзах, не получили сколько-нибудь существенного влияния в думах и земствах.

Но «социалисты», легально существовавшие в «колчакии» и работавшие в земствах и думах, не представляли для режима какой-либо политической опасности. В новогодней декларации 1919 г. колчаковское правительство заявило, что, находясь «вне всяких партийных течений», оно «не видит оснований для борьбы с теми партиями, которые, не оказывая поддержки власти, не вступают и в борьбу с нею». Анализируя «социалистическую» прессу Сибири, автор обзора, составленного в «управлении делами верховного правителя», писал, что, судя по ней, «социалистов» можно разделить на две группы. Одна из них находится в более или менее заметной оппозиции правительству, считая его «недостаточно демократическим, реакционным и т. д.». Другая же группа в целом склонна поддерживать правительство, «осторожно» критикуя его и указывая лишь на «уклонения в сторону от демократизма».

Это не было ошибочной оценкой. Новониколаевская «Народная Сибирь» 8 февраля 1919 г. опубликовала статью, откровенно изложившую общую позицию «демократии» в условиях колчаковского режима. «Демократия понимает,— меланхолически констатировал автор статьи,— что необходимость изменения существующего положения невозможна путем открытого конфликта с существующей властью. И не только потому, что это грозит новой гражданской войной, но и потому, что при наличных условиях, при существующих настроениях масс получилось бы повторение большевизма. И государственно мыслящей демократии... остается лишь роль безответственной оппозиции, лишь дело критики... Тяжела и обидна такая роль... но иного выхода нет».

В январе 1919 г. в Омске прошло совещание народных социалистов (энесов) семи сибирских городов. Оно приняло резолюцию о поддержке правительства Колчака, поскольку, как указывалось в принятой резолюции, его целью является «созыв Национального собрания».

Эсеровские группы после разгрома учредиловщины в Поволжье и Сибири не проявляли какой-либо политической активности, ограничивались деятельностью в органах самоуправления и кооперации. Существовала, однако, эсе-

ровская группа «Народная воля», которая, как и энесы, в целом оказывала поддержку правительству Колчака.

Меньшевики в феврале 1919 г. провели общесибирский партийный съезд, на котором приняли решение об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью и о создании «единого фронта революционной демократии» для борьбы с реакцией. Но во-первых, это решение не означало отказа от антибольшевистской борьбы в принципе. Меньшевик Голосов так разъяснял новую позицию меньшевистских организаций: «Путь вооруженной борьбы с большевиками — не единственный. Есть путь морального и политического воздействия на них в целях выпрямления идущего под большевистскими знаменами движения»⁶³.

Но даже такие органы местного самоуправления, где большинство принадлежало кадетам и кадетствующим, «разбавленным» «умеренными социалистами», изображавшими «оппозицию» режиму за его отход от «демократизма», не устраивали колчаковские власти. Они постоянно ужесточали административный и полицейский контроль на местах. Став в декабре 1918 г. директором департамента милиции, а затем и министром внутренних дел, Пепеляев развил бурную деятельность, показывая, что и из кадетов могут получиться охранники не хуже царских. В феврале 1919 г. он провел указ о формировании «отрядов особого назначения» при МВД. Они могли создаваться в губерниях и областях численностью до 1000 человек. Их задача формулировалась достаточно широко — «борьба с мятежниками». В марте были учреждены органы «государственной охраны», подчинявшиеся управляющим губерний или областей и имевшие целью борьбу с лицами, совершающими политические преступления.

Еще через месяц последовал закон, разрешавший набирать «милицейские команды» на частные средства, оплачиваемые отдельными предприятиями и учреждениями, желающими иметь собственную, «дополнительную» охрану. Наконец, в мае Совет министров принял закон о структуре и функциях городской и уездной милиции⁶⁴. Термин «полиция» был изъят, чтобы не возникало прямых ассоциаций с царским прошлым, но в инструкции о формировании милицейских команд специально подчеркивалось, что доступ в них бывшим полицейским чинам должен быть практически беспрепятственным. Такова была двойная или даже тройная система, направленная на охранение режима от «посягательств и покушений». И это — не считая

карательных воинских частей, действовавших по всей Сибири, и так называемых отделов военного контроля, т. е. контрразведки.

О характере деятельности всех этих охранительных органов свидетельствуют бесчисленные донесения с мест. Архивные папки департамента милиции МВД и других «подлежащих учреждений» просто пухли от прошений, жалоб, донесений и т. п., рассказывающих о насилиях, грабежах, издевательствах, чинимых милицией, отрядами особого назначения, военным контролем. 30 сентября 1919 г. министр внутренних дел В. Пепеляев подписал циркулярное письмо управляющим губерний и областей. В нем признавалось, что «преступные деяния милиционеров (насилия до убийства включительно, присвоение чужого имущества, вымогательство и т. д.) вооружают население против милиции, подрывают в нем вообще доверие к правительственной власти...»⁶⁵.

Основная задача, на решение которой направлялись усилия внешнеполитического ведомства (МИД), заключалась в том, чтобы добиться официального признания колчаковского правительства союзниками, чего так и не сумели достичь Временное Сибирское правительство и Директория. По словам колчаковского генерала Сахарова, признание для колчаковского правительства стало «призраком, манящим блуждающим огнем, руководящим стимулом его усилий и действий»⁶⁶.

После окончания мировой войны в большинстве западных стран значительно активизировались левые силы, в авангарде которых шел рабочий класс. Они оказывали всевозрастающее давление на правящие круги, проводившие антисоветскую политику, вылившуюся в интервенцию против Советской России. Не считаться с ними антантовские «верхи» не могли. Они стремились ввести в заблуждение общественное мнение на Западе шумной пропагандой, согласно которой с Советской властью в России сражаются не реакционеры, а демократические силы и «западная демократия» оказывает им помощь во имя преодоления там «анархии», установления законности и порядка.

Однако очевидная тенденция усиления крайне реакционных сил в лагере российской контрреволюции, резкое поправение кадетизма и его смычка с монархическим генералитетом снижали эффективность этой пропагандист-

ской кампании. Мешала ей и непрекращавшаяся грызня в лагере контрреволюции, частая смена «правительств», неспособность установить, наконец, единую «твердую» власть. Расчетливый западный буржуа не склонен был вкладывать средства в политику, которая не сулила более или менее близких дивидендов. Русским дипломатическим представителям в западных столицах настойчиво рекомендовали урезонивать белогвардейскую верхушку, убедить ее не слишком демонстрировать свои истинные, реакционные вожеления. Это нашло яркое выражение во всей дипломатической переписке Омска сразу же после колчаковского переворота.

Уже через несколько дней после переворота, 18 ноября, бывший русский посол в Лондоне К. Набоков в телеграмме в колчаковский МИД подчеркивал, что «здесь (в Лондоне.— Г. И.) будут ожидать дальнейших указаний на силу и прочность правительства» Колчака⁶⁷. Днем раньше бывший посол в Париже правый кадет В. Маклаков в телеграмме на имя управляющего министерством иностранных дел в Омске предупреждал, что «частые перемены при партийных междоусобицах убивают доверие к России» (контрреволюционной), и особенно просил «не пугать» Запад открытыми реставраторскими устремлениями. А в письме на юг, Н. Н. Чебышеву, он просто умолял не мешать представителям белогвардейцев на Западе «доказывать всей Европе, что Колчак и Деникин настоящие демократы, а не реакционеры и реставраторы». В январе 1919 г. Маклаков в обширной телеграмме рекомендовал Омску безотлагательно выступить с декларацией «о началах внутренней и внешней политики для парирования упреков в неясности нашей позиции». И тут же давал набросок основных пунктов этой декларации, суть которых сводилась к заверению, что военная власть носит «временный характер», что должно последовать «свободное выражение народного суверенитета» и «возврата к старому режиму» не будет допущено⁶⁸.

Ранней весной 1919 г. основная дипломатическая работа по достижению признания колчаковского правительства союзными державами легла на плечи «Русского политического совещания». Здесь главная сложность состояла также в том, чтобы убедить западную общественность, что «антибольшевистское движение приведет к созданию новой свободной, демократической России», а не будет простым возвратом к прежнему, «белой реакцией...» (в чем

эта общественность, по словам Чайковского, сильно сомневалась). В середине апреля «совещание» направило мирной конференции обращение, в котором «с определенностью был подчеркнут глубоко демократический характер целей, преследуемых русским антибольшевистским... движением»⁶⁹. Эту фальсификацию усиленно пропагандировали Русское информационное агентство в Париже (во главе с В. Л. Бурцевым и Б. В. Савинковым), так называемый Комитет освобождения России (А. Тыркова-Вильямс, П. Б. Струве, П. Н. Милюков) и другие белогвардейские агентства. «Верховный правитель» не жалел денег на развертывание этой лживой пропагандистской деятельности.

Однако «в своем кругу» военные вожди «белого дела» и их политические советники с плохо скрываемым раздражением оценивали «демократические» рекомендации, шедшие с Запада. Сохранилось интересное письмо — своего рода меморандум членов правления «Национального центра» М. Федорова, П. Долгорукова, С. Паниной, Н. Астрова и др., адресованное, по всем данным, «Русскому политическому совещанию». Штаб-квартира «центра» (и все авторы письма), как мы знаем, находилась в Екатеринодаре, но его представители были направлены в Омск (они прибыли туда летом 1919 г.) для усиления политического влияния на колчаковское правительство и активизации контактов с Екатеринодаром. Таким образом, содержание письма можно рассматривать как выражение мнения политических лидеров не только южной контрреволюции, но и белогвардейщины в целом.

Прежде всего авторы письма жаловались на недостаточную, с их точки зрения, поддержку союзными державами «русского национального дела». Их политику в отношении российской контрреволюции они оценивали как «колеблющуюся» и «двойственную». Неужели это оттого, вопрошали авторы, что ни Колчак, ни Деникин, ни другие «белые вожди» прямо не выставляют республиканского флага? Но что же нам делать, сокрушались они далее, если демократические элементы не способны у нас к организации борьбы с большевизмом? Разве забыты несчастные опыты демократических организаций на Волге? Не поддерживать те элементы порядка, которые уже показали себя, ожидать появления тех, которых у нас нет, — не значит ли это играть на руку большевикам? Нас хотят заставить быть республиканцами и свободными по старому

слову Руссо: «On les forcera d'être libres» («их принуждают к свободе». — Г. И.). Это не удалось во Франции в XVIII в. Почему же это удастся у нас? Так писали кадеты, кичившиеся своим «классическим демократизмом». Они призывали Запад «поддержать сейчас, немедленно генерала Деникина и адмирала Колчака»⁷⁰.

На почве затягивания союзнического признания, разочарования «колеблющейся» и «двойственной» политикой держав Антанты в колчаковском лагере (впрочем, как и у Деникина) активизировались сторонники прогерманской ориентации, росло недовольство «антантофилом» Колчаком. Согласно дневниковым записям Пепеляева, вопрос о контактах с немцами обсуждался на Совете министров, хотя никакого определенного решения принято не было⁷¹.

В. Маклаков из Парижа еще зимой 1919 г. предупредил: «Однако необходимо твердо усвоить — не может быть ничего вреднее для русского (контрреволюционного. — Г. И.) дела, как вспышки на почве недовольства союзниками... Я хотел бы сказать сторонникам реакции, что... помощи им не окажет и Германия, как потому, что она не в состоянии этого сделать, так и потому, что она также реакции помогать не станет. Кажется, Япония покровительствует таким течениям, но только потому, что она понимает, что этим приведет к разрыву России с союзниками, укрепит анархию в России, чем она сама сможет воспользоваться...»⁷²

У внешнеполитического ведомства Колчака не было иного выбора, как следовать в фарватере союзнической политики.

Министерством иностранных дел «верховного правителя» ведал хлыщеватый молодой человек в больших роговых очках с выразительной фамилией Сукин. Еще в дореволюционные времена он состоял при русском после в Вашингтоне Б. Бахметьеве. В Сибирь поехал в расчете на быструю карьеру. Когда 11 ноября 1918 г. он прибыл во Владивосток, дипломатический представитель Сибирского правительства Гревс секретно сообщал Вологодскому: Сукин «употребит всю энергию в направлении, угодном американскому правительству, особенно в финансовом и экономическом вопросах». В Омске этот «сибирский Талейран» примкнул к «михайловской мафии» и приобрел немалое влияние в окружении Колчака, да и на самого «правителя».

Ведомство Сукина бомбардировало посланиями представителей белых «правительств» на Западе, требуя максимально активизировать помощь союзников и ускорить официальное признание правительства Колчака. Еще в марте 1919 г. генерал Н. Головин сумел «протолкаться» в английский парламент, где на закрытом заседании обеих палат «дал подробную картину хода борьбы с большевиками на всех русских фронтах» и указал на «вредное влияние, которое имеют затяжки в решении открыто и решительно помочь в борьбе с большевиками». Военный представитель «верховного правителя» при союзных правительствах и союзном верховном командовании генерал Д. Г. Щербачев сообщал в Екатеринодар (а через него в Омск), что «доклад произвел впечатление» и Головину «в частных беседах» было сказано, что парламентарии «будут энергично настаивать на проявлении со стороны Англии самой энергичной помощи России...»⁷³.

В Омске понимали, что решающим аргументом в вопросе о признании «верховного правителя» могут стать военные успехи. Поэтому весной 1919 г., когда продвижение колчаковских армий на запад достигло наиболее отдаленной от Омска точки, долгожданное признание ожидалось буквально с часу на час.

В конце апреля член «Русской политической делегации» Н. В. Чайковский был принят Д. Ллойд Джорджем, после чего мирную конференцию ознакомили с официальными декларациями колчаковского правительства. А 8 мая 1919 г. главы правительств, входившие в так называемый «Совет четырех», вновь пригласили Н. Чайковского. Как «ветеран русского освободительного движения», он, по-видимому, считался экспертом по делам России, заслуживающим доверия. Беседа с ним имела одну цель: получить характеристику политического кредо «верховного правителя». Чайковский заверил «четверку», что Колчак никогда не будет «содействовать реакции» и доведет страну до Учредительного собрания.

Через 10 дней, 20 мая, главы правительств вновь обсуждали «проблему Колчака». Решено было направить ему ноту, содержащую несколько пунктов-вопросов, на которые он должен был дать ответ.

27 мая нота была готова (ее составил Ф. Керр, личный секретарь Д. Ллойд Джорджа) и от имени Ж. Клемансо направлена во Владивосток французскому верховному комиссару графу Мартелю для передачи Колчаку. В нача-

ле июня она дошла до Омска. В ней констатировалось, что «союзные... правительства готовы оказывать содействие правительству адмирала Колчака и тем, кто к нему присоединился, помогать ему посылкой продовольствия и снабжения, дабы оно могло утвердиться всероссийским...». Но ввиду того что они «испытывают весьма сильное давление, соединенное с требованием отзыва их войск и прекращения дальнейших затрат в России ввиду отрицательных результатов интервенции», им бы хотелось «получить доказательство», что «верховный правитель» работает «для русского народа, для свободы, самоуправления и мира».

В связи с этим союзные правительства просили Колчака ответить, считает ли он возможным принять определенные условия, на которых «содействие союзных и присоединившихся правительств могло бы продолжаться». Условий указывалось несколько. Первое — как только Колчак достигнет Москвы, он созвет Учредительное собрание как высший законодательный орган. Если к этому времени «порядок» все-таки еще не будет установлен, он должен собрать «старое» Учредительное собрание (образца 1917 г.), а затем по возможности приступить к новым выборам. Второе — режим Колчака не ставит каких-либо препятствий избранию городских и земских самоуправлений. Третье — не будут предприняты какие-либо попытки для восстановления прежнего аграрного режима, стеснения гражданских и религиозных свобод. Четвертое — признается независимость Польши и Финляндии. Если не удастся достигнуть соглашения об автономии с Эстонией, Латвией, Литвой, с «кавказскими и закаспийскими народностями», тогда вопрос о взаимоотношениях с ними решается при содействии Лиги наций.

Ноту подписали В. Вильсон, Ж. Клемансо, Д. Ллойд Джордж, В. Орландо, К. Сайондзи. Лицемерный, насквозь пропагандистский характер этой ноты можно было разглядеть невооруженным глазом. Английский историк Р. Уллман совершенно справедливо задает вопрос: какого же ответа, кроме утвердительного, могли ждать союзники, если без поддержки, оказываемой ими Колчаку, его режим просто не мог существовать? ⁷⁴ Полностью игнорировалось даже то очевидное обстоятельство, что нота требовала от Колчака определенных гарантий в вопросах сугубо внутренней компетенции. Это наглядно свидетельствовало о том, что союзники смотрят на «верховного правителя» как на марионетку.

Сибирская пресса даже правого направления оценила ноту именно таким образом. По мнению многих газет, «признание при условии — нечто странное, не имеющее прецедента в истории. С формальной стороны — это вмешательство во внутренние наши дела, противоречащее принципу суверенитета...»⁷⁵.

Но это была всего лишь хорошая мина при плохой игре. Каждый в Омске понимал, что значат для колчаковского режима поддержка и признание союзников. В правящих кругах говорили, что нужно все обещать, «что говорят гг. союзники», а по приходе в Москву с ними можно будет поговорить другим языком. Сейчас же требуется демагогия — только бы заполучить долгожданное признание⁷⁶.

Генерал М. Жаннен сообщал министру иностранных дел Пишону, что, для того чтобы быть признанными, они (Колчак и его окружение) «подпишут все, что угодно»⁷⁷.

Характер и содержание ноты, по всем данным, не были неожиданными для омского министерства иностранных дел. Еще в упоминавшейся выше секретной телеграмме В. Маклакова, направленной в Омск в январе 1919 г., указывалось несколько пунктов, обязательных для включения во внешнеполитическую декларацию колчаковского правительства и почти полностью предварявших «условия» союзнической ноты. А в мае 1919 г. «Русское политическое совещание» в Париже, и в частности Сазонов, было не только заранее ознакомлено с содержанием ноты; члены «совещания» там же, в Париже, подготовили на нее ответ «верховного правителя».

С. П. Мельгунов, стремящийся во всем противоборствовать «принижению омской власти», отрицает этот факт⁷⁸. Но из секретной телеграммы Сазонова на имя Вологодского можно заключить, что союзная нота передавалась в Омск практически одновременно с содержанием ответа на нее. Сазонов инструктировал: в ответе прежде всего необходимо подчеркнуть, что Омск рассматривает ноту «как намерение держав признать правительство адмирала Колчака всероссийским правительством», а затем изложить «свои взгляды» относительно поставленных условий в том виде, как их далее излагал он, Сазонов.

По-видимому, зная Сукина и других колчаковских дипломатов, Сазонов не очень надеялся на их «благоразумие». Поэтому он особо подчеркнул, что «при составлении ответа тщательно взвешены все выражения, чтобы создать как впечатление нашей сговорчивости, так и вместе с тем

не связывать себя по существу никакими обязательствами, противоречащими суверенитету России. Приняты также во внимание все требования здешней международной обстановки, с которыми нельзя не считаться»⁷⁹.

Примечательна реакция Сукина. В телеграмме русским послам по поводу союзнической ноты он, в соответствии с указаниями Сазонова, сообщал, что нота — «первый официальный шаг союзников к признанию омского правительства». Характеризуя ноту в целом, Сукин отмечал, что она «в общем удовлетворительна», хотя и «не лишена некоторых нелепостей». Ответ «верховного правителя» он вначале (в рукописи телеграммы) назвал «достаточно демократичным», а затем исправил: «выдержан в демократических тонах»⁸⁰.

Ответ был составлен в соответствии с рекомендациями Сазонова, Маклакова и др. Частично мы уже с ним знакомы. В целом же Колчак соглашался на созыв нового Учредительного собрания «после восстановления порядка», но решительно отвергал возможность даже временного созыва «учредилки» 1917 г. Он заверял, что «во внутреннем устройстве» «не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 г.», хотя оставалось неясным, что подразумевалось под термином «режим». Выражалась готовность «удовлетворить широкое население землей», не стеснять местное самоуправление, устранить различия по религиозному и национальному признакам и т. п.

Отвечая на внешнеполитические условия, Колчак подтверждал независимость Польши, обещал обеспечить независимость Финляндии, но только «во внутренних вопросах», соглашался «подготовить решения» о судьбе прибалтийских государств, «кавказских и закаспийских народностей» и Бессарабии, но эти решения должны быть согласованы в каждом случае отдельно. Особым пунктом (так сказать, сверх программы) Колчак официально доводил до сведения союзников, что принимает все национальные долги России.

Сукин был прав. Свой ответ «верховный правитель» внешне выдержал в «демократических тонах», но, по указанию Сазонова, не связал себя какими-либо обязательствами. Решение всех проблем откладывалось до созыва в неопределенном времени неопределенного Учредительного собрания.

Сибирская «общественность» в целом была довольна

ответом. Томская «Сибирская жизнь» 1 июля 1919 г. с облегчением писала: «Впервые со времен революции мы не слышим обязательных лозунгов «самоопределения вплоть до отделения» в явной или скрытой форме». Ответ Колчака расценивался как сбалансированный, «без уклонов вправо и влево».

9 июня ответ Колчака был получен в Париже. Надо ли говорить, что союзники выразили полное удовлетворение его содержанием. В их согласованном решении указывалось: «Союзные и дружественные державы счастливы, что общий тон ответа адмирала Колчака и его основные положения находятся в соответствии с их предложениями. Ответ содержит удовлетворяющие их заверения о свободе, мире и самоуправлении русского народа и его соседей. Поэтому они готовы предоставить адмиралу и присоединившимся к нему помощь, упомянутую в предыдущем сообщении»⁸¹.

Союзники и «верховный правитель» сыграли матч с заранее определенным результатом: Колчак знал, о чем его спросят, союзники знали, что им ответят. В мемуарной литературе имеется интереснейшее свидетельство, характеризующее действительное отношение Колчака к союзнической ноте и к своему ответу на нее. Упомянувшийся нами генерал для поручений при «верховном правителе» М. А. Иностранцев вспоминал, как он, а также генералы Дитерихс и Матковский заговорили о ноте союзников, будучи «в гостях у Колчака».

«Ах, вы об этой исповеди! — сказал, саркастически улыбаясь, Колчак. — Вы ведь знаете, что западные государства во главе, конечно, с Вильсоном вздумали меня исповедовать на тему, какой я демократ?»

Ну, я им ответил, — продолжал он и засмеялся. — Во-первых, я им ответил, что Учредительное собрание или, вернее, Земский собор я собрать намерен, и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словоговорении не может быть и речи. Во-вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное собрание за таковое не признаю и собраться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу! — Тут верховный правитель снова засмеялся.

Наконец, при выборе в настоящее Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно-здоровые

элементы... Вот — какой я демократ! — Адмирал снова рассмеялся и снова оглядел всех нас»⁸².

Нетрудно понять, кого имел в виду Колчак, говоря о «государственно-здоровых элементах». Они проявили себя сначала в борьбе с Советской властью под «эсеровскими знаменами», затем в свержении Директории 18 ноября 1918 г. и, наконец, в погроме учредилковцев в декабре того же года.

Но те, кто договаривался о результате затеянной ими игры, считали без хозяина. Обстоятельства менялись. Вопрос о признании или непризнании омского правительства всероссийским решался теперь не в ходе закулисных переговоров членов «Русского политического совещания» в Париже и «большой четверки». Он решался на полях сражений, на которых Красная Армия летом 1919 г. громила армии «верховного правителя». Они откатывались на восток, и в этих условиях союзники предпочли уклониться от официального признания правительства Колчака всероссийским. Оно так никогда и не состоялось, хотя помощь союзников, как и было обещано, продолжала поступать. За нее Колчак рассчитывался с союзниками национальным золотым запасом.

Еще в августе 1918 г., во время взятия комучевцами и белочехами Казани, к ним в руки попала большая часть вывезенного сюда из Москвы золотого запаса, по некоторым данным — около 652 млн. рублей в русской и иностранной валюте, а также в золотых слитках⁸³. Отсюда золото перевезли в столицу Комуча — Самару, а затем в Челябинск, где охрану его взяли на себя сербские, румынские и чешские отряды. После того как образовавшаяся в Уфе Директория в октябре 1918 г. переехала в Омск, министр финансов И. Михайлов приказал доставить золото сюда, и после переворота 18 ноября его «унаследовал» Колчак.

За поставки оружия, боеприпасов и обмундирования союзники требовали валюту (выпущенные И. Михайловым «дензнаки», внешне похожие на афиши, они, естественно, не брали). Ее пытались добыть двумя путями: во-первых, добиться открытия тех кредитов, которые были ранее предоставлены царскому и Временному правительствам и закрыты союзниками после Октябрьской революции, и, во-вторых, получить финансовую поддержку союзников в виде займов. Но вопрос об открытии «закрытых кредитов» прямо упирался в вопрос о признании колчаковского

правительства всероссийским. Поскольку он затягивался, оставался путь з ^тмов в иностранной валюте. Переговоры о таком займе велись все тем же «Русским политическим совещанием» через уполномоченных лиц (А. И. Коновалова, П. Л. Барка и др.) в Париже и Лондоне. Но, как писал в докладе о деятельности «совещания» Н. В. Чайковский, получить заем под простое обязательство, без какого-либо реального обеспечения оказалось невозможным: в стабильность режима «верховного правителя» не очень-то верили. Поэтому были начаты переговоры о займе «под золотое обеспечение» с частными английскими, американскими, японскими и французскими банками ⁸⁴.

Французские банкиры «посоветовали» Колчаку просто продать соответствующее количество золотых слитков. Посредничество взял на себя директор владивостокского отделения французского «Китайско-промышленного банка» некий Бертье. Золото в слитках перевезли во Владивосток и продали акционерному обществу «Бертье и К^о» по цене на 15—20 % ниже рыночной. Колчаковское правительство потеряло на этой операции 20 млн. золотых рублей.

Финансовые отношения с США и Англией улаживали иначе. Специально созданная для реализации «русского займа» банкирская фирма («Синдикат») согласилась предоставить заем в 10 млн. фунтов стерлингов сроком на полтора года в форме особого текущего счета. Но для его открытия колчаковское правительство должно было поместить на хранение в китайский и японский банки «золотой залог». И новые секретные вагоны с золотом потянулись во Владивосток, откуда его морем направляли по месту назначения — в Осаку, Шанхай и Гонконг.

Всего с мая по сентябрь 1919 г. для расчетов с союзниками было вывезено золота на сумму 280 млн. золотых рублей, из них во Владивосток — 240 млн. (40 млн. золотых рублей задержал в Чите атаман Семенов). В Омске осталось золота на сумму немногим более 400 млн. золотых рублей ⁸⁵. Таким образом, примерно треть золотого запаса России перекечевала в иностранные банки во имя победы «белого дела» в Сибири. Но если владельцы золотых мешков на Западе наживали на крови гражданской войны и интервенции в России новые дивиденды, то антантовские политиканы, уже начинавшие осознавать бесперспективность «белого дела», стремились извлечь из этих же событий и другую пользу: максимально возможно осла-

бить страну на обозримое будущее. Эта линия союзнической политики, дополнявшая ее антисоветизм, была констатирована и в белом лагере. «Не стало ли так,— с грустью вопрошали члены руководства «Национального центра» в упоминавшемся выше письме в Париж,— что нашим союзникам и друзьям уже не нужна единая и великая Россия, что им выгоднее иметь Россию раздробленную и ослабленную..?» А в Омске, по воспоминаниям Н. Устрялова, Колчак доверительно говорил представителям «общественности» в апреле 1919 г.: «Мое мнение — они (союзники.— Г. И.) не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна»⁸⁶.

Но белогвардейские вожди, кичившиеся своим «патриотизмом», мнившие себя новыми Пожарскими, продолжали идти в одной упряжке с интервентами, стремившимися подорвать могущество России как великой державы. Классовая ненависть объединяла их. «Что делать? — говорил Колчак в той же беседе.— Приходится руководствоваться не чувствами, а интересами государства. Разумеется, политика в смысле попыток привлечения помощи союзников будет продолжаться». Но не об интересах государства, а о классовых интересах шла речь: она и объединяла белогвардейцев и интервентов.

Принимая «верховное правление», Колчак, как уже отмечалось, заявил, что его внутривластный курс не пойдет ни по пути партийности, ни по пути реакции. Провозглашался, таким образом, принцип беспартийности власти, ее надклассовости, что вообще являлось генеральной идеей всех деклараций лидеров «белого дела», где бы оно ни творилось. Но простое сопоставление внутренней политики колчаковского правительства в ее основных проявлениях (аграрный, рабочий и национальный вопросы, местное самоуправление, внешняя политика) с программой сибирских кадетов вскрывает определенную партийность режима «верховного правителя».

Кадетское кредо было изложено «Сибирской речью» 1 (14) января 1919 г. в передовой «Наш манифест». Кадеты требовали восстановления «единой и неделимой» России. Они признавали лишь «культурную автономию» отдельных народностей, но подчеркивали, что господствующей, общегосударственной культурой должна стать культура русская, а первенствующее положение получит православная церковь. Кадеты настаивали на «сильной власти», но

соглашались и на «широкое местное самоуправление». Они признавали мелкую земельную собственность, но вопрос о помещичьей земле требовали решать только в рамках «законности». Кадеты выражали готовность «заботиться» о нуждах рабочих, но считали нужным «уберечь их от всех соблазнов», в коих повинны те рабочие, которые пошли за большевиками. «Мы, — писала газета, — одушевлены идеалами демократии». Но для ее достижения «должны быть вложены труды поколений». А пока — «укрепление сильной» единоличной власти, которая «системой быстрых, твердых и, когда надобность укажет, неумолимо суровых мер введет в границы взволнованное море беззакония... Власти верховного правителя, адмирала Колчака мы будем служить не за страх, а за совесть». Произошел резкий политический сдвиг кадетизма вправо, в направлении политических вождедений монархической военщины.

Кадеты, как мы знаем, считали себя «партией государственного переворота»: именно они политически подготовили приход Колчака к власти 18 ноября 1918 г. Но «материальной», вооруженной силой, совершившей переворот, была черносотенно-монархическая реакция, прежде всего белогвардейская военщина. Идя на блок с нею, кадеты рассчитывали, что после переворота ведущая политическая роль будет принадлежать им.

Означало ли это, что произошла «кадетизация» «верховного правления» Колчака? Или же, напротив, кадеты полностью «обелогварденлись»? В «Сибирской речи» 16(28) мая 1919 г. Н. Устрялов писал, что «никогда связь партии с властью не была так тесна... Связь эта не только в общности целей и задач, но и в одинаковом понимании средств и путей их реального осуществления». Вместе с тем Устрялов подчеркивал, что «это не значит, конечно, что правительство обрело партийную кадетскую окраску». Как же следовало понимать Устрялова? Оказывается, просто «силой вещей линия развития русской государственности сливается с линией кадетизма. Маятник событий после крутых размахов останавливается у золотой середины». Таким образом, Устрялов считал кадетскую партию «серединой» государственно-политического (контрреволюционного) спектра и полагал, что «маятник событий» если еще не остановился, то вот-вот остановится на ней. Но это было по меньшей мере преждевременное суждение.

В первой своей фазе маятник контрреволюции остановился на эсеро-меньшевизме (Комуч и др.), но не за-

держался на ней, а, отклоняясь вправо, вошел в фазу эсеро-кадетизма, олицетворенного в Директории. Но и «директоральная» фаза оказалась промежуточной: маятник колебнулся еще более вправо, дойдя наконец до фазы «чистого» правокадетизма, сомкнувшегося с монархизмом черносотенного образца («верховное правление» Колчака). Устрялов считал, что это предел, что дальше контрреволюционному маятнику хода не будет. Но уже при описании борьбы колчаковской власти с учредилловщиной мы видели, как силы правее кадетов готовы были, говоря словами Клафтона, перекатиться через их головы.

Пока шла вооруженная борьба с Советской республикой, с силами революции, возглавляемыми большевиками, внутри «колчакии» контрреволюция стремилась удержать в своем лагере разнородные антибольшевистские элементы. Колчаковской власти необходима была некая равнодействующая, худо ли, хорошо ли способная удержать баланс разнородных антисоветских сил. Такой равнодействующей на время и могла стать кадетская, точнее сказать, правокадетская линия. Собственно говоря, именно она и позволяла Колчаку проводить бонапартистскую политику с ее претензиями на «внеклассовость» и «беспартийность». Но в случае дальнейшего изменения ситуации в пользу контрреволюционного лагеря «маятник событий» неминуемо пошел бы еще более вправо. Крайне правый, черносотенно-монархический сектор этого лагеря резко увеличил бы свой потенциал, и тогда реакция, которая 18 ноября 1918 г. уже перекадилась через правосоциалистические головы, покатила бы еще дальше. Таков закон развития контрреволюции: если ее не остановить, она доходит до крайне правой точки.

Придя к власти, Колчак тут же объявил: «Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом...»¹

Под командованием Колчака находились вооруженные силы, созданные еще Временным Сибирским правительством, а затем Директорией под прикрытием белочехов и комучевской «народной армии», которые сражались на линии Волги. Сибирские войска с самого начала формировались на принципах старой, царской армии. Еще первый военный министр Сибирского правительства Гришин-Алмазов особым приказом запретил всякую политическую деятельность в армии. Сменивший его Иванов-Ринов, а затем «директоральный» главком Болдырев вели ту же линию на искоренение всего, что хотя бы внешне напоминало о демократизации армии. Исходя из задачи «полной победы над большевизмом», Колчак провел новые мобилизации в армию как сельского, так и городского населения. Ее численность была доведена примерно до 400 тыс. человек².

В конце 1918 г. колчаковские вооруженные силы были разделены на три группировки. На северном участке действовала екатеринбургская группа, состоявшая в основном из Сибирской армии; ею командовал перешедший на русскую службу Р. Гайда. В центре действовала Западная армия под командованием генерала Ханжина. На южном участке была сгруппирована так называемая отдельная Оренбургская армия бывшего комучевца атамана Дутова. С ним взаимодействовала «отдельная уральская армия» под командованием генерала Савельева.

Верховное командование номинально принадлежало Колчаку, но, будучи известным специалистом в морском деле, он весьма посредственно разбирался в действиях сухопутных войск. По этой причине руководство военными операциями фактически оказалось в руках колчаковского начальника штаба Д. А. Лебедева, прибывшего в Омск осенью 1918 г. из Добровольческой армии.

Было бы, однако, неверным полагать, что Лебедев, как, впрочем, и все русское командование, был полностью

свободен в своих решениях. В середине января 1919 г. в Омске между Колчаком и представителями стран Антанты было заключено соглашение. В соответствии с ним русское верховное командование должно было согласовывать свою оперативную тактику с назначенным главкомом союзных войск в Сибири французским генералом М. Жанненом и его помощником английским генералом А. Ноксом. Жаннен получил право «осуществлять общий контроль на фронте и в тылу»³.

Иностранные воинские части после колчаковского переворота боевых действий на линии фронта не вели. Белочешским войскам практически с начала 1919 г. была поручена охрана Сибирской железнодорожной магистрали. Другие иностранные воинские формирования, как правило, находились восточнее реки Тобол, служившей разграничительной линией между фронтовой полосой и тылом, и использовались преимущественно против партизанского движения. По данным английского генштаба, в Сибири находилось до 35 тыс. чехов, 80 тыс. японцев, более 6 тыс. англичан и канадцев, 8,5 тыс. американцев, более 1 тыс. французов. Были также итальянцы, румыны, поляки, сербы⁴.

Весь Восточный фронт имел протяженность 1300—1400 км, примерно от Камы до Уральска. Поэтому перед колчаковским командованием сразу встал вопрос об определении направления главного удара. Практически намечались два варианта: первый — нанесение удара силами Сибирской армии Гайды через Вятку на Вологду для соединения с интервентами и белогвардейцами, действовавшими в районе Архангельска, с тем чтобы в дальнейшем развернуть совместное наступление на Москву. Этот план был разработан еще летом 1918 г. (до колчаковского переворота) при участии англичан и в таком виде «достался» Колчаку. Другой вариант заключался в нанесении удара южным крылом фронта с выходом в район Самары для соединения с деникинской армией и дальнейшего совместного движения опять-таки на Москву.

Упомянувшийся нами генерал М. А. Иностранцев (профессор военной истории и военного искусства Академии Генштаба), взвешивая плюсы и минусы этих двух возможных вариантов, позднее отмечал, что стратегически более обоснованным был бы выход на Среднюю Волгу для соединения с Деникиным. Однако Колчак, по его свидетельству, тяготел к северному варианту: через Пермь и Вологду на

соединение с белогвардейцами и, что еще важнее, союзными войсками на севере. Иностранцев пишет, что в Ставке имелись люди, которые пытались переубедить Колчака, но он был «упрям до невероятности» и настаивал на своем⁵.

Вероятнее все же, дело состояло не в одном упрямстве «верховного». Выбор северного направления подкреплялся рядом обстоятельств. Во-первых, на севере быстрее обозначился успех, когда еще в конце декабря 1918 г. войска подчиненного Гайде генерала Анатолия Пепеляева (брата В. Пепеляева) захватили Пермь. Возможность соединения с северной контрреволюцией стала представляться вполне реальной. Как уже отмечалось, отряд полковника Бордзиковского к весне 1919 г. на какое-то время фактически установил связь с войсками Временного правительства Северной области.

Во-вторых, соединение с интервентами на севере давало возможность использовать значительные запасы снаряжения, которые там имелись.

В-третьих, уже в начале 1919 г. обрисовалась перспектива создания антисоветского фронта на Северо-Западе, в Финляндии и Прибалтике. В январе генерал Юденич писал Колчаку о стратегическом значении такого фронта: «Удобство сообщения с Антантой, краткость расстояния до Петербурга и Москвы — двух очагов большевизма, при хорошо развитой сети путей сообщения составляют выгоды этого направления». Реализуйся все эти расчеты, и Советская республика оказалась бы в кольце белогвардейско-интервенционистского фронта, надвигавшегося на нее с востока, севера, северо-запада и юга.

Наконец, в-четвертых, нельзя не учитывать довольно острую конкуренцию между деникинцами и колчаковцами в стремлении первыми вступить в «белокаменную» под звон кремлевских колоколов. В дневнике В. Пепеляева за 6 июля 1919 г. имеется запись: на одном из совещаний своей «звездной палаты» Колчак сказал, что получил сведения о существовании «двух течений» вокруг Деникина: одно выступает за связь с Сибирью, другое — за самостоятельный поход на Москву⁶.

Амбициозный «верховный правитель» не мог не учитывать такую информацию. Все это дает основание предположить, что, выбирая направление главного удара «с уклоном к северу», Колчак делал расчет не столько на силы внутренней контрреволюции, сколько на силы интервентов. Генерал А. Будберг писал по этому поводу: «Для нас,

сидевших в тылу, выбор этого направления был всегда непонятен, так как казалось, что по всей обстановке следовало двигаться через Уфу и Оренбург на Самару и Царицын, на скорейшее соединение с уральцами и Деникиным. Маленькие люди в Ставке говорят, что северное направление выбрано под влиянием настойчивых советов генерала Нокса, мечтавшего о возможно скорой подаче английской помощи и снабжения через Котлас, где существовало прямое водное сообщение через Архангельск, куда уже прибыли значительные английские запасы»⁷.

В конце февраля 1919 г. Колчак подписал директиву, согласно которой армиям приказывалось «к началу апреля занять выгодное исходное положение для развития с наступлением весны решительных операций против большевиков». Основной удар наносили армии Гайды и Ханжина. Начатая в начале марта так называемая Уфимская операция привела к стратегическому прорыву Восточного фронта. Казалось, что колчаковские войска неудержимо пойдут вперед.

В новой директиве, от 12 апреля 1919 г., Сибирской армии предписывалось выйти на линию Котельничи — Казань, а Западной армии — Симбирск — Сызрань. И эта директива поначалу осуществлялась успешно. К концу апреля — началу мая 1919 г. колчаковский фронт продвинулся до Глазова на северном участке, подходил к Самаре в центре, а затем, образуя отходившую на восток петлю от Оренбурга до Уральска, упирался в Каспийское море северо-восточнее Астрахани⁸.

Коммунистическая партия и Советское правительство призвали советский народ напрячь все силы для разгрома Колчака. Еще 12 апреля 1919 г. газеты опубликовали ленинские «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». «Победы Колчака на Восточном фронте, — говорилось в них, — создают чрезвычайно грозную опасность для Советской республики. Необходимо самое крайнее напряжение сил, чтобы разбить Колчака»⁹.

На Восточный фронт направлялись тысячи коммунистов, комсомольцев, передовых рабочих. Сосредоточивая необходимые резервы, Советское командование учитывало растянутость фронта колчаковских войск, что создавало возможность его прорыва в наиболее уязвимом месте. По плану, разработанному командующим Южной группой Восточного фронта М. В. Фрунзе и членом Реввоенсовета

группы В. В. Куйбышевым, советские войска в конце апреля 1919 г. перешли в контрнаступление в направлении Бугуруслан — Бугульма, нанеся удар во фланг и тыл Западной армии генерала Ханжина. И с этого момента, несмотря на отдельные, частичные успехи колчаковцев, несмотря на их упорное сопротивление и попытки закрепиться на сибирских водных рубежах, начался закат колчаковщины, началось отступление его деморализующихся войск, постепенно превращавшееся в беспорядочное бегство.

Положение колчаковских войск резко ухудшалось из-за массового партизанского движения, охватившего весь тыл «колчакии». По существу им приходилось вести борьбу на два фронта: на главном, решающем — против регулярных красноармейских частей и на втором — против многочисленных партизанских отрядов.

Несколько позднее, характеризуя положение в колчаковском тылу, В. И. Ленин говорил: «...мы видим восстание в Сибири, в котором участвуют не только рабочие и крестьяне, а даже кулаки и интеллигенция». Он называл это явление «революцией в колчакии», «сибирской революцией»¹⁰. Действительно, уже с лета — осени 1918 г. и особенно с весны 1919 г. почти вся «колчакия» оказалась охваченной рабочими и крестьянскими восстаниями. Большевистские организации Сибири вносили в них организованность и политическую сознательность, твердо придерживаясь курса, намеченного В. И. Лениным, ЦК РКП(б) и решениями первой и второй нелегальных конференций сибирских большевиков¹¹.

В марте 1919 г. состоялась третья нелегальная конференция большевистских организаций Сибири. Главным методом борьбы против колчаковщины она признала «организованные вооруженные восстания рабочих, крестьянских и солдатских масс, имеющие целью установить в обширных районах и, если возможно, во всей Сибири Советскую власть». Уже летом 1919 г. под контролем партизан оказались обширные районы «колчакии»¹².

Готовя массы к вооруженной борьбе против колчаковского режима, большевистская партия вскрывала классовую сущность колчаковщины. В многочисленных листовках, призывах и резолюциях постоянно подчеркивался ее черносотенный, монархический характер, ее стремление реставрировать царские, буржуазно-помещичьи порядки. Так, в резолюции конференции фабрично-заводских коми-

тетов и профсоюзов Москвы о мобилизации на Восточный фронт (в апреле 1919 г.) отмечалось: «Необходимо разъяснить широким массам рабочих, что наступление Колчака несет нам возврат царского самодержавия и всех привилегий помещиков и капиталистов»¹³.

Неустанная работа по политическому и революционному воспитанию трудящихся давала свои плоды: борьба с колчаковщиной у нее в тылу приобретала все больший размах. Но судьба сибирской буржуазно-помещичьей диктатуры решалась, конечно, не в тылу, а на фронте, на полях сражений с Красной Армией.

Поражение войск Колчака, обозначившееся летом 1919 г., обнаружило гнилость режима «верховного правителя». Складывалось парадоксальное положение: наконец сбылась мечта кадетско-монархического контрреволюционного лагеря — во главе его стоял военный диктатор, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти. Никакие «представительные организации», столь ненавистные реакции, не ограничивали его власть, но странным образом на практике она оказывалась дряблой, нередко просто бессильной.

Когда читаешь многочисленные воспоминания участников «белой борьбы» в Сибири, обращает на себя внимание поразительное обстоятельство: воссоздаваемые в них быт и вся нравственная атмосфера «колчакии»; особенно «белого Омска», удивительно напоминают атмосферу, царившую в «верхах» накануне крушения царизма, также нашедшую широкое отражение в эмигрантской мемуаристике.

Невероятно перенаселенный Омск 1919 г.: более 600 тыс. населения. Почти со всей России сбежались сюда «бывшие»: помещики, предприниматели, банкиры, чиновники, генералы, офицеры, их дети, жены, любовницы. Жить практически негде, все дома забиты. Даже для министерств трудно найти помещение. По Омску ходит анекдот: в чем разница между Петербургом и Омском? В Петербурге все знали, где находятся министерства, но не знали, где министры; в Омске известно, где министры, но неизвестно, где министерства. Многие важные «инстанции» — русские и иностранные — жмутся к станции, где в здании управления железной дороги разместились Ставка «верховного правителя». Сюда подведено множество запасных путей и тупиков, заполненных поездами и вагонами, в которых

помещается «высокое начальство», и отсюда — с «ветки» берут начало различные истоки «государственной жизни». Однако в сознании многих эта жизнь «на ветке» создавала впечатление чего-то неустойчивого, временного.

Но хоть город кишел людьми, а людей не было. Катастрофически не хватало людей, способных и, главное, готовых служить той самой «святой белой идее», о которой так упорно говорили и писали в Омске, Екатеринодаре и других центрах «белого движения». Кадет Н. Устрялов, обретавшийся в омских «верхах», вспоминал горькие слова самого Колчака, сказанные им на приеме представителей «общественности» у себя в доме, на берегу Иртыша.

— Скажу вам откровенно, я прямо поражаюсь отсутствию у нас порядочных людей. И то же самое у Деникина: я недавно получил от него письмо. Худшие враги правительства — его собственные агенты. Я фактически могу расстрелять виновного агента власти, я отдаю его под суд, а дело затягивается. Дайте, дайте мне людей! ¹⁴

Отсутствие людей Колчак объяснял «общим русским явлением», но это по меньшей мере было его заблуждением. Борясь против новой, революционной России, «верховный правитель» неизбежно становился магнитом, к которому притягивались и примыкали политические и моральные банкроты старой, буржуазно-помещичьей России, правящие круги которой закончили распутинойдой. Находившийся в деникинском Екатеринодаре кадет Н. Астров в письме В. Пепеляеву (оно было написано в конце января 1920 г., когда Астров еще не знал о падении правительства Колчака), сравнивая большевиков с белыми, с горечью констатировал: большевики «бесконечно опередили нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности организовывать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не попевали за ними...» ¹⁵.

Корыстолюбие, коррупция, интриги, сколачивание группировок — своеобразных мафий — разрывали омские «правлящие круги». Деление шло по различным признакам, но наиболее заметно по признаку того, кто был «от Сибири», а кто прибыл сюда «из России» и усиливал свое влияние в «омской комбинации». Бытописатель колчаковского Омска белогвардейский журналист Л. Арнольд признавал, что Омск жил по принципу «человек человеку — волк» ¹⁶.

В июне Колчак издал особый приказ, в котором констатировался почти полный разлад в деятельности «различных ведомств», усиливающаяся «преступная рознь» между ними. «Опять, как и раньше,— говорилось в приказе,— в общую дружную работу начинают вьедаться борьба удельных самолюбий, мелкие честолюбивые желанья выставить всячески свою работу и по возможности опорочить работу соседа... что создает атмосферу взаимной недоброжелательности и подозрительности»¹⁷. Колчак угрожал применением «беспощадных мер».

Не лучше обстояло дело в армии. Многие офицеры под различными предлогами уклонялись от отправки на фронт, укрывались в тыловых учреждениях, переполняли рестораны и салоны, проводя время в кутежах и попойках¹⁸. Шел «пир во время чумы»... Дело дошло до того, что в начале июля Колчак секретно распорядился в кратчайший срок направить всех офицеров, сумевших окопаться в многочисленных тыловых частях и учреждениях, на позиции¹⁹.

Но грозные указы и распоряжения не достигали цели. Зачастую они «растворялись» в различных учреждениях, через которые шли, уходили, словно вода в песок, впитывались, как в вату. Коррупцированная «штатская» и военная бюрократия, порожденная бесконтрольным режимом, умело обходила «повеления» «верховного правителя» там, где они затрагивали ее интересы или интересы связанных с ней людей. Регулярно составлявшиеся в осведомительном отделе штаба Верховного главнокомандующего обзоры положения рисуют мрачную, унылую картину: все рассматривается главным образом «с точки зрения личных отношений», нет «никакого энтузиазма и воодушевления», «желания устроить судьбу своей родины»²⁰.

По настойчивым требованиям буржуазии и торговцев власти отменили монополию на хлеб, мясо и масло. Результатом явился безудержный рост цен, невероятная спекуляция. Сибирские газеты констатировали, что «героизм мининых» чужд нашему торгово-промышленному классу. Большинство купцов и промышленников, чувствуя шаткость режима, гребло в основном «под себя», не останавливаясь даже перед разбазариванием ценностей иностранцам. Сибирские газеты были полны сведениями об этом. Например, судовладельцы на Сунгари и Амуре сбыли почти весь флот (более 50 судов) японцам и китайцам, совершенно забыв о своем «патриотизме». А когда «герой Перми» генерал А. Пепеляев попросил у пермских богатеев

заем в 3 млн. рублей, они, по сообщениям газет, «остались глухи».

Всеобщая продажность достигла пределов. Политический уполномоченный чешского правительства в Сибири Б. Павлу в беседе с эсером Е. Колосовым сравнивал колчаковский Омск с Римом периода его упадка. Светоний, говорил Б. Павлу, писал, что Британик, пораженный продажностью, охватившей Рим, воскликнул: если бы нашелся человек, пожелавший купить Рим, он легко мог бы это сделать! То же и в Омске летом 1919 г. Если бы здесь нашелся достаточно богатый человек, он купил бы Омск без труда.

Город погряз в коррупции. Например, чтобы получить билет или протолкнуть нужный состав, нужно было «сунуть» железнодорожному чиновнику или военному коменданту. В дневнике П. В. Вологодского записан такой факт. Сам министр путей сообщения и председатель Межсоюзнического железнодорожного комитета Л. А. Устругов рассказывал «в обществе, не стесняясь», что ему чуть ли не лично пришлось дать взятку, чтобы скорее пропустили его вагон.

Транссибирская железнодорожная магистраль имела жизненно важное значение для функционирования всего колчаковского тыла и фронта. Естественно, что союзники постарались взять ее под свой контроль. В марте 1919 г. был создан так называемый Межсоюзнический железнодорожный комитет в целях восстановления «деятельности транспорта на КВЖД и Сибирской железнодорожной магистрали». В него вошли представители Англии (Дж. Эллиот), Франции (Г. Буржуа), Японии (Мацудайра), Италии (Гаско), США (Дж. Смит) и Китая (Ли Цинь-джен). Председателем комитета был назначен министр путей сообщения правительства Колчака Л. А. Устругов, но ему принадлежала лишь номинальная власть. Фактически распоряжались иностранцы, контролировавшие технический совет Межсоюзнического комитета, который возглавлял американский инженер Дж. Стивенс²¹ (дальневосточные дороги контролировали и охраняли в основном американцы и японцы, а участок от Омска до Байкала — чехи).

Но как констатировалось в сводке обзоров печати осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего, «союзный контроль над железными дорогами не оправдал надежд». Союзники действовали нередко теми

же безобразными методами, что и белогвардейцы. Они пользовались подвижным составом по собственному усмотрению, нарушали регулярное движение поездов, вели себя на русской территории как оккупанты.

Впоследствии командующий американскими войсками в Сибири генерал В. Гревс доказывал, что они точно исполняли инструкцию о невмешательстве в русские дела²². Но сохранились донесения колчаковских властей Забайкальской области по начальству о пребывании здесь солдат 27-го американского пехотного полка под командованием полковника Морроу. Два батальона полка (примерно 2,5 тыс. человек) были расквартированы в Верхнеудинске, и город порой бывал терроризирован бесчинствующими американскими солдатами. Наглые приставания к женщинам на улицах «с гнусными предложениями», пьянство с дебошами, стрельба в ресторанах и «тайных притонах» (в одном из них был убит казачий урядник Кайков, что вызвало волнение в русских частях), ограбление частных квартир с применением насилия — таков далеко не полный перечень «подвигов» американских солдат-интервентов²³.

7 июня 1919 г. управляющий Забайкальской областью С. А. Таскин доносил В. Пепеляеву, что «деятельность американских солдат и американского командования чем дальше, тем все большее озлобление и возмущение вызывает во всех слоях общества». Дело чуть-чуть не дошло до прямого столкновения. 10 июня американцы вынуждены были даже возвести укрепления у своих казарм и «выставить пулеметы». При этом они бесцеремонно захватили городской собор, с тем чтобы превратить его в «укрепленный пункт»²⁴. Местные власти умоляли убрать американцев из Верхнеудинска: «Положение невыносимое для русского человека вообще, а для власти безвыходное...»²⁵

Антисоюзнические настроения заметно усиливались. Омская газета «Русское дело» 25 октября 1919 г. поместила «Открытое письмо генералу Ноксу от русского солдата». «Что требуется от союзников?» — вопрошал этот «солдат». И разъяснял: «Открытое признание адмирала Колчака. А то тяжело слышать от самого темного мужика: вот что, брат, видно, придется опосля дружбу заколачивать с немцем». «И это при том, — писал «солдат», — что он (мужик) одет и вооружен союзниками... Скажите об этом вашим».

Между тем развал колчаковщины усиливался. Сохранились целые подшивки анонимных писем, авторы которых

наивно считали, что от Колчака скрывают правду, не докладывают ему о том, что происходит «внизу». «Преследуйте всех, живущих на народном горе,— взывал некий анонимный автор.— Прекратите эту гонку поездов с министрами, их женами и домочадцами между Омском и Томском: офицеры ездят в холодных теплушках, а обывателе и нечего говорить. Деревня, киргизы вшивеют от того, что не из чего сшить рубаху. Если к весне не будет у деревни товар и сельскохозяйственные машины, Ваше правительство не удержится и что будет... ужас. Разгоните присосавшихся к государственному пирогу дармоедов-интеллигентов. Всякий живущий в данный момент — враг России. Требуйте установления максимума заработка каждого, более которого никто не имеет права зарабатывать и получать. В этом только спасение. Пускай не крадут в министерстве продовольствия офицеры, железнодорожники, торговцы — и все будет спасено. Дорогой Александр Васильевич! Спасайте!»²⁶

Колчак сам чувствовал, как его власть обволакивается липкой, вязущей паутиной интриг, межведомственной грызни, коррупции, личных связей и т. п. По свидетельству близко наблюдавшего его Г. Гинса, он вообще был человеком неуравновешенного характера: легко впадал в гнев, быстро сменявшийся депрессией, безразличным состоянием. Нервность «верховного правителя» все больше бросалась в глаза: даже сидя за столом в кабинете, он не мог спокойно выслушивать доклады. Перочинным ножом непрерывно резал поручни своего кресла, опустив голову, не глядя на своего собеседника. Вспышки гнева становились все более частыми.

Многие искали причины «нервического» поведения «верховного правителя» в каких-то «искусственных» причинах. В белоэмигрантской литературе проскальзывали утверждения о том, что он злоупотреблял алкоголем и даже наркотиками. Но они не соответствовали действительности. Основная причина коренилась в сложившейся ситуации, при которой формально всевластный правитель ощущал свое нараставшее бессилие. Тот же Г. Гинс пишет: «Тяжело было положение адмирала. Слева — враги, справа — недоброжелатели, а в центре вялый, безвольный блок (речь идет об омском «национальном блоке». — Г. И.)»²⁷.

Ощущение того, что долгожданная диктатура «не срабатывает», что диктатор оказался «слабым», усиливало

закулисные интриги с целью оказания на него давления. Оно шло в противоположных направлениях. Кадеты, кадетствующие и эсерствующие, напуганные резким усилением черносотенно-монархической военщины, старались как-то образом повлиять на «верховного» «слева». В качестве примера можно привести записку начальника Уральского края инженера Постникова, ушедшего в отставку уже в апреле 1919 г. Объясняя мотивы своей отставки, Постников утверждал, что на территории, находящейся под контролем омского правительства, вся власть сосредоточена в руках военных. Гражданские власти полностью игнорируются, следствием чего являются «незакономерность действий, расправа без суда, порка даже женщин, смерть арестованных «при побеге» и т. п. ...Начальник края,— констатировал Постников,— может быть только свидетелем происходящего»²⁸.

В другой записке, составленной неким капитаном Калашниковым для генерала Р. Гайды и поданной им Колчаку, рисовалась та же картина. Говоря о народных восстаниях и партизанском движении, охвативших весь тыл Колчака, Калашников указывал, что причина их коренится в неправильной «тактике» власти, которая широко применяет расстрелы, массовые порки, преследует такие общественные организации, как земства, городские думы и кооперативы. На территории белых, утверждал он, фактически нет никаких законов, царит полный произвол. В отличие от Постникова Калашников предлагал выход: он призывал Колчака сместить реакционных чиновников, прямо объявить о подготовке выборов в Учредительное собрание по так называемой «четырёххвостке», созвать съезд земских и городских гласных и т. д.— короче говоря, взять «демократический» курс²⁹.

Но Колчак и его окружение решительно отвергали непрошенные советы либеральных и либеральствующих «спасителей» сибирской власти. «Верховный правитель» считал, что решающим фактором в стабилизации режима станет победа на полях сражений, а не реформаторская «возня» в тылу, способная лишь подорвать военные усилия. Поэтому разного рода записки, шедшие, по его мнению, «слева», отправлялись под сукно. «Верховному правителю» больше по душе были записки с противоположной стороны, например от так называемого «Совета объединения несоциалистических общественных деятелей земской и городской России», который высказывался

против всяких «компромиссов и соглашений» и требовал отменить «все то, что торопливо создавалось в угоду социалистическим партиям» после Февраля 1917 г.³⁰

В материалах колчаковского министерства внутренних дел сохранился обширный обзор, содержащий характеристику политической ситуации на территории, находившейся под контролем «верховного правителя» к лету 1919 г. Признавая рост недовольства среди населения и солдатских масс, активизацию большевистской агитации, усиление партизанского движения в тылу, автор во многом объяснял это «бездеятельностью власти» и призывал к проведению «решительных и героических мер». Суть их сводилась к тому, чтобы правительственный курс был «твердый, смелый», чтобы им руководила «единая воля». Никакое обращение к помощи каких-либо общественных организаций и совещаний коллегиального характера не должно допускаться, ибо «уклон правительства в сторону демократизма был бы истолкован как признак слабости...»³¹.

Таким образом, колчаковский режим силою обстоятельств во многом оказывался в положении, сходном с положением царизма в канун крушения; правительство стояло перед альтернативой: либо последовательно и жестко закручивать гайки военно-монархической диктатуры, на что, собственно, и рассчитывали крайне правые, монархические элементы, совершившие переворот 18 ноября, либо в интересах сплочения всех антибольшевистских сил и обеспечения дальнейшей поддержки союзников хоть в какой-то степени соблюсти либеральный декорум Февраля 1917 г. Нужно было выбирать, но любой выбор, притягивая одних и отталкивая других, заводил в тупик. Оставался курс бонапартистского лавирования.

Для либерального прикрытия, рассчитанного на концентрацию всех «живых сил», а главным образом все на то же «внешнее употребление», еще в самом начале своего правления Колчак согласился на создание так называемого «Государственного экономического совещания». Политика из сферы его деятельности исключалась. Оно должно было «содействовать правительству в трудах по восстановлению и развитию хозяйственно-экономической жизни государства», конкретнее, имело право: делать правительству представления по экономическим вопросам, обсуждать законопроекты, вносимые различными министерствами и ведомствами, и высказывать свое мнение

Совету министров. Из этого перечня ясно, что никакими законодательными правами даже в экономической области «совещание» не обладало. Порядок формирования, определявший его состав, ставил «совещание» под полный контроль власти. Оно состояло из назначенных и избранных членов. Первые назначались лично «верховным правителем». Это были председатель «совещания» (вначале Федосьев, затем Г. Гинс), ведущие министры и начальник штаба Верховного главнокомандующего. К избираемым относились: 5 представителей от Совета съезда промышленности и торговли, 5 — от кооперативов, 2 — от Союза профессиональных организаций, не более 20 — от земских и городских организаций, по 2 представителя от частных банков, Сельскохозяйственного общества, Общества сибирских инженеров, 1 представитель от Военно-промышленного комитета, 4 представителя от казачьих войск. Представители от «инородцев» утверждались «верховным правителем» по представлению председателя «совещания». То же относилось и к самой большой группе членов «совещания» — земским и городским деятелям³².

В целом «совещание» представляло собой пустую говорильню, никакого реального значения не имело. Но летом в связи с ухудшением общего положения члены «совещания» зашевелились. Они добились приема у Колчака и вручили ему записку, кое в чем повторявшую тезисы Постникова, Калашникова и др. В ней указывалось, что военная власть узурпировала гражданское управление, и обращалось внимание на «противоречия между заявленными властью демократическими принципами и действительностью». Предлагалось начать подготовку к созыву Учредительного собрания, устранить вмешательство военных властей в дела управления, превратить «совещание» в законодательный орган. По свидетельству Г. Гинса, Колчак молча выслушал депутатов, а в заключение мрачно заявил, что их предложения либо «не новы», либо «неосуществимы». Такая «сдержанность» «верховного правителя» объяснялась обстановкой официального приема. В своем же кругу он был более прям. «Они парламента захотели», — с презрением говорил он о членах «Государственного экономического совещания» и, срываясь в гнев, стуча кулаком по столу, грозился «разогнать этот Совдеп»³³.

По свидетельству Гинса, Колчак вообще «почти не слушал, что ему говорили», «швырял все предметы, кото-

рые были на столе». «Какие теперь преобразования! — в гневе кричал он. — Оставьте меня в покое. Я приду... в Совет министров и заявлю, что никаких преобразований сейчас не будет!»³⁴ По свидетельству многих, наблюдавших его в то время, он стал угрюмым, недоверчивым и подозрительным. Зачитывался «протоколами сионских мудрецов», постоянно возвращался к ним в своих доверительных беседах. Повсюду ему мерещились масоны; он видел их и в свергнутой Директории, и в собственном окружении, и среди членов союзных миссий³⁵.

Однако нажим «слева» усиливался. Политические банкроты, еще недавно верившие в то, что только методами жестоких репрессий и насилия можно покончить с революцией, восстановить и укрепить буржуазно-помещичьи порядки, теперь вынуждены были менять тон. С конца августа — начала сентября уже в самом Совете министров и близких к нему кругах начали раздаваться голоса в пользу хотя бы частичной «либерализации» власти, частичного отказа от военного управления в пользу гражданского с привлечением некоторых представителей так называемых оппозиционных сил — правых эсеров, земцев, кооператоров и т. д.

В конце августа состоялось заседание Совета министров с участием Колчака. На нем, как записал Вологодский, впервые и прямо был поставлен вопрос о частичном пересмотре «конституции 18 ноября». Конкретно предлагалось сменить министров, имена которых стали особенно одиозными (Михайлов, Зефилов и др.), назначить хотя бы министрами без портфеля людей из среды «общественности», а главное, превратить «Государственное экономическое совещание» в законодательный орган, который должен избираться, иметь право «возбуждения» законодательных проектов и запросов правительству³⁶.

Уже из простого перечисления этих пунктов видно, как ничтожны были запросы желавших изменить «конституцию 18 ноября» в «либеральном» направлении. Но и они оказались неприемлемыми для «верховного правителя». Он заявил, что считает «в настоящий момент совершенно недопустимым пересмотр положений о государственном управлении» вообще и несвоевременным преобразование «Государственного экономического совещания» в частности. «Итак, гора родила мышь», — меланхолически констатировал Вологодский, который, как премьер, подвергался усиленной обработке со стороны тех, кто начал разочаро-

вываться в мессианском характере колчаковской диктатуры. Эта обработка продолжалась весь сентябрь. Особенно усердствовали «бывший народоволец» А. В. Сазонов, который когда-то узрел в Колчаке «русского Вашингтона», левый кадет Л. Кроль, некогда участвовавший в Уфимском совещании, родившем Директорию, А. А. Червен-Водали, посланец екатеринодарского «Национального центра», и некоторые представители проходившей в это время в Омске казачьей конференции. Все они, по словам Вологодского, «очень нервничали, добивались приема у Колчака», чтобы убедить его в необходимости создания «законосовещательного органа», перед которым хотя бы частично был ответствен Совет министров³⁷. Известную поддержку им оказывал управляющий делами Совета министров и канцелярии «верховного правителя» умевший держать нос по ветру Г. Гинс.

Поражения на фронте и усиливающийся развал в тылу в какой-то мере, по-видимому, поколебали Колчака. В принципе он уже высказывался «за», но по-прежнему ссылался на несвоевременность «реформ» из-за тяжелого положения на фронтах. Результатом этих колебаний стала «грамота русскому народу» и письмо на имя Вологодского, которые «верховный» опубликовал в середине сентября 1919 г. Возвещалось о созыве «Государственного земского совещания» и Совету министров предписывалось разработать положение о нем. «Положение» было разработано только к началу ноября. Объявлялось, что «Государственное земское совещание» должно заменить «Государственное экономическое совещание». В соответствии с утвержденным положением в «земское совещание» не могли избираться лица моложе 30 лет, студенты и военнослужащие. В сельской местности выборы предполагались двухстепенные: сначала на волостных сходах избирались уполномоченные, а затем уездные съезды могли послать депутата в «земское совещание». Депутатов от городов и земств избирали городские думы и земские собрания. Строго определенное число депутатов избирали «общественные организации»: Совет съезда торговли и промышленности, Совет всесибирской кооперации, учебные заведения и др.

Помимо депутатов совещания «по выборам» в него должны были войти члены «по назначению», что составляло компетенцию «верховного правителя». Предполагался, таким образом, созыв подобранного властями «представи-

тельного органа», не имеющего никакой законодательной силы. Власть «верховного правителя» в случае созыва «Государственного земского совещания» не ограничивалась ни на йоту. Эта жалкая подачка лишней раз показала, в каком тупике, в каком порочном, безысходном круге оказалась колчаковщина. Тот же Гинс пишет, что «грамотой» и «положением» остались недовольны как «правые», так и «левые». Первые возмущались «этими парламентами», а вторые справедливо считали, что уступка слишком незначительна³⁸.

И хотя Колчак 8 ноября 1919 г. «повелел» произвести выборы членов «Государственного земского совещания» не позднее 1 января 1920 г., мало кто принял это указание к исполнению. Из многих мест в центр сообщали, что сложившиеся условия не позволяют обеспечить проведение выборов. Уже мало кто обращал внимание на «грамоты» и прожекты новых «совещаний».

Красная Армия подходила к столице «колчакии». «Верховный правитель» выдвинул лозунг защиты Омска во что бы то ни стало. Гинс официально заявил, что город сдан не будет. Газеты за подписью городского головы И. Лепке поместили объявление о назначении на 16 ноября выборов гласных в городскую думу на срок до января... 1923 г. Колчак делал лихорадочные перестановки в командовании. Прикомандированный к его штабу некий «союзный» майор в рапорте по начальству ярко воссоздал атмосферу, царившую в Ставке. «Правитель» одновременно принимал главкома генерала Дитерихса и генерала Сахарова. Дитерихса он обвинял во всех неудачах, в волнении сломал несколько карандашей, разбил чернильницу. Когда Дитерихс начал было оправдываться, Колчак стал кричать, «топать ногами». Тут же Дитерихс был отставлен, а «бетонноголовой» Сахаров (по характеристике генерала А. Будберга) назначен главкомом. «Стоя в позе Наполеона», он развивал свой план «неприступной» обороны Омска. Слушая Сахарова, Колчак успокаивался, совершенно забыв о его позорных поражениях в боях под Челябинском и другими городами³⁹.

Но спасти белый Омск уже никто не мог. Приходилось бросать все и срочно бежать. 10 ноября 1919 г. — почти в годовщину переворота — Совет министров погрузился в эшелон. Хорошо информированный колчаковский журналист Вс. Иванов сообщал впоследствии: чтобы этот министерский поезд своевременно ушел из Омска на Иркутск

(новую столицу «колчакии»), пришлось дать взятку железнодорожному начальству!⁴⁰

Колчак задержался в Омске еще на два дня и оставил его 12 ноября вместе с отходившими частями своих армий. Но уже через несколько дней на станции Тайга он «отделился» от войск, двинувшись в направлении к Иркутску вместе с несколькими эшелонами, в которых находился остававшийся в Омске золотой запас.

Положение «верховного правителя» оказалось крайне тяжелым. Совет министров с середины ноября пребывал в Иркутске; колчаковские войска под командованием Каппеля, Войцеховского и А. Пепеляева, с трудом отбиваясь от Красной Армии и партизан, отходили все дальше на восток. А где-то между фронтом и новой столицей — Иркутском двигался поезд «верховного правителя».

Странным образом его финал напоминал конец последнего российского самодержца, правда в более мелком, провинциальном варианте. В обоих случаях судьба распорядилась почти одинаково: как и Николай II, Колчак, покинув Ставку и фронтовые части, оказался оторванным и от правительства, медленно продвигаясь по забитой составами Сибирской магистрали.

Но события повторялись не только своей внешней стороной. Как и тогда, в начале марта 1917 г., в правящих кругах «колчакии» теперь резко активизировалась оппозиция, целью которой было спасти падающий режим путем понуждения его главы к либеральным, «конституционным» уступкам. Как мы уже отмечали, эта тенденция в Омске наметилась еще в августе 1919 г., но тогда военная и политическая ситуация не представлялась Колчаку настолько безысходной, чтобы он поддался нажиму «общественности», представляемой главным образом лидерами «Государственного экономического совещания» и отдельными министрами.

Во второй половине ноября положение резко изменилось. То, что режим идет к своему краху, становилось яснее с каждым днем. Личный престиж «верховного правителя» быстро падал как в кругах его сторонников, так и в среде интервентов — белочехов и антантовских союзников. Колчак, конечно, знал об этом. В бумагах, найденных при его аресте в поезде, находилась вырезка из «Шанхайской газеты» еще от 11 октября 1919 г. Это была статья под названием «Нанятый патриотизм», подписанная псевдонимом В. К. «Господин Колчак, — говорилось в ней, — иностран-

ным вмешательством произведен из адмиралов в правители России. Это до того перестало быть полишенелевым секретом, что в заинтересованной в русском вопросе иностранной печати, с одной стороны, приводятся данные о стоимости этого «дела», а с другой — соображения о том, не пора ли нанять для него какое-либо другое лицо...»

В середине ноября произошел инцидент, который чуть было не привел к разрыву между «верховным правителем» и белочешской верхушкой. Разложение корпуса к этому времени уже зашло далеко. Чешские интернационалисты вели активную пропагандистскую и агитационную работу, в результате которой сотни солдат и офицеров переходили на сторону Красной Армии. Многим становилось ясно, что чехи — всего лишь пешки в антисоветской игре Антанты, и это резко усиливало недовольство союзниками. В одном из номеров рукописного журнала «Качели», издававшегося в корпусе, была помещена карикатура. На берегу Тихого океана стоит дряхлый старик в чехословацкой военной форме. Весь он оброс мхом, на голове растут грибы. Две рыбы высунулись из воды и ведут разговор:

— Скажи, что это за дикарь в культурной Азии?

— Это чешский солдат ждет, когда ему подадут парход союзники.

Под карикатурой стояла подпись: «1979-ый год». Казалось бы, шутка, но она не вызывала смеха у чешского командования...

Еще в дни падения Омска русское отделение Национального совета за подписью Б. Павлу и В. Гирсы опубликовало меморандум союзным представителям, в котором содержались резкие нападки на колчаковский режим. «Охраняя железную дорогу, — говорилось в нем, — и поддерживая в стране порядок, войско наше вынуждено сохранять то состояние полного произвола и беззакония, которые здесь воцарились. Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир...» Национальный совет демонстративно запрашивал союзников, каким образом можно ускорить возвращение чешских войск на родину⁴¹.

Взбешенный Колчак «повелел» прекратить всякие сношения с Павлу и Гирсой «как вставшими на путь политического интриганства и шантажа», потребовать (через Сазонова) от чехословацкого правительства отозвать их из России и заменить другими, «умеющими хотя бы вести себя

прилично». В пространной телеграмме представителям Антанты он обвинял чехов в том, что они чуть ли не с самого начала занимали враждебную позицию по отношению к его власти⁴².

С большим трудом удалось уладить конфликт хотя бы внешне. Пепеляев, Сукин и другие буквально бомбардировали из Иркутска поезд «верховного правителя» телеграммами о недопустимости «резких выражений», которые могут «бросить всю массу чехов в объятия наших врагов». В. Пепеляев грозил отставкой. Колчак упорствовал, требуя, чтобы чехи предварительно аннулировали свой «акт»⁴³.

В конце концов в специальной ноте Гирса разъяснил, что меморандум неправильно понят, что речь шла только о местных властях, но отнюдь не о «верховном правителе» и его правительстве. Колчаку ничего не оставалось, как удовлетвориться таким разъяснением⁴⁴.

Но еще до «чешского инцидента» позиция тех, кто выступал за либерализацию режима, значительно укрепилась. Их ряды пополнил не кто иной, как сам... В. Пепеляев, всего лишь год назад бывший чуть ли не главным мотором политики установления «твердой власти», единоличной военной диктатуры, непримиримым врагом каких-либо компромиссов с «демократической контрреволюцией», переворотчиком 18 ноября номер один. Такая смена вех, осуществленная именно им, Пепеляевым, в политическом плане свидетельствовала о глубочайшем кризисе военно-монархической диктатуры, а в субъективном, личном — о конъюнктурной приспособляемости и изворотливости самого В. Пепеляева. Существовали, впрочем, весомые обстоятельства, которые заставляли его форсировать вопрос о перемене политического курса.

Примерно в то самое время, когда начало усиливаться либеральное крыло в колчаковских правящих сферах, значительно активизировали свою деятельность лидеры эсеровских и проэсеровских кругов. В период успехов колчаковщины они практически не проявляли себя, но, когда под ударами Красной Армии власть «верховного правителя» зашаталась, эсеры, меньшевики и другие представители «демократической общественности» в земствах, городских думах, кооперативах оживились. Основными центрами их деятельности стали Иркутск и Владивосток.

В Иркутске в канун падения колчаковского Омска на нелегальном заседании представителей Всесибирского краевого комитета эсеров, Бюро сибирской организации меньшевиков, Центрального комитета объединений трудового крестьянства Сибири и Земского политического бюро был создан так называемый «Политцентр». В опубликованной им декларации колчаковский режим квалифицировался как режим военно-монархической реакции, режим насилия и террора, «перед которым бледнеют кошмары последних десятилетий царизма». Он довел государственную и экономическую жизнь Сибири до полного развала во всех сферах, привел ее к порабощению «иностранными силами», особенно Японией. Но теперь он обанкротился полностью и должен быть заменен новыми силами — властью «революционной демократии», руководящим ядром которой «Политцентр» объявлял себя.

Руководители «Политцентра» заявляли, что в отличие от колчаковской власти они решительно отвергают всякие претензии на «всероссийское правительство», поскольку это ведёт лишь к углублению гражданской войны и расширению иностранного вмешательства. Задача «Политцентра» — создание «местной», сибирской власти, которая будет стремиться к прекращению гражданской войны и «установлению договорных отношений с государственно-демократическими образованиями, возникшими на территории России». Замысливалось, таким образом, создание на развалинах колчаковщины некоего буферного «демократического» государства, противостоящего Советской России. В новых условиях эсеры вознамерились вновь реализовать свою обанкротившуюся осенью 1918 г. идею «третьей силы»⁴⁵.

В предисловии к сборнику документов «Последние дни колчаковщины» А. Ширямов писал, что «Политцентр был продолжением колчаковщины, вернее, ее заключительной главой»⁴⁶. Такое утверждение верно лишь в определенном, можно сказать, хронологическом смысле. Фактически же «Политцентр» имел антиколчаковскую направленность, планировал восстания и захват власти в ряде городов Сибири, что создавало определенную основу, на которой большевики, руководимые Сибирским бюро ЦК РКП(б), могли контактировать с ним в деле свержения власти Колчака. Это подкреплялось еще и тем, что попытки колчаковских «либералов» привлечь эсеровские организации и вообще «демократическую общественность» на свою

сторону, создав вариант пепеляевской керенщины, не увенчались успехом. Эсеры, меньшевики и близкие им «общественные деятели» не спешили блокироваться с «полевешими» кадетами и монархистами, сознавая, что те уже политические мертвецы, судорожно хватавшие их — пока еще живых. Г. Гинс саркастически писал, что эти люди не понимали того, что они находятся на одном корабле с колчаковцами, и «в ослеплении своем думали, что погибнем только мы»⁴⁷.

Во Владивостоке ядро возрождающейся «демократической контрреволюции» составили те недобитые Колчаком эсеры, которые летом и осенью 1918 г. группировались в Сибирской областной думе и вокруг Временного правительства автономной Сибири, возглавлявшегося П. Я. Дербером. Самого «маленького Пети» во Владивостоке уже давно не было: он находился в семипалатинской тюрьме. Но некоторые его министры (Краковецкий, Моравский и др.), а также бывший председатель областной думы, «первый гражданин Сибири» Якушев находились здесь. С ними было связано так называемое Центральное бюро военных организаций Сибири, о политической программе которого можно судить по изданным им листовкам «Братья солдаты», «Братья солдаты и офицеры», «Братья чехословаки». В них клеймилась колчаковская власть, свергнувшая «законно избранную Директорию» и убившая членов Учредительного собрания. Говорилось о необходимости созыва сибирского Учредительного собрания для создания «демократической федеративной России». Бюро заявляло, что оно войдет в переговоры с большевиками о прекращении гражданской войны, но, если они не согласятся на предложенные условия, тогда борьба с ними будет продолжаться до конца⁴⁸.

Колчаковская контрразведка была хорошо осведомлена о деятельности этих организаций. В докладах начальника контрразведки при штабе верховного главнокомандующего, датированных сентябрем—ноябрем 1919 г., отмечалось, что во Владивосток (так же, как и в Иркутск) «прибывают лица времен Керенского и Дербера», связанные с руководителями эмигрантских эсеровских центров в Западной Европе (в частности, с Керенским, Черновым, Авксентьевым и др.), устанавливающие контакты с чешскими и союзническими представителями, особенно американцами.

Последнее не должно удивлять. Поддержав в свое

время колчаковскую диктатуру, интервенты теперь исподволь прощупывали те силы, на которые можно было бы переориентироваться в случае быстрого краха режима «верховного правителя». Американский генерал В. Гревс прямо писал, что к концу 1919 г. «Колчак уже не мог больше идти в счет при оценке положения в Сибири»⁴⁹. И хотя в своей книге он отрицает поддержку эсеров союзниками, но контрразведывательные данные показывают, что американцы и японцы тайно субсидировали правых эсеров.

Короче говоря, приближавшийся крах кадетско-монархической контрреволюции (колчаковщины) гальванизировал вторую «демократическую контрреволюцию». Первая «демократическая контрреволюция» (лето — осень 1918 г.) открыла боевой фронт против Советской власти, эта — вторая — уже не была способна на столь крупную акцию и рассчитывала на то, что сумеет отгородиться от Советской России границей по Ангаре.

В августе 1919 г. во Владивосток прибыл неудавшийся кандидат в сибирские наполеоны Р. Гайда. Еще так недавно помогавший Колчаку прийти к власти, теперь он рассорился с ним. Причины были разные, но главным образом военные неудачи. Доходило даже до взаимных оскорблений, и, если верить М. Жаннелю, Гайда даже требовал от Колчака... удовлетворения. Дело кончилось отставкой Гайды, но он не желал уходить в тень. Авантюрист остался авантюристом. Однако теперь, «разочаровавшись в реакции», он решил сделать ставку на «демократические элементы». Еще по пути на Дальний Восток у него состоялась тайная встреча с видным сибирским эсером Е. Колосовым. На перегоне между Николаевском и Тайгой Колосов незаметно вошел и так же незаметно через некоторое время вышел из вагона Гайды. О чем они говорили, ни Колосов, ни Гайда в своих воспоминаниях не сообщают, но догадаться все же можно по событиям, развернувшимся позднее.

19 сентября начальник Приморского областного управления государственной охраны полковник Немысский в секретной докладной записке управляющему Приморской областью сообщал, что 9 сентября в здании городской думы состоялось «тайное совещание», на котором присутствовали Гайда, бывший министр Старынкевич и др.: «обсуждался вопрос о государственном перевороте и проведении к власти правых эсеров». Срок выступления примерно через 2—3 недели при поддержке чехов, которые

в свою очередь якобы заручились поддержкой американцев⁵⁰.

Почему эсеры установили связь с таким человеком, как Гайда, — белобандитом, бывшим правой рукой Колчака? Колосов писал позднее, что многие резко порицали его за альянс с Гайдой. Но ведь Гайда, оправдываясь Колосов, еще имел «крупное имя» в армии и у союзников. Привлечь его на свою сторону и тем самым получить «авторитетный доступ» в офицерско-генеральскую среду казалось эсерам весьма соблазнительным⁵¹. Однако это не все. Член гайдовской организации Б. Солодовников указывает на другую, не менее важную причину. Для эсеров Гайда был как бы «громоотводом» от подозрений в большевизме со стороны союзников⁵².

Обосновавшись на владивостокском вокзале в собственном поезде, Гайда превратил его в штаб готовившегося выступления. Здесь, по сведениям контрразведки, проходили совещания заговорщиков, среди которых были Якушев, Краковецкий, Моравский, чешский генерал Чечек и др. Якушев и Гайда поддерживали связь с находившимся в Японии Болдыревым, некогда главкомом, членом Директории, и с Д. Хорватом, в свое время метившим в «верховные правители», а летом 1919 г. смещенным даже с поста «верховного уполномоченного на Дальнем Востоке» (этот пост вообще упразднился)⁵³. Группировались все обиженные и обойденные.

По сообщениям Русского телеграфного агентства (РТА), Гайда вел себя во Владивостоке «рекламно». В начале ноября он принял корреспондента газеты «Эхо», которому «прозрачно намекнул», что у него в поезде готовится создание нового правительства, в связи с чем ожидается прибытие «новых лиц».

События, вероятно, были ускорены уже известным нам чехословацким меморандумом, опубликованным 16 ноября и содержащим резкие обвинения колчаковскому режиму. «Гайдо-эсеры», по-видимому, решили, что их час пробил.

Но готовился и штаб колчаковского «наместника», командующего Приамурским округом генерала Розанова. С утра 16 числа по его распоряжению город стал принимать вид военного лагеря. Кое-где уже шла стрельба. Утром 17 ноября вездесущее РТА направило в поезд Гайды двух своих сотрудников. Они явились туда в тот момент, когда там происходило заседание членов только что созданного комитета по созыву Земского собора. В интервью

корреспондентам Якушев заявил, что он и его друзья считают «переворот законченным», так как, по их сведениям, настроение войск генерала Розанова «подавленное», многие части переходят на сторону повстанцев. Что касается союзников, то они якобы вполне лояльны и обещали придерживаться нейтралитета. Поэтому, спесиво говорил Якушев, «мы снимаемся с поезда, едем в город, займем все учреждения и выпустим заявление об образовании Временного народного правительства Сибири».

Действительно, в городе появились напечатанные на гектографе листовки с якушевским указом. В нем сообщалось, что власть Колчака свергнута и до созыва всесибирского Земского собора она переходит в руки «Временного народного управления Сибири» в составе Якушева, Краковецкого, Моравского. Главкомом объявлялся Гайда⁵⁴.

Тут же, у поезда, шла запись в его «армию». Записывались в основном военнопленные, кое-кто из чехов, дезертиры, деклассированные элементы. Втянутой оказалась и незначительная часть рабочих (главным образом портовых и железнодорожных грузчиков), дезориентированная прокламациями гайдовцев. Всего набрали примерно 1,5 тыс. человек. В два часа дня 17 ноября с поезда раздались шесть выстрелов — сигнал к вооруженному выступлению. Повстанцы бросились в город. В порту они захватили пароход «Печенег» и катер «Богатырь», которые присоединились к восстанию. Остановился трамвай, закрылись магазины. Кое-где начались грабежи.

Но бодрое якушевское заявление на поверку оказалось блефом. Правительственные войска не только не переходили на сторону мятежников, но открыли по ним огонь с суши и с моря. Союзники фактически присоединились к ним. В исторической литературе иногда высказывалась мысль, будто их позиция объяснялась тем, что в выступление втянулись рабочие, выдвинувшие лозунг восстановления Советской власти⁵⁵. Но, по всей вероятности, интервенты скорее поняли, что никаких шансов на успех у Гайды и примкнувших к нему эсеровских вождей нет. Позднее сам Гайда признал, что, хотя ему удалось нанять полторы тысячи «бойцов», ядро его «армии» составила примерно сотня человек, 90 из которых являлись его личными конвойцами. Союзная агентура, по-видимому, правильно оценила возможности мятежников.

Оцепив кварталы, примыкающие к району восстания, колчаковские и иностранные войска начали сжимать коль-

цо окружения. С союзных кораблей мощные прожектора освещали им путь, а с русских судов вели артобстрел. «Главком» Гайда бежал на «Печенег» и попытался организовать контрнаступление вдоль набережной. Однако к утру 18 ноября все было кончено. Захваченного Гайду (в момент пленения он отстреливался, ранил двух офицеров) вели по улицам в штаб Розанова в шинели без погон, и у него, по словам корреспондента РТА, был «унылый вид»⁵⁶. Под нажимом чехов колчаковские власти не решились арестовать Гайду. С него взяли подписку о выезде из России, и уже в начале декабря кандидат в сибирские наполеоны оказался в Шанхае. В интервью газете «Чайна пресс» он поносил власть Колчака как реакционную, а союзников — как пособников «черной монархии». Но эти заявления уже мало кого интересовали. Битая карта не могла быть возвращена в антисоветскую колоду.

Иркутск, где также планировалось эсеровское антиколчаковское выступление, не поддержал гайдо-эсеровскую владивостокскую авантюру. В Иркутск в эти дни ожидалось прибытие колчаковского правительства, бежавшего из Омска, и военные власти еще в ночь на 12 ноября провели здесь обыски и аресты ряда местных эсеровских лидеров и представителей «демократии». Правда, после протеста чехов часть из них выпустили⁵⁷. С другой стороны, «Политцентр» еще не успел полностью сконструироваться. 18 ноября, в тот самый день, когда «унылый» Гайда брел под конвоем в штаб генерала Розанова, премьер Вологодский и другие министры прибыли в последнюю колчаковскую столицу — Иркутск.

Хотя гайдо-эсеровская авантюра во Владивостоке провалилась, сторонники пепеляевского крыла колчаковщины не могли не сделать выводов. Нужно было торопиться: эсеровские элементы в новой столице — Иркутске — все выше поднимали голову, «Политцентр» уже функционировал. С присущей ему напористостью В. Пепеляев предпринял попытку «сомкнуть» «общественные элементы» с рушащейся под ударами Красной Армии колчаковщиной, влить в нее «демократические силы» и в таком обновленном виде сохранить для продолжения борьбы с Советской властью. Как министр внутренних дел Пепеляев собирал представителей иркутских «общественных организаций» к губернатору Яковлеву и там «за чашкой чая» предлагал

им министерские портфели. «Представители» пили чай, слушали Пепеляева, но в заключение заявляли, что составить новый кабинет вообще-то можно, однако «в этом кабинете Пепеляеву места нет». Они довольно резко критиковали колчаковское правительство за «прошлые ошибки», а отдельных министров (например, Зефирова, Михайлова и др.) обвиняли в коррупции, спекулятивных махинациях и т. п.⁵⁸

Однако Пепеляев был не из тех, кто быстро отступает. Белоэмигрантский историк С. П. Мельгунов, описывая этот финальный этап пепеляевщины, утверждал, что Колчак, собственно, и не противодействовал «либеральным» проектам Пепеляева. Но детальный анализ переговоров «верховного правителя» с Пепеляевым, Вологодским, Гинсом и другими по прямому проводу раскрывает ту напряженную внутреннюю борьбу, которая развернулась в верхних эшелонах колчаковской власти в канун ее полного крушения. Эти документы показывают, что Колчак стремился сохранить диктаторский режим и медленно, со скрипом поддавался «конституционному» давлению В. Пепеляева. Было ли это следствием одного только «упрямства», или он понимал то, о чем говорил А. Токвиль: самый опасный момент для дурного режима, когда этот режим хочет исправиться...

19 или 20 ноября Гинс направил в поезд «верховного правителя» чрезвычайную телеграмму. В ней он рисовал угрожающую политическую обстановку, вызванную поражениями на фронте, дороговизной, продовольственным кризисом и т. п. Далее Гинс указывал на «растерянность» союзников, в особенности чехов, которые, по его словам, уже склонны считать, что «власть не сумеет сдержать анархию и остановить напор большевиков». В этих обстоятельствах Гинс советовал по крайней мере осуществить смену главы правительства. В качестве нового премьера он называл В. Пепеляева, а Вологодского предлагал «списать» в председатели комиссии по выборам нового Учредительного собрания, о существовании которой большинство уже давно забыло⁵⁹.

Эти предложения были заранее обговорены в Иркутске как с Пепеляевым, так и с Вологодским. Последний вступил в дело сразу после Гинса. По-видимому, 20 ноября он направил телеграмму «по линии движения поезда верховного правителя, вплоть до Барабинска». В ней констатировалось, что все призывы и обращения существующей

власти «встречаются холодом и безразличием». Вологодский предлагал «обновление власти», но шел уже дальше Гинса: требуется привлечение в Совет министров «свежих сил», устранение непопулярных лиц и замена их деятелями, «объединение которых в кабинете знаменовало бы согласованность общественных сил». В связи с этим Вологодский выражал полную готовность уступить свой пост другому лицу⁶⁰.

Что речь шла не только о замене одних лиц другими, а о связанной с этим переменной политического курса, свидетельствует разговор по прямому проводу, состоявшийся между Вологодским и Колчаком на другой день, 21 ноября. Вологодский с несвойственной ему решительностью говорил «верховному правителю» о произволе, «царящем во всех областях жизни», о бессилии правительства «положить конец своеволию военных начальников», об ужасном экономическом кризисе и приближении голода. «Авторитет правительства, а также Ваш личный,— говорил Вологодский,— падает с каждым часом». Но главное, на что он упирал, была позиция чехов: бесправие и произвол «отталкивают чехов», которые видят теперь выход на пути «действительно демократического переустройства правительства». Поэтому нужно немедленно создать новый кабинет, опирающийся на «общественные круги», и поручить его главе разработать конкретную политическую программу. «Я лично,— передавал Вологодский,— чувствую слабость и готов уступить свое место волевому и активному лицу»⁶¹. Ясно было, что речь идет о В. Пепелеве.

На другом конце провода, в поезде, стоявшем в Новониколаевске, Колчак уже без особого удивления читал эту телеграфную ленту. Но его ответ свидетельствует о намерении уклониться от того пути, который предлагали Гинс и Вологодский. Соглашаясь назначить Пепелева главой «солидарного кабинета», он в то же время заявил Вологодскому, что для «согласования работы военного командования и Совмина» решил реконструировать свою «звездную палату» — «совет верховного правителя». Теперь он будет называться «верховным совещанием» при «верховном правителе» и состав его будет несколько расширен: туда войдут главком, военный министр, министры внутренних и иностранных дел, министры сообщений, финансов и снабжения⁶².

Хотя Колчак несколько позднее старался уверить Пепе-

лева и других в том, что такой сугубо совещательный орган не составит никакой конкуренции Совету министров, было очевидно, что создание его преследует цель сосредоточения еще большей власти в руках «верховного правителя» в обход либеральным маневрам некоторых министров.

Только после получения через Вологодского согласия Колчака на назначение Пепеляева на сцену выступил он сам. 22 ноября состоялся его разговор по прямому проводу с Колчаком. Он заслуживает, чтобы из него были приведены более обширные выдержки. Разговор начался предложением Колчака Пепеляеву занять пост премьера. Пепеляев, по-видимому, вознамерился взять решительный тон. Дело не в личных переменах, заявил он «верховному правителю», это было бы «опасным самообманом», так как внешние перемены не помогут. Тут же он изложил «внутренние перемены», которые, по его мнению, могут помочь: «верховный правитель» управляет через назначенных им министров; отказ от исключительно военной системы управления, решительное вступление на «путь законности и борьбы с произволом»; расширение прав «государственного земского собрания» (речь шла о «совещании», возведенном Колчаком еще грамотой 16 сентября), но обмолвка Пепеляева была, может быть, и не случайна. Чуть позднее он поставит вопрос о созыве «земского собора», «сближении с чехами» (этот пункт имел в виду чешский меморандум и реакцию Колчака на него). По мнению Пепеляева, все эти меры позволят обновленной власти осуществить «проникновение в народ, сближение с оппозицией, объединение здоровых сил страны».

Суммируя пункты пепеляевской программы, можно сказать, что она преследовала цель создания своего рода «министерства доверия» или, скорее, «ответственного министерства», так же как это делала либеральная оппозиция в канун крушения царизма. Колчак сразу уловил эту суть пепеляевских условий. О каком расширении прав «земского совещания» и о каком сближении с чехами идет речь — спрашивал он. Чехи сами не хотят никакого сближения, о чем свидетельствует их меморандум, а «земского совещания» вообще еще нет. Только после выборов, когда определится его «характер и состав», можно будет вернуться к этому вопросу, но отнюдь не теперь. Вместо «сближения с чехами», говорил далее Колчак, «я бы поставил вопрос о сближении с Японией, которая одна в состоя-

нии помочь нам реальной силой по охране железной дороги...».

Из ответа Колчака следует, что он не склонен был менять внутривластный курс, зато скорректировать внешнеполитическую линию был готов. Придя к власти как англофил, он теперь пришел к японофильству, т. е. к тому, из-за чего когда-то расходился с Хорватом и Семеновым. Колчак отстаивал диктаторскую власть, все еще рассчитывая на армию и интервентов. На другом конце провода Пепеляев, по-видимому, пришел к заключению, что «верховный» еще не созрел для уступок в полном объеме и, явно не желая рисковать постом премьера, осторожно дал задний ход. Что касается расширения прав «государственного земского совещания», разъяснил он, то хотя и имеется в виду превращение его в законодательный орган, но отнюдь «не в первую очередь», а когда-то впоследствии.

Разговор закончился уверением Пепеляева в том, что его жизнь — в полном распоряжении «верховного правителя»⁶³. 23 ноября в Новониколаевске Колчак подписал рескрипт о назначении В. Пепеляева председателем Совета министров. Но в нем он ни словом не обмолвился о каком-либо изменении внутривластного курса нового кабинета.

Эра Вологодского закончилась. Он сыграл свою роль фигуры, прикрывавшей переход контрреволюции от «демократического» этапа к этапу военно-монархической диктатуры. Теперь заканчивался и этот этап и, казалось, начинался третий, который должен был, по крайней мере по замыслу Пепеляева, хотя бы в некоторых чертах возродить «демократическую контрреволюцию» и ее блок с контрреволюцией буржуазно-помещичьей. Для такой, обратной, трансформации Вологодский уже не годился. «Старое знамя» выбрасывали на свалку. Если верить Вологодскому, он почувствовал облегчение от того, что ушел и смог наконец свободно разгуливать по Иркутску «в костюме пролетарствующего интеллигента: короткая куртка и скромная шапочка...»⁶⁴.

Между тем уклончивость и непоследовательность Колчака, с одной стороны, и нежелание «демократической общественности» поддержать падающую колчаковщину по «либеральному», пепеляевскому рецепту — с другой, понудили В. Пепеляева решиться на новый шаг, прибегнуть

к новому плану. На этот раз он был непосредственно связан с братом — генералом А. Пепеляевым. У того имелось немало причин быть недовольным Колчаком.

Как мы знаем, перед падением Омска Колчак назначил главкомом генерала Сахарова, на что, по некоторым данным, рассчитывал А. Пепеляев. Но этого мало. Новый главком, перетасовывая разбитые войска, вознамерился переформировать 1-ю Сибирскую армию Пепеляева в «неотдельный корпус» в составе 2-й армии генерала Войцеховского. В ответ уязвленный Пепеляев угрожал даже бунтом своей армии, отведенной в район Томска. Его отношения с Сахаровым становились все более напряженными. Позднее Сахаров утверждал, что Анатолий Пепеляев «попался в сети эсеров», даже «тайно состоял в партии» (эсеров)⁶⁵. Хотя это утверждение было, конечно, продиктовано эмигрантскими счетами, оппозиционность А. Пепеляева в последний период колчаковщины не вызывает сомнений. Сказалось, несомненно, и «либеральное» влияние брата. В дневнике В. Пепеляева за июль—октябрь 1919 г. есть короткие записи, свидетельствующие о том, что уже тогда братья вели речь о «земском соборе»⁶⁶.

В конце ноября Виктор Пепеляев, не добившись уступок со стороны Колчака в ходе длительных телеграфных переговоров, решил лично выехать к нему. Но в канун отъезда из Иркутска он связался по прямому проводу с находившимся в Томске братом. У генерала не оказалось «министерского шифра», и братья говорили крайне осторожно, прибегая к намекам, которые понимали только они. Тем не менее из сохранившихся текстов этих переговоров можно предположить, что еще до сдачи Омска Пепеляевы обсуждали варианты каких-то решительных действий в подходящий, по их оценке, момент.

А. Пепеляев, узнав, что Виктор, только что ставший премьером, направляется к Колчаку, убедительно просил его заехать в Томск; «это необходимо для дела», поскольку «настроение у всех таково, что не нужно терять ни минуты и спасать положение». Суть «дела» он не изложил. 26 ноября, за два дня до отъезда из Иркутска, В. Пепеляев в новом разговоре с генералом просил хоть намеком указать, какая часть их «омского разговора является центром тяжести»⁶⁷.

Содержание ответа А. Пепеляева настолько туманно, что сказать что-либо определенное, к сожалению, невозможно. Неизвестно также, о чем говорили братья при

встрече в Томске. Однако то, что последовало через несколько дней, в начале декабря, все же дает определенное основание сделать вывод о подготовке братьями Пепеляевыми своего рода дворцового переворота с целью устранения Колчака.

О том, что произошло во время встречи Виктора Пепеляева с «верховным правителем» (после встречи с А. Пепеляевым), мы можем судить по его телеграмме, посланной 10 декабря со станции Тайга в Иркутск своему заместителю Третьякову. Пепеляев сообщал, что он нашел здесь состояние полного развала: армия беспорядочно отходит, тыл «сжимается» восстаниями, транспорт нарушен, растет недовольство в среде офицерства и т. д. И несмотря на все это, нет никаких признаков «готовности к реформам», напротив, «полное отсутствие плана военного и политического»⁶⁸.

Когда, сообщал В. Пепеляев Третьякову, он поставил перед Колчаком вопрос о созыве земского собора (не «государственного земского совещания» с расширенными правами, как это предполагалось ранее, а нового «представительного органа» — земского собора) и заявил, что это «ультимативно развито 1-й армией» (т. е. армией А. Пепеляева), Колчак даже заговорил об отречении в пользу Деникина. Все убеждения в необходимости созыва земского собора оказались безрезультатными.

И все же, говоря Третьякову об отсутствии в Ставке каких-либо планов, В. Пепеляев был прав только наполовину. Политических планов в Ставке действительно не имелось, но не потому, что их никто не мог предложить. Просто Колчак и его окружение искали спасения не в политических, а в военных решениях.

Генерал Сахаров позднее писал, что как раз в канун назначения Пепеляева премьером в Новониколаевске у Колчака состоялось несколько совещаний. На утверждение были представлены два плана. Согласно первому, предполагалось сконцентрировать отходившие войска в районе Новониколаевск — Томск — Тайга «с опорой на атамана Семенова и при поддержке японцев». Для прочного обеспечения тыла чехословаки должны были «убраться из Сибири», а любые проявления оппозиции режиму подлежали «ликвидации на корню». Весной 1920 г. активные боевые действия должны были возобновиться. Второй план намечал уход остатков армии на юг, в район Барнаул—Бийск, на соединение с атаманами Дутовым и Аннен-

ковым, с тем чтобы, базируясь на Монголию и Китай, с началом 1920 г. «начать борьбу заново». Сахаров утверждает, что Колчак склонялся к принятию первого плана⁶⁹. Но его беспочвенность и авантюризм были очевидны, в том числе, конечно, и для В. Пепеляева. И братья, по-видимому, решились.

8 декабря на станцию Тайга, где стояли поезда Сахарова и Колчака, подошли бронепоезд, егерская бригада 1-й Сибирской армии (А. Пепеляева) и личный конвой генерала. На другой день егеря окружили поезд Сахарова, выкатили на открытую позицию батарею. Сахаровский конвой приготовился было пустить в ход винтовки и гранаты, но комендант сахаровского поезда сумел предотвратить столкновение. Тем не менее Сахаров со всем штабом был арестован. Пепеляевы предъявили ему обвинение в преступной сдаче Омска. Правда, вскоре после прибытия на станцию Тайга нового главнокомандующего генерала Каппеля он был освобожден до официального расследования его дела. В письме к Колчаку Сахаров, на наш взгляд, правильно расценил, что его арест был связан с реализацией политических планов братьев Пепеляевых⁷⁰. Бывший корниловец Сахаров принадлежал к наиболее реакционным, откровенно черносотенным кругам колчаковского генералитета, и его устранение, вероятно, составляло часть «либеральных» планов В. Пепеляева.

Но устранением Сахарова дело не кончилось. В тот же день со станции Тайга братья направили Колчаку (его поезд уже находился на станции Судженка) телеграмму, в которой «в последний раз» предлагали ему издать акт о созыве «Сибирского земского собора» и формировании правительства (проект такого акта прилагался к телеграмме). А дальше Пепеляевы переходили на напыщенный, но суровый язык ультиматума: «Мы ждем до 24 часов 9 декабря... Время не ждет, и мы говорим Вам теперь, что во имя родины мы решились на все. Нас рассудит бог и народ»⁷¹.

Телеграмма настолько потрясла начальника канцелярии Колчака генерала Мартьянова, что он немедленно вызвал В. Пепеляева к прямому проводу.

— Как прикажете понимать Вашу телеграмму? — спрашивал Мартьянов. — Как ультиматум или как представление главы кабинета, а также, что означают Ваши слова: «Во имя родины вы решились на все и вас рассудит бог и народ?»

— Я отвечу через некоторое время,— последовал ответ В. Пепеляева.

По-видимому, что-то удержало его от решительного шага. Лишь через некоторое время Мартьянову было сообщено: «Нашу телеграмму нужно понимать как последнюю попытку спасти верховного правителя помимо его воли(!?)... Больше ничего не могу сказать»⁷².

Совершенно очевидно, что Пепеляевы дали отбой. О причинах можно высказать лишь более или менее обоснованное предположение. Если «братья-разбойники», как их звали в Сибири, действительно планировали переворот, то их расчет, очевидно, делался на части 1-й Сибирской армии А. Пепеляева, отведенные, как уже отмечалось, в район Томск—Тайга—Ачинск. Но если на станции в Томске они еще действовали по приказу Пепеляева (арест Сахарова), то положиться на пепеляевские и другие войска в целом было уже рискованно: фактически они находились в состоянии разложения. Одно за другим следовали спорадические солдатские и офицерские восстания и выступления в Новониколаевске, Томске, Ачинске, Красноярске и других местах⁷³. И хотя пока еще они кое-как подавлялись, переворот вряд ли мог спасти положение. Пепеляевы, видимо, учитывали это.

10 декабря, т. е. на другой день после ареста Сахарова и ультиматума Колчаку, В. Пепеляев в упомянутой телеграмме Третьякову ничего не сообщал о драматических событиях 9 декабря на станции Тайга. По всему видно, что он вернулся на «легальный путь». «Я пришел к окончательному выводу,— говорил он,— что необходим крупный политический шаг, который остановил бы сползание в пропасть по инерции». В чем же должен был заключаться этот «крупный шаг»? Прежде всего обращает на себя внимание позиция Пепеляева по отношению к «верховному правителю», вернее, к самой идее «верховного правления». Она, по мнению Пепеляева, по-прежнему необходима «для объединения всех частей России». Ничего не говоря о Колчаке лично, он вместе с тем заявил Третьякову, что «местопребыванием его («верховного правителя») может быть юг России»⁷⁴.

Важно отметить, что этот план Пепеляева не был его собственным изобретением, а скорее всего отражал тенденцию, намечавшуюся в союзнических кругах и среди белогвардейского представительства за границей к концу 1919 г. Об этом, в частности, свидетельствует секретное

письмо военного представителя «верховного правителя» при союзных правительствах генерала Щербачева, направленное А. И. Деникину в Екатеринодар буквально в те же дни, когда Пепеляев готовился к своему «крупному политическому шагу». Указывая на падение «авторитета Сибирского правительства», особенно после потери Омска, Щербачев писал: «Надо учитывать... возможность наступления момента, когда в интересах дела может потребоваться перенесение верховной власти на юг». По его мнению, это может произойти двумя путями: либо Колчак переедет на юг, либо он передаст власть Деникину⁷⁵. Можно, таким образом, предположить, что «план» Пепеляева учитывал и меняющуюся позицию союзников. Но если Щербачев уже писал о возможном уходе Колчака, то Пепеляев не пошел столь далеко.

А через день, утром 12 декабря, в шифровке Колчаку В. Пепеляев уже заверял его в своей полной лояльности. «Конец моей телеграммы,— уверял он,— мог быть понят неверно, если забыть основную идею моей деятельности, в силу которой я ни теперь, ни когда-либо ничего не предприму против носителя верховной власти...»⁷⁶

Новый пепеляевский переворот не состоялся. Фактически он был попросту сметен тотальным развалом колчаковщины, вызванным сокрушительными ударами наступавших с запада советских войск. Год назад, 18 ноября 1918 г., верхушечный переворот, подготовленный В. Пепеляевым и другими в Омске, оказался удачным в обстановке общего торжества реакции. Теперь, когда политическая ситуация определялась на полях сражений, когда широчайшие массы поднялись против военно-монархического режима, закулисные махинации его «спасителей» напоминали не более чем мышиную возню. Все это безнадежно запоздало.

Так и не решившись на переворот, Пепеляев тем не менее не отказался от идеи созыва земского собора как средства сплочения широких антибольшевистских сил. Сохранились блокнотные наброски В. Пепеляева, по-видимому, для проектируемого им манифеста с извещением об изменении политического лица колчаковщины. «Правительство,— писал В. Пепеляев,— будет стремиться стать доступным для самого народа и требовать от своих представителей на местах способности понимать народ, быть ему близким. Будет сделано все возможное для сближения с оппозицией и объединения всех способных к созиданию

сил»⁷⁷. Вот каким языком заговорил теперь вчерашний поборник безжалостной военной диктатуры!

В упоминавшейся телеграмме Третьякову, отправленной в Иркутск 10 декабря, говорилось, что, в случае если Колчак откажется от созыва земского собора, он, Пепеляев, не сможет оставаться председателем Совета министров. Посему он ходатайствовал «о скорейшем... обсуждении и представлении Совмина верховному правителю по этому вопросу»⁷⁸.

Но Совет министров колебался. Единственное, на что он решился в отсутствие Пепеляева, — это на принятие постановления о некоторых изменениях в положении о «Государственном земском совещании», утвержденном, как мы знаем, еще в начале ноября. Новое положение несколько увеличивало число возможных членов «совещания» от сельского населения и «демократических организаций» (в частности, профсоюзов), но вместе с тем четко определяло, что «совещание» создается для «предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, восходящих на утверждение верховного правителя»⁷⁹.

В конце декабря колчаковское правительство, сидевшее в Иркутске, фактически признало провал «левого», пепеляевского курса. В «Правительственном вестнике» 27 декабря 1919 г. было опубликовано «Обращение к населению Иркутска», в котором правительство слезно жаловалось: оно покончило с «ошибками, допущенными омской властью», пригласило к «государственной работе» все «круги общественности», подготовило созыв «расширенного» Государственного совещания — и что же? Никто не откликнулся на эти шаги, продолжается «смута». Правительство предупреждало, что далее терпеть не будет, потребует подчинения, и угрожало «сильными войсками», которые идут на помощь ему с востока.

Если В. Пепеляев лихорадочно пытался спасти «белое дело» в Сибири политическими средствами, переведя его на путь либерализации, то правые элементы колчаковщины упорно искали спасения в новых военных авантюрах. Мы уже знаем, что сразу после падения Омска они предлагали Колчаку решительно отбросить всякие «парламентские» проекты, отвести пока еще надежные части в глубокий тыл, переформировать их, пополнив добровольцами из числа главным образом имущих классов. Одним из

инициаторов такого «добровольческого движения» был некий «философ» Д. В. Болдырев (редактор газеты «Русское дело»), в своей черносотенной экзальтации дошедший до полубредовых проповедей с церковных амвонов. Одетый в стихарь, «библейским гласом» призывал он верующих выступить против «силы дьявольской» — большевизма — с крестом и винтовкой в руках. Он уверял, что не пройдет и двух недель, как встанут на защиту «новые силы, силы святого креста». Потом идея создания «дружин святого креста» дополнилась идеей формирования «дружин зеленого знамени пророка»⁸⁰.

Бывший начальник штаба генерал Д. Лебедев, находившийся, по его словам, «в самой толще армии и населения», в начале декабря 1919 г. обратился к Колчаку с письмом, в котором требовал во что бы то ни стало «сберечь кадры», сконцентрировать в районе пребывания «верховного правителя» надежную вооруженную силу, выждать время и затем возобновить борьбу⁸¹.

Колчак почти до конца верил в реальность «добровольческого движения» во имя спасения его власти. Но на призыв «философа» Болдырева и ему подобных фанатиков мало кто откликнулся. Последней надеждой казался засевший в Чите атаман Г. Семенов, тот самый, который когда-то не желал признавать Колчака в роли «верховного правителя». Теперь предлагалось принять его требование о передаче ему всей власти к востоку от Байкала. Как свидетельствует Г. Гинс, даже часть сибирских кадетов поддерживала этот план «семеновской диктатуры». Пока Пепеляев «уламывал» Колчака, склоняя к идее земского собора, его заместитель Третьяков направился в Читу для переговоров с Семеновым. В 20-х числах декабря Колчак сделал свой выбор: назначил монархиста-черносотенца, японского ставленника атамана Г. Семенова главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. Гинс пишет, что это был откровенный удар по «левому» (т. е. пепеляевскому) курсу на так называемую либерализацию режима.

Но практически Колчак уже утратил какое-либо влияние на ход событий. Сибирская магистраль — единственный путь, по которому в хаосе и неразберихе откатывались на восток разбитые колчаковские войска, — находилась под контролем белочехов, а фактическим распорядителем на ней являлся главком союзными войсками в Сибири генерал М. Жаннен. Он и устанавливал «порядок» эвакуа-

ции воинских частей. Преимущество получали интервенты; русским белогвардейцам отводились худшие вагоны, поезда с ними отправлялись во вторую очередь, подолгу задерживались. Некий полковник Д. А. Малиновский, служивший в походном штабе Колчака и бежавший из его поезда в Иркутске спустя несколько часов после ареста «верховного правителя», оставил любопытные воспоминания, ярко рисуя последние дни колчаковской власти. Драматизм ситуации подчас переходил в фарс, что вообще характерно для финалов антинародных диктаторских режимов.

Как писал Д. А. Малиновский в газете «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс) 26—28 ноября 1920 г., вначале поезд Колчака состоял из восьми эшелонов. В одном из них размещался золотой запас примерно 30 тыс. пудов золота. В эшелонах находилось более 1 тыс. человек, в том числе личный конвой Колчака. Так поезд двигался до Красноярска. Здесь под давлением чехов его пришлось сократить до трех эшелонов; продвигался он на восток с большими остановками. Возмущенные генералы Каппель и Войцеховский требовали беспрепятственного пропуска поезда. Войцеховский угрожал даже, что пробьет путь силой. Но чехи, по свидетельству Малиновского, отобрали для своих нужд поезд у самого Каппеля. В ответ он вызвал чешского командующего генерала Я. Сыровы на дуэль. Конфликт уладил Жаннен, заявивший, что запрещает дуэли. Сам же Сыровы ответил на перчатку, брошенную ему Каппелем, площадной бранью «по адресу адмирала, генералов и армии». Дело, однако, было не в этой пошлой генеральской перебранке. Гораздо хуже было то, что после ухода поезда Колчака из Красноярска командир стоявшего там 1-го Сибирского корпуса генерал Зиневич выпустил манифест с требованием все того же «земского собора». В противном случае он угрожал решительными действиями. В результате сложилось положение, при котором Колчак оказался отрезанным от своих отступавших войск. Ему оставалось одно — спешить в Иркутск, где находился Совет министров. Но в Нижнеудинске поезд «верховного правителя» застрял почти на две недели.

Между тем колчаковский Иркутск явно доживал последние дни. Вся надежда была на Читу, откуда должны были прибыть семеновские, а может быть, и японские войска. 21 декабря вспыхнуло восстание в Черемхове, а 24-го уже в предместье Иркутска — Глазкове. Колчаков-

ские: министры и выделенная ими так называемая «троектория» (Червен-Водали, Ханжин и управляющий министерством путей сообщения Ларионов) отсиживались в темной и холодной гостинице «Модерн», ведя лихорадочные переговоры с представителями земств и городской думы, поддерживавшими «Политцентр». Они выторговывали возможность отступления остатков колчаковской армии и самого «верховного правителя», соглашаясь даже на его отставку и обещая созвать «земский собор» по рецепту В. Пепеляева. Впрочем, как вскоре выяснилось, это был лишь маневр. Как только от Третьякова из Читы было получено сообщение о том, что семеновские части в авангарде японского отряда двинулись к Иркутску, колчаковские министры прекратили переговоры. Но было уже поздно. Когда семеновцы под командованием генерала Скипетрова подошли к Иркутску, в нем уже началось восстание революционных рабочих и солдат.

В результате кровопролитных столкновений с повстанческими частями семеновцы отошли. 2 января 1920 г. «троектория» возобновила переговоры с «Политцентром» при посредничестве представителей союзников. «Политцентр» требовал отречения Колчака, смещения Семенова, ликвидации власти колчаковского Совета министров и безоговорочной передачи ее «Политическому центру». «Высокие комиссары» союзников и представители белочешского командования поддерживали «Политцентр», поскольку его представители заявили им, что будут продолжать борьбу с большевизмом⁸². Монархическую контрреволюцию интервенты готовы были вновь сменить на «демократическую».

Днем 3 января из Иркутска в Нижнеудинск, где в это время стоял поезд «верховного правителя», пошла телеграмма (в поезде она была получена и расшифрована в 23.00), подписанная Червен-Водали, Ханжиным и Ларионовым. Министры доводили до сведения Колчака, что остался лишь один выход: «выговаривая через посредство союзного командования охрану порядка и безопасности города» (Иркутска), увести на восток войсковые части, «которые этого пожелают», и «государственные ценности» для того, чтобы там, на востоке, создать новый «антибольшевистский центр». Но непременным условием этих переговоров, говорилось далее в телеграмме, «является Ваше отречение, т. к. дальнейшее существование в Сибири возглавляемой Вами Российской власти невозможно...». Со-

вет министров предлагал Колчаку отказаться от звания «верховного правителя» в пользу Деникина. Министры подчеркивали в заключение, что на такой же точке зрения стоит и министр иностранных дел Сазонов, находившийся в Париже. Этим Колчаку давали понять, что вопрос о его отречении согласован с союзниками⁸³. А они сообщали Колчаку, что лично он может быть вывезен из Нижнеудинска под охраной союзников (чехов) только в одном вагоне; вывоз же всего его поезда с конвоем (60 офицеров, 500 солдат) невозможен. 3 января золотой запас был передан под чешскую охрану.

Последним «государственным актом» Колчака стал подписанный им 4 января указ о сложении с себя звания «верховного правителя» и передаче его генералу Деникину. Но это была не более чем пустая бумажка: разбитая деникинская армия под нарастающими ударами Красной Армии также беспорядочно отходила к черноморским портам.

Всего лишь немногим больше года прошло со дня омского переворота 18 ноября 1918 г. В те дни контрреволюция, приветствуя новоявленного «верховного правителя», гадала, кем он войдет в историю России: «русским Наполеоном» или «русским Вашингтоном»? И вот теперь, по словам бывшего «идеологического столпа» колчаковщины кадета Н. Устрялова, «жестокая судьба воочию обнаружила, что наполеоновский мундир, готовившийся для Колчака русскими национал-либералами, не подошел к несчастному адмиралу, как и костюм Вашингтона, примерявшийся для него же некоторыми русскими демократами»⁸⁴. Обанкротившийся «верховный правитель» был брошен всеми, даже теми, кто когда-то, как говорил У. Черчилль, «вызвал его к жизни...».

Утром 5 января в Иркутске появились объявления о падении власти Колчака и принятии ее «Политцентром». Но вся Иркутская область была уже советской, и лишь присутствие союзников и белочехов удерживало «Политцентр» в Иркутске. Вышедшие из подполья большевики, опираясь на широкую поддержку рабочих и революционных солдат, создали Центральный штаб рабоче-крестьянских дружин и вели энергичную борьбу за созыв Совета рабочих депутатов. Переход власти в его руки был делом дней, в крайнем случае — недель. Попытка «демократической контрреволюции» заменить колчаковщину терпела провал.

Собственно говоря, 4 января 1920 г. было датой, когда колчаковщина как контрреволюционное военно-политическое явление, претендовавшее на всероссийский характер, фактически и формально прекратила свое существование. Но и у нее еще был финал.

После отречения Колчака в его окружении возник план ухода из Нижнеудинска в Монголию через горные перевалы походным порядком; Колчак с готовностью ухватился за него. Однако вскоре стало ясно, что план этот неосуществим. Солдаты конвоя перешли на сторону нижнеудинских рабочих, возглавляемых большевиками, а затем и офицеры выразили желание «уходить» в Монголию без Колчака.

Тогда «верховному правителю» предложили переодеться в солдатскую шинель и вместе с адъютантом Трубчаниновым, затерявшись в одном из чехословацких эшелонов, бежать на восток. Колчак, однако, по словам находившегося при нем генерала Занкевича, не захотел принимать милостыню от белочехов. Планы бегства отпали. «Все меня бросили, — сокрушенно говорил Колчак, — ничего не поделаешь, надо ехать». За одну ночь он поседел.

Вагон Колчака, как и вагон его премьер-министра В. Н. Пепеляева (он догнал «верховного правителя» в Нижнеудинске), расцвеченный союзными флагами, прицепили к хвосту эшелона одного из белочешских полков. Остатки личного конвоя «верховного правителя» были сменены белочехами, которые предполагали в Иркутске передать его под охрану японских войск⁸⁵.

Когда примерно через неделю поезд Колчака подходил к Иркутску, некоторые офицеры предприняли последнюю попытку спасти бывшего «верховного правителя». Увидев стоявший японский эшелон, они направили туда Трубчанинова с запиской, содержащей просьбу принять Колчака под японскую охрану. Но в поезде вместе с чешской охраной уже находились восемь вооруженных рабочих во главе с В. Буровым: они сели еще в Черемхове для наблюдения за чешской охраной. Трубчанинова тут же вернули назад.

Днем 15 января поезд прибыл в Иркутск. В поредевшем окружении Колчака лихорадочно гадали, куда их повезут дальше: в Харбин или во Владивосток? Они не знали, что все уже решено. Впоследствии, уже после гражданской войны, бывшие интервенты и белогвардейцы ожесточенно спорили о том, кто виноват в «выдаче» Колчака. Но спор этот во многом был беспредметен. Руководимые большеви-

ками сибирские рабочие и крестьяне, испытавшие все ужасы колчаковщины, настойчиво требовали не выпускать бывшего «правителя» за границу: он должен был дать ответ за все злодеяния, совершенные его именем. «Политцентр» маневрировал, но под угрозой забастовки черемховских шахтеров и решительных действий партизан вынужден был уступить.

В Иркутске большевистский губком еще в начале января вступил в переговоры с «Политцентром», настаивая на предъявлении союзному командованию требования о выдаче Колчака, Пепеляева и золота. В случае попытки вывезти их губком угрожал взорвать кругобайкальские железнодорожные туннели. Понимая, что реальная сила на стороне большевиков (черемховские шахтеры готовились к забастовке), «Политцентр» принял это требование. Союзное командование также вынуждено было согласиться. Иного выхода у него не существовало: необходимо было обеспечить отход своим войскам и выдачей Колчака укрепить позиции эсеровского «Политцентра»⁸⁶. И когда колчаковский поезд прибыл в Иркутск, чешскому коменданту поезда оставалось только съездить в город к генералу Я. Сыровы (Жаннен уже уехал из Иркутска) и, вернувшись, сообщить, что дальше Иркутска Колчак не поедет⁸⁷.

На другой день в городе появилось обращение, подписанное председателем «Политцентра» Ф. Федоровичем и другими его членами.

В нем объявлялось, что 15 января в 21 час 55 мин. уполномоченные «центра» М. Фельдман, капитан Нестеров и В. Мерхалев «приняли от чешского командования бывшего правителя адмирала Колчака и бывшего председателя Совета министров Пепеляева». Под усиленным конвоем, выделенным большевистскими дружинами, они были доставлены в тюрьму и помещены в одиночные камеры. Охрана их поручена частям народно-освободительной армии «Политцентра» (командовал ею капитан Нестеров)⁸⁸.

Но к этому времени политическое положение в Иркутске уже значительно изменилось. Стало очевидно, что «Политцентр» быстро теряет поддержку масс. 17 января большевик И. Бурсак сменил эсера Кашкадамова на посту коменданта Иркутска. Декларация советских организаций объявила о созыве 25 января Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а ввиду опасности со стороны белогвардейских банд, подходивших к Иркутску, предлагала передать власть ревкому, состоявшему из больше-

виков и левых эсеров. 21 января обанкротившийся «Политцентр», просуществовав немногим более двух недель, передал власть Военно-революционному комитету, и в это же время Чрезвычайная следственная комиссия, созданная еще «Политцентром», приступила к допросу Колчака. Возглавил ее председатель губчека большевик С. Чудновский.

В архиве сохранился документ — телеграмма из полевого штаба авангардной 30-й дивизии на имя председателя Иркутского ВРК Ширямова (копия Реввоенсовету 5-й армии). Она заслуживает того, чтобы привести ее полностью: «Реввоенсовет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом с принятием исключительных мер стражи и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской республики. Станция Юрты, 23 января 1920 г. Начдив 30-й Лапин, военком Невельсон, за наштадива Голубых»⁸⁹.

Эта телеграмма, по свидетельству председателя Реввоенсовета 5-й армии И. Н. Смирнова, была следствием шифрованного распоряжения В. И. Ленина, полученного еще в Красноярске, «в котором он решительно приказывал Колчака не расстреливать». За совершенные им и его именем злодеяния против народа он подлежал суду⁹⁰. Но вышло по-иному.

Остатки разбитых войск 2-й и 3-й армий Войцеховского и Сахарова днем и ночью, почти безостановочно, отступали на восток. Их было почти 30 тысяч. Они двигались по дорогам вдоль железнодорожного полотна, забитого отходящими эшелонами.

22 января в Нижнеудинске Каппель, еще в начале декабря 1919 г. назначенный главнокомандующим, устроил военное совещание. Было решено форсировать движение к Иркутску двумя колоннами, взять его с ходу, освободить Колчака, захватить золотой запас. Затем предполагалось установить прочную связь с атаманом Семеновым и создать новый боевой фронт⁹¹. Обе каппелевские колонны должны были соединиться в районе станции Зима и здесь изготовиться для решающего броска к Иркутску. Каппель гнал войска на восток, невзирая на морозы и глубокие снега, не щадя ни себя, ни людей. У него уже были отморожены ноги, когда в пути его конь провалился в ледяную полынью. 26 января на разъезде Утай (под Иркут-

ском) он умер от воспаления легких. Дальше войска повел генерал Войцеховский.

Как писал впоследствии председатель Военно-революционного комитета А. Ширямов, это были наиболее стойкие и упорные в борьбе с Советской властью части, выдержавшие всю двухлетнюю кампанию. «Они знали себе цену, знали, что их ожидает в случае встречи с красными, и их путь, этот «ледяной поход», сопровождался неописуемыми жестокостями, расстрелами, грабежами и издевательствами над мирным населением... Они заразили тифом поголовно все население местностей, через которые проходили. Сотни трупов замученных ими людей оставались после их прохода».

30 января в районе станции Зима каппелевцы разбили небольшую заградительную группу советских войск и вышли к Иркутску, на подступах к которому 5—6 февраля завязались бои. «Они шли при 30-градусном морозе,— вспоминал А. Ширямов,— и отличались огромным упорством, пленных не было. Раненые противники замерзали на месте...» Командование советских войск предложило генералу Войцеховскому сложить оружие. В ответ он потребовал отвести советские боевые части к северу, передать Колчака союзным представителям для последующей отправки за границу, выдать золотой запас и обеспечить белых продовольствием, фуражом и теплой одеждой. За это он обещал войти в Иркутск только на два-три дня, а затем увести свои войска за Байкал.

Ультиматум Войцеховского оживил контрреволюционное подполье Иркутска. Появились прокламации черносотенного содержания, восхвалявшие Колчака как мученика монархической идеи и призывавшие к его освобождению⁹². По всем данным, в Иркутске назревало контрреволюционное восстание, знаменем которого становился свергнутый и арестованный «верховный правитель».

Судьбу Колчака фактически решили каппелевцы, рвавшиеся в Иркутск, и контрреволюционные элементы, готовившие восстание в городе. Это понимал и Колчак. Его гражданская жена Тимирева, сидевшая в той же тюрьме, что и бывший «верховный правитель», сумела передать ему в камеру записку, в которой сообщала об ультиматуме Войцеховского и спрашивала, как Колчак к нему относится. Колчак ответил, что он «смотрит на этот ультиматум скептически» и думает, «что этим лишь ускорится неизбежная развязка...»⁹³.

Реввоенсовет 5-й армии был информирован о положении в Иркутске и вокруг него. В городе сложилась та самая ситуация, которая, по определению уже упоминавшейся телеграммы штаба 30-й армии от 23 января, создавала «невозможность удержать Колчака» в руках Советской власти. Вследствие этого член РВС 5-й армии и председатель Сибревкома И. Смирнов направил в исполком Иркутского Совета следующую телеграмму: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения Советской власти в Иркутске настоящим приказываю вам: находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить»⁹⁴.

6 февраля Военно-революционный комитет принял «Постановление № 27», в котором объявлялось: «Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и пр.; установлено таинственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения; по городу разбрасываются портреты Колчака и т. п. С другой стороны, генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего ответа упоминает о выдаче Колчака и его штаба». Ввиду этого Военно-революционный комитет, обязанный предупредить «бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлении СНК РСФСР, объявившего Колчака и его правительство вне закона», постановил расстрелять Колчака и премьер-министра его правительства В. Пепеляева. «Лучше казнь двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв», — говорилось в постановлении, подписанном членами ВРК А. Ширямовым, А. Сноскаревым, М. Левенсоном и Обориным⁹⁵.

В ночь на 7 февраля постановление Военно-революционного комитета было передано председателю следственной комиссии С. Чудновскому для исполнения.

Впоследствии белоэмигрантская печать широко распространяла версию, будто советские власти, желая оскорбить и унижить адмирала и бывшего «верховного правителя», привели приговор в исполнение одновременно с казнью сидевшего в иркутской тюрьме «китайца-палача», ранее казнившего в тюрьме различных заключенных. Основанием стали три строчки из воспоминаний председателя Иркутского ВРК Ширямова. Но ни Бурсак, ни Чудновский,

приводившие в исполнение постановление ВРК, ничего не говорят об этом. Воспоминания жены бывшего военного министра Сибирского правительства Гришина-Алмазова, которая в феврале 1920 г. находилась в соседней с Колчаком камере, также опровергают это утверждение. Гришина-Алмазова писала, что уже 6 февраля ей, как и некоторым другим заключенным, стало известно о расстреле Колчака и Пепеляева. На другой день рано утром она шляпной булавкой сорвала бумагу, которой был заклеен волчок камеры, и, по ее словам, «приникла к стеклу». В коридор вошли красноармейцы и «вывели китайца-палача». Они вернулись вновь лишь по прошествии некоторого времени⁹⁶.

Когда за бывшим «верховным правителем» пришли в камеру, он пытался покончить с собой при помощи ампулы с ядом, зашитой в носовой платок. Пепеляев вел себя жалко, плакал и молил о пощаде. Что было потом, рассказывает С. Чудновский: «Мороз 32—35°. Ночь светлая, тишина мертвая... Команда дана. Где-то далеко раздался пушечный выстрел, и в унисон с ним, как будто в ответ ему, дружинники дали залп...»

В архиве сохранился экземпляр постановления Иркутского ВРК о расстреле Колчака и Пепеляева, на обороте которого красными чернилами сделана следующая запись: «Постановление ВРК от 6/II-20 г. за № 27 приведено в исполнение 7/II-20 г. в 5 ч. утра, в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта г. Иркутска и коменданта иркутской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися. Председатель Чрезвычайной следственной комиссии С. Чудновский, комендант г. Иркутска Бурсак»⁹⁷.

Изготовившиеся для захвата Иркутска каппелевцы не решились атаковать город. Воспользовавшись тем, что Глазково занимали белочехи, они обошли Иркутск и успели ускользнуть за Байкал.

В ночь с 1 на 2 марта Иркутск покинули последние чешские эшелоны, и в город вступили регулярные части Красной Армии. По запросу из Москвы Сибревком 3 марта сообщил туда о причинах и обстоятельствах, вызвавших расстрел Колчака и Пепеляева. Одновременно сообщалось, что в иркутской тюрьме содержится ряд колчаковских министров, которых предполагается перевести в Омск для предания суду ревтрибунала. Суд над ними состоялся в мае 1920 г. в Омске⁹⁸.

1 февраля 1920 г., когда войска генерала Войцеховского готовились штурмовать восставший Иркутск, харбинский «Вестник Маньчжурии» поместил интервью с «идеологическим столпом» колчаковщины Н. Устряловым. Оно звучало как надгробное слово всему «белому делу». «И вот финал, — говорил Устрялов. — Пусть еще ведется, догорая; борьба, но не будем малодушны, скажем открыто и прямо: по существу ее исход уже предрешен. Мы побеждены, и побеждены в масштабе всероссийском, а не местном только»¹.

Страшный след протянулся за разгромленной колчаковщиной. Десятки тысяч убитых, умерших от тифа, искалеченных, обездоленных. Более 20 тыс. разрушенных и сгоревших зданий, сотни взорванных мостов, вокзалов, водонапорных башен. Более 70 % всех имевшихся паровозов выведены из строя, добыча каменного угля сократилась в два раза. Около 60 тыс. крестьянских хозяйств уничтожены. И это лишь самые приблизительные подсчеты².

А впереди еще был эпилог истории «колчакии», полный драматических событий и упорной, напряженной борьбы, приносившей новые жертвы.

Разбитые колчаковские войска, сумевшие уйти за Байкал (каппелевцы) и ранее находившиеся там (1-й Забайкальский корпус — семеновцы), объявили о своем подчинении Г. Семенову, перед «отречением» назначенному Колчаком главнокомандующим в Восточной Сибири. В середине января 1920 г. в Чите Семенов учредил «правительство Восточной окраины» во главе с кадетом С. А. Таскиным. Японские интервенты оказывали «главкому» и его правительству полную поддержку.

Создавалась ситуация, в которой выход наступавшей Красной Армии к Байкалу мог привести к прямому конфликту с империалистической Японией. К этому Советская республика не была готова. В. И. Ленин в телеграмме решительно требовал «бешено изругать» сторонников действий, втягивающих в столкновение с Японией, и немедленного перебрасывания крупных сил за Байкал, ибо считал преступным движение на восток при опасности, что «Деникин оживет и поляки ударят»³.

В целях предотвращения такого столкновения, ослабления натиска Японии на Дальний Восток и более эффективного использования межимпериалистических противоречий в этом районе (прежде всего между Японией и США) решено было создать буферное государство — Дальневосточную республику (ДВР). Она должна была стать прочным оплотом Советской России на Дальнем Востоке, постепенно подготовив их полное объединение⁴.

Главным препятствием к этому была так называемая «читинская пробка» — семеновщина и ее японские хозяева, — закрывавшая путь в Амурскую и Приморскую области, где шла борьба за Советскую власть. Но в ноябре 1920 г. Народно-революционная армия ДВР и партизанские отряды ликвидировали «читинскую пробку»; остатки семеновских банд бежали в Маньчжурию. Борьба за создание ДВР успешно завершилась⁵.

Но на южных границах РСФСР и ДВР, начиная от Средней Азии и до Приморья, бывшие колчаковские генералы и атаманы не намеревались складывать оружие.

Еще в конце 1919 г. остатки оренбургской армии атамана Дутова пробились в Семиречье. Здесь из них был сформирован оренбургский отряд (полковника Бакича), вошедший в состав так называемой отдельной семиреченской армии атамана Анненкова. Дутов же объявил себя военным губернатором Семиречья. Однако весной 1920 г. анненковцы и дутовцы вынуждены были уйти в Северный Китай. Дутов обосновался в городе Суйдине и к концу 1920 — началу 1921 г. стал предпринимать попытки объединения всех доступных ему антисоветских сил: русских белогвардейцев, интернированных китайскими властями, среднеазиатских басмачей и др. Но в результате проведенной чекистами операции в феврале 1921 г. Дутов погиб. Его «отдельная оренбургская армия» рассеялась; лишь сравнительно небольшой отряд А. Бакича продолжал бандитские действия в этом районе⁶.

«Отдельная семиреченская армия» Анненкова в начале 1920 г. также вынуждена была отойти к китайской границе, в Алатау, а затем в Западный Китай. У города Кульджи анненковцы разбили лагерь, названный ими «Веселый»: в нем шли почти беспробудные пьяные оргии. В начале 1921 г. китайские власти разоружили анненковцев, а сам атаман попал в тюрьму. Через три года он был выпущен, оказался на советской территории и в 1927 г. за совершенные им злодеяния приговорен к расстрелу⁷.

Уральский белоказачий отряд под командованием генерала Толстова в июне 1920 г. ушел в Персию и Месопотамию и, как писал историк разбитых колчаковских войск И. Серебренников, «рассеялся по белу свету»⁸.

Отряд, состоявший из иркутских белоказаков и находившийся под командованием полковника Казагранди, перешел на территорию Монголии, а в начале 1921 г. влился в «армию» барона Унгерна, который в своих бредовых мечтах видел себя главой некоей «Срединной Азиатской империи», наподобие империи Чингисхана. Тесно связанный с монгольскими феодалами и китайскими реакционными генералами, весной 1921 г. Унгерн отдал приказ о боевых действиях против Красной Армии на фронте от Маньчжурии до Туркестана. Вместе с ним должны были действовать бандитские отряды атаманов Семенова, Бакича, Кайгородова и др. Но в августе 1921 г. советские и монгольские войска разбили банду Унгерна; сам он попал в плен и в сентябре по приговору суда понес единственно заслуженную им меру наказания — был расстрелян⁹. К концу 1921 г. на территории Тувы отряды Красной Армии и местных партизан ликвидировали и банду Бакича. Сам он бежал в Монголию, но был пленен и передан советским властям¹⁰.

В Маньчжурии обосновались генерал Анатолий Пепеляев и атаман Г. Семенов, разгромленный под Читой. В Харбине Пепеляев поначалу занимался «извозным промыслом», но это было лишь прикрытием подготовки к очередной авантюре. В мае 1921 г. каппелевцы и семеновцы, опиравшиеся на японских интервентов, осуществили переворот во Владивостоке. У власти оказалось «Временное приамурское правительство» во главе со Спиридоном Меркуловым. В хватавшейся за любую соломинку белогвардейской среде Дальнего Востока и Европы вновь пробудились надежды. Возник даже план переброски через «меркуловский мост» на Дальний Восток «блюстителя престола» Кирилла. Отсюда во главе монархического движения он должен был двинуться дальше...

В конце декабря 1921 г. меркуловские банды сумели захватить Хабаровск и станцию Волочаевку, но в феврале 1922 г. Народно-революционная армия ДВР перешла в наступление и нанесла им ряд тяжелых ударов. Летом 1922 г. белогвардейцы устранили «Временное приамурское правительство» и на созванном «земском соборе» избрали правителем края черносотенного генерала М. К. Дите-

рикса, бывшего колчаковского главкома, пресловутого организатора дружин «Святого креста» и «Зеленого знамени пророка». Свои войска Дитерихс называл «земской ратью», а себя окрестил «воеводой» этой «рати». Главной целью он поставил восстановление власти «помазанника божьего из дома Романовых».

Меркуловщина и дитерихсовщина оживили и бывших колчаковских генералов, прозябавших в Маньчжурии. Пепеляев, в частности, на вербовал 300 белых офицеров в «сибирскую дружину» и в сентябре 1922 г. направился на пароходе из Владивостока в Якутию в расчете поднять там антисоветское восстание, которое затем должно было перекинуться в Сибирь. Но авантюра провалилась уже в самом начале. Пепеляев был вынужден сдаться советским войскам. Его судили, приговорили к расстрелу, но заменили этот приговор десятилетним заключением¹¹. Недолго продержалась в Приморье власть «воеводы» Дитерихса. Его «земская рать» и японские интервенты в октябре 1922 г. потерпели под Спасском жестокое поражение. 25 октября Народно-революционная армия ДВР вступила во Владивосток. «Воевода» и остатки его «земской рати» бежали в Китай. Эвакуировались и последние японские войска.

Буферная Дальневосточная республика выполнила свою военную и дипломатическую задачу, и в ноябре 1922 г. Народное собрание ДВР вынесло решение о воссоединении Дальнего Востока с Советской Россией.

Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход...

Разгромленные колчаковщина, семеновщина, меркуловщина, дитерихсовщина составили ядро дальневосточной белой эмиграции. Основная масса эмигрантов сосредоточилась в полосе отчуждения КВЖД и ее «столице» — Харбине. Значительная часть расселилась также в Китае (Шанхай и другие города)¹².

Невозможно оценивать всю эту эмиграцию однозначно. Немало людей оказалось за рубежами родной страны не по своей воле: холодные ветры гражданской войны и иностранной интервенции поднимали их с мест, бросали из края в край, в чужие края.

Жизнь на чужбине оказалась неимоверно тяжелой. Это была в прямом смысле слова борьба за существование, за

кусок хлеба, сопровождавшаяся оскорблениями и унижениями.

Эмигрантский поэт Леонид Ещин передал беспросветный мрак эмигрантской жизни:

Матьер божия! Мне тридцать два.
Десять лет переходим каликою
Я живу лишь едва-едва,
Не живу, а жизнь свою мыкаю...

Осознание полного краха «белого дела», понимание того, что Советская власть пользуется поддержкой большинства народа, породило в среде эмиграции такое сложное явление, как сменовеховство¹³. Формально считается, что оно берет свое начало от сборника «Смена вех», вышедшего в 1921 г. в Праге. Фактически же многие его идеи были сформулированы еще раньше, а именно в политической атмосфере разгромленной колчаковщины. Н. Устрялов уже в начале 1920 г. «с беспощадной несомненностью» констатировал, что жизнь отвергла путь вооруженной борьбы против революции «как бесплодный, неудавшийся путь». Но если «большевизм,— писал Устрялов,— не удалось победить силой оружия в гражданской войне, он будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира... И наша очередная задача способствовать этому процессу»¹⁴.

Устрялов (как и некоторые другие идеологи сменовеховства), конечно, ошибался в своих прогнозах относительно «перерождения» большевизма, но из его «теоретических» построений следовал практический призыв к возвращению в СССР, к сотрудничеству с Советской властью, что объективно имело прогрессивное значение. Советская власть не мстила тем, кто по разным причинам не сразу принял новую, социалистическую Россию. Многие тысячи участников «белой борьбы» и их семьи вернулись на родину уже в 20-х годах в результате урегулирования советско-китайских и советско-японских отношений.

Однако в большинстве своем белая эмиграция была продолжением белогвардейщины, по характеристике В. И. Ленина, передвинувшейся за границу и при поддержке иностранного капитала развернувшей там борьбу против Советской России. У эмиграции, говорил В. И. Ленин, «лозунг сейчас таков: борьба против большевиков какой угодно ценой, во что бы то ни стало»¹⁵.

На Дальнем Востоке бывшие колчаковцы, оказавшись

на службе у японских и китайских милитаристов, сколачивали белобандитские отряды, организовывали разного рода провокации и демонстрации против СССР¹⁶. Здесь мы вновь встречаемся с именами генералов Ханжина и Дитерихса, которые в эмиграции возглавляли дальневосточный отдел «Российского общевойскового союза» (РОВС) как новую форму существования белой армии в Европе и на Дальнем Востоке, генерала Хорвата, вновь претендовавшего на роль главы всей дальневосточной эмиграции. Тут же подвизался и бывший атаман Г. Семенов, который, ссылаясь на Колчака, объявил себя «правителем России» и пытался создать и возглавить «единый антикоммунистический фронт» при поддержке империалистов Японии и Китая.

Но годы шли, и битые колчаковские генералы и атаманьки либо уходили из жизни, либо все больше теряли свой престиж даже в глазах белоэмигрантов. На политическую сцену выходила новая белоэмигрантская поросль, воспитанная «стариками» в духе лютого антисоветизма и антибольшевизма, но искавшая «другие пути».

В Харбинском юридическом институте во второй половине 20-х годов читал лекции бывший колчаковский министр Г. Гинс. В эмиграции он превратился в восторженного поклонника Муссолини. Среди его учеников особые «надежды» подавали некий К. Родзаевский, бежавший в Маньчжурию из Благовещенска в 1925 г., сын колчаковского генерала М. Матковский и др. Они в основном и положили начало так называемой «Русской фашистской партии» (РФП), окончательно оформившейся на съезде в Харбине в 1931 г. После того как японцы вторглись в Маньчжурию, РФП существовала на японские деньги.

Родзаевский и другие белоэмигрантские фашисты считали себя продолжателями «белого дела», но в трансформированном, модернизированном виде. Свои взгляды они определяли как синтез уроков, извлеченных из поражения «белого движения», опыта итальянского, немецкого и японского фашизма, исторического прошлого самодержавной России и послереволюционной действительности. Их целью было восстановление монархии фашистского типа, что находило свое выражение в эмблеме: двуглавый орел на фоне свастики. Достижение этой цели с помощью Японии стало идеей фикс К. Родзаевского и его сторонников, в числе которых находился и бывший «финансовый гений»

Колчака «Ванька Каин» — Михайлов, служивший в японской военной миссии.

В конце 1933 г. Родзаевский выступил с инициативой объединения всех белоэмигрантских фашистских групп (на Дальнем Востоке, в Европе и Америке). Инициатива была подхвачена, в частности, неким А. А. Вонсяцким, бывшим врангелевцем, который весной 1933 г. основал в США «Всероссийскую фашистскую организацию» (ВФО). Весной 1934 г. РФП К. Родзаевского и ВФО А. Вонсяцкого объединились в Харбине; возникла «Всероссийская фашистская партия» (ВФП), председателем которой стал Вонсяцкий, а генеральным секретарем Родзаевский. После «харбинского объединения» Вонсяцкий совершил турне по Европе с целью привлечь к ВФП тамошние белогвардейско-монархические и белогвардейско-фашистские группировки. По некоторым зарубежным данным, в Германии он встречался с Гитлером, Герингом, Розенбергом и другими фашистскими заправилами¹⁷.

Но альянс двух белоэмигрантских «фюреров» продолжался недолго. Очень скоро они перегрызлись между собой; в споре оказался замешанным и Семенов. Он жил в Дайрене и действовал через так называемый «Дальневосточный казачий союз», «Бюро по делам русских эмигрантов» и другие белогвардейские организации. Семенов и его подручные не желали уступать лидерства «молодым», к тому же, по их мнению, недостаточно почтительно относившимся к «заветам белого дела».

Уже в конце 1934 г. в ВФП произошел раскол. Вонсяцкий с Родзаевским разошлись, но зато под давлением японских властей произошло сближение Родзаевского с Семеновым. ВФП, в 1938 г. переименованная Родзаевским в «Российский фашистский союз» (РФС), и формально, и фактически объединяла представителей старого «белого дела» и вышедшего из него молодого белоэмигрантского фашизма. Обращаясь к эпохе гражданской войны, эти люди разыскивали в «белом движении» истоки фашизма. Журналист Л. Арнольдов в книге, вышедшей в Шанхае в 1935 г., утверждал, что бывшему «верховному правителю» Колчаку должно принадлежать достойное место в ряду таких борцов с большевизмом, как Муссолини, Гитлер, Хорти, Цанков и т. п.

Действуя под контролем и на деньги японцев, подручные Семенова, Родзаевского и других монархо-фашистов вели активную антисоветскую пропаганду, организо-

вывали слезку за русской эмиграцией в Маньчжурии, рекрутировали шпионов и диверсантов, вербовали белобандитов для участия в японских военных провокациях и нападениях на СССР, например в боях на Халхин-Голе¹⁸. Белоэмигрантские монархо-фашисты (Родзаевский, Семенов и др.) приветствовали нападение Гитлера на Советский Союз. Родзаевский даже направил в Берлин телеграмму с предложением создать на захваченной немцами территории «правительство», в состав которого рекомендовал себя, герцога Лейхтенбергского (он проживал в Германии), своего представителя в Европе Б. Тедли и др. С нетерпением фашиствующая белогвардейщина ждала нападения империалистической Японии на СССР.

Но блестящие победы Советской страны на фронтах Великой Отечественной войны вызывали рост патриотических чувств, гордость за свою родину и в среде дальневосточной эмиграции. Тысячи русских людей приветствовали советские войска, когда они, разгромив Квантунскую армию, вступили на территорию Маньчжурии. Многие из них вернулись в СССР¹⁹.

Вместе с японским милитаризмом прекратил свое существование и дальневосточный белоэмигрантский фашизм — этот последний судорожный всплеск разгромленной в гражданской войне колчаковщины.

Предисловие (с. 3—9)

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 124.

² См. Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982, с. 313—314; Минц И. И., Наумов В. П. Изучение истории Великой Октябрьской революции и гражданской войны.— Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982, с. 99—100.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 171.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 220.

⁵ Черчилль У. Мировой кризис. М., 1932, с. 98.

⁶ Pipes R. Struve-Liberal on the Right. Cambridge, 1980, p. 331.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 294; т. 17, с. 27.

⁸ См., например: Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982, и др.

⁹ Вопросы истории КПСС, 1978, № 9, с. 74.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 151—152, 155—158.

¹¹ Там же, с. 354—355.

¹² См. об этом: Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982, с. 516—520.

¹³ Civil Wars in 20-th Century. Lexington, 1972, p. 81.

¹⁴ Pipes R. Struve-Liberal on the Right, p. 276.

¹⁵ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 75.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 127.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 355.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 139.

Глава I (с. 10—38)

¹ Памяти А. В. Сазонова.— Вольная Сибирь, т. 2. Прага, 1927, с. 175.

² Коллекция ЦГАОР. Письмо Жардецкого Астрову 12(25) марта 1919 г.

³ Коллекция ЦГАОР. М. А. Иностранцев. Адмирал Колчак и его катастрофа. Воспоминания (Прага, 1922).

⁴ Краткий обзор этого дневника см.: *Федотов Б. Ф.* О малонизвестных источниках периода гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР.— Вопросы истории, 1968, № 8, с. 24—28.

⁵ Допрос Колчака. Л., 1925, с. 43—45.

⁶ Коллекция ЦГАОР. Личная папка А. В. Колчака. Автобиография.

⁷ Коллекция ЦГАОР. Дневник А. В. Колчака.

⁸ *Лукин А.* Адмирал Колчак.— Последние новости (Париж), 21 февраля 1930 г.

⁹ Коллекция ЦГАОР. Дневник А. В. Колчака.

¹⁰ Допрос Колчака, с. 60.

¹¹ Коллекция ЦГАОР. Дневник А. В. Колчака.

¹² См. об этом: *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот. М., 1971, с. 175—181 и др.

¹³ Допрос Колчака, с. 78.

¹⁴ *Fedotoff-White D.* Survival through War and Revolution in Russia. Philadelphia, 1939, p. 154—155.

¹⁵ Ibid., p. 154—155.

¹⁶ Коллекция ЦГАОР. Дневник А. В. Колчака.

¹⁷ *Weeks Ch., Baylen J.* Admiral Kolchak's Mission to the United States.— Military Affairs, 1976, vol. 40, № 2, p. 65.

¹⁸ Коллекция ЦГАОР. Дневник А. В. Колчака.

¹⁹ *Смирнов М. И.* Адмирал Колчак. Париж, 1930, с. 40, а также: *Browder R., Kerensky A. F., eds.* The Russian Provisional Government, 1917, vol. III. Stanford, 1961, p. 1527, 1535.

²⁰ *Weeks Ch., Baylen J.* Op. cit., p. 65.

²¹ *Иорданский Н.* Адмирал Колчак.— Путь (Гельсингфорс), 11 февраля 1921 г.

²² Коллекция ЦГАОР. «О Республиканском центре». Рукопись (аноним).

²³ *Галич Ю.* Генерал Крымов. Из личных воспоминаний.— Сегодня (Рига), 10 июня 1928 г.

²⁴ *Бермонт-Авалов П.* В борьбе с большевизмом. Гамбург, 1925, с. 152. См. также: *Самсонов М.* Дела монархические.— Дни (Берлин), 23 мая 1926 г.

²⁵ *Иорданский Н.* Адмирал Колчак.

²⁶ Допрос Колчака, с. 94.

²⁷ Там же.

²⁸ Коллекция ЦГАОР. Письмо А. В. Колчака от 1(14) октября 1917 г. из США.

²⁹ См., например, *Лившиц С. Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1918—1920 гг. Барнаул, 1979, с. 54.

³⁰ Допрос Колчака, с. 104.

³¹ Коллекция ЦГАОР. Дневник А. В. Колчака.

- ³² *Fleming P.* The Fate of admiral Kolchak. London, 1963, p. 32
- ³³ Коллекция ЦГАОР. Дневник А. В. Колчака.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Коллекция ЦГАОР. Вырезка из газеты.
- ³⁶ Коллекция ЦГАОР. Дневник А. В. Колчака.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Подробнее см.: *Светачев М. И., Шагин Э. М.* Участие Китая в империалистической интервенции на Советском Дальнем Востоке (1918—1922).— История СССР, 1978, № 6.
- ³⁹ *Якушев И. А.* Очерки областного движения в Сибири.— Вольная Сибирь, т. 6—7. Прага, 1929, с. 91—94; Коллекция ЦГАОР. И. А. Якушев. Деятельность дальневосточной группы Сибирского правительства в полосе отчуждения.
- ⁴⁰ Подробнее об образовании этого правительства см.: *Назимов В. Н.* К истории так называемого Временного правительства автономной Сибири.— Труды Томского университета, т. 205. Томск, 1970; *Лившиц С. Г.* Крах Временного правительства автономной Сибири — Вопросы истории, 1974, № 8.
- ⁴¹ Коллекция ЦГАОР. Доклад генерала В. Е. Флуга «Генерал-лейтенант Д. Л. Хорват и политика держав на Дальнем Востоке в 1918 г Составлен в декабре 1918 г.» и статья И. Якушева «Правительство автономной Сибири во Владивостоке».
- ⁴² *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары, т. 5. М., 1934, с. 535—536. См. также: *Рогштейн Э.* Когда Англия вторглась в Россию... М., 1982, с. 57; *Ullman R.* Intervention and the War. London, 1961, p. 90—93, 102.
- ⁴³ Подробнее об этом см.: *Светачев М. И.* Сибирь и Дальний Восток в контрреволюционных планах Антанты и США (ноябрь 1917—ноябрь 1918).— Исторические записки, т. 103.
- ⁴⁴ Коллекция ЦГАОР. Статья И. А. Якушева «Борьба за власть на Дальнем Востоке».
- ⁴⁵ *Ган А.* Россия и большевизм, ч. 1. Шанхай, 1921, с. 337.
- ⁴⁶ Допрос Колчака, с. 105—106.
- ⁴⁷ *Fleming P.* The Fate of admiral Kolchak, p. 35—36; Коллекция ЦГАОР. Отчет русской миссии в Пекине за 1917—1918 гг., т. 1.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Временное правительство автономной Сибири.— Красный архив, 1928, т. 4(29), с. 107.
- ⁵⁰ Допрос Колчака, с. 106—107.
- ⁵¹ Коллекция ЦГАОР. Отчет Российской дипломатической миссии в Пекине, т. 1.
- ⁵² *Fleming P.* The Fate of admiral Kolchak, p. 54—55.
- ⁵³ *Ibid.*, p. 116.
- ⁵⁴ Допрос Колчака, с. 137.

⁵⁵ Коллекция ЦГАОР. Доклад генерала В. Е. Флуга «Генерал-лейтенант Д. Л. Хорват и политика держав на Дальнем Востоке в 1918 г.».

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма Востротина Вологодскому в Томск, 16 августа 1918 г.

⁵⁸ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма Кудашева, 14 августа 1918 г.

⁵⁹ Коллекция ЦГАОР. Ответы Колчака сотруднику «Моей газеты»; Голос Приморья (Владивосток), 28 июля 1918 г.

⁶⁰ Коллекция ЦГАОР. Письмо капитана Алушкина А. В. Колчаку от 6(19) августа 1918 г.

⁶¹ Коллекция ЦГАОР. Письмо Н. Кудашева А. В. Колчаку от 25 августа 1918 г.

⁶² Допрос Колчака, с. 140.

⁶³ *Fleming P.* The Fate of admiral Kolchak, p. 76.

⁶⁴ The Parliamentary debates. House of Commons, vol. 116 (Лондон, 1919, p. 2464), а также: *Керенский А. Ф.* Издалека. Сб. статей. Париж, 1923, с. 134.

⁶⁵ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, т. 1. Белград, 1930, с. 113—115.

Глава 2 (с. 39—55)

¹ Цит. по: *Клименко В. А.* Борьба с контрреволюцией в Москве. 1917—1920. М., 1978, с. 10. Об антисоветских организациях, базировавшихся в Москве указанного времени, см.: *Соловьев О. Ф.* Великий Октябрь и его противники. М., 1967; *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Голиков Д. Л.* Крах антисоветского подполья. кн. 1. М., 1980; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982, и др. Содержащиеся в них данные широко используются в работе.

² Коллекция ЦГАОР. Н. И. Чайковский. Воспоминания о деятельности Временного правительства Северной области в 1918—1920 гг. Рукопись.

³ Коллекция ЦГАОР. Н. И. Астров. Московские организации 1917—1918 гг.

⁴ Коллекция ЦГАОР. Сведения от Левого московского центра. Сводки Осведомительного отдела при председателе Особого совещания.

⁵ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 129.

⁶ Коллекция ЦГАОР. Н. И. Астров. Московские организации 1917—1918 гг.

⁷ Коллекция ЦГАОР. П. Н. Милуков. Киев—Екатеринодар, май 1918—октябрь 1918 г. Рукопись.

⁸ Коллекция ЦГАОР. Н. И. Астров. Московские организации 1917—1918 гг.

⁹ Коллекция ЦГАОР. Письмо П. Н. Милюкова в Правый центр. Копия в сводках Осведомительного отдела Особого совещания ВСЮР.

¹⁰ Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964, с. 111.

¹¹ Коллекция ЦГАОР. П. Н. Милюков. Киев—Екатеринодар, май 1918—октябрь 1918 г.

¹² Долгоруков П. Д. Великая разруха, с. 105.

¹³ Коллекция ЦГАОР. Сводки Осведомительного отдела при председателе Особого совещания Добровольческой армии (сведения, полученные из Москвы от Титова 24 июня 1918 г.). Подробнее об этой кадетской конференции см.: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром.

¹⁴ Коллекция ЦГАОР. Сводка сведений, полученных в Добровольческой армии от полковника Лебедева, Белоруссова и Лодыженского. Июль 1918 г.

¹⁵ Коллекция ЦГАОР. Н. И. Астров. Московские организации 1917—1918 гг.

¹⁶ Коллекция ЦГАОР. П. Н. Милюков. При свете двух революций. Рукопись.

¹⁷ Коллекция ЦГАОР.

¹⁸ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. II. Париж, 1964, с. 17.

¹⁹ Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен—Вашингтон, 1964, с. 135.

²⁰ Русская мысль, 1917, кн. XI—XII. М.—Пг., 1917, с. 158.

²¹ Виноградский П. Н. Совет общественных деятелей в Москве. 1917—1919.—На чужой стороне, 1925, № 4, с. 94.

²² См. об этом: МЧК. Из истории Московской Чрезвычайной комиссии, 1918—1920. Сб. документов. М., 1978; Клименко В. А. Борьба с контрреволюцией в Москве.

²³ Коллекция ЦГАОР. Анонимная справка о военной работе Национального центра.

²⁴ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники, с. 22.

²⁵ Коллекция ЦГАОР. Из письма Н. И. Астрова А. И. Деникину, 17 августа 1923 г.

²⁶ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники, с. 19.

²⁷ Коллекция ЦГАОР. «Национальный центр» (рукопись).

²⁸ Коллекция ЦГАОР. Справка Союза возрождения. 24 июля (6 августа) 1918 г.

²⁹ Цит. по: Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром, с. 126.

³⁰ Коллекция ЦГАОР. Н. И. Астров. Московские организации 1917—1918 гг.

³¹ Коллекция ЦГАОР. Доклад подполковника Глухарева 29 апреля (12 мая) 1918 г.

³² Коллекция ЦГАОР. Письмо В. В. Шульгина А. В. Колчаку, 8(21) июня 1918 г.

³³ Коллекция ЦГАОР. Письмо В. Пепеляева в Национальный центр (март 1919 г.).

Глава 3 (с. 56—75)

¹ См. об этом: *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 3. Триумфальное шествие Советской власти. М., 1979.

² Коллекция ЦГАОР. П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление. Волжское движение и образование Директории (рукопись). Прага, 1925 г.

³ *Bradly J.* Allied Intervention in Russia. London, 1968, p. 80—81.

⁴ *Волков Ф. Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980, с. 43.

⁵ *Ротштейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию... М., 1982, с. 77.

⁶ *Чернов В.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953, с. 373.

⁷ Коллекция ЦГАОР. П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление...; Коллекция ЦГАОР. Подробности выступления чехов в Пензе (рукопись, аноним).

⁸ Коллекция ЦГАОР. П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление...

⁹ Подробнее о политике Комуча см.: *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970; *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Медведев Е. И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918—1919). Саратов, 1974.

¹⁰ Коллекция ЦГАОР. П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление...

¹¹ *Климушкин П. Д.* Борьба за демократию на Волге.— Гражданская война на Волге. Вып. I. Прага, 1930, с. 63.

¹² Коллекция ЦГАОР. Отчетный доклад уполномоченного Временного Сибирского правительства (№ 1). 20 августа 1918 г.

¹³ Коллекция ЦГАОР. Письмо Н. Галкина М. В. Алексееву, 13 августа 1918 г.

¹⁴ Коллекция ЦГАОР. П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление...

¹⁵ *Якушев И. А.* Очерки областного движения в Сибири.— Вольная Сибирь (Прага), т. 4, 1928, с. 103—104.

¹⁶ Коллекция ЦГАОР. Доклад Гришина-Алмазова на Ясском совещании. По записям П. Н. Милюкова 30/XI—2/XII 1918 г. Подробно о политической сущности верхушки сибирских кооперативов см.: *Иванов Б. В.* Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976.

¹⁷ Якушев И. А. Очерки областнического движения в Сибири, с. 108; Коллекция ЦГАОР. Доклад Гришина-Алмазова...

¹⁸ Коллекция ЦГАОР. Доклад Гришина-Алмазова...

¹⁹ Подробнее см.: Лившиц С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата. — Вопросы истории СССР (Барнаул), 1974.

²⁰ Подробнее см.: Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств, с. 98—99.

²¹ Коллекция ЦГАОР. Интервью П. В. Вологодского И. И. Серебренникову. Тяньцзинь, 1928.

²² См. Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств, с. 103—104; Арнольдов В. Жизнь и революция. Шанхай, 1935, с. 122—123.

²³ Коллекция ЦГАОР. Сибирь и Дальний Восток. Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. См. Соловейчик А. Борьба за возрождение России на Востоке. Ростов-на-Дону, 1919, с. 22.

²⁴ Коллекция ЦГАОР. Показания А. Соловейчика с характеристикой И. Михайлова. 13 января 1919 г.

²⁵ Коллекция ЦГАОР. Дневник П. В. Вологодского.

²⁶ Кроль Л. За три года. Владивосток, 1922, с. 62—63.

²⁷ О контрреволюционной деятельности Временного Сибирского правительства см.: Плотникова М. Е. Роль Временного Сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота. — Сборник научных работ исторических кафедр. Томский гос. университет. Труды, т. 167. Серия историческая. Томск, 1964; Лившиц С. Г. Временное Сибирское правительство. — Вопросы истории, 1979, № 12.

²⁸ Аргунов А. Между двумя большевиками. Париж, 1919, с. 24.

²⁹ Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1, ч. 1. Харбин, 1921, с. 165; Сибирская жизнь (Томск), 17 августа 1918 г.

³⁰ Пролетарская революция, 1928, № 1 (72), с. 71.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 30.

³² Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Сб. док. М., 1969, с. 97.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 133.

³⁴ См. об этом: Спирикин Л. М. Крах одной авантюры. М., 1971; Ненароков А. П. Восточный фронт, 1918. М., 1969, с. 106—110; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975, с. 260—278; Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР, кн. 1. М., 1980, с. 175—182.

³⁵ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) — РКП(б) с местными партийными организациями, т. 3. М., 1967, с. 128.

¹ Подробнее о нем см.: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982, с. 161—165.

² Коллекция ЦГАОР. Отчетный доклад Е. Е. Яшнова (№ 1), 20 августа 1918 г.; Сибирь и Дальний Восток. Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

³ *Серебрянников И. И.* Мои воспоминания, т. 1. В революции. 1917—1919. Тяньцзинь, 1937, с. 185.

⁴ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 146.

⁵ Пролетарская революция, 1921, № 1 (Письмо Н. Авксентьева к эсерам юга России 31 октября 1919 г.), с. 116.

⁶ *Долгоруков П.* Великая разруха. Мадрид, 1964, с. 89.

⁷ См., например: *Гармиза В. В.* Уфимское совещание.— История СССР, 1965, № 6; *его же.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970, с. 184—197; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром, с. 168—176; и др.

⁸ См. Сибирское бюро ЦК РКП(б), 1918—1920 гг., ч. 1. Новосибирск, 1979.

⁹ *Серебрянников И. И.* Мои воспоминания, т. 1, с. 131.

¹⁰ Коллекция ЦГАОР. П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление. Волжское движение и образование Директории (рукопись). Прага, 1925 г.

¹¹ *Аргунов А.* Между двумя большевиками. Париж, 1919, с. 31.

¹² Коллекция ЦГАОР. И. И. Якушев. Попытка государственного переворота 20 сентября 1918 г. в Омске (рукопись); *Соловейчик А.* Борьба за возрождение России на Востоке. Ростов-на-Дону, 1919, с. 38.

¹³ О Новоселове как писателе см.: Очерки русской литературы Сибири, т. 1. Новосибирск, 1982, с. 539—544; *Яновский Н.* Александр Новоселов.— Сибирские огни, 1968, № 2.

¹⁴ *Соловейчик А.* Борьба за возрождение России на Востоке, с. 37.

¹⁵ Коллекция ЦГАОР. И. И. Якушев. Попытка государственного переворота...

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Коллекция ЦГАОР. П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление...

¹⁹ Подробно об этой миссии см.: *Лившиц С. Г.* Империалистическая интервенция в Сибири в 1918—1920 гг. Барнаул, 1979, с. 39—43.

²⁰ Коллекция ЦГАОР. Путевой дневник П. В. Вологодского.

²¹ Коллекция ЦГАОР.

²² Коллекция ЦГАОР. Письмо Г. Е. Львова Ч. Крэйну, 8 октября 1918 г.

- ²³ Коллекция ЦГАОР. Письмо Г. Е. Львова В. Вильсону, 19 ноября 1918 г.
- ²⁴ *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР, кн. I. М., 1980, с. 239.
- ²⁵ *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром, с. 176.
- ²⁶ *Гармиза В. В.* Директория и Колчак.— Вопросы истории, 1976, № 10, с. 31.
- ²⁷ *Чернов В.* Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953, с. 381—382.
- ²⁸ Там же, с. 377.
- ²⁹ Коллекция ЦГАОР. Письмо Мякотина Н. И. Астрову, 4 декабря 1918 г. (из Одессы). Впервые приведено в книге: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром.
- ³⁰ *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром, с. 175.
- ³¹ Там же, с. 172, 175.
- ³² Там же, с. 73; Коллекция ЦГАОР. Письмо Н. И. Астрова В. Пепеляеву, 21 октября (3 ноября) 1918 г. Екатеринодар.
- ³³ Коллекция ЦГАОР. Письмо В. В. Шульгина в Париж, 26 октября (8 ноября) 1918 г. Екатеринодар.
- ³⁴ *Серебрянников И. И.* Мои воспоминания, т. 1, с. 172.
- ³⁵ *Чернов В.* Перед бурей, с. 379.
- ³⁶ См. *Резниченко А. Н.* Борьба большевиков против «демократической контрреволюции» в Сибири, 1918 г. Новосибирск, 1972, с. 143.
- ³⁷ Коллекция ЦГАОР. «Чехословаки в России». 18 августа 1919 г.
- ³⁸ *Чернов В.* Перед бурей, с. 387—388.
- ³⁹ *Святыцкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания, т. 3. Съезд членов Учредительного собрания. М., 1921, с. 41.
- ⁴⁰ *Кроль Л.* За три года. Владивосток, 1922, с. 140.
- ⁴¹ См. *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. М., 1982, с. 497—505; *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977, с. 134—167.
- ⁴² *Колчак Р.* Адмирал Колчак. Его род и семья.— Военно-исторический вестник (Париж), 1960, № 16, с. 18.
- ⁴³ Допрос Колчака, с. 146, 147.
- ⁴⁴ Коллекция ЦГАОР. Доклад капитана А. Апушкина генералу Деникину, ноябрь 1918 г.
- ⁴⁵ Допрос Колчака, с. 155.
- ⁴⁶ Коллекция ЦГАОР. Письмо А. В. Колчака М. В. Алексееву, 14 октября 1918 г.
- ⁴⁷ Коллекция ЦГАОР. Бюллетень № 1 Союза возрождения России. Омский отдел; *Серебрянников И.* Мои воспоминания, т. 1, с. 203.
- ⁴⁸ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма посла В. Маклакова из Парижа в Омск, 2 января 1919 г.

⁴⁹ Коллекция ЦГАОР. Наказ членам делегации к Всероссийскому Временному правительству в Омске от общества «Возрождение России» и Наказ екатеринбургского союза домовладельцев. 9 ноября 1918 г.

⁵⁰ *Святыцкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания, с. 66. Об этом писали также: *Майский И.* Демократическая контрреволюция, с. 309; *Руднев С. П.* При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин, 1923, с. 46; *Кроль Л.* За три года, с. 149.

⁵¹ *Раков Д. Ф.* В застенках Колчака. Париж, 1920, с. 19—20.

⁵² *Гинс Г.* Сибирь, союзники и Колчак, т. 2. Харбин, 1921, с. 210; *Уорд Дж.* Союзники и интервенция в Сибири, 1918—1919. М.—Пг., 1923, с. 88.

Гоппер Г. Четыре катастрофы. Рига, б. д. Цит. по: Гражданская война в Сибири и Северной области. Мемуары. М.—Л., 1927, с. 50.

Глава 5 (с. 104—121)

¹ Коллекция ЦГАОР. В. Н. Пепеляев. Кронштадт, 28 февраля — 13 мая 1917 г. (рукопись).

² Коллекция ЦГАОР. В. А. Оболенский. Моя жизнь и мои современники, т. 2 (рукопись).

³ Подробнее об этом см.: *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; *Поликарпов В. Д.* Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918). М., 1976; *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982; *Кувшинов В. А.* Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов. М., 1982.

⁴ Коллекция ЦГАОР. Материалы 3-й Сибирской конференции кадетов в Омске. Май 1919 г.

⁵ *Устрялов Н.* Большевики и мы.— Сибирская речь (Омск). 30 марта (12 апреля) 1919 г.

⁶ Коллекция ЦГАОР. Письмо Клафтона Н. И. Астрову. Б. д.

⁷ Коллекция ЦГАОР. Обращение омского отдела Союза возрождения России; Заря (Омск), 8 и 9 августа 1918 г.

⁸ Коллекция ЦГАОР. Письмо Крутовского П. В. Вологодскому, 5 сентября 1918 г.

⁹ Сибирская речь (Омск), 24 августа 1918 г.

¹⁰ Там же, 23 августа 1918 г.

¹¹ Там же, 25 августа 1918 г.

¹² Там же.

¹³ Там же, 25 и 27 августа 1918 г.

¹⁴ Там же, 27 августа 1918 г.

¹⁵ *Rosenberg W.* Liberals and the Russian Revolution. The Constitutional-Democratic Party. Princeton, 1974, p. 397.

- ¹⁶ Дневник В. Пепеляева.— Красные зори (Иркутск), 1923, № 4, с. 77.
- ¹⁷ Там же, с. 77—78; Коллекция ЦГАОР. Дневник В. Пепеляева.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, с. 79.
- ²⁰ Там же, с. 84.
- ²¹ Коллекция ЦГАОР. Тезисы доклада по вопросу о блоке, предложенные В. А. Жардецким на конференции партии к. д. 18 ноября 1918 г. и принятые конференцией.
- ²² Коллекция ЦГАОР. Письмо В. Жардцкого Н. И. Астрову, 12 (25) марта 1919 г.
- ²³ Коллекция ЦГАОР. Показания А. Соловейчика с характеристикой И. Михайлова. Омск, 12 января 1919 г.
- ²⁴ Дневник В. Пепеляева, с. 85.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Бородин Н. А.* Идеалы и действительность. Берлин — Париж, 1930, с. 202—203.
- ²⁷ Коллекция ЦГАОР. Материалы по 2-й Сибирской конференции партии к. д. в ноябре 1918 г.
- ²⁸ Коллекция ЦГАОР. Конспект доклада Восточного отдела ЦК партии народной свободы в Омске. 15 (28) ноября 1918 г.
- ²⁹ Дневник В. Пепеляева, с. 82.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Коллекция ЦГАОР. Письмо Клафтона Н. И. Астрову. Б. д.
- ³² Там же; материалы по 3-й конференции к. д. в мае 1919 г. в Омске.

Глава 6 (с. 122—146)

¹ См. *Парфенов П. С.* Гражданская война в Сибири. М., 1925; *Спирин Л. М.* Разгром Колчака. М., 1957; *Плотникова М. Е.* Роль Временного Сибирского правительства в подготовке колчаковского переворота.— Сборник научных работ исторических кафедр. Труды Томского гос. ун-та. Серия историческая. Томск, 1964; *Гармиза В. В.* Директория и Колчак.— Вопросы истории, 1976, № 10; *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982; *Лившиц С. Г.* Колчаковский переворот.— Вопросы истории, 1982, № 3; *Штыка А. П.* Некоторые проблемы критики современных концепций буржуазной историографии гражданской войны в России. Сумы, 1983.

² *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, ч. 1—3. Белград, 1930—1931 и др.

³ *Гинс Г.* Сибирь, союзники и Колчак, т. 1. Харбин, 1921, с. 309, 307.

⁴ Коллекция ЦГАОР. Заключение по докладу бывшего управляющего МИД колчаковского правительства Ю. В. Ключникова Рус-

скому политическому совещанию о захвате власти А. В. Колчаком, 2 июля 1919 г.

⁵ Коллекция ЦГАОР. Секретная телеграмма советника МИД во Владивостоке Гревса председателю Совета министров П. Вологодскому, 19 ноября 1918 г.

⁶ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма российского посла в Лондоне, 22 ноября 1918 г.

⁷ Там же.

⁸ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма российского посла в Париже, 5 ноября 1918 г.

⁹ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма российского посла в Париже, 20 ноября 1918 г.

¹⁰ Коллекция ЦГАОР. Докладная записка Ю. Ключникова Директории, 16 ноября 1918 г.

¹¹ *Kerensky A.* Russia and the History's Turning Point. New York, 1966, p. 479.

¹² Коллекция ЦГАОР. Письмо А. Ф. Керенского Н. В. Чайковскому. Август 1918 г.

¹³ *Керенский А.* Издалека. Сб. статей. Париж, 1922, с. 132—134.

¹⁴ *Kerensky A.* Russia and the History's Turning Point, p. 409—503.

¹⁵ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, ч. 2, с. 113.

¹⁶ Коллекция ЦГАОР. Сводка сведений о деятельности В. Чернова и других членов Учредительного собрания с 27 октября по 27 ноября 1918 г.

¹⁷ *Чернов В.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953, с. 389.

¹⁸ Там же, с. 390.

¹⁹ *Болдырев В.* Из пережитого.— Сибирские огни, 1923, № 5—6, с. 122.

²⁰ Письмо Н. Авксентьева к эсерам юга России, 31 октября 1919 г.— Пролетарская революция, 1921, № 1, с. 119.

²¹ Допрос Колчака, с. 159.

²² Коллекция ЦГАОР. Дневник П. В. Вологодского.

²³ *Gajda R.* Moje pameti. Praha, 1924, s. 114.

²⁴ Допрос Колчака, с. 165—166.

²⁵ Коллекция ЦГАОР. Сибирь и Дальний Восток. Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

²⁶ *Серебренников И. И.* Мои воспоминания, т. I. В революции. 1917—1919. Тяньцзинь, 1937, с. 216—219.

²⁷ Коллекция ЦГАОР. Сибирь и Дальний Восток. Воспоминания...; П. Вологодский — Колчаку, 19 ноября 1918 г.

²⁸ Коллекция ЦГАОР. Письмо А. Д. Сыромятникова И. А. Михайлову. Апрель 1919 г.

²⁹ Коллекция ЦГАОР. Показания А. Соловейчика с характеристикой И. Михайлова. Омск, 13 января 1919 г.

³⁰ *Андогский М. И.* Академия Генштаба в 1917—1918 гг.— Сибирская речь (Омск), 8 (21) января 1919 г.

³¹ Письмо Н. Авксентьева к эсерам юга России из Парижа, 31 октября 1919 г.— Пролетарская революция, 1921, № 1, с. 118.

³² *Жаннен М.* Отрывки из моего сибирского дневника.— Колчаковщина. Из белых мемуаров. Под ред. Н. А. Корнатовского. Л., 1930, с. 122.

³³ *Fleming P.* The Fate of admiral Kolchak. New York, 1961, p. 114.

³⁴ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, ч. 1, с. 113—115.

³⁵ *Fleming P.* The Fate of admiral Kolchak, p. 114, 116.

³⁶ *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations, 1917—1920, vol. 2. London, 1962, p. 34.

³⁷ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, ч. 2, с. 139; Допрос Колчака, с. 167.

³⁸ Коллекция ЦГАОР. Письмо А. Д. Сыромятникова И. А. Михайлову.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Коллекция ЦГАОР. Воспоминания И. Бафталовского.

⁴¹ Допрос Колчака, с. 167.

⁴² Там же, с. 170.

⁴³ Там же, с. 172.

⁴⁴ Коллекция ЦГАОР. Воспоминания И. Бафталовского.

⁴⁵ Коллекция ЦГАОР. И. Серебренников. Воспоминания о Колчаке. Рукопись. Харбин, 1927.

⁴⁶ Коллекция ЦГАОР. Воспоминания И. Бафталовского.

⁴⁷ Коллекция ЦГАОР. И. Серебренников. Воспоминания о Колчаке.

⁴⁸ Заря (Омск), 21 ноября 1918 г.; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сб. документов. Сост. В. Зензинов. Париж, 1919, с. 20.

⁴⁹ См. *Зензинов В.* Правда о неправде. Цит. по: Гражданская война в Сибири и Северной области. Мемуары. М.—Л., 1927, с. 17.

⁵⁰ Коллекция ЦГАОР. Копия секретной телеграммы из Парижа на имя министра иностранных дел в Омске.

⁵¹ Коллекция ЦГАОР. П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление. Волжское движение и образование Директории. Воспоминания. Рукопись. Прага, 1925.

⁵² *Гопнер Г.* Четыре катастрофы. Цит. по: Гражданская война в Сибири и Северной области, с. 52.

⁵³ *Болдырев В.* Из пережитого.— Сибирские огни, 1923, № 5—6, с. 109—110.

- ¹ *Святицкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания, т. 3. М., 1921, с. 98.
- ² См. *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965, с. 256—257.
- ³ Коллекция ЦГАОР. Копия письма уполномоченного съезда членов Всероссийского Учредительного собрания *Н. Фомина*.
- ⁴ *Чернов В.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953, с. 390.
- ⁵ Коллекция ЦГАОР. К аресту членов Учредительного собрания в Екатеринбурге 19 ноября 1918 г.
- ⁶ *Святицкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания, с. 111.
- ⁷ Коллекция ЦГАОР. Обращения «Совета управляющих» воспроизводятся по воспоминаниям *П. Д. Климушкина* «Гражданская война на Волге, ч. 2. Ликвидация демократии».
- ⁸ Там же.
- ⁹ Коллекция ЦГАОР. Копия письма уполномоченного съезда членов Учредительного собрания *Н. Фомина*.
- ¹⁰ Коллекция ЦГАОР. Разговор *Веденяпина* по прямому проводу... 27 ноября 1918 г.
- ¹¹ *Веселы И.* Чехи и словаки в революционной России. М., 1965, с. 149.
- ¹² *Клеванский А. Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус, с. 275.
- ¹³ Коллекция ЦГАОР. *П. Д. Климушкин.* Гражданская война на Волге, ч. 2. Ликвидация демократии.
- ¹⁴ *Дневник В. Пепеляева.*— Красные зори (Иркутск), 1923, № 5, с. 88.
- ¹⁵ Государственный переворот адмирала *Колчака* в Омске 18 ноября 1918 г. Сб. док. Сост. *В. Зензинов.* Париж, 1919, с. 2.
- ¹⁶ Правительственный вестник (Омск), 30 ноября 1918 г.; Заря (Омск), 30 ноября 1918 г.
- ¹⁷ Коллекция ЦГАОР. Письмо из редакции «Правительственного вестника» *А. И. Деникину*, 12 декабря 1918 г.
- ¹⁸ *Святицкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания, с. 127.
- ¹⁹ *Гинс Г.* Сибирь, союзники и Колчак, т. 2. Харбин, 1921, с. 13.
- ²⁰ *Святицкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания, с. 138—139.
- ²¹ Коллекция ЦГАОР. *П. Д. Климушкин.* Гражданская война на Волге, ч. 2. Ликвидация демократии; *Святицкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания, с. 135. Подробнее см. об этой группе: *Чемерисский И. А.* Эсеровская группа «Народ» и ее распад.—

В кн.: Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922. Сб. научн. трудов, ч. II. М., 1977, с. 77—86.

²² Коллекция ЦГАОР. П. Д. Климушкин. Гражданская война на Волге, ч. 2. Ликвидация демократии.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Подробнее об омском восстании см.: *Колмогоров Н.* Восстание омских рабочих против Колчака. Омск, 1957.

²⁶ Дальнейшие события излагаются по следственным материалам, опубликованным М. Константиновым под названием «Омские события при Колчаке, 21—23 декабря 1918 г.» в «Красном архиве» (1924, т. 7, с. 201—246; 1925, т. 1(8), с. 176—192). В ряде случаев использовались и архивные оригиналы, хранящиеся в ЦГАОР.

²⁷ Красный архив, 1924, т. 7, с. 209.

²⁸ Коллекция ЦГАОР. Приказ начальника гарнизона г. Омска 22 декабря 1918 г. Листовка.

²⁹ Красный архив, 1924, т. 7, с. 213.

³⁰ *Святыцкий Н.* К истории Всероссийского Учредительного собрания, с. 190.

³¹ *Колосов Е.* Сибирь при Колчаке. Пг., 1923, с. 89.

³² Красный архив, 1924, т. 7, с. 210.

³³ Там же, с. 211.

³⁴ Там же, с. 214—220.

³⁵ Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. 1917—1919. Сост. В. Шмелев. Новосибирск, 1928, с. 199.

³⁶ Коллекция ЦГАОР. Дело о расстрелах без суда арестованных, взятых из омской тюрьмы в ночь на 23 декабря 1918 г. Из показаний В. Жардецкого.

³⁷ Там же. Приказ начальника гарнизона г. Омска. 24 декабря 1918 г.

³⁸ Там же. Из показаний В. Жардецкого.

³⁹ *Чернов В.* Перед бурей, с. 377.

⁴⁰ Частное совещание членов Всероссийского Учредительного собрания. Париж, 1921; *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции М., 1982.

⁴¹ Красный архив, 1925, т. 1(8), с. 191.

⁴² Допрос Колчака, с. 183.

⁴³ *Гинс Г.* Указ. соч., с. 98.

⁴⁴ Дневник Пепеляева, с. 90.

⁴⁵ Коллекция ЦГАОР. Дневник П. Вологодского. Сходные данные имеются у ген. Будберга и др. (см. *Будберг А.* Дневник белогвардейца. Л., 1929, с. 249); Коллекция ЦГАОР. Сибирь и Дальний Восток. Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

¹ Коллекция ЦГАОР. Материалы Подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера.

² *Артемьев И. К.* Воспоминания. Эпизоды революции на Дальнем Востоке. Б. м., б. д., с. 61.

³ Коллекция ЦГАОР. Н. В. Чайковский. Русское политическое совещание в Париже. Рукопись.

⁴ Коллекция ЦГАОР. Переписка с послами в связи с переворотом 18 ноября 1918 г.

⁵ Там же. См. также: *Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966, с. 181—197.

⁶ Коллекция ЦГАОР. Д. Щербачев — А. И. Деникину, 5 апреля 1919 г. из Парижа.

⁷ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма в Омск из Архангельска, 2 мая 1919 г.

⁸ Там же.

⁹ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма С. Д. Сазонова в МИД (Омск), 13 октября 1919 г.

¹⁰ Коллекция ЦГАОР. Агентурные сводки военных атташе. Ноябрь — декабрь 1919 г.

¹¹ *Сахаров К.* Белая Сибирь. Мюнхен, 1923, с. 89.

¹² Коллекция ЦГАОР. Телеграмма Г. Гинса К. Набокову в Лондон, 11 января 1919 г.

¹³ *Будберг А.* Дневник белогвардейца. Л., 1929, с. 125.

¹⁴ *Гинс Г.* Сибирь, союзники и Колчак, т. 1, ч. 1. Пекин, 1921, с. 310.

¹⁵ *Жаннен М.* Отрывки из моего сибирского дневника. — Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930, с. 128.

¹⁶ *Будберг А.* Дневник белогвардейца, с. 8.

¹⁷ Коллекция ЦГАОР. Правительственный вестник (Омск), 30 ноября 1918 г.

¹⁸ Коллекция ЦГАОР. Письмо Г. Тельберга А. И. Деникину, 10 декабря 1918 г.

¹⁹ Подробнее см.: *Миц И. И.* Год 1918-й. М., 1982, с. 248—352. См. также: *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. Историко-экономические исследования. Кн. 1—2. М., 1966; Декрет о земле в действии. М., 1980.

²⁰ Коллекция ЦГАОР. Письмо Н. И. Астрова А. И. Деникину, 25—26 октября 1924 г.

²¹ Коллекция ЦГАОР. Сообщение «В Совете министров», 5 апреля 1919 г.

²² *Бонч-Осмоловский А.* Грамота верховного правителя о земле. Омск, 1919, с. 2.

²³ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма А. В. Колчака А. И. Деникину, 23 октября 1919 г. (шифровка).

²⁴ Коллекция ЦГАОР. Записка о направлении аграрной политики правительства.

²⁵ Там же.

²⁶ Коллекция ЦГАОР. Правила о порядке производства и сбора посевов в 1919 г. в местностях, освобожденных от Советской власти.

²⁷ Коллекция ЦГАОР. Объяснительная записка к законопроекту об обращении во временное владение государства земель, вышедших из обладания их владельцев.

²⁸ Коллекция ЦГАОР. Записка о направлении аграрной политики правительства.

²⁹ Коллекция ЦГАОР. Объяснительная записка к законопроекту об обращении во временное владение.

³⁰ Коллекция ЦГАОР. Заключение юрисконсультской части...

³¹ Коллекция ЦГАОР. «От Российского правительства».

³² Коллекция ЦГАОР. Обращение «верховного правителя» к крестьянам-сибирякам.

³³ См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 31; т. 39, с. 39, 87; т. 43, с. 302, и др.

³⁴ См., например, *Журов Ю. В.* К вопросу об аграрно-крестьянской революции в Сибири.— В кн.: Из истории Сибири. Красноярск, 1971, и др.

³⁵ Коллекция ЦГАОР. Записка комиссара труда Иркутской губернии в министерство труда.

³⁶ Там же.

³⁷ Коллекция ЦГАОР. Личное дело Л. И. Шумиловского.

³⁸ См. *Болдырев В. Г.* Директорня. Колчак. Интервенты. Новоиколаевск, 1925, с. 279.

³⁹ *Козлова С. А.* Труд и охрана труда в Сибири при Колчаке.— Из прошлого Сибири. Омск, 1927, с. 70, 76.

⁴⁰ Коллекция ЦГАОР. Основы социальной политики министерства труда (справка).

⁴¹ См. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов. 1917—1919. Сост. В. Шмелев. Новосибирск, 1928, с. 172.

⁴² Коллекция ЦГАОР. Отчет о деятельности министерства труда за 1918 — первую половину 1919 г.

⁴³ *Кальнин Я.* Труд при белых (по архивам министерства труда).— Сибирские огни, 1929, кн. 3, с. 140.

⁴⁴ Коллекция ЦГАОР. Справка «Профсоюзы Сибири и Урала в конце 1918 — первой половине 1919 г.».

⁴⁵ Коллекция ЦГАОР. Письмо Л. И. Шумиловского в министерство внутренних дел, 30 января 1919 г.

⁴⁶ Коллекция ЦГАОР. Письмо Л. И. Шумиловского В. Н. Пепе-

ляеву от 25 июня 1919 г. и ответ В. Н. Пепеляева от 3 июля 1919 г.

⁴⁷ Коллекция ЦГАОР. Письмо Л. И. Шумиловского В. Н. Пепеляеву, 2 ноября 1918 г. и др.

⁴⁸ Коллекция ЦГАОР. Отношение Совета профсоюзов Сибири в министерство труда, 10 апреля 1919 г., и др.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Коллекция ЦГАОР. Докладная записка Л. И. Шумиловского П. В. Вологодскому, 21 октября 1919 г.

⁵² Цит. по: *Кальнин Я.* Труд при белых, с. 139.

⁵³ Подробнее см.: *Кадейкин В. А.* Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов. Кемерово, 1966; *его же.* Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968; *Плотников И. Ф.* Большевицкое подполье в Сибири в период иностранной интервенции и гражданской войны. Свердловск, 1966, и др.

⁵⁴ Русская армия (Омск), 21 ноября 1918 г.

⁵⁵ Коллекция ЦГАОР. Доклад Н. В. Чайковского Временному правительству Северной области о деятельности «Русского политического совещания» и «Русской политической делегации» в Париже. 1919 г.

⁵⁶ Красный архив, 1929, т. 2(33), с. 95—96.

⁵⁷ *Будберг А.* Дневник белогвардейца, с. 214.

⁵⁸ Подробнее см.: *Наумова Н. И.* Национальный вопрос во внешней политике колчаковского правительства.— Вопросы истории общественно-политической жизни Сибири периода Октября и гражданской войны. Томск, 1982, с. 126—132.

⁵⁹ Коллекция ЦГАОР. Письмо Колчака Сенд-мир Алиму, эмиру бухарскому, 25 сентября 1919 г.; Письмо Колчака хану Хивинскому, 30 сентября 1919 г.

⁶⁰ Коллекция ЦГАОР. Доклад П. А. Прокошева П. В. Вологодскому, 25 августа 1919 г.

⁶¹ Коллекция ЦГАОР. Записка Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири. 5 октября 1919 г.

⁶² Коллекция ЦГАОР. Краткая история национального движения мусульман тюрко-татар. 7 октября 1919 г.

⁶³ Коллекция ЦГАОР. Профессиональные союзы Сибири и Урала в конце 18 — первой половине 19 г. (справка).

⁶⁴ Правительственный вестник (Омск), 14 марта, 8 мая, 17 мая 1919 г. Положение о государственной охране было опубликовано в начале июня 1919 г.

⁶⁵ Коллекция ЦГАОР. Циркулярное письмо МВД.

⁶⁶ *Сахаров К.* Белая Сибирь, с. 39. Подробнее см. *Светачев М. И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1983, с. 142—154.

⁶⁷ Коллекция ЦГАОР. Секретная телеграмма посла в Лондоне в МИД (Омск), 29 ноября 1918 г.

⁶⁸ Коллекция ЦГАОР. Секретные телеграммы посла в Париже в МИД (Омск), 28 ноября 1918 г., 25 января 1919 г.

⁶⁹ Коллекция ЦГАОР. Доклад Н. В. Чайковского Временному правительству Северной области о деятельности «Русского политического совещания» и «Русской политической делегации» в Париже. 1919 г.

⁷⁰ Коллекция ЦГАОР. Письмо «Национального центра» в Париж (не позднее лета 1919 г.).

⁷¹ Красный архив, т. 31, с. 80.

⁷² Коллекция ЦГАОР. Секретная телеграмма В. А. Маклакова П. Вологодскому, 9 февраля 1919 г.

⁷³ Коллекция ЦГАОР. Д. Г. Щербачев — А. И. Деникину, 5 апреля 1919 г.

⁷⁴ *Ullman R.* Britain and the Russian Civil War. Nov. 1918 — Feb. 1920. Princeton, 1968, p. 169.

⁷⁵ Коллекция ЦГАОР. Сводка обзоров печати о признании союзниками Омского правительства. 27 июня 1919 г.

⁷⁶ *Арнольдов Л. В.* Жизнь и революция. Шанхай, 1935, с. 158.

⁷⁷ *Жаннен М.* Отрывки из моего сибирского дневника. — Колчаковщина. Из белых мемуаров. Под ред. Н. Корнатовского. Л., 1930, с. 119.

⁷⁸ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака, т. 3, ч. 1. Белград, 1931, с. 326.

⁷⁹ Коллекция ЦГАОР. Секретная телеграмма на имя П. В. Вологодского, 3 июня 1919 г.

⁸⁰ Коллекция ЦГАОР. Телеграмма управляющего МИД И. И. Сукина, 3 июня 1919 г.

⁸¹ Коллекция ЦГАОР.

⁸² *Иностранцев М. А.* Первое поручение адмирала Колчака. — Белое дело, т. 1. Берлин, 1926, с. 108.

⁸³ Коллекция ЦГАОР. Дневник П. В. Вологодского. Запись 18 мая 1919 г.

⁸⁴ Коллекция ЦГАОР. Доклад Н. В. Чайковского Временному правительству Северной области о деятельности «Русского политического совещания» и «Русской политической делегации» в Париже. 1919 г.

⁸⁵ Коллекция ЦГАОР. Сибирь и Дальний Восток. Воспоминания о гражданской войне на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, кн. 3.

⁸⁶ Коллекция ЦГАОР. Письмо «Национального центра» в Париж. Б. д.; *Устрялов Н.* В борьбе за Россию. Сб. статей. Харбин, 1920, с. 76.

Глава 9 (с. 216—261)

¹ Государственный переворот адмирала Колчака в Омске, 18 ноября 1918 г. Сост. В. Зензинов. Париж, 1919, с. 11.

- ² См. *Крушанов А. И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918—1920 гг.), кн. 1. Владивосток, 1972, с. 96.
- ³ Материалы Генуэзской конференции. М., 1922, с. 146—147.
- ⁴ *Волков Ф.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980, с. 98.
- ⁵ Коллекция ЦГАОР. М. А. Иностранцев. Адмирал Колчак и его катастрофа (воспоминания). Рукопись.
- ⁶ Красный архив, 1928, т. 6(31), с. 55.
- ⁷ *Будберг А.* Дневник.— Архив русской революции, т. 14. Берлин, 1924, с. 241. Об этом же писал и генерал Сахаров (Белая Сибирь. Мюнхен, 1923, с. 39).
- ⁸ Подробнее см.: Гражданская война в СССР. В 2-х томах. Т. 1. М., 1980.
- ⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М., 1970, с. 88.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 87.
- ¹¹ Подробнее см.: *Плотников И. Ф.* Большевицское подполье Урала и Сибири в годы гражданской войны. М., 1976; *Кадейкин В. А.* Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968.
- ¹² См. *Шишкин В. И.* Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны. Новосибирск, 1978.
- ¹³ Из истории гражданской войны в СССР, т. 2. М., 1961, с. 109. См. подробнее: *Колычев В. Г.* Идеино-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны. М., 1979, с. 207—229.
- ¹⁴ *Устрялов Н.* В борьбе за Россию. Харбин, 1920, с. 76.
- ¹⁵ Коллекция ЦГАОР. Письмо Н. И. Астрова В. Н. Пепеляеву, 16 (29) января 1920 г.
- ¹⁶ *Арнольд Л. В.* Жизнь и революция. Шанхай, 1935, с. 184.
- ¹⁷ Коллекция ЦГАОР. Приказ верховного правителя № 154 (Омск). 26 июня 1919 г.
- ¹⁸ Коллекция ЦГАОР. М. А. Иностранцев. Адмирал Колчак и его катастрофа (воспоминания). Рукопись.
- ¹⁹ Коллекция ЦГАОР. Приказ верховного правителя № 577 (Омск). 3 июля 1919 г.
- ²⁰ Коллекция ЦГАОР. Сводка обзоров печати Осведомительного отдела штаба Верховного главнокомандующего (Омск). 27 июня 1919 г.
- ²¹ Правительственный вестник (Омск), 16 марта 1919 г.
- ²² *Грэвс В.* Американская авантюра в Сибири. М., 1932, с. 158.
- ²³ Коллекция ЦГАОР. Управляющий Забайкальской областью министру внутренних дел. Июнь 1919 г.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Коллекция ЦГАОР. Управляющий Верхнеудинским уездом управляющему Забайкальской областью. 23 мая 1919 г.
- ²⁶ Коллекция ЦГАОР. Анонимные письма Колчаку. Письмо от 17 января 1919 г.

²⁷ Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 149.

²⁸ Там же.

²⁹ В подробном изложении эта записка дается П. Н. Милюковым в книге «Россия на переломе», т. 2, с. 135—136.

³⁰ Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака, т. 1, ч. 3. Белград, 1931, с. 285—286.

³¹ Коллекция ЦГАОР. Обзор политического положения. Управление делами верховного правителя.

³² Коллекция ЦГАОР. Положение о Государственном экономическом совещании.

³³ Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 250.

³⁴ Там же, с. 295.

³⁵ Арнольдов Л. Жизнь и революция. Шанхай, 1935, с. 262.

³⁶ Коллекция ЦГАОР. Дневник П. В. Вологодского. Запись 31 августа 1919 г.

³⁷ Там же.

³⁸ Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 301; Коллекция ЦГАОР. Постановление Совета министров. 5 ноября 1919 г.

³⁹ Последние дни колчаковщины. Сб. док. М.—Л., 1926, с. 54—55.

⁴⁰ Иванов Вс. В гражданской войне. Харбин, 1921, с. 35.

⁴¹ Последние дни колчаковщины. Сб. док. М.—Л., 1926, с. 112—113.

⁴² Там же, с. 113—115.

⁴³ Там же, с. 141—142.

⁴⁴ Там же, с. 143.

⁴⁵ Подробнее см.: Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975, с. 310—316.

⁴⁶ Последние дни колчаковщины, с. 19.

⁴⁷ Гинс Г. Сибирь, союзники и Колчак, т. 2, с. 464.

⁴⁸ Коллекция ЦГАОР. Листовки Центрального бюро военных организаций Сибири.

⁴⁹ Грэвс В. Американская авантюра в Сибири, с. 210, 202.

⁵⁰ Коллекция ЦГАОР.

⁵¹ Колосов Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923, с. 182—183.

⁵² Солодовников Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда. Прага, б. д., с. 28.

⁵³ Коллекция ЦГАОР. Доклад начальника контрразведки при штабе Верховного главнокомандующего по партии социалистов-революционеров 22 октября 1919 г.

⁵⁴ Коллекция ЦГАОР. Сообщение РТА.

⁵⁵ См., например, Папин Л. М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957, с. 82.

⁵⁶ Коллекция ЦГАОР. Экстренные известия РТА. Владивостокская авантюра. 19 ноября 1919 г.

⁵⁷ Последние дни колчаковщины, с. 68—69.

- ⁵⁸ Коллекция ЦГАОР. Журнал заседания Верхнеудинской городской думы. 9 декабря 1919 г.
- ⁵⁹ Последние дни колчаковщины, с. 126—127
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же, с. 129.
- ⁶² Там же, с. 129—130.
- ⁶³ Там же, с. 133—135.
- ⁶⁴ Коллекция ЦГАОР. Дневник П. В. Вологодского. Запись 25 ноября 1919 г.
- ⁶⁵ *Сахаров К.* Белая Сибирь, с. 188.
- ⁶⁶ Красный архив, 1928, т. 6(31), с. 65 и др.
- ⁶⁷ Последние дни колчаковщины, с. 137—139.
- ⁶⁸ Там же, с. 85.
- ⁶⁹ *Сахаров К.* Белая Сибирь, с. 193.
- ⁷⁰ Борьба за Урал и Сибирь. М.—Л., 1926, с. 349—350 (телеграмма К. Сахарова Колчаку).
- ⁷¹ Коллекция ЦГАОР. Собственноручный текст В. Пепеляева. См. также: Последние дни колчаковщины, с. 147—148.
- ⁷² Последние дни колчаковщины, с. 146—147.
- ⁷³ *Серебренников И. И.* Великий отход. Харбин, 1936; Новая русская жизнь (Гельсингфорс), 26 ноября 1920 г. (статья «Как предали Колчака»).
- ⁷⁴ Последние дни колчаковщины, с. 148.
- ⁷⁵ Коллекция ЦГАОР. Письмо Щербачева Деникину из Парижа, 9 декабря 1919 г.
- ⁷⁶ Последние дни колчаковщины, с. 149.
- ⁷⁷ Коллекция ЦГАОР. Бумаги министра внутренних дел В. Н. Пепеляева.
- ⁷⁸ Последние дни колчаковщины, с. 148.
- ⁷⁹ Коллекция ЦГАОР. Постановление Совета министров.
- ⁸⁰ *Арнольдов Л. В.* Жизнь и революция. Шанхай, 1935, с. 271.
- ⁸¹ Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи. М.—Л., 1926, с. 351—352.
- ⁸² Стенографический отчет переговоров о сдаче власти Омским правительством Политцентру. Харбин, 1921, с. 32.
- ⁸³ Последние дни колчаковщины, с. 162—163.
- ⁸⁴ *Устрялов Н. В.* В борьбе за Россню. Сб. статей. Харбин, 1920, с. 22.
- ⁸⁵ *Занкевич М. И.* Обстоятельства, сопровождавшие выдачу адм. Колчака революционному правительству в Иркутске.— Белое дело, т. 2. Берлин, 1927, с. 151—153.
- ⁸⁶ *Бурсак И. Н.* Конец белого адмирала.— В кн.: Разгром Колчака. Воспоминания. М., 1969, с. 272. См. также: *Гудошников М. А.* Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959, с. 120—122.

⁸⁷ *Занкевич М. И.* Указ. соч., с. 156.

⁸⁸ Коллекция ЦГАОР. Обращение «От Политического центра»

⁸⁹ См. Военно-исторический журнал, 1964, № 4, с. 126—127.

⁹⁰ *Смирнов И.* Конец борьбы. Примирение с чехословаками.— Борьба за Урал и Сибирь, с. 310. См. также: *Бурсак И. Н.* Конец белого адмирала.— В кн.: Разгром Колчака. Воспоминания. М., 1969, с. 273.

⁹¹ *Сахаров К.* Белая Сибирь, с. 262—263.

⁹² *Ширямов А.* Иркутское восстание и расстрел Колчака.— Борьба за Урал и Сибирь. Под ред. И. Н. Смирнова и др. М.—Л., 1926, с. 294, 299, 301.

⁹³ Допрос Колчака, Л., 1925, с. 15.

⁹⁴ Коллекция ЦГАОР.

⁹⁵ Борьба за Урал и Сибирь, с. 302—303.

⁹⁶ Последние дни адмирала Колчака.— Общее дело (Париж), 6 апреля 1921 г. (перепечатка из харбинской газеты «Русский голос»).

⁹⁷ Коллекция ЦГАОР; см. также: *Чудновский С.* Конец Колчака.— Годы огневые, годы боевые. Сб. воспоминаний. Иркутск, 1961, с. 209—210.

⁹⁸ Колчаковщина. Екатеринбург, 1924, с. 146—161.

Эпилог (с. 262—269)

¹ Цит. по: *Устрялов Н.* В борьбе за Россию. Сб. статей. Харбин, 1920, с. 3.

² *Тумаркин Д.* Контрреволюция в Сибири.— Сибирские огни, 1922, № 1, с. 92.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 137.

⁴ Подробнее см.: *Палин Л. М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957.

⁵ См. *Шерешевский Ю. М.* Разгром семеновщины. Новосибирск, 1966.

⁶ См. *Голиков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья, кн. 2. М., 1980, с. 146—149.

⁷ Чекисты Казахстана. Алма-Ата, 1971, с. 260—306.

⁸ *Серебрянников И. И.* Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий. Харбин, 1936.

⁹ Подробнее см.: *Ярославский Ем.* Барон Роман Унгерн фон Штернберг. Пг., 1922.

¹⁰ См. *Молоков И. Я.* Разгром Бакича. Омск, 1969.

¹¹ Красный архив, 1937, т. 3(82), с. 119—135.

¹² *Комин В. В.* Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин, 1979, с. 40—54; *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1982, с. 132—144.

¹³ Подробнее см.: Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977, с. 99—135.

¹⁴ Устрялов Н. В борьбе за Россию, с. 5.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 53.

¹⁶ См. Киржниц А. У порога Китая. М., 1924; Полевой Е. По ту сторону китайской границы. М.—Л., 1930.

¹⁷ Stephen J. The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile. 1925—1945. London, 1978, p. 157.

¹⁸ Ibid., p. 191.

¹⁹ См. Ильина Н. Возвращение, т. 1—2. М., 1958, 1966.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

3

Глава 1

«МЫ ВЫЗВАЛИ ЕГО К ЖИЗНИ...»

10

Глава 2

АРХИТЕКТОРЫ «БЕЛОГО ДЕЛА»

39

Глава 3

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ПОД ЗНАМЕНЕМ «ДЕМОКРАТИИ»

56

Глава 4

УФИМСКАЯ КЕРЕНЩИНА

76

Глава 5

«ПАРТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА»

104

Глава 6

«ПЕРЕВОРОТНАЯ КОМАНДА»

122

Глава 7

КОНЕЦ УЧРЕДИЛОВЩИНЫ

147

Глава 8

КОЛЧАКОВСКИЙ БОНАПАРТИЗМ

172

Глава 9

КРУШЕНИЕ

216

Эпилог

262

Источники и литература

270

Иоффе Г. З.

И 75 Колчаковская авантюра и ее крах.— М.: Мысль, 1983.— 294 с.

В пер.: 1 р. 40 к.

Автор, широко используя сохранившиеся в архивах документы и мемуары, показывает историю и разгром одного из главных отрядов российской контрреволюции — колчаковщины. Книга насыщена новым материалом о гражданской войне. В ней раскрывается механизм антисоветизма: начав борьбу под лозунгом «чистой демократии», он исторически неизбежно скатился к установлению кровавой диктатуры.

Книга предназначена для историков, преподавателей общественных наук, пропагандистов, а также всех, кто интересуется историей нашей Родины.

И 0505030102-168 58-83
004(01)-83

ББК 63.3(2)712-4
9(С)22

ИБ № 2182

Генрих Зиновьевич Иоффе

КОЛЧАКОВСКАЯ АВАНТЮРА и ее КРАХ

Заведующий редакцией **В. С. Антонов**
Редактор **Л. Д. Петров**
Младший редактор **Т. В. Мальчикова**
Оформление художника **Ф. Г. Миллера**
Художественный редактор **Н. А. Дутов**
Технический редактор **Ж. М. Голубева**
Корректоры **Б. Г. Прилипо, С. С. Новицкая**

Сдано в набор 17.05.83. Подписано в печать 25.10.83. А 11004. Формат 84×108³/₃₂. Бумага типogr. № 1. Литерат. гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 15,54. Учетно-издательских листов 17,14. Усл. кр.-отт. 15,54. Тираж 50 000 экз. Заказ № 937. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Книги издательства «Мысль» продаются в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

Подробную информацию о литературе, готовящейся к выходу в свет, и о порядке ее распространения Вы можете получить из ежегодных аннотированных планов издательства «Мысль».

Г.З.ИОФФЕ КОЛЧАКОВСКАЯ АВАНТЮРА И ЕЕ КРАХ